

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра истории средних веков
Научная группа «Власть и общество»

**КОНЦЕПТ-ЯВЛЕНИЕ
«СОБСТВЕННОСТЬ»
в общественной структуре
западноевропейского
Средневековья**

**Под редакцией
*Н. А. Хачатурян***

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

УДК 94(4)"04/14"
ББК 63.3(4)4-2
К 652

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
от 29.06.2019 г. (протокол № 5)*

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор *Н. А. Хачатурян*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *М. В. Винокурова*
доктор исторических наук, профессор *С. Е. Федоров*
доктор исторических наук *С. К. Цатурова*

Ответственный секретарь издания:

О. В. Савельер

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *О. В. Дмитриева*
доктор исторических наук, профессор *Р. М. Шукуров*

К 652 Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / отв. ред. Н. А. Хачатурян. – СПб.: Алетейя, 2020. – 398 с. – (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 162. Сер. II: Исторические исследования, 101).

ISBN 978-5-00165-132-1

Новое издание научных материалов, посвященных явлению собственности в средневековом западноевропейском социуме, подтверждает факт глубокого обновления отечественной медиевистики в условиях оформления новой философии истории в XX столетии. Преодоление схематизма и бинарности в исследовательском поиске не только стимулировало интерес к проблемам духовной жизни, но и способствовало возрождению традиционного в отечественной науке социально-экономического направления. Предпринятый анализ соединил теоретическую рефлексию с попыткой углубления философского осмысления темы и конкретной разработкой поставленных проблем. Шесть разделов монографии отразили явление собственности в ее социально-экономических, правовых параметрах, а также на уровне ее восприятия интеллектуальным и обыденным сознанием, – что заметно обогатило общее видение средневековой общественной структуры.

*На обложке: Июнь. Великолепный часослов герцога Беррийского.
Рук. 65. Ф. 6v (ок. 1412–1416) (фрагмент). Музей Конде*

ISBN 978-5-00165-132-1

9 785001 651321

УДК 94(4)"04/14"
ББК 63.3(4)4-2

© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

ВВЕДЕНИЕ

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ В КОМПЛЕКСНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА

Публикация новых материалов, посвященная проблеме собственности в контексте общественной структуры, которая обрела условную номинацию «Средневековье» на шкале исторического времени¹, отчетливо демонстрирует не угасший интерес отечественных медиевистов к исследованию проблем социально-экономической истории и желание вернуть им статус специального направления, которое уже с середины XIX в. составляло отличительную особенность нашей национальной школы медиевистов. Резкая смена научных ориентиров в пользу проблем духовной истории стала результатом оформления новой философии истории, которое прошло под знаком радикальной переоценки роли фактора сознания в историческом процессе и природы его соотношения с материей. Параметры новой философии и исследовательских методик, в контексте которых во второй половине XX столетия шел процесс обновления исторического знания в отечественной науке, радикально изменили видение и эпистемологию средневековой духовной жизни. Они же, обеспечив наиболее убедительные условия для преодоления схематизма и бинарности в исследовательском поиске, объясняют возрождение интереса и новые подходы к социально-экономической истории².

¹ Собственность в средневековой Западной Европе (земля-власть-право) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. № 62 [Электронный ресурс.] Доступ для зарегистрированных пользователей URL: <https://history.jes.su/s207987840002064-9-1> (дата обращения: 26.06.2019).

² Последняя конференция в отечественной медиевистике доперестроечного периода по проблеме земельной собственности имела место в 1979 г. См.: Проблема развития феодальной собственности на землю / Отв. ред. А. М. Сахаров. М., 1979. Доклад А. Р. Корсунского в материалах конференции был посвящен иерархической структуре земельной собственности.

Материалы, которыми располагал Оргкомитет научной группы «Власть и общество», радикально обновленные по сравнению с результатами научной конференции в феврале 2019 г. в МГУ, задумавший издание, были структурированы в шесть разделов коллективной монографии на тему «Концепт-явление “собственность” в жизни средневековой Западной Европы».

В разделе теоретических рефлексий М. А. Юсим предложил вниманию читателей статью «Собственность: время, пространство, ценности (некоторые аспекты исторической проблематики)», которая отражает специфику научного анализа автора, оценившего явление «собственности» в контексте социологического и антропологического подходов к теме. Подобные параметры исследования предопределили анализ в контексте абстрактного всемирного Времени, обращения к человеку вне конкретной общественной структуры, но в качестве актора исторического процесса. Это позволило автору статьи подчеркнуть неразрывную связь явления собственности с физической и социальной природой человека – оценить собственность как условие его идентичности, условие влияния на экономический, социальный и юридический статус, его отношение к явлению власти или, возможно, отношения с самой властью.

Теоретическая статья Н. А. Хачатурян на тему «Проблема “материального соблазна” в историческом знании конца XIX – начала XXI столетий» написана в ключе историографии вопроса с попыткой объяснить причины критического неприятия оценки роли экономического фактора в общественном развитии в лимитах позитивизма и марксизма, в частности, в статусе последнего в качестве «официальной методологии» в отечественной науке, – оценить актив изменений в решении этого вопроса в параметрах новой философии XX в. и высказать собственные предложения о возможностях продолжения подобного поиска. Результаты авторского анализа главной формы собственности – в доиндустриальном обществе – земельной в контексте ее особенности, а именно так называемой «разделенной собственности», позволили автору утверждать о еще не исчерпанном лимите возможностей философской эпистемы XX столетия для конкретизации и обновления проблемы – в частности, необходимость ее рассмотрения в условиях ее реализации в комплексной структуре исторического процесса. Подобный аспект лишает явление собственности исключительности,

обнаруживая его зависимость – в разных формах и степени – от качественной определенности других сторон общественной структуры.

В экспериментальном пространстве научного материала монографии, который наполняет жизнью картину реализации исторического процесса с большим успехом, нежели социологические построения с присущей им исходной опасностью «поглощения реальности», обращает на себя внимание традиционный интерес к факту множественной средневековой формы, так называемой «разделенной собственности», – будь то в отношениях между земельным собственником и зависимым держателем земли, владеющим орудиями труда, – в среде самих земельных собственников, или в условиях реализации собственности ремесленника в городе. Раздел II представлен статьями, посвященными интересной и важной проблеме – «одаля» в контексте эволюции раннесредневековой государственности в бессинтезном варианте генезиса феодализма (Агишев С. Ю.), формам натуральных и денежных повинностей в VI–IX вв. в Западной Европе (Земляков М. В.) и судьбам ленной системы в Ливонии в раннее Новое время (Вебер Д. И.).

Статьи монографии, посвященные собственности и земельным держаниям в городе убедительно продемонстрировали преемственность интереса отечественной урбанистики к проблемам его социальной и экономической истории. Именно их разработка уже в первой половине XX столетия положила начало этому научному направлению, представители которого в лимитах своего времени открыли особый мир города, который в процессе всемирной истории, именно на этапе Средневековья, предстал в качестве неизвестного ранее массового комплексного явления на этапе разделения общественного производства на две самостоятельные сферы. Это обстоятельство открыло перспективу для развития мелкого производства в условиях собственности ремесленника на орудия труда. Событие лишило земельную собственность монопольного права на исключительность в системе общественного производства, обозначив вектор на преодоление доиндустриального периода в истории человеческой цивилизации благодаря возможностям в факте права собственности ремесленника на орудия.

Научную значимость статьи Е. Н. Кирилловой, анализирующей, по ее определению, «условный» (привычный в литературе термин «корпоративный»)¹ характер собственности, ограничивающий право

¹ Привычный принятый в литературе термин «корпоративный характер собственности» точнее подчеркивает своеобразие «разделенной собственности» в городе, а

на труд (своеобразное воплощение формы «разделенной собственности»), отражал медленный процесс изживания натуральной *природы* средневековой экономики, диктовавший исключительную значимость и необходимость обеспечения условий «выживания» ремесла и, следовательно, более или менее жесткого контроля за производством¹. Хотелось бы подчеркнуть значимость явления «корпоративизма» в городе в контексте социально-политической самоорганизации неприлегированной части средневекового общества, получившей к тому же в Западной Европе исключительную форму институциональной и правовой оформленности, общественных сил социума в целом².

Покупки городской земли, домовладений и мест проживания в городе, а также земельной собственности вне городских стен убедительно объясняются авторами статей данного раздела потребностями жизни, поиском дополнительных доходов, желанием увеличения престижа или соблазном преимуществ жизни на природе: рисуемая картина не создает ощущения явлений «исхода» городского населения в аграрную сферу жизни, как это могло иметь место в кризисные годы раннего Нового времени (статьи Т. П. Гусаровой, Н. Г. Срединской, И. А. Красновой, Л. Н. Черновой).

Раздел монографии со статьями, посвященными проблемам права, в частности права в сфере аграрного мира, оставляют впечатление очевидного прорыва научных поисков отечественных историков в сфере юридических категорий, номинирующих формы земельных владений и держаний. Опыт этих статей демонстрирует эпистемологические преимущества конкретики исторического исследования правовой истории, которые позволяют ощутить контекст практического опыта в сухих формулах права – в частности, уловить субъектные импульсы в оформлении правовых норм этого опыта.

Особенности в специфике и масштабности изучения правового сознания в обществе и актива в освоении правовой теории средневековых

именно факт *контроля* и лимитов корпорации на условия ремесленного труда, а не «зависимость» в праве собственности ремесленника *на орудия* труда.

¹ Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 31–45.

² См. статью Н. А. Хачатурян «Проблема “материального соблазна” в историческом знании конца XIX – начала XXI столетий (лимиты и достижения)» в настоящей монографии.

и античных юристов в контексте ее применения к действительности (собственность – лен – сейзина – держания) – красноречиво демонстрируют статьи М. В. Винокуровой, А. А. Паламарчук, С. К. Цатуровой).

Статья И. И. Варьяш в этом разделе представляет интерес живым конкретным казусом в жизни мусульманских подданных в христианском обществе Пиренейского полуострова. Казус связан с нарушением обвиняемой стороной договоренности о времени пользования в качестве аренды кузнечной мастерской. Практика разрешения конфликта (выплата долга), – манера расследования конфликта (учет мнения мусульманского судьи), – оставляют впечатление позитивного решения вопроса о возможности сосуществования народов разного вероисповедания в рамках одного государства.

Раздел работы с материалом налоговой и финансовой политики в эволюции средневековой государственности рисует чрезвычайно сложную картину переплетения старых и новых форм в финансовой системе средневековых государств на этапе изживания патримониальных форм власти в условиях формирования государств *Etat moderne*, несущих на себе ярко выраженную печать публично-правовой государственности. Знаками процесса стали: практика использования центральной властью статуса «верховного сеньора земли», а также регальных прав короны; право продажи государственных должностей и обретения права наследственного имущества; специальный налоговый сбор с этой практики – очевидные показатели чрезвычайно трудного и медленного процесса изживания социумом чисто средневековых форм жизни (убедительно мотивированные, соединившие факты и рефлексию, статьи Н. И. Алтуховой, С. Е. Федорова и А. А. Паламарчук).

Раздел VI монографии содержит интересный материал, отразивший полифонию средневекового сознания и духовной культуры западноевропейского социума. Уровень интеллектуальной культуры представлен статьями, которые обеспечивают возможность сравнительной характеристики взглядов античных философов, представителей средневековой схоластики и ренессансной культуры в оценке ими проблем общего восприятия явления собственности и его индивидуальных форм. Любопытно, что не всегда бескомпромиссная теологическая мысль, в данном случае в соответствии со своим видением земного мира, возникновение индивидуальной собственности объясняет грехопадением человечества (статьи О. Ф. Кудрявцева, Т. Д. Стецюры).

Самый факт наличия в разделе статьи С. Е. Федорова, посвященной анализу средневекового сознания в его наиболее сложной форме религиозного сознания «безмолвствующего большинства» на ментальном уровне восприятия им мира, служит убедительным показателем радикальных изменений в отечественной медиевистике и научной судьбе медиевистики в целом. Они были связаны с оформлением новой философии истории в XX в., с переоценкой ею фактора сознания в историческом процессе и эпистемологии и преодолением почти традиционной альтернативы в восприятии соотношения материи и духа. Процесс обновления исторического знания в отечественной медиевистике в научном кризисе 1970-х гг. в свою очередь отменил бинарное решение эпистемологической проблемы в контексте иерархической структуры «базиса и надстройки» в эпоху, когда упрощенный вариант марксизма в нашей стране воспринимался в качестве «официальной методологии». Эта ситуация не могла не отразиться на научной судьбе духовной истории, в частности купировав линию на изучение религиозных форм средневековой культуры, ранее широко представленной в трудах отечественного культурологического направления – А. Е. Кудрявцева, В. И. Герье, И. М. Гревса, Л. П. Карсавина, О. А. Добиаш-Рожественской, П. М. Бицилли (вторая половина XIX в. и первые десятилетия XX столетия). Научно значимыми считались работы, посвященные светским формам культуры, оппозиционным религиозному сознанию (например, культуре Возрождения). Лекционный курс по истории средневековой культуры в относительной полноте ее политических и светских форм академика С. Д. Сказкина, впервые читаемый им на историческом факультете МГУ на кафедре истории средних веков, как и материалы задуманной им монографии, посвященной сокровенной для него задаче изучения «средневекового мирозерцания» (работа, в которой автор использовал труды западноевропейской философской мысли конца XIX в. и XX в. с исключительным вниманием к проблемам субъективного идеализма), должны были ждать посмертного издания научного наследия ученого, к сожалению, в весьма неполном виде¹.

¹ Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в Средние века // Материалы научного наследия. М., 1981; Обзор спецкурса С. Д. Сказкина «История средневековой культуры» (Н. А. Хачатурян). С. 264–289; Введение к книге «Основы средневекового мирозерцания». С. 98–127.

Его ученица – Н. А. Сидорова в 1953 г. опубликует материал своей докторской диссертации, посвященной схоластике и творчеству богослова П. Абеляра¹. Его протест против официальной церкви и защита рационализма в схоластике (с радикальным принципом «понимаю, чтобы верить», – а не наоборот) оказались недостаточным основанием для признания научной значимости темы, потребовав от автора «защитных» цитат из работ классиков марксизма, которые нарушили оправданную норму апелляции к «авторитетам», создав несправедливую возможность обесценения важных для того времени результатов конкретного анализа богословских взглядов Абеляра, проблемную значимость первого исследования в медиевистике, посвященного истории городской культуры в средневековом западноевропейском социуме. Очевидный интерес в монографии к *личностям* Абеляра и Элоизы, отразивший новые импульсы в изучении исторического процесса, а также отрефлексированная автором постановка вопроса о необходимости изучения *народной культуры* объяснялись в творчестве Н. А. Сидоровой импульсами, идущими от нового этапа исторического сознания и исторического знания – в частности, информации, идущей от творческого направления Анналов, в изучении духовной истории.

Новую страницу в вопросах средневековой культуры в отечественной медиевистике мотивировали и открыли труды А. Я. Гуревича, попытавшегося «услышать» голос «немолвующего большинства» и поднять пласт ментального сознания в анализе².

В научном активе второй половины XX столетия отечественная медиевистика заметно углубила сущностное содержание понятия «народная культура» в ее системном и конкретном воплощении. В последнем случае труды отечественных медиевистов заметно расширили содержательные формы народного сознания, не только на уровне быта и нравов, но и социального сознания (труды Е. В. Гутновой, А. А. Сванидзе).

¹ Сидорова Н. А. Очерки истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953.

² Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; *Он же*. Средневековый мир: культура безмолвующего большинства. М., 1990; Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в Западной Европе (XI–XV вв.). М., 1984; Гуревич А. Я. Феодализм перед лицом источников, или О средневековой крестьянской цивилизации. Материалы круглого стола. М., 2008; Сванидзе А. А. Викинги. Люди и саги: жизнь и нравы. М., 2014.

В системном видении средневековой культуры, образцы которого содержит творчество А. Я. Гуревича, особый интерес представляет сформулированная им концепция «крестьянской цивилизации» в ее самоидентификации самими акторами явления, которое, по словам автора, не мог «перекрыть» социокультурный мир феодальной элиты¹.

Контекст «крестьянской цивилизации» подчеркивает не только сложность, но и значимость анализа проблем ментального уровня сознания, которому посвящена статья С. Е. Федорова – по показателям двух источников из истории Ирландии и Уэльса – регионов бессинтезного замедленного развития феодализма, сохранивших выразительные черты архаизмов в социальной и духовной жизни социума, включая неразработанность форм ирландского и валлийского языков.

Источники отражают процесс формирования правового сознания в процедурах рассмотрения земельных конфликтов, – в Ирландии (процедура *tellach*) и Уэльсе (процедура *dadannudd*). В разных формах и степени выразительности, наивные с точки зрения современного человека, но наполненные целевым содержанием, процедуры покоряют глубокой эмоциональной окрашенностью своих чувств: привязанности к земле, родственникам и «братьям меньшим» – их помощникам в работах на земле и военных сражениях.

В ирландском варианте с более архаизированными формами жизни первый этап рассмотрения конфликта по установлению права собственности начинается с трехдневной процедуры, когда владелец спорной территории демонстрирует свое право ее трехкратным, в течение трех дней, посещением, в сопровождении в первый день двух лошадей (затем их число каждый раз удваивалось), а также свидетелей, с пресечением границ участка, обозначенных межевыми линиями, которые являлись захоронениями *родственников*. По окончании ритуала процедура расследования перетекала в судебное заседание с рассмо-

¹ Гуревич А. Я. К дискуссии о докапиталистических формациях: формации и уклад // Вопросы философии. 1968. № 2; Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. 1.

Оценка А. И. Неусыхиным дофеодального периода как особого общественного уклада в известной мере перекликается с позицией «Крестьянской цивилизации» у А. Я. Гуревича, если иметь в виду исходное стремление авторов подчеркнуть историческую значимость актора процесса, – будь то в условиях свободы или социальной зависимости оставшегося собственником орудий труда и создавшего свой жизненный уклад и нормы духовной жизни.

трением условий дела уже с учетом символических и технических (абстрактных) форм решения спорного вопроса. В варианте валлийского казуса процесс с бóльшей очевидностью демонстрировал вектор на деритуализацию правового сознания, выразительно лимитируя символизм последнего.

Неизбежность процесса формализации судебного права и процедуры в процессе формирования и развития сознания подтверждает материал статьи, посвященной правовому сознанию и судебной практике по вопросу о движимом имуществе в среде салических франков, история которых развернулась в благоприятных условиях взаимодействия германских и римских элементов, благодаря чему этот социум уже в VI в. стоял на пороге новой формы собственности, характеризуемой отношениями социального неравенства и зависимости (Е. Ю. КапрANOва).

Научные разработки духовной истории, пережившие радикальное обновление в эпистемологии XX в. в совокупных усилиях европейского исторического знания добавили убедительность модели средневековой общественной структуры в оценке ее четвертого параметра.

Н. А. Хачатурян (Москва, МГУ)

РАЗДЕЛ I

ЯВЛЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ В ПАРАМЕТРАХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ И ИСТОРИОПИСАНИЯ

СОБСТВЕННОСТЬ: ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ЦЕННОСТИ (Некоторые аспекты исторической проблематики)

Аннотация

Понятие собственности является базовым для ряда наук о человеке: экономики, права, но для истории представляется наиболее существенным философско-антропологический подход, предполагающий рассмотрение психологических, духовных и межличностных аспектов. Собственность как отношение владения или обладания соотносится с идеей свободы и ее ограничений. Проявления возможности располагать объектами собственности реализуются во времени и пространстве: пространственные возможности обладания шире, время же необратимо, поэтому собственность как предметное отношение ассоциируется скорее с пространством. Распоряжение временем относится к власти, так как власть реализуется в принятии решений, в определении наступающего будущего.

Исторически собственность выступает как основа идентичности (право на себя и на свое); все общества сталкивались с задачей защиты, с одной стороны, и ограничения собственности – с другой. В Новое время сложилось понимание сакральности собственности как залога демократии, история рассматривается как развитие от рабства к свободе. Однако естественные ограничения отношения собственности, прежде всего во времени, делают ее феномен довольно зыбким, неустойчивым. Материальная собственность редко сохраняется в пределах одной семьи на протяжении поколений. В Средние века в качестве защиты собственности превалировала идея древности как обоснование права на землю. В эту эпоху личные права на территорию не были отделены от политических прав на управление подданными, отсюда, например, сложность перевода такого термина, как лат. status, итал. stato – «владение», впоследствии «государство». Политическая принадлежность (подданство) является зеркальной социальной характеристикой собственности. Идея соб-

ственности на территорию распространяется и на историю народов и осуществляется через государственные притязания.

Противоречие между физической, естественной неустойчивостью собственности и необходимостью закрепления прав порождало наделение собственности сакральным статусом. В архаических обществах посягательство на собственность рода каралось смертью, верховными собственниками и правителями являлись боги и духи. Отрицание собственности в христианстве выразило ее преходящий характер; им обусловлено также противоречие между частной собственностью индивида или семьи и коллективной собственностью народа, общества, государства. Собственность даже в ее невещественных формах («интеллектуальная») привязана к материальной стороне жизни, отсюда элементы ее отрицания в различных религиозных и коммунистических учениях. Но механизмы перераспределения собственности необходимы в любом обществе.

Ключевые слова: собственность, время, пространство, государство, границы, принадлежность.

Property: time, space, values (Some aspects of historical problematics)

Summary

The concept of property is basic for several sciences on man: economy, law, but for the history the most substantial seems the philosophic and antropological approach taking into consideration mental, spiritual and interpersonal aspects. Property as a relation of ownership or possession is associated to the idea of freedom and its limitations. The possibility to dispose of objects of property are being realized in time and space; spatial potentialities are larger, the time is but irreversible, therefore property as physical relation is associated rather with the space. The disposal of time belongs to power, because the power is being put into effect in taking decisions, in determining the coming future. Historically property is the basis of identity (the right on oneself and on one's own; all societies were confronted with the task to protect, on one hand, and to limit, on the other hand, the property. In the Modern time developed the comprehension of sacrality of property as the pledge of democracy, the history is considered as an evolution from slavery to freedom. But natural boundaries of property, before all in the time, make its phenomenon quite unstable and changeable. Material property is rarely maintained within one family during several generations. In the Middle Ages the idea of antiquity as substantiation of ownership of land served for the protection of property. In that period personal rights to own a territory were not separated from political rights to rule subjects, from this, for example, the difficulty to translate such term as Latin «status», Italian «stato», i.e. possession, later «the state». Political

belonging (citizenship) is the specular social characteristics of the property. The idea of property on a territory extends also to the history of peoples and is realized through statal pretensions. The contradiction between physical, natural instability and the necessity of fixing the rights generated the attribution to the property of sacral status. In archaic societies the offence to the property of clan was punished with the death, superior owners were gods and spirits. The denial of property in Christianity expressed its transitory character, it determined also the contradiction between private property of an individe or family and collective property of people, society, state. The property even in its immaterial forms («intellectual property») is bound with material side of life, from here are elements of its negation in different religious and communist doctrines. But mechanisms of property redistribution are necessary for every society.

Key words: property, time, space, state, borders, affiliation.

Общий подход. Я предлагаю подойти к феномену собственности, исходя из его общеполитического, можно сказать натурфилософского, или в более современной словесной оболочке – философско-антропологического понимания. Традиционные для современной исторической науки правовые и экономические исследования концепта собственности должны, на мой взгляд, опираться на такой более общий подход и обращаться также к его политическим, социальным, языковым и другим аспектам. Обоснованность этого философско-антропологического подхода вытекает не из того, что дух творит историю, или что все ее процессы протекают только в головах; правильнее сказать, что *все материальные процессы в истории находят свое отражение или осуществляются через умственные процессы в головах деятелей, хотя не обязательно по их собственной или чьей-то воле.* Например, Макиавелли говорит: ««Разумеется, желание приобретать – вещь вполне обычная и естественная, и когда люди стремятся к этому в меру своих сил, их будут хвалить, а не осуждать, но когда они не могут и все же добиваются этого любой ценой, в этом ошибка, достойная порицания»¹. Тем самым он характеризует заложенное природой

¹ *Макиавелли Н.* Государь, гл. III. Цит. в переводе автора по изданию: *Machiavelli N.* Il Principe / A cura di L. Firpo. Firenze, Einaudi, 1972. (<http://www.intratext.com/IXT/ITA1109>). «È cosa veramente molto naturale et ordinaria desiderare di acquistare; e sempre, quando li uomini lo fanno che possano, saranno laudati, o non biasimati; ma, quando non possono, e vogliono farlo in ogni modo, qui è l'errore et il biasimo». Эта цитата любопытна тем, что здесь Макиавелли как бы опровергает теорию «цель оправдывает средства» – не следует приобретать любой ценой; но обоснование этого опровержения прежде всего рационалистическое: если силы несоизмеримы,

человеческое свойство, связанное с идеей собственности и порождающее одновременно самые разные последствия: экономические, правовые, политические и моральные. Силу инстинкта собственности можно проиллюстрировать еще одним суждением Макиавелли – о том, как государю избежать ненависти: «...для этого достаточно воздерживаться от посягательств на имущество своих подданных и сограждан и на их женщин, а если все же потребуется нанести кому-то кровную обиду, то делать это при наличии должного оправдания и очевидной причины. Но самое главное – нельзя покушаться на чужое добро, ибо люди скорее позабудут о смерти отца, чем об утрате наследства»¹.

1. Что такое собственность? Собственность как базовое понятие разных дисциплин

Попробуем подойти к определению собственности, исходя из того, что она является базовым понятием ряда наук – возможно, социальных наук в целом. Помимо специальных определений собственности, существует общее представление, связанное с естественным языком и обыденной жизнью и вытекающее из таких понятий, как *«особенное»*, лат. *proprium*, нем. *eigenes* – свойство, привязанное к индивиду, субъекту. С этой точки зрения собственность является **синонимом субъективности, распространяемой** на объект, это «Я», направленное вовне. *Собственность* – это *отношение, отношение между субъектом и объектом*, привязывающее второй к первому. Идея собственности связана также с другим базовым понятием – понятием «свободы», т. е. возможностью самоопределения, которой наделены все живые существа. Собственность – это ограничение свободы для объекта и воплощение свободы для субъекта. В понятии собственности выражено отношение *присвоения, отождествления чего-то с собой, как внешней части себя*². **Целенаправленное взаимодействие субъекта с предме-**

то приобретение – ошибка. Любопытно также, что речь в этой главе «Il principe» идет о приобретениях территорий, т. е. о государственной политике, к чему мы вернемся ниже.

¹ Там же, гл. XVII.

² В неживой природе вещи тождественны сами себе, их приобретения и утраты происходят за счет механических изменений, старения материи, утраты материальными вещами исходных форм (впрочем, возможно, в этой фразе есть некоторое упрощение). Живые организмы для поддержания своего существования должны

тами внешнего мира можно рассматривать как присвоение или отчуждение (использование, преобразование – их разновидности).

Соответственно, первичная природная собственность – это владение субъектом самим собой (как бы в качестве объекта) и распространение этого отношения на внешние предметы. Поскольку это именно **отношение связи**, оно не абсолютно (это шаг в сторону от полного «слияния») и **предполагает возможность «отчуждения», разрыва связи**, в том числе и между субъектом и им же как объектом (утрате собственности на себя). Обращаясь прежде всего к упомянутому в начале **политическому, ментальному/психологическому – духовному, отчасти межличностному, не столько вещному, сколько человеческому аспекту**, необходимо вести речь о собственности как **праве на себя и на другого**, т. е. разных видах зависимости субъекта от другого субъекта: **о рабстве** как о разной степени ограничения собственности на себя, о принадлежности, **о любви как своеобразном преломлении чувства собственности в межличностных и семейных отношениях**.

Собственность, таким образом – это **базовая категория, в частности, естественного права**. Категория преимущественно экономико-юридическая, но рождающаяся **из естественных отношений**. В обществе это отношения **родителей и детей**. Родители говорят: «у меня есть дети», и наоборот, *мамы мыслят себя как единое целое с ребенком, говорят «мы»* – это почти полное отождествление без явно выраженной иерархии. Хотя такая иерархия есть, несмотря на стремление средневековых и ренессансных теоретиков философии любви говорить о полном слиянии любящего и любимого (как бы в пределе стремления)¹. Сложнейший феномен любви, разумеется, не сводится к простым отношениям притязания и обладания; в ней есть элементы самопожертвования и альтруизма. В своем первоначальном смысле отношение собственности может сталкиваться с другими видами межче-

взаимодействовать со средой, получать пищу, двигаться, общаться с себе подобными. Поэтому в их жизни присутствуют целесообразность и способность оценки.

¹ «Всякий раз, когда два человека охвачены взаимным благоволением, они живут один в другом. Эти люди поочередно превращаются один в другого, и каждый отдает себя другому, получая его взамен... тут каждый обладает самим собой, и [вместе с тем] обладает другим. Тот обладает собой, но в этом. Этот же обладает собой, но в том. О удивительная сделка, при которой кто отдает самого себя ради другого – обладает другим и продолжает обладать собой!» *Фичино М.* Комментарий на «Пир» Платона / Пер. с лат. А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка // Эстетика Ренессанса. Антология. Т. 1. М., 1981. С. 159.

ловеческих отношений и противостоять им: как любви, так и соревнованию и сотрудничеству. Но отказ от собственности предполагает по меньшей мере наличие представления о собственности как о ценности.

Другое производное от идеи собственности – *понятие принадлежности*, которое, **помимо вещного отношения, выражает принцип идентичности и связь отдельного человека и коллективного (или воображаемого) индивида** – семьи, народа, конфессии, государства. Гражданин принадлежит родине, подданный государю, верующий Богу (в Боге все равны, но это *властное отношение*). Идея принадлежности выражает то же отношение присвоения и связи, но со стороны объекта, в то время как собственность или власть выражает это отношение со стороны субъекта.

2. Время и пространство

Если перейти теперь от самого общего определения собственности к ее воплощению в действительном мире, то прежде всего следует сказать, что **отношение собственности реализуется (или существует) во времени и пространстве**. Иначе говоря, **это связь субъекта с объектом на протяжении определенного времени, и связь субъекта с определенным пространством**, но связь особого рода.

Суть этой связи заключается в том, что **она выражает отношение владения или обладания**, откуда вытекает правомерность соотношения собственности с властью.

Прежде чем говорить о собственности и власти, нужно подчеркнуть еще два момента. Во-первых, *собственность – это феномен, основанный на наделении предметов ценностью*. Во-вторых, это феномен субъективный или виртуальный¹: *собственность существует в уме как право на владение (принадлежность) с символически очерченными границами*. Эту нематериальную сторону собственности выражает такое историческое изобретение человечества, как *деньги, высшее (символическое) выражение собственности*, которое может быть полностью лишено материальной составляющей. Бумажки не стоят ничего, но за них можно получить все.

Псевдоматериальная природа собственности порождает двойственность таких понятий, как **власть и свобода: это синонимы и**

¹ То есть умственный.

одновременно антонимы. Власть – это свобода во времени и пространстве, синоним свободы – от слова «мочь» (ср. лат. potestas), возможность чего-то. Собственность – скорее вещное выражение свободы в качестве устойчивого отношения. Различие в том, что образ времени динамичен, а фиксируемый в уме образ пространства статичен. **Власть как разновидность собственности или самостоятельный вид собственности заключается в обладании временем. Собственность же в своем основном значении не есть время, она есть место.** Она предполагает владение некоторым пространством, поскольку *по отношению к пространству человек обладает большей свободой, он может передвигаться в разные стороны.* Понятие пространства напрямую связано со свободой и с собственностью, в нем заложены как движение, так и неподвижность. (Мое право занимать место под солнцем – так и говорят, но это уже притязание.) Собственность олицетворяет неподвижность, фиксацию свойства, хотя эта неподвижность иллюзорна.

Временем субъект не может располагать по собственной воле, оно течет в одну сторону и независимо от нас; время – это капитал, который можно тратить по-разному, но он сгорает. Это образ времени как капитала в доверительном управлении, возникающий в эпоху перехода к всеобщему рынку¹. Полученный стартовый капитал

¹ Интересный пример находится в «Жизнеописании» известного гуманиста Джаноццо Манетти, написанном Веспасиано да Бистиччи. «[Манетти] имел обыкновение говорить, что в конце, в определенный момент, нам предстоит дать отчет за время, которым мы располагаем в этой жизни, исходя из слов Евангелия, где сказано: “ты не выйдешь оттуда (то есть из этой жизни), пока не отдашь до последнего кодранта (то есть не отчитаешься в малейшем грехе)” /Мат. 5:26/. И что всемогущий Господь поступает как хозяин торгового дома, который дает деньги кассиру и велит зачислить их в приход, а потом желает видеть, как он их истратил. Так всемогущий Господь желает знать о людях, когда они прощаются с этой жизнью, на что она была ими потрачена, до мгновения ока». (Usava dire, che del tempo che noi abbiamo in questa vita, ce ne converrà rendere ragione in fine, a uno momento, fondatosi in sul testo del Vangelo, che dice: non ti partirai di qui, cioè di questa vita, infino a tanto che tu non renda ragione d’ uno minimo quadrante, id est d’ uno minimo peccato; e che l’ onnipotente Iddio fa come uno maestro d’ uno trafico, che dando al cassiere danari, glieli fa mettere a entrata, di poi vuole vedere in quello che gli ha spesi. Così l’ onnipotente Iddio, il tempo ch’ egli ha dato agli uomini, vuole vedere, quando si partono di questa vita, in quello che l’ hanno ispeso, infino a uno sguardare d’ occhio.) Spicilegium Romanum: virorum illustrium CIII qui saeculo XV extiterunt vitae auctore coaevo Vespasiano Florentino (A cura di A. Mai). T. 1. Romae: Typis Collegii Urbani, 1839. P. 583.

можно истратить по-разному, можно на стяжание, можно на добрые дела.

Исторически понятие политической и экономической «свободы» связано с утверждением частной собственности. Либерализм связывает собственность с наличием свободных и самостоятельных граждан, **неприкосновенность собственности – залог демократии**. Эти идеи были выражены Г. Гегелем в «Философии права» (1820): *«Лицо имеет право вкладывать свою волю в каждую вещь, которая, благодаря этому, есть моя, получает мою волю как свою субстанциальную цель, – ведь в себе самой она не имеет такой цели, – как свое определение и свою душу; это – абсолютное право человека на присвоение всех вещей... Все вещи могут стать собственностью человека, так как он есть свободная воля и как таковой есть в себе и для себя, а противостоящее ему не обладает этим свойством»*¹. «В идее платоновского государства содержится несправедливость в отношении лица, лишение его права на частную собственность в качестве общего принципа. Представление о благочестивом или дружеском, а то даже насильственном братском союзе людей с общностью имущества и изгнанием принципа частной собственности может казаться весьма приемлемым умонастроению, которое не понимает природы свободы духа и права и не схватывает их в их определенных моментах»².

Тем не менее **исследование естественных ограничений собственности вообще и частной собственности** в отдельности по-прежнему актуально, как во времена Платона и Гегеля, а может быть, и более чем тогда.

3. Ограниченность собственности – в субъекте, пространстве, времени – применительно к государству

Итак, собственность – это связь субъекта с временем и пространством, тяготеющая к расширению и закреплению (т. е. в идеале к собственности на все и навсегда). Но существуют ограничения собственности в силу ее виртуальности, а также во времени и в пространстве. Ограничение собственности вытекает из природы в

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. В. Столпнера // Он же. Сочинения. М.; Л., 1934. Т. VII. С. 71.

² Там же. С. 73.

первую очередь времени, во вторую – пространства. Собственность – это отношение, – следовательно, оно предполагает наличие субъекта (и объекта или двух субъектов). Субъект имеет собственность на себя, т. е. располагает собой, но при этом его идентичность, которая обеспечивает этот объект собственности, – относительна. **Субъект, человек, не равен себе на протяжении жизни.** Ребенок и старик – совершенно разные люди. Это уже ограничение во времени – изменчивость объекта. Границы собственности в пространстве, если речь идет о недвижимости, вполне определены и зримы, их можно менять произвольно, отсюда возникает принцип сакральности границ для противопоставления этому произволу.

Возможность пользования вещами ограничивается их естественным износом, но есть и другие причины недолговечности собственности. Собственность есть нечто устойчивое, недвижимость передается в семьях от родителей к детям, но если проанализировать длительность такого владения, то окажется, что оно **редко простирается на несколько поколений.** Отчасти причина заключается в дроблении имущества между наследниками, которому исторически противостоят майорат и наследование по мужской линии. Продажи, конфискации, перетекание из многих рук в одни – причины перераспределения собственности.

Вечной и неприкасаемой собственности не может быть по природе. **Всегда есть верховный собственник, это боги и власти предрешающие.**

4. История как история развития форм собственности

«От рабства к свободе» – так говорили, начиная от Гегеля и Канта. *«Всемирная история есть прогресс в сознании свободы»¹. Обретение так называемой либеральной демократии, основанной на законе, правах человека и неприкосновенности частной собственности, рассма-*

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия истории* / Пер. А. М. Водена // *Он же. Сочинения.* М., 1935. Т. VIII. С. 19. Ср. у Канта: «...такое общество, в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением, т. е. совершенно справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода, ибо только посредством разрешения и исполнения этой задачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода» (*Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* // *Он же. Сочинения:* Пер. с нем. В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 12.

тривается как своего рода завершение истории¹ (т. е. достижение ее цели). В марксистской концепции обретение свободы также связывается с концом истории, но и с отказом от частной собственности – и это тоже было развитием традиции, опирающейся на религиозные и светские учения социалистического толка. В теории экономического материализма (марксизма) понятие собственности приобретает первостепенное значение, так как из *способов присвоения производимых продуктов он выводит все поступательное развитие общества и его внутреннего устройства. Одной из главных ипостасей истории, таким образом, оказывается история форм собственности.*

Средние века в марксистской (и не только) историографии представляются *антиподом рыночной демократии и одновременно временем ее зарождения.*

Важнейшей политико-экономической чертой Средних веков являлось господство *собственности на землю, которая порождает для собственника доходы без особых затрат* (как сдача имущества в аренду). Основные доходы получают не те, кто обрабатывает землю, а те, кто ею владеет. Пользование землей при этом ограничивалось *наличием верховных собственников, корпоративной собственности и соединением собственности и власти.* Отсюда вытекает необходимость исследования политических аспектов средневековой собственности, таких как собственность на отдельные территории, и аспекта корпоративной принадлежности.

Речь идет прежде всего о политической принадлежности, т. е. о принадлежности, выражающей отношение «управляемые – управляющие». В идее собственности (как и во всех проявлениях жизни) заложен принцип управления. Управление – это способность принимать решения, определять будущее на их основе, выбор целей (ориентиров движения) и путей к ним. В политике (публичном управлении) – это *право казнить и миловать, «вязать и разрешать»*, как у римского папы.

У высокоразвитых животных присутствует некое подобие собственности, которое приобретает важное культурно-историческое развитие у человека – *присвоение территорий для охоты* и обитания у хищников и у стадных животных, водопой как места общего пользования.

¹ Так воспринимается, в частности (хотя и с оговорками со стороны самого автора), идея Ф. Фукуямы. См.: *Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек* / Пер. с англ. М., 2007.

В человеческом обществе собственность передается через семейную принадлежность. В Средние века придавали значение древности и происхождению, **старина имела предпочтение перед новизной**. Средневековое общество было правовым, причем основания права возводились к **естественному и одновременно сверхприродному началу**. Права обосновывались древностью рода и давностью владения, это один из принципов обычного права, закрепленный затем и в писаном праве. Вместе с тем существовало и право законного завоевания.

Принцип связи земли и рода, а также власти и собственности на земле отразился в истории государственных территорий в средневековой Европе. Большие заселенные территории считались собственностью (феодами) отдельных лиц и семей, поэтому **их можно было продавать, закладывать, передавать по наследству, за них можно и нужно было воевать на основании тех или иных прав и их нарушений**. Но это была не частная, а семейная собственность. Во всяком случае, если это была разновидность частной собственности, то она распространялась и на территориальное управление. Отсюда и важность династической и матримониальной политики¹ в то время, **противоречивость правовых принципов наследования – к брату или сыну, по мужской или женской линии. Идея вотчины**, т. е.

¹ В качестве колоритной иллюстрации приведу отрывок из описания конфликта по поводу графства Тироль в 1341–1342 гг. у продолжателя итальянской семейной исторической «Хроники» Филиппо Виллани. Графиня Тирольская Маргарита изгнала своего законного мужа Иоганна Генриха Люксембургского, брата будущего императора Карла IV, и вышла замуж за сына тогдашнего императора Людвига V Баварского без расторжения церковного брака и без одобрения папы, что повлекло за собой многолетние распри. Вот как Филиппо Виллани описывает разговор императора с сыном, тоже Людовиком, по поводу проекта этого брака: «[сын] с ужасом отказывался и говорил отцу, что у нее [Маргариты – у Виллани имя не названо], как известно всей Германии, уже есть муж и что согласно указам святой Церкви у нее не может быть второго. Отец выбрал его и обозвал разбойником, говоря, что графство Тироль – слишком лакомый кусок, чтобы от него отказываться. Тот из уважения к своему отцу Людовику взял ее в жены под предлогом, что первый муж был неспособен иметь детей». Конечно, эти подробности на совести флорентийского хрониста, так как упомянутый проект светского развода был хорошо обоснован с теоретической и правовой точки зрения при участии Вильгельма Оккама и Марсилиа Падуанского. Виллани здесь, как его отец и дядя, выступает в качестве убежденного гвельфа. Он рассказывает, что потом «нечестивая и жестокая» Маргарита отравила второго мужа и собственного сына от него и плачевно окончила свою «дьявольскую жизнь». См.: *Villani F. Cronica // Villani M. Cronica*. T. V. Firenze, 1826. P. 250–251.

владения землей и даже *проживающими на ней людьми* на основании наследственных прав сочеталась с дроблением и иерархией власти, с самостоятельностью политических субъектов, т. е. элементами демократии.

Независимость и суверенитет (средневековый термин) обозначались в тогдашней терминологии как «сеньория» или в итальянском варианте «синьория». Это понятие применялось и к коллективным (республиканским) институтам¹. Латинский термин *dominium* соответствует итальянскому «синьория» как русский «господство», соответственно *dominus* или *senior* термину *signore* или русскому «господин». Возможно, *dominus* происходит от *domus*², т. е. дом, в то время как «синьор» означает «старший». Русское «господин», по некоторым версиям, происходит от слов «хозяин» и «могущественный», как и слова «господарь», «государь», «государство»³. Слово *dominium* имеет определенные имущественные коннотации (ср.: *dominium directum* и *dominium utile*), в отличие от *imperium*, которое стало в Средние века означать политическую власть и прежде всего историческую Империю.

Слово status, от которого происходят термины «государство» в современных языках *stato, staat, state, état*, приобрело в них такое однозначное понимание довольно поздно, не ранее XVI в.⁴ До этого оно не было четко отделено от понятия «**владение**», и последнее значение было скорее преобладающим. Об этом говорит *трудность перевода, например, в «Истории Италии» Ф. Гвиччардини, где многочисленное употребление этого слова к территориальным политическим образованиям обычно предполагает наличие у них владельца*. Дело не только

¹ У Дино Компаньи: *che 'l Comune rimanga signore* («чтобы власть оставалась у Коммуны» – буквально, «чтобы Коммуна оставалась синьором»). См.: *Компаньи Д. Хроника событий, случившихся в его время*. М., 2015. С. 143. (*Compagni D. Cronaca delle cose occorrenti ne' tempi suoi*, II, 18.)

² См.: *Vocabolario Etimologico di Pianigiani* (Dizionario etimologico online; <http://www.etimo.it>), «domino».

³ *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева*. Т. 1–4. М., 1986–1987.

⁴ О распространенности значения *status* как государство к началу Нового времени см. тем не менее: *Понятие государства в четырех языках*. Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб., 2002; *Медведев И. П. Идея общественного договора в эпоху Ренессанса и ее античные корни* (в связи с книгой П. Брюнеля) // *Античное наследие в культуре Возрождения*. М., 1984. С. 138–139.

в слове, но и в том, что идея государства, уже выработанная в древности – *res publica*, в Средние века была заслонена **идеей владения** (близкое к «власти», но не совпадающее).

Проблема стабильности собственности применительно к политике выливается в вопрос о границах на землю и на территорию, который связан с вопросом о правах. Политическая карта мира – явление сравнительно позднее, в своих главных чертах она начала формироваться как раз в Средние века. В старину государственные границы редко обозначались с большой точностью именно потому, что публичное и частное не были четко разделены. Исторические области ассоциировались с живущими в них народами, хотя картина постоянно менялась, границы проводились по естественным объектам. В Средние века граничными были целые области, марки, из которых образовались маркизаты или маркграфства. Древнейшие границы, вероятно, имели города, территория которых определялась стенами или проводимой бороздой. Они имели не столько практический, сколько символический характер, как римский померий – *полоса, отделявшая внутреннее пространство обжитого мира от внешнего пространства чужого мира*. Внутри померия запрещалось находиться с оружием. Идея сакрального пространства исторически, возможно, связана с собственностью. Пока плотность заселения территорий была невысока и можно было колонизировать новые земли, не было поводов для войн за них, а когда начался передел, появилась и историческая память о героях и вождах, идея патриотизма.

5. Собственность и культы

Сакральность собственности означает такое представление о ней, которое связывает права собственности с высшими, сверхприродными силами, с богами. Идея о неприкосновенности собственности подразумевает и теоретическую возможность посягательства на собственность вплоть до отрицания материальных прав собственности. Посягательство на чужую собственность (кража и т. п.) – не ее отрицание, а разновидность присвоения. Принципиальное же отрицание имущественной собственности вытекает из противопоставления материального и духовного, отсюда противоречивое отношение средневековой идеологии к земным ценностям. История средневекового Запада – это история утверждения материальных ценностей через их

отрицание, т. е. через постепенное разделение духовной и светской властей. *Бог выступает в качестве верховного собственника и хозяина мира, определяющего судьбу всех вещей, как одушевленных, так и неодушевленных. Языческие боги были локальными, соперничали друг с другом и вмешивались в дела поклоняющихся им народов, т. е. небо было поделено между народами, как и земля. В организации средневекового общества пережитки такого взгляда сохранились в виде священных, которые покровительствовали отдельным территориям (будучи как бы их небесными верховными собственниками), народам, людям и профессиям. В силу нерасчлененности духовной и светской власти в средневековой Европе епископы и монастыри стали крупнейшими сеньорами и лишь постепенно уступали светскую власть монархам. Римские епископы, папы достигли величайшего могущества, боролись с императорами и королями – борьба за инвеституру и позднее за право поставления прелатов была прежде всего борьбой за светские блага и власть. История западной Церкви была историей борьбы духовного, т. е. отрицающего мирские блага (в том числе и собственность), начала – и светского, утверждающего их. Это выразилось не только в ересь и движениях нищенствующих орденов, но и в противостоянии условно «демократических» и условно «авторитарных» элементов, т. е. в консилиаризме, выборности пап и ряда духовных лиц (орденских генералов).*

Мысль *о корпоративном характере* публичной власти не умирала в Средние века, но она смешивалась с вероисповедными заветами о политике и с привязкой власти к земле. В целом средневековое общество было **иерархично, идеалистично** (т. е. исходило из пропасти между земным и небесным) и **корпоративно** – всякий индивид мыслился как часть общности.

Идея внемирности, перетекающая в надмирность (сверхмирность) становится **орудием для мирских целей**. *Господствовали представления о потустороннем источнике собственности и власти, о небесном царстве с похожей на земную иерархией («Ареопагитики»); отсюда, вероятно, и притязания пап на светскую власть, по крайней мере их обоснование.*

Античность отличается *верой в то, что загробная жизнь подобна земной*. Средние века – это некий этап развития, на котором представления **о вечной материальной жизни переходят (пытаются перейти) в представления о вечной духовной жизни**. Исторические источники

таких идей – платонизм и единобожие, т. е. философско-религиозные представления о том, что первичны отвлеченные идеи и все в мире объединено, – восходят к единому началу. Это закономерное движение от конкретного к абстрактному в логической и исторической последовательности, но процесс длительный и противоречивый. Христианство, в отличие от язычества, призывает к отказу от мирских благ, это как бы *разочарование в преходящих ценностях, которые в древности виделись существующими и на том свете – он был вечным продолжением этого*. Но расстояние от философской идеи до религиозного учения и тем более до народной веры очень протяженное. По сути дела, церковная собственность – в значительной мере нонсенс, и это осознавалось более или менее ясно в течение столетий. Однако окончательное разделение земного и небесного и материального и духовного как на земле, так и на небе происходит лишь в XVI в., с появлением реформационных учений и церквей, воплотивших идею отрицания церковной собственности. Что касается частной собственности, то она признается терпимой и даже социально полезной.

Марксизм в своем отрицании частной собственности является преемником христианства, в том числе радикального спиритуализма, но преемником чисто светским, рассчитывающим установить «Царство Божие на земле», социалистическое общество всеобщего равенства и справедливости. *В сегодняшнем так называемом цивилизованном обществе сохраняются оба взгляда на собственность; один восходит к Гегелю: собственность как основа прав человека и равенства, – но всеобщее равенство превращается в кардинальное неравенство*. В данном случае собственность и ее универсальный эквивалент – деньги – являются подменной ценностью, которая служит технологическому прогрессу. Другой взгляд на собственность, связанный с ее отрицанием и расчетом на то, что общество всеобщего эгоизма породит общество всеобщего альтруизма, на практике выливается *в те или иные формы политического перераспределения* благ, т. е. к тому же несовершенному способу социального регулирования, который существовал испокон веков.

Заключение

Итак, собственность вытекает из естественных отношений.

Власть и собственность – это примерно одно и то же. Это *отношение*, отношение связи, тождества, присвоения и владения – как правило, связанное с подчинением (т. е. это отношение ценностное, хотя воспринимаемое в виде пространственного – выше/ниже). **Власть – это собственность на время; собственность – это власть над пространством. Собственность – это обладание пространством; власть – это обладание временем.**

С антропологической точки зрения собственность неустранима, как неустраним сам живой субъект; с социальной точки зрения история собственности – это история поисков такой организации общества, в которой интересы отдельных субъектов были бы гармонизированы.

М. А. Юсим (Москва, ИВИ РАН)

ПРОБЛЕМА «МАТЕРИАЛЬНОГО СОБЛАЗНА» В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЙ (лимиты и достижения)

Аннотация

Интерес к теме вызван кризисом в исторических знаниях на рубеже XIX–XX столетий и спецификой выхода из него в оформлении новой философии истории XX столетия. Кризис носил на себе печать достижений исторических знаний XIX в., которые позволили считать историю научной дисциплиной, – и ошибок, вызванных временными лимитами человеческого сознания и свойственной ему, едва ли не в качестве постоянной константы, склонности последнего к бинарной системе мышления. Ее выразительными показателями стала переоценка роли экономического фактора, благодаря которому идея системного развития оказалась регулируемой исключительно «модой производства».

Решающим достижением новой философии истории стало преодоление традиционной альтернативы в решении вопроса о соотношении материи и духа, которое определило убедительный вектор на преодоление схематизма в эпистемологии истории, ставший отличительным знаком («*image de marque*») исторического знания XX столетия.

Отечественная медиевистика внесла свой вклад в процесс обновления исторического знания, исключив принцип иерархии в толковании комплексного характера исторического процесса в теории «базиса и надстройки», а также сохранении и развитии направления «социальной истории».

Результаты анализа в статье концепт-явления земельной собственности в качестве сущностной черты средневековой общественной структуры позволили автору подчеркнуть необходимость рассмотрения категории «комплексности» исторических явлений и процесса в целом в контексте *их реализации*, т. е. с преодолением абстрактного анализа, продиктованного профессиональной специализацией исследователя в отдельных областях научной дисциплины. Развитие процесса, воплощенного в явлениях, демонстрировало сложное переплетение его сторон в их взаимодействии с возможным опережением или отставанием «сторон-качеств» явления, диктуемых его природными или временными параметрами, – в условиях сохранения до определенного момента в их природной связке качественной целостности.

Предлагаемый автором вариант коррекции в процессе эпистемологии, продолжает линию исследовательского поиска, реализованного в творчестве А. Берра и Ф. Броделя, обративших внимание на «неодинаковость» природных особенностей и временных параметров различных сторон комплексного исторического процесса и его явлений.

Ключевые слова: общественная структура, «мода производства», преемственность, комплексность развития, собственность, полицентризм.

The issue of the temptation to examine 'matter' in historical knowledge of the end of the 19th – beginning of the 20th centuries (accomplishments and limitations)

Summary

The interest in the issue of the article was brought about by the crisis in historical studies at the turn of the 19th–20th centuries and the specificity of its overcoming in the form of new philosophy of history in the 20th century. The crisis was associated with the accomplishments of the historical knowledge of the XIX century enabling to regard history as academic discipline, and mistakes caused by temporal limits of human mind and typical of its inclination, probably as its constant tendency, to binary system of thought. It manifested itself in the exaggerated role of economic factor due to which the idea of systemic development was exclusively regulated by «demands of production».

A major achievement of new philosophy of history was breaking away from a traditional alternative in resolving the issue of correlation between matter and mind, which convincingly determined a vector towards overcoming schematism in epistemology of history and became a marker («image de marque») of historiography of the 20th century.

National medieval scholarship contributed to the process of revising historical knowledge by excluding the principle of hierarchy in interpreting the complex character of historical process in the theory of «base and superstructure» as well as by preserving and developing the aspect of «social history».

The results of analysis of the concept-phenomenon of landholding as the essential feature of the medieval social structure enabled the author to emphasize the necessity of examining the category of «complexity» of historical phenomena and the process on the whole – within the framework of their realization, i.e. without abstract analysis required by a narrow focus of the researcher on certain aspects of academic discipline.

The development of the process embodied in the phenomena demonstrated complex interconnectedness of its facets in their interaction with possible forward or backward movements of its «facets-features» resulting from natural or temporal

parameters, – given the qualitative integrity of their natural bond until a certain moment.

The correction in the process of epistemology proposed by the author of the article continues the research line realized in works by H. Berr and F. Braudel pointing out irregularity in natural features and temporal parameters of different aspects of complex historic process and its phenomena.

Key words: social structure, «vogue of production», continuity, complexity of development, property, polycentrism.

Новая попытка анализа автором статьи обозначенной им проблемы вызвана состоянием современного исторического сознания и знания¹. Имею в виду трудности, которые возникли в исторической науке в близком нам по времени XX столетии, когда состоялось рождение новой философии истории с радикальной переоценкой роли сознания в историческом процессе и природе соотношения материи и духа: отечественная медиевистика с трудом преодолевала издержки «материального соблазна» – вызванного толкованием экономического фактора в лимитах позитивизма и марксизма, объявленного тогда официальной методологией. Последнее обстоятельство усилило деструктивное начало в процессе ее обновления во второй половине и особенно в конце XX в.²

В медиевистике процесс обновления сопровождал очевидный отход от социально-экономической истории – направления, успехи которого отличали отечественную науку, начиная со второй половины XIX столетия. Последствия очевидного диктата «официальной методологии» в известной мере предопределили «скупой» интерес отечественных медиевистов к серьезному критическому анализу марксистской философии в контексте экономической теории, переключивших свое внимание на проблемы духовной и политической истории, которые ранее оценивались в качестве «вторичных» по значимости – со-

¹ Статья представляет собой дополненный в ряде позиций вариант текста в электронной публикации материалов научной конференции, посвященной теме собственности в условиях Средневековья, которая состоялась в апреле 2017 г. и была организована сектором истории средних веков и раннего Нового времени ИВИ РАН и научной группой «Власть и общество» при кафедре истории средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета МГУ: <https://history.jes.su/s207987840002002-1-2>.

² *Хачатурян Н. А.* Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки // Средние века. М., 2001. Вып. 62.

гласно теории «базиса и надстройки». Исследовательский поиск в этой области предпринимался по преимуществу в экспериментальном пространстве исторического знания.

В качестве редких примеров «публичного внимания» медиевистов того периода к теории марксизма можно назвать дискуссию о генезисе феодализма по книге А. Я. Гуревича в 1970 г., в которой обсуждалось смелое по тем временам, но, к сожалению, на тот момент не мотивированное в возможностях новой философии истории предложение автора противопоставить аграрному перевороту в качестве основной причины возникновения феодальной зависимости желание или необходимость части общинников обрести «покровительство», которое вело к установлению *личностных* связей с последующей возможностью оформления личной зависимости¹. Личностные связи действительно стали особенностью социальных отношений средневекового общества, причина которой, как и в историческом знании XIX столетия, не была объяснена. Повторяя состояние исторического знания XIX столетия, проблема решалась в традиционном противопоставлении «материи и духа», и никому из участников собрания: ни для «пионеров обновления», с их открытой и в тех условиях смелой оппозицией марксизму; ни для умеренных сторонников «обновления марксизма»², желавших смягчить остроту дискуссии и не допустить возвращения в научную жизнь ее политизированных форм и поэтому предлагавших «учесть оба фактора» в процессе генезиса – экономического и личностного; ни тем более для строгих «ревнителей марксистского благочестия», – осталось непонятным, что речь шла, по существу, о *вариантах* конкретного процесса формирования зависимости. Разрыв их связи демонстрировал бинарный характер мышления участников, для которых оставалось привычным сохранение альтернативы в оценке соотношения «материи и духа» и, следовательно, незнание на тот момент (начало 1970 г.!), несмотря на знакомство с трудами направления Анналов или с трудом принимаемое сознанием самого радикального по преодолению механицизма мышления достижения новой эпистемы в видении исторического процесса: «материальное в духовном, духовное в материальном».

¹ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1971; Плешкова С. Л. Об учебном пособии «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 154–167.

² Линия поведения, которую олицетворял руководитель кафедры академик С. Д. Сказкин.

Сегодня, даже на уровне бытового сознания, кажется очевидной невозможность предположения, что рядовой общинник мог «обеспечить покровительство» нуждавшемуся в нем соплеменнику: процесс формирования социальной зависимости шел на фоне «аграрного переворота».

Не получило серьезного публичного обсуждения направление структурализма, которое в западной медиевистике к середине XX в. заметно обогатило понимание марксистского принципа системного развития исторического процесса признанием в качестве организующего структуру принципа не только экономический фактор, но и фактор сознания. В отечественной медиевистике в начале 1980 гг. применение системного анализа позволило выделить структуру в сфере средневековой политической истории, точнее в реализации ее главной особенности – полицентризма¹.

Причина подобного равнодушия осталась неясной: могла ли купировать публичный открытый интерес статья А. И. Данилова, тогда министра просвещения Российской Федерации, в журнале «Коммунист» с осуждением попыток некоторых отечественных медиевистов принять новацию, или парадоксальность самой научной ситуации, в которой отрицалась (!) многозначность едва ли не главного достижения в философии марксизма – принципа системного развития исторического процесса?²

В центре теоретических попыток обновления исторического знания в медиевистике того времени оказалась тема «фактологической истории», с ее протестной направленностью против генерализующей истории. Политизированность проблемы, подпитываемая политической ситуацией в нашей стране и Западной Европе, смягчила не столько историческая давность споров «новых эрудитов» со сторонниками интереса к философской рефлексии (казалось бы, решенных уже по научным результатам эпохи Просвещения), сколько выход, который был предложен западноевропейскими представителями направления микроистории, главным образом французской и итальянской школ

¹ *Хачатурян Н. А.* Политическая и государственная история западного Средневековья в контексте структурного анализа // *Средние века.* 1991. Вып. 54. С. 17–22; *Она же.* Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // *Власть и общество в Западной Европе в Средние века.* М., 2008. С. 8–13.

² *Данилов А. И.* К вопросу о методологии исторической науки // *Коммунист.* 1969. № 5. С. 68–81.

(К. Гинзбург, Ж. Ревель, Р. Шартъе, М. Серто), а также частью отечественных медиевистов. Их усилиями были купированы претензии микроистории на исключительность и убедительно доказана значимость факта только в контексте типологизирующей, системной истории¹. Именно эта связка обеспечивает возможность обнаружить и показать субъектный компонент в объективном историческом процессе, актором которого тем не менее является человек.

Сложившаяся тогда ситуация оставляет и сегодня ощущение недоговоренности, в частности, с заметной тенденцией к «умолчанию» вклада отечественной медиевистики в историческое знание, созданного ею в лимитах официального марксизма и часто вопреки им.

Эта ситуация повторяет давние и ставшие традиционными попытки дезавуировать идею преемственного развития в историческом процессе и эпистемологии – соблазн так называемого «синдрома отречения». Соблюдение этого принципа в познании исключает претензии любой методологии, включая марксизм, на конечную истину, но не исключает факта влияния на формирование новой философии истории и возможности сохранения и обновления ее актива, в частности, в толковании такого концепт-явления, как «мода производства».

Попытки деструкции, как правило, обретая остроту в периоды кризисов в историческом знании, сегодня – в постмодернистской эпистемологии, – казалось бы, получают убедительное подтверждение. Уходя от специального анализа деструктивного начала, действительно получившего исключительные формы в постмодернизме, позволю себе только указать, что оно противоречит опыту изучения, в частности, медиевистики, которая стала колыбелью современного европейского исторического знания, убедительно демонстрируя жизненность идеи преемственности развития².

¹ См. материалы дискуссий в: Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999; Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999; «Одиссей»: человек в истории: Представления о власти. М., 1995; «Одиссей». Человек в истории: Ремесло историка на исходе XX в. М., 1996; *Репина Л. П.* Новая историческая наука и социальная история. М., 1998; *Она же.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история: ежегодник. 1997/1998. Ч. I; 1998/1999. Ч. II.

² О справедливости этого принципа, включенного исторической рефлексией в эпистемологическое пространство философии истории, убедительно рассуждает Гегель в своем университетском лекционном курсе, посвященном анализу и характеристике истории в качестве научной дисциплины. Содержательная сторона

Последнее соображение объясняет предпринятую в статье попытку анализа проблемы собственности, прежде всего в ее главной форме – земельной собственности, поскольку речь идет об аграрном доиндустриальном обществе. В силу этого обстоятельства именно она сыграла решающую роль в механизме реализации средневековой общественной структуры.

Очевидное вечное начало в главной форме средневековой собственности оправдывает восприятие этого явления в качестве «экономического» и нашу попытку восстановить и в известной мере конкретизировать картину функционирования экономического фактора в эпоху Средневековья – с надеждой получить ответ на понимание природы явления «общественное производство» и на причины «материального соблазна» в исторической мысли конца XIX – первой половины XX столетий. Оправданием нашей попытки станет признание автором статьи значимости принципа преемственности в историческом процессе и, следовательно, оправдание возможности обновления старых знаний в соответствии с эпистемологическим «принципом отнесенности».

курса позволяет рассматривать его в качестве первого, или, осторожнее, одного из первых, учебников по эпистемологии истории. Гегель систематизирует категории, номинирующие формы и особенности жизни общества (фиксируемая им таким образом объективная данность, стимулирующая абстрактное мышление для формирования категорий, не ломает его концепции Абсолютного Духа в качестве креатора этой данности). Он, наконец, дает классические по точности и полноте понимания определение *субъектной* природы исторического знания, а также формулировку сущностного содержания феномена развития, перед которой время оказывается бессильным.

При этом великий философ подчеркивал особую значимость принципа преемственности именно для гуманитарных наук, в которых, по его словам, новые знания не перечеркивают до конца (!) предшествующие знания, в какой-то мере пребывающих в живой ткани последующих. Он позволяет себе резкость, употребив применительно к знанию, лишенному корней, метафору, в которой уподобил его «голому трупу», оставившему для науки неясным ни прошлое явления, ни возможное будущее.

Признание Гегелем качественного скачка в толковании взаимодействия компонентов явления развития (тезис – антитезис – синтез) исключает возможность заподозрить философа в плоском «накопительстве» при толковании явления «преемственности» – довод, к которому традиционно апеллируют критики последнего.

См.: Гегель Г. В. Ф. *Философия истории. Лекции по философии истории (1837)* // Гегель Г. В. Ф. *Сочинения*. Т. 8. М.; Л., 1929–1958.

Предложенная нами объяснительная модель решения проблемы содержит четыре основные позиции.

I. Генезис явления «собственность»

Проблема *генезиса явления «собственность»* в ее исходном и сущностном качестве средства и условия существования социума – вопрос, который важен для начальной истории любой цивилизации, представляет особый интерес в варианте средневековой западноевропейской истории.

Европейский социум в больших этнических сообществах германских и славянских народов вступил в этот этап цивилизационного процесса (с разбросом по времени), но в начальный период «новой» эры, миновав в целом – *в качестве генерализирующего* – общественное устройство, которое характеризовалось «дикими средствами» преодоления первобытной дикости, когда часть социума оказывалась в статусе «рабов». Обязаны ли европейцы этой особенностью влиянием фактора Времени, в пространстве которого действует опыт человечества в целом, но, что касается древнегерманских и галло-римских народов, их исходный этап становления общественной жизни складывался под влиянием синтеза (прямого или опосредованного) с высокоразвитой римской цивилизацией и ее относительно осознанным опытом (!) изживания рабовладельческого уклада¹.

Важность явления «собственности» в контексте заданной темы красноречиво демонстрирует его давняя и неразрывная связанность с возможностями существования человека и социума, т. е. необходимостью удовлетворения потребностей живого организма в питании, защите от непогоды и обеспечении его безопасности. Уже на исход-

¹ Наиболее яркие свидетельства «осознанности» этого опыта (т. е. согласованных действий членов социума) – отказ от латифундиальных форм организации производства как затратных в условиях рабского труда; медленный, но достаточно ранний процесс освобождения рабов и их *испомещение* на землю; постепенное исчезновение слоя свободного крестьянства, наличие которого определяло саму возможность существования рабства в качестве общественного уклада; разорившийся крестьянин оказывался не в положении раба, но колона, потерявшего землю, однако сохранившего в собственности орудия труда. В условиях социально-экономического неравенства и «мелкого» производства только собственность на орудия труда для производителя могла стать залогом развития.

ном этапе цивилизационного развития социума, когда человек решал подобные задачи, используя главным образом дары природы – земли, леса и водоемов, – путем собирательства, охоты и рыбной ловли, – социум столкнулся с осознанием проблемы «дележа территории» и необходимостью «согласия» с соседями в варианте относительной многочисленности в концентрации его состава. Последующая история, связанная с неизбежным желанием апроприации территорий, усложнит ситуацию. Прогресс в способности человеческого социума реализовать собственную активность и творческую способность, – которая стала залогом превращения его членов в *акторов* исторического процесса, – переведет проблему «собственности» в сферу общественного производства, в котором определятся ее компоненты и «игроки» процесса – люди – орудия и объекты его труда, – а также, что очень важно, взаимоотношения между ними, постепенно лишаящиеся простоты «всеобщего равенства». Опыт «практического разума», который высоко ценил Кант, подчеркивает естественную и реальную наполненность понятия «общественное производство» и, следовательно, отнюдь не случайную значимость и на протяжении долгой истории человеческого социума – способов его реализации.

Очень медленное развитие орудий труда делало главным объектом притязаний социума землю, определив на долгое время аграрный облик общества и объясняя ее исключительную роль в многовековом периоде доиндустриального этапа в его истории.

Отвлекаясь от дискуссий относительно исходной формы собственности – коллективной или индивидуальной, – вопрос, который, по нашему мнению, не имеет однозначного решения, тем более в альтернативном контексте, будучи зависим от конкретных условий в жизни социума: его количественного состава, социальной зрелости, концентрации в местах расселения и в условиях частой смены мест обитания, если иметь в виду длительный период жизни германских племен «на марше», – наконец, от природных и хозяйственных условий жизни.

Следует тем не менее признать, что растущий потенциал социума в процессе производства стимулировал и делал возможным индивидуальные формы его реализации. Их следствием неизбежно становились имущественное неравенство и отношения социальной зависимости, которые должны были затронуть всю совокупность общественных связей.

Таким образом, номинация и содержание явления собственности не исчерпываются уже на этапе раннего цивилизационного развития –

только экономическими данными, уводя исследователя в социальную, политическую и духовную сферы и подчеркивая заметную значимость самого явления производства и сложность во взаимодействии его сторон в процессе общественного развития.

Оценка интересующего нас явления в подобном контексте предполагает научную зрелость исторического знания, которой предшествовал весьма растянутый во времени предварительный период его развития. Изменения в подходах к анализу и меняющаяся глубина видения процесса исторического развития в целом объясняет необходимость второй позиции в модели предложенного в статье анализа.

II. Эволюция историографической традиции в оценке средневекового общества

Исходно в течение нескольких веков историческое знание носило описательный характер, отражая общественную жизнь на уровне политической истории. Экономические и социальные формы жизни обычно отражало правовое сознание, фиксируя их в юридических документах и памятниках. В сфере аграрной истории они давали только скудные описания форм земельной собственности и крестьянских держаний с платежами за их пользование; статус этих социальных групп, с мотивацией монопольного права на обретение земли только нобилитетом общества; фиксировали постепенное ослабление этого запрета для *rustici* (зависимых держателей), но опять-таки с исключением для них права обретения статуса благородства...

В контексте интересующего нас вопроса особый интерес представляет отход юристов и историков средневекового периода от описательного характера в эпистемологии, отразившие их попытки понять «смысл вещей» («*essence des choses*»), которые пришлось на раннее Новое время. Они готовили, условно говоря, оформление *концепции* сеньориально-вассального и личностного характера отношений в средневековом обществе в качестве отличительной черты общественного устройства. В рисуемой картине возникновение сеньориально-вассального характера социальных связей в среде земельных собственников объяснялось потребностями военного («*système benefices né de besoins de la conquête*») и административного («*propter officium viri*») характера.

В контексте философии истории концепция демонстрировала и подтверждала общую особенность в эволюции исторического созна-

ния – исключительную роль политического фактора в качестве первой исторической рефлексии. Вместе с тем нельзя не признать, что политическая структура Средневековья оказалась в этой концепции связанной с земельной собственностью; именно она произвольно, не оговаривая причинно-следственной связи, фиксировала экономическую базу статуса нобилитета для лиц, несущих военную службу. В концепции была угадана – и нельзя не признать – самая яркая из особенностей крупной земельной собственности в западноевропейском воплощении – ее сеньориально-вассальная структура. Наконец, была отмечена ее связанность с политической властью, а также последствиями этой ситуации – «expropriation politique pour cause d'utilité privée», т. е. отмечен полицентризм в реализации политической власти¹. Следовательно, в концепции присутствовал слабый росток будущего «социального подхода» в объяснении особенностей политического развития.

Угаданность тогда – пусть неполная, но отразившая в первом приближении признаки средневекового общественного устройства, должна была обрести бóльшую глубину, – уверенность, которую современная наука оправдывает действием принципа относительности – в процессе исторического развития, развития эпистемологии и феномене развития в целом.

Заряд оптимизма, который несет в себе этот принцип, подтверждает факт достижения историческим знанием высокой планки научной зрелости благодаря непростому, противоречивому и обремененному лимитами объективных этапов зрелости историческому сознанию. Духовную зрелость социума усложняли так называемые «тупики» человеческого сознания, которые кажутся «вечными», в частности, би-

¹ Любопытным свидетельством эволюции правовой и исторической мысли представляет попытка создания генерального свода правового законодательства во Франции адвокатом парламента А. Луазелем в начале XVII в.: *Institutes coutumières d'Antoine Loysel 1606. 1637. Nouvelle edition par M. Depin et Éd. Laboulaye* тт. I–II. Paris, 1846. Последнее издание 1846 г., вобрав в себя более 900 установлений, собранных А. Луазелем, существенно дополнило его начинание коротким историческим введением, глоссарием тематического содержания для двух томов, словарем правовых норм, а также отдельными поправками первоначального текста (главным образом в части апелляций к трудам средневековых юристов и местному праву). Содержание материалов и их систематизация в правовом своде Луазеля позволила авторам введения к изданию 1846 г. только суммировать в контексте обобщающего вывода картину очевидных для его создателя трех параметров политической и общественной жизни средневековой Франции в номинации «régime des fiefs».

нальность мышления, сопровождаемого, как правило, максимализмом в выборе собственной позиции.

Редкие радикальные обретения в философии исторического знания обрели качество очевидного принципиального изменения в XIX в., позволив считать его началом превращения исторической дисциплины в науку. Наиболее важными из завоеваний исторического сознания следует признать победу светской концепции исторического процесса, которую определила идея органического развития мира. Историческая мысль объяснила специфику органической природы исторического процесса, увидев ее в социальных отношениях и социальных институтах социума. В XIX в. в общих чертах определился *комплексный характер* предмета исторической дисциплины, благодаря признанию экономической истории в качестве индивидуального направления, успехам которого историческая наука была обязана позитивизму в качестве новой истории философии XIX в. Позитивизм легитимизировал наряду с рационализмом принцип «опытного знания». Провозглашенный им «эксперимент с фактом» обеспечил радикальный прорыв в исследовательской работе с письменными источниками. Оформление в рамках позитивизма социологии, казалось бы, обеспечило более убедительное признание идеи необходимости соединения в историческом анализе экспериментальной истории с философской рефлексией, хотя и не гарантировало ученое сообщество XX столетия от повторных дискуссий на этот счет.

Последний из наиболее важных научных успехов в эволюции европейского исторического сознания и в философии истории в XIX в., который заслуживает быть отмеченным, – стал принцип системного развития в явлениях исторического процесса.

В контексте принципа преемственности этот показатель имеет «собственную» предысторию, а именно: настойчивые, начиная с эпохи Просвещения, попытки внедрения идеи «этапности» развития социума на шкале исторического Времени. В содержательной характеристике явления оформляется представление о совокупности и взаимосвязанности комплексных общественных связей, определявших «лицо» этапа, переживающего процессы становления, расцвета, гибели... Естественным продолжением этих попыток стало оформление принципа системности – с видением его в философии марксизма в качестве одной из закономерностей общественного развития. Качественную новацию принципа, преодолевшего «экспериментальную» («накопи-

тельную») линию в развитии эпистемологии, подтверждает признание его значимости в философии истории, т. е. сфере видения исторического процесса и способов его объяснения в XX–XXI столетиях. Под его влиянием формулируется понятие «общественная структура», подчеркнувшее высокую степень зависимости социума от «объективных условий» и необходимость иметь в виду его «зрелость» во взаимодействии с окружающим миром. Тогда, в конце XIX в. (и в отечественной медиевистике в период «официального марксизма»), в научной атмосфере «экономического соблазна» реализация явления системности была монополизирована принципом «мода производства». Попытка преодоления сохранившей свои позиции политической концепции феодализма – в условиях «экономического соблазна», сохранения альтернативы в вопросе соотношения материи и духа¹, очевидной расколотости научного сообщества и влияния традиционных сторонников идеализма – не могла быть решена без заметных издержек. Более того, ситуация в целом не могла не вызвать кризиса в сфере эпистемологии на рубеже XIX–XX столетий.

Деструктивная сторона кризиса в философском и историческом знании объяснялась резким преувеличением значимости фактора сознания в историческом процессе и крайней субъективизацией и рационализацией процесса познания. Однако значительный, несмотря на отмеченные лимиты, актив в развитии исторических знаний XIX в. ослабил деструктивные потери и обеспечил сравнительно быстрый выход из кризиса в XX в. оформлением исключительной по сущностному наполнению новой философии истории.

Инициативу конструктивных начинаний реализовало направление Анналов (1930 гг.), к началу 1950–1960-х гг. ее поддержали аналогичные усилия представителей национальных школ Италии, Англии, Германии, США (направления «новой», «социальной» истории)². Про-

¹ Теория «равноправных факторов» в позитивизме, несмотря на, казалось бы, попытку последнего в экспериментальном пространстве исторического знания «встать над схваткой», не смогла преодолеть альтернативы экономического и политического факторов. Это не помешало О. Контю в оценке политической жизни современного ему общества – в духе привычной альтернативы подчеркивать исключительное влияние фактора сознания. См.: *Конт О. Дух позитивной философии*, или Социологический трактат (вторая половина 40-х гг. XIX в.).

² *Bloch M. Apologie pour l' Histoire ou Metier d' Historien*. Paris, 1956; *Febre L. Combats pour l' histoire*. Paris, 1953; *Chartier R., Revel J. La nouvelle histoire*. Paris, 1978; *Le Goff J., Nora F. Faire de l' histoire*. Paris, 1975; *Duby G. Pour un théorie du féodalisme*.

цесс формирования и освоения новой философии отечественной медиевистикой датируется условно 1970-ми гг., будучи подготовленный внутренними импульсами творческого обновления марксизма, начиная с явления так называемой оттепели 1960-х гг. в политической и творческой жизни страны.

Объем и быстрота научных результатов в развитии нового этапа в историческом знании XX столетия оставляют впечатление творческого взрыва. Его подтверждает не только масштабная численность новых научных направлений в экспериментальном пространстве исторического знания, возникавших в сближенном временном ряду и открывших новые неожиданные стороны потенциала самого исторического процесса¹.

Успехи в экспериментальном пространстве исторического знания XX столетия предопределили новации в области методологии, научным императивом которых естественным, нерегулируемым образом стала установка на преодоление свойственной человеческому мышлению склонности к механицизму, и, самое главное, они обеспечили эту возможность. Отличительным знаком периода в силу этих особенностей (*image de marque*) можно назвать эффект «раскрепощенного» сознания.

Силу этого эффекта предопределила не только переоценка роли сознания в процессах исторического развития и его познания, диктуемая протестом против увлечения «плоским экономизмом» второй половины и конца XIX в., но преодоление, наконец, многовековой в рамках Средневековья и ставшей, таким образом, традиционной альтернативы в вопросе соотношения материи и духа. Обретенное историческим сознанием понимание факта их неразрывности по научной значимости не уступает факту утверждения на рубеже XIX–XX вв. светской концепции истории, тем более что последняя новация обо-

Paris, 2004; *Guerreau A.* Le féodalisme: un horizon théorique. Préface de J. Le Goff. Paris, 1978; *Hilton R. H.* Bond Men Made Tree. London, 1973; *Evanco P. J.* Undefence of History. London, 1997; *Thompson W.* Postmodernism and History. Basing Stroke. 2004; The Brenner Debate / Ed. by T. H. Aston, C. H. E. Philipin. Cambridge, 1958.

¹ Направления аграрной, глобальной, цивилизационной истории; ментальная и «человеческая» история; микроистория; формирующийся блок направления исторической антропологии; структурализм и постструктурализм; новации в социальной и политической истории – в частности, направление культурно-исторического измерения политической истории.

значила и подчеркнула перспективу исторической эпистемологии, предложив убедительный пример преодоления бинарного мышления¹.

Лимиты статьи диктовали необходимость сокращения характеристики проблем методологии, которые открывали новые горизонты поиска и меняли его прежние результаты, только упоминанием тех из них, которые имеют непосредственное отношение к теме нашего исследования.

В их ряду прежде всего вопрос о влиянии новой формулы в понимании соотношения материи и сознания на, казалось бы, давно известную и очевидную по своей ясности проблему комплексности исторического процесса, исключившую принцип иерархии в контексте взаимодействия и соотношения его сторон.

Особый интерес для нас представляют поправки, внесенные в идею системного развития направлением структурализма, представители которого доказали возможность явлений с системой повторяющихся связей (литургия связей) не только в сфере экономики, но и в духовной, социальной и политической жизни. Желательную для системного анализа гибкость сообщили принятые наукой поправки в виде признания внутренней гетерогенности общественных структур, а именно их укладности (рождение нового уклада, его расцвет и специфика ухода; возможность временного сосуществования старого и нового укладов).

Наконец, в контексте темы «раскованности сознания» следует отметить заслугу новой философии, включившей в пространство эпистемологии в качестве принципов познания понятие «относительности развития», преодолев прежний плоский нигилизм в его толковании, купирующий познание, а также понятие вариативности явлений исторического процесса при сохранении их сущностного содержания.

Обновленное толкование привычных понятий смягчило тяжеловесный образ «объективного исторического процесса», подчеркнув значимость для его реализации «конкретных условий», субъектного начала в нем и состояние постоянного движения.

¹ Сущность сложной для понимания новой формулы соотношения материи и духа – «материальное в духовном, духовное в материальном» – убедительно объясняет Ж. Дюби, справедливо отмечая, что оценка категории «производственные отношения» в качестве «экономической» требует корректив, так как отношения собственности и труда не могли не осмысливать в своем сознании участники процесса. См.: *Lardreau G. Dialogues. G. Duby – G. Lardreau // Duby G. Qu'est-ce-que la société féodale. Paris, 2002. P. 1583.*

Научные достижения XX столетия радикально изменили картину прежнего видения средневекового общества – не только признанием необходимости наполнения «политической концепции» его видения экономическим содержанием, но заметно «поправив» само понимание проблемы соотношения факторов исторического процесса, освободив его от «материального соблазна».

Последнее обстоятельство побуждает продолжить предпринятый нами анализ земельной собственности в условиях генезиса и установления феодальных отношений, который может помочь в решении заявленной в статье проблемы.

III. Особенности средневековой общественной структуры в контексте авторского толкования данных современной медиевистики

Теоретический аспект анализа в статье проблемы земельной собственности в качестве ее главной формы (в условиях аграрного этапа доиндустриального периода в истории цивилизации) побуждает рассматривать ее в контексте общественной структуры – сферы, в которой с большой долей убедительности проявляла себя объективная природа процесса, диктуя высокую степень зависимости от нее социума и, следовательно, от уровня его зрелости во взаимоотношениях с окружающим миром.

Состояние этой «зрелости» определяла взаимосвязь *четырёх* основных особенностей земельной собственности, обеспечивая ее экономические возможности, характер социальной и политической организации и сознание, определявшее созидательную активность актора процесса, некогда превратившего палку в орудие труда.

Разные по своей природе, способу и условиям реализации, они демонстрируют жесткую внутреннюю связанность, действуя на разных уровнях исторического процесса – экономическом, социальном, политическом, духовном. Каждый из уровней явления – экономический, социальный, политический – имел свои формы осознания, которые отличались мерой соотношения ментального и отрефлексированного начал, отражая общие закономерности в духовной жизни средневекового сообщества в Западной Европе. Все четыре особенности формировались постепенно, с возможным отставанием или опережением в своем становлении.

Отличительным знаком *процесса реализации* земельной собственности на уровне экономических или социально-политических отношений являлась ее «разделенность». Факт реализации собственности на разных уровнях исторического процесса – экономическом или политическом – предопределял «неодинаковость» целеполагания форм «разделенности» и неодинаковую степень их значимости.

На уровне социально-политических отношений факт «разделенности» подчеркивал вариативность явления в средствах реализации его сущностного содержания. Формирование этой сущностной особенности средневековой собственности, которую воплощало появление мелкого производителя, зависимого по земле, но владеющего орудиями труда, диктовал, как было показано выше, опыт предшествующего этапа развития социума, который не только дискредитировал грубые формы рабского труда, но сделал очевидным его нецелесообразность. Возможность перспектив естественного развития с заинтересованностью в результатах своего труда в условиях мелкого производства могла обеспечить только собственность мелкого производителя на орудия труда и его личная свобода. Отмеченная особенность подчеркивает несомненную значимость экономической формы собственности, однако ее вторая особенность на уровне социально-политических отношений лишает ее качества исключительности и безусловности. Необходимость социально-политической формы земельной собственности была вызвана особенностью способа производства – положением мелкого производителя в качестве собственника орудий труда, требовавшим дополнительных условий для функционирования экономической системы. Они были реализованы в явлении «внеэкономического принуждения», которое обеспечивало административную и судебную власть отдельного собственника над личностью крестьянина – уже не раба, но ограниченного в «гражданских» правах актора процесса. Ситуация отражала весьма постепенную последовательность в формировании вектора исторического процесса с очевидной (с позиций сегодняшнего дня) тенденцией к ослаблению фактора насилия в обществе, а также к росту возможностей и усилению роли субъективного фактора в нем¹.

Социально-политическую форму земельной собственности реализовал специфический институт в виде сеньории-banale² с функциями

¹ В рамках Средневековья эта тенденция проявит себя благодаря приобретению зависимым производителем в аграрном секторе личной свободы и активизации социальных функций сельской общины.

² Ban – принуждение, власть в средневековом праве.

не только экономического, но административного и судебного при-
нуждения.

Эта особенность *подчеркивала* и углубляла разделенность собственности на землю и орудия труда. Она делала *легальным* (!) институт частной власти, итогом которого стала дисперсия политической власти, или полицентризм в средневековом обществе, создавая структуру политических связей: власть в центре и власть на местах. В первом по времени варианте политической структуры верховной власти противостоял земельный собственник, наделенный иммунитетными правами. В условиях уже сложившегося средневекового общества полицентризм усилит и дополнит процесс выраженного в Западной Европе корпоративизма, результатом которого в рамках государственности станет относительная автономия общественных сил в рамках ремесленных цехов, торговых гильдий, сословий, городов с правом самоуправления и других образований. Свойственный историческому этапу партикуляризм осложняя положение центральной власти в ее стремлении к собственному усилению и тем самым централизации государств, не был и не мог быть преодолен в рамках средневекового общества¹.

Обозначенная в статье в качестве третьей особенности земельной собственности опять-таки ее «разделенность» – теперь реализовала себя в среде самих земельных собственников, численность которых по этой причине заметно возрастала. Особенность была вызвана той же необходимостью реализации собственности, но в данном случае вне прямой зависимости от проблем ее обработки, скорее задачами ее военной защиты (обеспечение для крупного земельного собственника проблемы содержания дружины). Дополнительным результатом этой особенности явилась возможность не только решить проблему военной защиты, но в известной мере облегчить для земельного собственника исполнение им трудной – в порядке «частных усилий» – функции принуждения и административного контроля за зависимым крестьянством, рассредоточив ее решение между большим числом земельных собственников в рамках дробного числа сеньорий, маноров, вотчин.

Решение проблемы внутреннего деления земельного фонда стало возможным в условиях эволюции форм земельной собственности, которую продиктовала потребность ее реализации – от «аллода» как формы безусловного распоряжения землей к «бенефицию» (ненасле-

¹ *Хачатурян Н. А.* Полицентризм и структуры... Указ. изд.

дуемой форме собственности на условиях службы) и к наследуемому «феоду». Условный характер индивидуальной собственности неизбежно обеспечивал внутреннюю консолидацию общественного страта собственников и, следовательно, его относительную стабильность.

Варианты «разделенной» земельной собственности любопытным образом разнообразили и умножили варианты социальных отношений в обществе, демонстрируя сотрудничество и его нарушения, нередко в резких конфликтах. В одном случае – сущностном знаке общественной системы – состоянии глубокой взаимозависимости сторон (земля мертва без производителя для феодала, крестьянину для функционирования принадлежащих ему орудий труда была необходима земля) создавало не только иллюзию, но ощущение известной реальности «партнерских» связей собственника земли и крестьянина, которая в научных исследованиях нередко имела своим результатом недооценку состояния зависимости в положении последнего.

Во втором случае ответом на вынужденный акт раздела крупной собственности с целью «платы за службу» явился в известной мере осознанный (опять-таки благодаря практическому опыту) шаг к оформлению сеньориально-вассальной системы в среде земельных собственников. Подобная форма консолидации последних отражала исходную традиционную сущностную особенность в жизни социума: неизменное включение человека в коллектив в качестве условия его жизни и деятельности – явление, имевшее особо выраженные формы в доиндустриальных обществах и получившее в научной литературе номинацию «корпоративизма»¹.

Необычность данной ситуации демонстрировала исключительная форма самоорганизации общественного страта земельных собственников, в среде которых относительно рано возникла система социальных связей, консолидируя их на общегосударственном уровне и получив вариативное воплощение только в рамках Западной Европы

¹ *Хачатурян Н. А.* Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // *Хачатурян Н. А.* Власть и общество... Указ. изд. С. 31–45; *Хачатурян Н. А.* Великая Хартия вольностей. Документ и знаки времени в контексте историописания // Средние века. 2016. Вып. 77 (1–2). С. 49–61; *Эксле О. Г.* Действительность и знание. Очерки социальной истории Средневековья. М., 2007; *Lousse E.* Les caractères essentiels de l'État corporative du Moyen Age à la fin de l'Ancien Régime // Bulletin of the International Committee of Historical Sciences. 1937. IX. № 37.

(за небольшим исключением). Целеполаганием явления стало решение проблем социально-экономического и социально-политического благополучия политической элиты общества. Консолидация этого общественного страта продемонстрировала высокий социальный потенциал, обеспечив его *институциональное и правовое оформление*. Объединение земельных собственников – в рамках существующей и создаваемой этики и правовых установлений – с помощью людей церкви и легистов оформило и закрепило договорные (контрактные) отношения сеньоров и вассалов – с условием взаимного соблюдения прав и обязанностей сторон. Другим итогом стало появление особой формы рыцарской этики, сформированной под сильным влиянием опыта войны и практики рыцарского сословия, нравственные нормы которой пыталась изменить христианская теология. Наконец, институциональная и этико-правовая форма организации земельных собственников обеспечила феодальной элите статус «благородства». Отмеченная яркая особенность в вариативном воплощении организации земельных собственников в Западной Европе (более или менее жесткая связь сторон в договоре; неодинаковый уровень централизации в системе) не имела всеобщего характера даже в рамках Европы, что объяснялось спецификой общественного развития для большей части западноевропейских регионов, но не свойственной, в частности, России на средневековом этапе ее истории.

В последнем случае – в самой общей сумме показателей – российский вариант отличала специфика в эволюции славянской общины с характерной для нее тенденцией к сохранению отдельных коллективных норм в использовании земельной собственности, вызванной, в частности, суровыми природными условиями жизни.

Бессинтезный (в отличие от многих регионов Западной Европы) вариант формирования феодальных отношений с неизбежной для него активацией роли центральной власти в формировании крупной земельной собственности (как это случилось в северных регионах Западной Европы) и потому столь же неизбежным ее усилением, опережающим консолидацию общественных сил.

Аналогичные последствия имел факт преобладания государственной формы земельной собственности в соотношении с масштабами собственности, рассеянной в индивидуальном секторе, что опять-таки позволило центральной власти опередить в своем усилении процесс

становления общественных сил и ограничить таким образом активность последних¹.

Корпорация собственников земли в Западной Европе в условиях формирующихся феодальных отношений в исходном импульсе к самоорганизации преследовала главным образом экономические цели сохранения, защиты и реализации условий их существования. Однако значимость земельной собственности в средневековом обществе не могла не стать условием и гарантом их статуса политической элиты. Потребовалось немного времени, чтобы оформились притязания элиты на политическую активность в масштабах государства в качестве общественной силы, ограничивающей центральную власть².

Актив исторического знания в XX – первой половине XXI столетий позволил не только наполнить новым содержанием традиционную «трехчастную» концепцию средневековой общественной структуры, но и дополнить ее новым сущностным показателем – средневекового сознания и культуры. Новые решения в оценке фактора сознания, его роли в историческом процессе и проблеме соотношения с материей активизировали внимание научного сообщества к теме средневековой структуры, определив появление новых направлений научного поиска: углубленное изучение природы явления в контексте сознания – направления ментальной истории и культурно-исторической антропологии; связанная с ролью субъективного фактора в историческом процессе микроистория; а также разработки по внедрению культурно-исторического измерения в традиционные проблемы экономической, социальной и политической истории.

Научный актив в интересующей нас теме носит по преимуществу конкретный характер и требует обобщающего и специального анализа. Поэтому автор статьи ограничился упоминанием и общей оценкой четвертого показателя специфики средневековой структуры в сфере общественного сознания, – только в ряде случаев апеллируя к конкретике³.

¹ *Хачатурян Н. А.* Средневековый парламентаризм: к вопросу о предыстории европейского гражданского общества // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 16–23.

² *Хачатурян Н. А.* Великая Хартия вольностей... Указ. изд.

³ Проблема меняющегося отношения к земле производителей по мере возникновения статуса собственника и его потери; множественности форм обладания землей – условная и безусловная собственность, владение, держание, сейзина; усло-

Завершая анализ средневековой общественной структуры, нельзя не сказать об одном факте чрезвычайной важности в ее судьбах, а именно: еще одном акте «деления собственности» на уровне общественного производства. В данном случае речь идет о собственности на орудия труда, развитие которой предопределило самостоятельное существование доменов аграрного и ремесленного производства. Новацию объясняет массовый рост городов в качестве центров ремесла и торговли на рубеже XI–XII вв. в Западной Европе, что в свою очередь стимулировало процесс общественного разделения труда и связанный с ним прогресс в специализации ремесленных занятий и усложнении орудий труда.

Отмеченные изменения в совокупности с их социальными последствиями – процессами освобождения от личной зависимости в непривилегированной среде городского и сельского населения и активизацией общественной роли последних – открыли процесс модернизации средневекового общества в Западной Европе XIII–XIV вв.

Изменения в системе производства и собственности сохранили мелкое производство и статус производителя в качестве собственника орудий труда в городе и деревне.

Эта особенность на этапе доиндустриального общества явилась тогда едва ли не единственным условием самой возможности прогресса. Тем не менее достигнутые изменения подорвали монополию земельной собственности на исключительность ее значения в средневековой общественной структуре¹.

Масштаб аграрного сектора в обществе, которому еще не скоро предстояло перешагнуть этап Средневековья, позволил с изменениями, но сохранить экономические позиции земельных собственников и позиции политической элиты, состав которой тем не менее постоянно менялся за счет государственного аппарата, роста капиталов в торговле и ремесле.

вия наследования и выкупа земли; различия в правах на землю сеньора (*dominium*) и вассала (*dominium utile*), который пользовался только плодами, выращенными на этой земле; наконец, проблема собственности в виде личного имущества, в формировании которого могла не участвовать земля, а также формы собственности, источником которых оказывался труд интеллектуала или государственного чиновника.

¹ Успехи в развитии орудий труда расширяли потенциал земли в качестве средств производства и объекта собственности, делая доступными ее природные богатства.

Ведущим фактором развития в Западной Европе становилось ремесленное производство – точнее, процесс совершенствования и усложнения орудий труда, который готовил условия для перехода к крупному производству и новой структуре общественных связей. Парадокс ситуации заключался в том, что прогресс мелкого производства готовил его гибель в качестве основной формы производства. Ценой его гибели, однако, был открыт новый этап – индустриального развития социума.

IV. Итоги исследования

Итоги представленного в статье материала оправдывают желание автора прежде всего подчеркнуть значимость самого этапа Средневековья на шкале исторического времени в общем процессе цивилизационного развития: его общественная структура в качестве результата практического опыта социума воплотила максимально точный ответ на запрос последнего – в условиях уже определившегося явления социального неравенства и мелкого производства с присущими ему примитивными орудиями труда, сохранив последние в руках непосредственных производителей. Этот ответ обеспечил возможность их совершенствования и, следовательно, прогресса в цивилизационном развитии.

Попытка решения заявленных автором в названии статьи задач реализовалась в контексте соединения теоретического уровня анализа с итогами конкретных исследований средневекового общества, которыми располагает современная медиевистика. Предпринятый в статье теоретический анализ темы «средневековой собственности» позволил поставить итоговую оценку исследования в контексте авторской реакции на обретения и лимиты в области философии истории и исторического знания XX–XXI столетий.

Полученные нами итоги оправдывают, в частности, попытку заново вернуться к оставшимся пока спорным и нерешенным вопросам «тайны производства» и «общественной структуры», регулируемой «способом производства». Монополия последнего в качестве принципа системного развития и выраженная тенденция на преувеличение значимости экономического фактора в историческом процессе объяснялись плоским «экономизмом» позитивистской философии, решавшей эту проблему в привычной альтернативе материи и духа, что,

естественно, вызвало ответную переоценку фактора сознания и субъективизацию процесса познания в кризисе XIX–XX вв. Новая философия истории XX столетия, преодолевшая традиционную бинарность позиции в вопросе соотношения материи и духа, казалось бы, решила проблему «материального соблазна», однако отголоски последнего продолжали свое существование, в частности, в пресловутой теории «базиса и надстройки» в отечественной исторической науке до этапа перестройки, демонстрируя сложность в преодолении тупиков человеческого сознания.

Анализ в статье средневековой собственности в ее главной – в условиях доиндустриального этапа развития – форме земельной собственности¹ помог, на наш взгляд, не только оценить достижения исторического знания XX столетия, к которым, несомненно, относится понятие «общественная структура», соединившее в своей номинации принципы системного и комплексного развития, но позволяет внести некоторые уточнения в толкование философии науки XX в., в экспериментальном пространстве которой продолжается исследовательский поиск, однако в понимании эпистемы которого остаются недоговоренности и противоречия.

Очевидность принципа комплексного развития не требует подтверждения, не исключая тем не менее потребности повторных обращений к нему; что касается системного принципа, то его научную доказательность убедительно продемонстрировали отмеченные выше в нашем тексте успехи в направлении структурализма в XX столетии, которые свидетельствовали о способности каждого (не только экономического) из факторов исторического процесса стать организующим принципом структурных образований в области не только экономической, но и социальной, политической и духовной жизни.

В качестве исходных позиций нашей итоговой оценки средневековой земельной собственности следует признать **весьма неоднозначные результаты ее анализа.**

Отразив специфику реализации мелкого производства на этапе Средневековья руками производителя – владельца орудий труда, зе-

¹ Средневековая общественная структура в контексте «долгого Средневековья» действовала (условно) на отрезке IV–XVIII вв. в Западной Европе. Условность поставленной нами даты «конца» Средневековья позволяет (столь же условно) говорить о начале Нового времени в его полной и в общих чертах «завершенной» форме, опуская период его становления на этапе «раннего Нового времени».

мельная собственность обнаружила свою «вещную» (материальную) форму, не вызывая, казалось бы, сомнений в присущем ей качестве «экономического явления» – в соответствии с привычной схемой систематизации общественной жизни социума. Однако картина ее *реализации* в сфере производства уже в исходной точке ее формирования и тем более в истории ее дальнейшего существования в сложной системе внутренних связей в жизни социума заметно ломает привычную схему.

Собственность приобретает правовую номинацию – событие, которое произойдет не сразу, став более поздней по времени своего возникновения особенностью, чем факт освоения земли в качестве необходимого условия существования социума, усложняясь в формах правовой мысли по мере зрелости последнего. В контексте сущностного условия самого факта реализации земельной собственности экономические права могли быть осуществлены, как оказалось, только с помощью обретенных в силу необходимости *политико-юридических* и социальных прав принуждения. Более того, право юрисдикции собственника земли могло быть уступлено, продано как *вещь*, став, таким образом, источником существования для другого лица, выступавшего в роли только администратора.

Наконец, экономический знак сущностного смысла явления «собственности» в качестве средства (источника) существования не сохранит свою силу для членов социума, если ими станут не представители среды аграрного и ремесленного производства или торговли, но интеллектуальный труд, сфера городской недвижимости, государственные должности и даже такой, казалось бы, парадоксальный источник существования, как практика «продажи государственных должностей», постепенно изживаемая при переходе патримониальных форм государственности к публично-правовому государству – *Etat Moderne*, непосредственному предшественнику государств Нового времени.

И последнее: полицентризм политической структуры средневекового общества, легализирующий частную власть земельных собственников, объяснит политико-юридический статус последних в качестве политической элиты и ее причастности к политической власти в государстве. Иными словами, исходное содержание концепт-явления «собственности» неизбежно предстает как многозначная сущность, из которой нельзя исключить ни одно из проявлений ее данности. Более того, обращает на себя внимание очевидность высокой степени связанности в представленном варианте земельной собственности всех форм

сущностных качеств (экономических, социальных, политико-юридических и форм самоидентификации) в жизни социума.

Полученные в статье итоги побуждают к новой попытке взглянуть на «тайну производства», традиционно воспринимаемую как исключительно «экономическую загадку». Тайна может лишиться лимитов «экономического детерминизма» в толковании природы исторического процесса. Саму возможность итоговой попытки подсказывает затронутый в статье аспект рассмотрения явления в контексте его реализации, т. е. живой жизни социума. Этот аспект позволяет преодолеть издержки самого процесса научного поиска в области исторического знания. В силу его неизбежной специализации, если исключить вариант направления «глобальной истории», историк чаще всего изучает какую-то одну из сторон живого организма, каким является процесс развития общества. Смещение акцента в историческом анализе в статье оживило знакомую с эпохи Просвещения идею комплексности исторического процесса, потенциал толкования которой, как оказалось, еще не исчерпан. Более того, соблюдение принципа преемственности в развитии (будь то исторический процесс или эпистемология), в толковании его в контексте формулы развития Гегеля, делает целесообразным попытки «заново взглянуть» на уже знакомые исследователям достижения исторической мысли в эпистеме XX столетия, чрезвычайно важному для повторных прочтений, с учетом реакции на нее научной общественности в самом XX в. и сегодня, в условиях обострения деструктивных тенденций постмодернизма.

Склонность человеческого сознания к бинарной манере мышления продолжала демонстрировать его издержки даже в исключительном по результатам научных итогов историко-философском знании XX столетия¹. Издержки обнаруживали себя очевидной увлеченностью новых направлений исторического знания к духовной жизни и претензиями на собственную исключительность некоторых из направлений (ментальная история, микроистория), – с неприятием генерализирующей истории, развитие которой, собственно, и предопределяло их собственные успехи. Неприятие «генерализирующей» истории в отечественной медиевистике советского периода с лимитами, связанными с особой формой марксизма в качестве «официальной методологии», стимулировало внимание к констатации по преимуществу только про-

¹ Уже преодоление в новой эпистеме альтернативы материи и духа, казалось бы, могло гарантировать человеческую мысль от едва ли не главного из тупиков сознания – склонности максимизировать одну оценку, мнение, позицию.

счетов в оценках «экономического детерминизма», отодвигая во времени специальное внимание к этой весьма сложной и неоднозначной проблеме.

Отмеченная нами в статье многозначность явления средневековой собственности побуждает вспомнить о сложности исторического процесса в целом – этого живого организма, действующего в совокупности всех присущих ему качеств и неоднозначностью в комбинации внутренних связей его взаимодействующих сторон. Неоднозначность диктовала специфика природы каждой из сторон – экономической, политической, социально-духовной, обнаруживая себя в разнообразии форм и темпах проявлений ее качеств, в характере переключки связей сторон друг с другом.

Подобный динамизм и сложность во взаимодействии внутренних связей исторического процесса и составляющих его общественных явлений не исключали состояния жесткой связки, которая сохраняла во временных лимитах жизни каждого из упомянутых явлений его качественную определенность.

Самый факт сложности внутренних связей призывает к осторожности, в частности, в оценках экономического фактора, побуждая вспомнить о принципе относительности.

Формула преодоления антиномии материи и духа, исключительность которой (я позволяю себе это повторить) по своей значимости для перспектив исторического знания и убедительности ее научного потенциала открыла путь к отказу от упрощенного анализа, в частности сняв принцип иерархии в функционировании факторов исторического процесса.

В этом же направлении действуют исследования в изучении природы исторического Времени, авторы которых обратили внимание на неоднозначность его природы: время «долгой протяженности» (*longue durée*), с повторяющимися и глубинными («литургическими», «постоянными») связями, и «короткое время», с быстротекущими и меняющимися событиями в политической жизни и связанными с ними формами общественного сознания, т. е. в «поверхностной канве действительности».

Эти разработки имеют множественный результат: они легитимируют понятие «общественной структуры», регулируемой, в частности, «способом производства», но подчеркнув исключительную значимость факта зависимости последнего от комплексного потенциала социума на шкале исторического Времени и позволив, таким образом,

оценивать номинацию «уровень развития» (или «уровень зрелости») в качестве специального фактора в эпистемологии исторического процесса, подчеркивающего зависимость социума от объективных условий его существования. Мобилизация этого фактора в познании предупреждает от не менее «плоской» (чем столь критикуемая в литературе «переоценка») недооценки роли экономического фактора. Превращение палки дикаря в орудие производства, а тем более создание доменной печи, предопределившее конец господству мелкого производства и, следовательно, многовековому доиндустриальному этапу в цивилизационном развитии социума потребовало экономических усилий, однако качество и успех последних зависели от уровня сознания и знаний акторов процесса.

Не желая ни в коей мере преувеличивать значимость наблюдений, полученных в результате конкретного исследования только одного феномена, – средневековой земельной собственности, хотя и подкрепленных теоретическим активом исторических знаний, полагаю допустимым высказать несколько соображений в контексте интересующей нас «тайны производства», часто толкуемой в лимитах исторического сознания XIX века. Подсказанный в статье контекст рассмотрения исторических явлений в условиях их реализации позволяет отметить впечатляющее разнообразие «проявлений жизни» каждой из сторон этих явлений – с их функциональным назначением, темпами развития, степенью выразительности, а также особенностями их внутренних контактов¹. Это «естественное разнообразие», в свою очередь, позволяет допустить возможность для любой из сторон в каких-либо условиях стать опережающим или ведущим фактором развития самого явления в рамках его качественной определенности. Иными словами, возможность выхода на «передовую линию» какого-то одного из факторов (сторон) общественного явления не обесценивает естественной востребованности и значимости всех остальных факторов, включая экономический, так как они продолжают действовать как совокупная данность².

¹ *Berr A.* La synthèse en histoire, essai critique et théorique. Paris, 1911; 1953; *Braudel F.* “Écrits sur l’histoire” / Paris, 1969; *Idem.* Histoire et sciences sociales. La longue durée // *Annales E. S. C.* 1958. № 4.

² Опыт близкого нам прошлого дает основания вспомнить судьбу революции 1917 г. Поставленные в ней цели социалистических преобразований революционной партией большевиков, в какой-то мере осознававших их несоответствие объективным условиям развития России того времени (относительная слабость капиталистических отношений, экономическая значимость мелкого производства,

Возможная «игра сил» в условиях реализации явления, подчеркивая неоднозначность исторического процесса в целом, не может тем не менее обесценить или перечеркнуть фактор объективных условий в формировании больших общественных структур этапного развития, реализация которых предполагает определенный уровень зрелости в организации общественных отношений в социуме. В этом случае историк не может уйти от понятия «способ производства», – но сегодня оно номинирует явление, образ которого лишен абстрактного экономизма.

Высказанные соображения, освобождая историческое знание от «экономического соблазна», облегчают возможность реальной, лишенной схематизма оценки значимости экономического фактора. Они подсказывают результативность дифференцированной оценки роли последнего в зависимости от «среды» его функционирования в пространстве исторического процесса – глубинных сферах общественного развития, где действуют «постоянные» связи в рамках «долгой протяженности» или в сфере «событийной» действительности – в качестве только *одной* из мотиваций быстро меняющегося поведения членов социума, к тому же по разным причинам и, что важно, часто отнюдь не по причинам экономического характера.

Выделенная нами в статье в качестве специальной проблема взаимодействия сторон в комплексном развитии общественных явлений и структур не отодвигает на второй план оценку природы и объема усилий, затраченных на обеспечение вклада каждого из факторов в конкретных условиях ее реализации.

По объему, сложности и темпам технического прогресса экономический фактор долгое время не имел соперников¹. Только посте-

высокий процент беднейшего крестьянства, не способного собственными силами осуществить переход к крупному производству и даже выход из общины, – особенности, которые отражали социальную незрелость общества), предопределили расчет на политический фактор – «командные высоты» государства, с помощью которых следовало преодолевать трудности, решая поставленные задачи, что неизбежно стимулировало насильственный компонент в политике государства: преодоление одних трудностей порождало новые, в частности, бюрократизацию – этот коварный и опасный по возможным последствиям знак «зрелости» форм государственного аппарата. Оценка бюрократии как исторического явления см.: *Бурдьё П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016.*

¹ Потребовался миллион лет, чтобы человек, добывший огонь, избрал колесо; несколько тысяч лет – печатный станок; 200 лет – телескоп; 10 лет – чтобы приступить к модификации ДНК.

пенно, по мере продвижения по шкале исторического времени, он, казалось, терял свою «затратность» в параметрах времени, но не по показателям сложности своей технической природы и техническим условиям своей реализации, подтверждая «зрелость» социума и необходимость специального анализа затронутой проблемы.

В нашем случае достаточно признать, что современность демонстрирует удивительные по сложности успехи в результатах деятельности человека: в сферах электроники и техники в целом, создания искусственного мозга, геной инженерии и т. д., т. е. ход развития цивилизационного процесса с очевидностью подтверждает факт повышения значимости фактора сознания (в первую очередь в его компонентах «знания» и «нравственности»). Не исключено, что изменения в процессе исторического развития, раскрывая его потенциал, могут радикально (?) обновить механизм его функционирования¹.

Уже проверенный историческим опытом принцип «этапности развития» не только не исключает, но и предполагает подобный результат, открывая, по словам О. Мандельштама, «тайники движенья непочатого». Очевидно, не являются случайными отдельные высказывания в подобном контексте, появившиеся в исторической и социологической литературе уже в XX столетии. Важная способность увидеть и тем более предвосхитить будущее тем не менее требует осторожности.

Н. А. Хачатурян (Москва, МГУ)

¹ Если рассматривать понятие «класс» в пространстве социальных отношений, а не политологии, – т. е., по выражению французского социолога П. Бурдьё, «не мобилизуя его в организатора движений», – то любопытный опыт мотивированного анализа в немецкой историографии современного постиндустриального общества демонстрирует немецкий социолог Ульрих Бек в работе «Общество риска. На путях к другому модерну» (1994). Автор фиксирует присутствие в нем страта, именуемого понятием «класс», которое обычно связывается с экономическим показателем по его отношению к средствам производства и орудиям труда. Автор отмечает в его социальной характеристике новые факты очевидного смягчения противоречий, свойственных ему на предшествующих этапах развития, благодаря действию фактора образования, облегчающего свободу выбора специальности, изменения его социального статуса в обществе, роль общественных организаций и социальное содержание в политике современных государств. Приведенный пример, в свою очередь, подчеркивает постепенность и гетерогенность процесса исторического развития. См. также: *Бурдьё П.* Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005. С. 18.

РАЗДЕЛ II

«РАЗДЕЛЕННАЯ» ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА И ФОРМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ (условная собственность – фео- д, крестьянские держания; сейзина (владение))

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОДАЛЬ» И «СОБСТВЕННОСТЬ» В НОРВЕЖСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XII–XIII ВВ.

Аннотация

Изучается посессорная терминология, которая применяется в норвежском средневековом законодательстве, отразившем разные стадии эволюции владельческих прав на землю в раннесредневековой Норвегии. Памятники средневекового норвежского права XII–XIII столетий показывают, что проблема статуса земельного владения весьма беспокоила разные круги тогдашнего общества, и особенно рельефно это проявлялось, когда речь заходила об одале. В исследовании доказываем, что к середине XIII в. Норвежское королевство как объект собственности стало рассматриваться в праве как одал королевской фамилии, глава которой обладал в его отношении всей полной прав. Король рассматривается законом в качестве одальсманна и главы семейства, обладавшего правом одала, подобно всем прочим его подданным. Показано, как языком права изложен процесс трансформации государства патриониального в публично-правовое.

Ключевые слова: Средние века, Норвегия, одал, владельческие права.

Interrelation between the concepts of «odal» and «property» in the Norwegian law codes in 12th and 13th centuries

Summary

The article researches a possessory terminology used in the Norwegian medieval law codes, which reflected the different stages of the evolution of property

in land. Regulations and requirements show – the problem of the status of estates was important for different groups of society, and this problem was on full display when it relates to odel. To the middle of the 13th century the law considered the Norwegian kingdom as an odel of the king. The law ranks the Norwegian monarch as an odelsmann who possessed the odel like the other his subjects. The article demonstrates how the language of law sets forth the process of transformation of a patrimonial state into a public one.

Key words: the Middle Ages, Norway, odel, possessory rights.

Посессорная (владельческая) терминологии, которая применяется в норвежских областных судебныхниках Гулатинга и Фростатинга, записанных в 1160–1180-е гг., а также в «Земском законе» и в «Дружинном уставе», появившихся, в свою очередь, в 1270-е гг., отразила разные стадии эволюции владельческих прав на землю в раннесредневековой Норвегии. Памятники средневекового норвежского права XII–XIII столетий показывают, что проблема статуса земельного владения весьма беспокоила разные круги тогдашнего общества, и особенно рельефно это проявлялось, когда речь заходила об одале¹.

Институт одаля состоял одновременно из особых *наследственных земель*, владельческих прав, а также неразрывно вытекающих из обладания этими землями публичных обязанностей. Первоначально право одаля распространялось на широкий круг родственников, вплоть до шестого-седьмого колена². Обычно мужчина, представитель старшего в роду линияжа, обладал наиболее широкими возможностями распоряжения одалем, но реализовать их он мог лишь при учете мнения других сонаследников (рожденных с правом на одаль, но не имевших верховного права распоряжения им – *óðalborinn maenn*). Таким образом, одаль имел верховного распорядителя и находился в *коллективной собственности*, что обуславливало специфику его отчуждения (или делало последнее крайне затруднительным) за пределы указанного коллектива родственников и свободное распоряжение им.

¹ Об одале существует большая литература. Историко-юридическое исследование эволюции права одаля с древности до наших дней см.: *Kleven H. I. Odelsretten. Bare en levning fra ættesamfunnet?* Oslo, 2004. См. также: *Norseng P. Fridom, likskap og odelsrett? Om odels- og åsetesretten i norsk historie // Eigedomshistorie. Hovudlinjer i norsk eigedomshistorie frå 1600-talet fram mot nåtida / Red. P. K. Sky, E. Berge.* Oslo, 2017. S. 338–362.

² F XII; G 265–294 (ссылки приводятся по изданию: *Norges gamle Love indtil 1387 / Utg. R. Keyser, P. A. Munch.* Bd. I. Christiania, 1846).

Прочие сонаследники, рожденные с правом на одаль, могли попробовать вернуть (at brigda) причитавшиеся им земли. Такой одаль можно назвать «старым» или «ранним» одалем.

К XIII в. в основном завершился распад прежних коллективов родственников и их владельческих прав. Параллельно этому процессу происходила сегментация земель одаля в процессе его окончательного раздела (óðalskipti) и закрепление отдельных участков за обособленными собственниками (главами малых семей). Данные явления сопровождалась широкой внутренней колонизацией, наступлением королевской власти и церкви на земли бондов. В результате этого прежде всего для норвежских крестьян одаль стал ассоциироваться с особым правом собственности, обладание которым предоставляло его обладателю возможность возвращения земель даже в случае ее продажи, если только при заключении сделки не был оговорен специальный срок окончательного отчуждения. С исчезновением старых многосемейных коллективов родственников, земля изначально одалем не являвшаяся, становилась таковым сразу же после заключения сделки купли-продажи или спустя оговоренное время. С другой стороны, право-обязанности, связанные с обладанием одалем (обязательное участие в военно-морском ополчении – лейданге, тингах различного уровня, общественных работах), стали распространяться на тех, кто это право купил, а не унаследовал. Во второй половине XIII в. система неразрывных прав-обязанностей исчезла со спецификацией публичных функций, возложенных ранее на полноправных членов местных обществ, с их переходом к королевским чиновникам и профессиональным воинам.

Из пролога к «Земскому закону» видно, что существовали земли, на которые право одаля не распространялось. Одальсманн в силу традиции представлялся наиболее надежным и формально единственно законным собственником. Поэтому все прочие имущественные права на землю оценивались как бы по «шкале одаля». Тот же пролог к общенорвежскому праву указывает, что человек мог быть рожден с правом на одаль, и в силу этого являться законным наследником своих совладельцев, что называется *ad hoc*. Незаконное удержание за собой одаля другого человека, которое само по себе считалось тяжким преступлением, также наносило удар по «собственнической репутации» одальсманна, поскольку тот должен был соблюдать определенные нор-

мы поведения, дабы личными действиями (посягновением на чужой одаль) не нанести ущерба своему реноме как собственника особого качества.

В сохранившихся списках «Земского закона» имеются важные структурные различия, которые необходимо учитывать при анализе содержания этого памятника¹. В редакциях Fa, Fd, Fe (в номенклатуре, принятой в издании *Norges gamle Love indtil 1387 / Utg. R. Keyser, P. A. Munch. Christiania, 1848. Bd. II. S. 3–6*) первые семь глав раздела «О возврате земли», где описываются возможные операции с одалем, относятся к предыдущему разделу «О порядках наследования», что говорит о неразрывной связи наследственного права и одала, какой она представлялась законодателям. А раздел «О возврате земли» в этих трех списках начинается сразу с главы «Как человек должен выкупать свой одаль», что является показателем того, что на одаль обращают внимание прежде всего тогда, когда речь заходит о его отчуждении. Таким образом, в процессе эволюции одала появились одальсманны, так сказать, «разного качества» – те, кто получил в свое распоряжение старый наследственный одаль в результате перехода земли, по крайней мере, в четырех поколениях свободнорожденных мужских предков, и те, кто попросту купил его. Причем приобрести за деньги можно было как старый одаль, так и земли, которые первоначально таковым не являлись, а получили этот статус в силу иных обстоятельств (см. ниже).

В прологе к «Земскому закону» 1274 г., составленному по формуляру королевской грамоты, объясняющему структуру всего кодекса, видны результаты осмысления указанных изменений, которые произошли с владельческими правами за столетие, минувшее с момента кодификации областных судебныхников. Следует отметить, что из десяти разделов нового законодательства три, что следуют друг за другом («О порядке наследования», «О возврате земли» и «О найме земли»), прямо посвящены поземельным отношениям и составляют внутри кодекса отдельный блок. Раскрывая свое видение предмета правового регулирования, составители раздела «О возврате земли» (*landa brigði*), кото-

¹ Об этом см. подробнее две диссертации А. К. Хорн, посвященные данному предмету: *Horn A. K. Kapitteltitlene i Landsloven – variasjon og funksjon. Masteroppgave i norrøn filologi. Institutt for lingvistiske og nordiske studier. Universitetet i Oslo. Oslo, 2008; Horn A. K. Lov og tekst i middelalderen. Produksjon og resepsjon av Magnus Lagabøtes landslov (Göteborgsstudier i nordisk språkvitenskap, 26). Göteborg, 2016.*

рый в обоих областных судебниках носил название «О выкупе одаля»¹, отмечают: «После раздела “О порядке наследования” следует раздел “О возврате земли”. Ибо в то время, когда человек наследует какие-либо земли, ему подобает осмотреть свой одадь и одадь других людей, чтобы не удержать чьего-либо одаля, взыскиваемого по закону, и быть в состоянии по закону вернуть свой собственный одадь»².

Интересно употребление глагола «at brigða» в новом названии этого раздела, предложенном взамен прежнего. Его значения – 1) пытаться вернуть потерянную собственность, соблюдая законные процедуры; 2) аннулировать, сделать недействительным. Они отсылают к процедуре скейтинга (skeyting). Она подробно описана в областных судебниках, но лишь в незначительных осколках сохранилась в самом «Земском законе», указывая на связь с правом одаля, который наследники могли вернуть (at skeyta) в течение шестидесяти лет (трех поколений) после его продажи, обмена или заклада одним из совладельцев³.

Причины, по которым термин сменился, раскрываются составителями «Земского закона» уже в самом прологе. Так, в аннотации к разделу «О торговых сделках», идущему сразу после блока земельного законодательства, обращается внимание на то, что «розыск движимого имущества должен производиться так же, как возвращаемых земель (landa brigði iorð) и одаля»⁴. Здесь прямо указано на существование и правовое признание иных прав собственности на землю (и не только), помимо одаля, и равенство между ними с точки зрения защиты их законом. В этом, в частности, отражалась важность торговли, которой широко занималось и государство. А это диктовало необходимость закрепления прав собственности на товар как на движимое имущество (lausu auga), сделав их схожими с правом собственности на благоприобретенные земельные владения (eignir) и даже с правом одаля.

Для обозначения приобретения любого вида имущества в собственность в «Земском законе» используется описательный оборот «med lagum at komizt er a» (букв. «перешедшее в соответствии с законами»), где употреблен глагол, обозначающий перемещение физического объекта в пространстве. В отношении земельной собствен-

¹ F XII; G 265–294.

² MLL. Prol.

³ *Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее Средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977. С. 62–64, 70, 71, 79, 80, 97, 135, 146.

⁴ MLL. Prol.

сти прослеживается связь с присущей одалю характеристикой, когда его можно было «at bríðða», «вернуть законным порядком», «обменять» в значении заместить одалем же¹, т. е. переместить один одал на место другого.

Документы, содержащие сделки купли-продажи земли, показывают, что в XIV в. эти контракты заключались на условии единовременного и необратимого перехода участка земли от одного собственника к другому². Принцип необратимости этих сделок в «Земском законе» подчеркивается, когда он говорит об исках, против которых не может быть выдвинуто встречных свидетельств. Ими являлись свидетельства, приведенные по месту жительства, на тинге, о возбуждении судебной тяжбы и об уважительных причинах; но также это свидетельства по законным искам об одале (!) и те, что приводятся о ссорах на пиру или в церкви³.

Отчетливо изменения, произошедшие с правом одала и отмечаемые в «Земском законе», видны, когда относительно этого предмета начинает проявлять инициативу королевская власть. Так, согласно указу короля Хакона Старого (1217–1263), земельное владение отходило короне в счет штрафа за покушение на подданного. В этом случае наследники убийцы, чьим одалем оно являлось, имели право выкупить его в течение десяти лет, если они желали этого⁴. Следует отметить сближение понятия «земельное владение» (eign), т. е. участок, находящийся в чьей-либо персональной собственности, но одалем не являющийся⁵, непосредственно с одалем. Тогда как прежде, что отмечено в

¹ Cp.: «...ef maðr skiptir oðals iorðu sinni i aðra iorð. þær scolo oðrlom fylgia oc allar þær er i oðals skipti hava komet. með bröðrom oc með frendom þeim. allar aðrar aurum» (G 270).

² Агушев С. Ю. Эволюция форм собственности и семейной организации в средневековой Норвегии (вторая половина XIII – первая половина XIV вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004. С. 227–232.

³ «Nu eru þau vitni er eigi skolu anduitni mote koma, þat er heimstefno vitni oc þing stefno vitni, kuoðu uitni oc naudznyiari uitni, forsagnar vitni oc þau vitni er menn bera vm deilld manna at samkundum eða kirkium» (MLL I 4-2; ссылки приводятся по изданию Magnus Lagabøters Landslov / Overs. A. Taranger. Kristiania, 1915).

⁴ «En ef eign er i þegngilldi greidd, þa skolu arfar ueganda eiga lausn a ef þeir uilia löyst hafa innan.x. uetra en þeirra oðal er» (MLL IV 2-1).

⁵ Областные законы знают три категории: одал, купленная земля (kaupaland, kaupra jörð), и альменнинг – земли, находившиеся в общем пользовании. При этом ни областные законы, ни MLL не используют такого сочетания, как «óðalseign» (см.: NgL V 479–483).

самом начале той же самой главы, одаль в отличие от прочего земельного и движимого имущества в уплату штрафа за убийство не шел¹. Сокращение срока возврата одаля – вполне сложившаяся практика, а устанавливает эти сроки государство в лице короля.

Очевидно также наделение одаля несвойственной ему прежде характеристикой (уплата штрафа за убийство)², а также вторжение королевской власти в наследственное право. Этому также способствовала возможность вступления в брак между родственниками, начиная с четвертой степени родства, введенное 50-м каноном IV Латеранского собора в 1215 г.³ Ведь главное, что делало одаль одалем, являлось право давности владения. Согласно областным судебникам, им становился тот участок земли, который находился в обладании последовательно сменявшихся поколений наследников по непрерывной нисходящей мужской линии: при переходе его к четвертому поколению он приобретал статус одаля на территории действия «Законов Фростатинга»⁴, и на протяжении шести поколений – в области, где применялись «Законы Гулатинга»⁵, поскольку одаль был неразрывно связан с понятием *наследственного* владения⁶.

¹ «En þo at allt þat er uegande atte bæðe i lande oc lausum öyri felli aðr vndir konung vttan oðals iarðir» (MLL IV 2-1).

² Ср.: «Везде, где человек совершит подлое убийство или презренный поступок, он объявляется вне закона, лишается неприкосновенности и имущества, а также мира, земли и движимого имущества, в том числе своих земель одаля, и никогда не возвращается в страну, если только он не принесет истинную весть о войне, которая прежде не была известна людям: тогда он обретает право проживать в стране по милости короля и выкупив мир по цене, которую тот укажет. Но ни у кого нельзя сразу отнять имущества больше, чем у него есть» («Hveruitna þar sem maðr uegr skemdar uig eða gerir niðings uerk, þa fare hann utlægr oc (v)heilagr, firir gor(t) fe oc friði lande oc lausum öyri oc iamual oðals iorðum sinum oc kome allðri i land aptr, nema hann beri hersogu sanna þa sem menn uitu eigi aðr, þa nai hann landzuist með slikri miskun oc friðkaupi sem konungr gerir a. En eigi ma maðr meiru fe firir gera einu sinni, en þui sem þa er hann eigande orðinn») (MLL IV 6-1).

³ Consilium Lateranense IV. Rome, 2007. P. 33. Важно отметить, что до этого момента заключение браков было невозможно между родственниками, состоявшими в пятой и даже в седьмой степенях родства, т. е. в пределах коллектива, в который местное право объединяло сонаследников одаля.

⁴ F XII 4.

⁵ G 266.

⁶ G 103, G 104, G 275, G 282.

Из всех норм наследственного права, касающихся одаля и хорошо изученных в литературе, следует обратить внимание на те новшества, которые были привнесены при консолидации и кодификации норм «Земского закона» и появились в результате переосмысления законодателями тех изменений, что произошли с посессорными отношениями с момента введения в действие областных судебныхников. Важным итогом этой эволюции видится расширение как количественной (когда с введением церковного ограничения число совладельцев одаля должно было сократиться), так и качественной характеристики одаля. «Земский закон» не специфицирует процедуры, производимые с одалем и прочим наследуемым имуществом, тогда как областные законы сосредоточены на таком качестве одаля, как неотчуждаемость, а следовательно – на процедурах его возвращения в родню. Для составителей «Земского закона» моделью при описании наследования одаля становятся порядки перехода имущества, взятые из предшествовавших ему местных судебныхников¹. Но при этом правоотношения, отраженные в них, существенно разнятся (см. табл. 1).

Очевидно сокращение числа претендентов и спецификация их прав. При этом в «Земском законе» одадь как бы «затмевает» собой все прочее, в том числе и земельное наследство, которое состояло из угодий, имевших другой правовой статус.

«Законы Гулатинга» стараются оставить одадь неделимым, а судебник Фростатинга предусматривает ситуацию, когда единственным наследником одаля может остаться дочь. Совсем как в законе о престолонаследии 1302 г., согласно которому норвежский трон могла также наследовать дочь короля, а не обязательно его мужские родственники, что было трудно себе представить прежде². Но если общее право требует от мужских наследников выкупить одадь у их родственницы, то указанная редакция закона о престолонаследии оставляет трон за женщиной, и поиск альтернативной мужской кандидатуры не предусматривается. Хотя оба закона, конечно, отдают предпочтение мужчинам перед женщинами. «Земский закон» допускает не только раздел одаля³, но и оценку соответствующего земельного участка и его вы-

¹ Magnus Lagabøters Landslov / Overs. A. Taranger. Kristiania, 1915. S. 82.

² NgL III. S. 44–55.

³ Хотя при наличии единственного наследника, «всегда, когда делят земли одаля, одадь берет тот, кому он приходится по рождению, а остальные – движимое имущество», даже если это женщины (MLL VI 7-10).

Таблица 1

G 103	F VIII 3	MLL V 7-3
<p>Первым является наследование, когда сын берет после отца или отец после сына, если умрут в разное время. Вторым, когда берет дочь и сын сына и каждый из них половину. Таким же образом берет отец отца всегда, когда этому не препятствуют дети покойного, берущие наследство, а он – одаль. Третьим, когда берет брат после брата, а также сестры, рожденные [с ним] от одного отца, если за их матерью было дано приданое. Четвертое, когда мать наследует своимкам. Пятое, когда берет брат отца и сын брата друг за другом; берет вместе, если им так выпадет. Шестое, когда берут сыновья братьев, а также братья, рожденные от одной матери, если они есть. Он наследует движимое имущество, а они одаль.</p>	<p>Если наследство приходится двоим законнорожденным сыновьям сыновей, но у одного отец законнорожденный, а у другого нет, то наследство берет тот, у кого отец законнорожденный. А если его нет и нет дочерей, то пусть тот [другой] разделит наследство с дочерью сына, и его следует разделить как между сыном сына и дочерьями, и пускай все наследники удовлетворятся этим. Но если есть только одна дочь и есть все те, то пусть она наследует поровну с ними. Если же есть много дочерей, а сын сына лишь один, то раздел все же проводится между ними поровну. Если же между ними делаются земли одала, тогда братья должны выкупить его за те ценности, о которых решено про меж всех людей – за золото и чистое серебро; и оно не должно быть старше 30 и моложе 15 лет. Если умрет дочь или сын сына, тогда дочь сына берет прежде братьев.</p>	<p>Если по отцу останется одаль, то одаль достается сыновьям, а дочерям – земли за оградой и движимое имущество, если нет земель; и старший владеет главной усадьбой, если другим по законной оценке выделены прочие равноценные земли одалья*. А сын сына в своей доле владеет тем одалем, за которым стоял его отец, но так, чтобы он получил равную долю с дочерью. Если одаль, за которым стоял его отец, больше, то он выкупает его у братьев своего отца по цене, которая будет меньше действительной стоимости на пятую часть. Но он не выкупает одаль у братьев своего отца прежде, чем умрет отец его отца, если только отец его отца не станет иждивенцем своих сыновей.</p>

<p>Sv er erfð hin fyrsta er sunr tecr efter faður. æða faðer efter sun. ef misdaudi verðr þeirra a milli. Su er onnur er tecr dotter oc sunar sunr. halft hvárr þeirra. sva scal faður faðer taca hvervitna sem eigi standa bom hins dauða fri. oc verðr hon aura arve. enn hann oðrla. Sv er hin þriðia er tecr broðer efter broðor. oc syzkin hvert samfeðra. ef moðer þeirra er mundi keypt. Su er hin fiórða er moðer verðr magar arve. Su er hin fimta er tecr faður broðer. oc broðor sunr hvárr efter annan. taca þeir baðer eins mannz arf ef sva berr at. Sv er hin setta er bróðra synir takast arf efter. oc broðer sammóðra ef til er. verðr hann aura arve. er þeir oðrla.</p>	<p>En ef sunarsynir .ij. standa til arfs scilgetnir oc er annars faðir scilgetinn en annars eigi. þá taci sá arf er scilgetinn er faðir hans. en ef hann er eigi til ne dóttir. þá eigi hann arfs scripti við sunar dóttor oc scripti svá sem scripta scylldi sunarsunr oc dóttir. oc stande í öllum erfðom uppi frá því. Sama mál eigu bróðorsynir svá getnir. En þó at dóttir se ein. en þeir se allmargir. þá scal hon ganga iamt til arfs við þá. en þó at þær se allmargar en sunarsunr se einn. þá scal þó scripta iamt þeirra á meðal. En ef óðals iðrð er í scripti þeirra. þá sculo þeir bróðr leysa til sin með slicu fē sem allra manna er mælt ámeðal. með gulli oc með brendu sylfri. en þat scal eigi vera ellra en .xxx. vetra oc eigi yngra en .xv. vetra. En ef missir dóttor eða sunarsunar. þá taci sunardóttir fyrt en bróðir.</p>	<p>En ef faðer a oðal eptir, þa skolu synir snuazt til oðla en dóttir til vftiarða oc lausa fear ef eigi eru iarðer til, oc skal hinn ellzti einn eignazt hafuð bol, en hinum lotnezt aðrar oðals iarðer i sinn lut sua at iamgöðar se at logligre uirðingu. En sonar son i sinn lut þau oðaul sem faðer hans stoð til, til þess er hann hefir iamt mote dóttor. En þau oðaul sem meiri eru til oc faðer hans stoð til, þa löysi hann af faður bróðrum sinum fimta lut minna en uerð eru. En eigi skal hann fyr löysa af faður bróðrum sinum en faður faðer hans er andaðr, nema faður faðer hans uerði omagi sona sina.</p>
---	--	--

* С этой нормой, по-видимому, соотносится процедура, в соответствии с которой приговор о наследстве выносится там, где пребывал покойный, или там, где находятся земли или хозяйство умершего (MLL V 19-4).

куп, уже явно по рыночным ценам, допуская лишь 20% скидку при возможном неравноценном разделе одальных земель между старшими и младшими мужскими родственниками¹ и только потому, что законодательство рассматривает эти владения опять-таки как их изначально общий одаль.

О том, что одаль «подменяет» собой прочее наследство, также говорит норма, согласно которой если мужчина и женщина имеют на него равные права, то он делится между ними как наследство, исключая первое наследование². Описывая же первый порядок наследования, «Земский закон» говорит: «Если по отцу останется одаль, то одаль достается сыновьям, а дочерям – земли за оградой и движимое имущество, если нет земель»³. Этот казус как раз и показывает, что наследство могло состоять не только из земель одаля.

Главным изменением в качественном отношении является увеличение категорий участков, которые признаются одалем. Им оказываются земли, которые названы таковыми «в улучшениях права, дарованных всем людям Норвегии нашим коронованным господином королем Магнусом [Исправителем Законов. – С. А.]»⁴. И этим «улучшением права» (королевским указом) становится в «Земском законе» вполне привычное, но скорректированное, положение о давности владения. «Если земля находится во владении одной и той же ветви рода шестьдесят или более лет, тогда земля станет одалем того, кто ею

¹ Ср.: «Если есть двое или более братьев, и кто-нибудь из них умрет прежде их отца, и останутся после него сын или дочь, тогда должен тот из них, кто имеется в наличии, продать братьям своего отца ту часть одаля, которую его отец имел право получить после своего отца, по цене, которая на пятую часть меньше ее действительной стоимости. Никто не может продать одаль прежде, чем умрет отец его отца» (MLL VI 1–2).

² «En ef bæðe er iamskyllt til oðals, kallmaðr oc kona, þa skal sua skipta oðlum þeirra millum sem arfe, nema i fyrstu erfð» (MLL VI 1–1).

G 275 прямо открывает перед женщиной возможность наследовать одаль без его дальнейшего выкупа и отчуждения, а также без выкупа мужскими сонаследниками, если женщина становилась полноценным участником получения и выплаты вергельдов, а также прочих штрафов, которые за собой влекло право-обязанность коллективной вины и коллективной же ответственности, объединявших соответствующих людей в общность, называемую *bauggildismenn*.

³ MLL V 7-3.

⁴ MLL VI 2-1.

владеет, так что никто не сможет эту землю у него потребовать»¹. По сути, оно ничем не отличается от указания «Законов Фростатинга»², как нарочно, еще раз повторенного в той же главе «Земского закона» чуть ниже³, а также от нормы судебногоника Гулатинга о возможности раздела одаля⁴.

Ключевой же фразой в этой главе видится высказывание, что землями одаля должны считаться «те, которые человек получил от короля, если только они не были дарованы на других условиях»⁵. Так, одадем становились угодыя, полученные от государя в награду за пир, устроенный в его честь⁶, а значит, сам король уже рассматривался как одальсманн и, даже точнее, превращался законами в такового.

Важно увидеть в источниках этих норм «Земского закона», выявленных еще А. Тарангером⁷, как посредством включения короля и его управляющих в механизм передачи одаля монарх превращается в одальсманна. Например, в титуле судебногоника Гулатинга «Если земля отходит королю», который идет сразу после титула, определяющего, какие участки являются одадем, речь идет просто о земле, и то, что на нее распространяется право одаля, не говорится⁸. Обращают на себя внимание те же глаголы «at brigða» в значении «возвращать» и «at koma» в значении «переходить».

Примечательно, что земля может быть возвращена от монарха в течение жизни трех королей, каждый из которых, по-видимому, оли-

¹ Ibid.

² «Engum manni verðr iorð at óðali fyrir en .iij. langfæðr hafa átt oc kemr undir hinn .iiij. samfleytt» (F XII 4).

³ «Те, которыми уже владели три предка и которые без перерыва перешли четвертому» («Su er hinn þriðia er þrir langfæðr hafa átt oc kemr vndir hinn fiorða samflöyb»; MLL VI 2-3).

⁴ Ср.: G 270.

⁵ MLL VI 2-2.

⁶ «Su er hin .v. er dreckulaun er. ef hann þiggr af kononge» (G 270).

⁷ Magnus Lagabøters Landslov / Overs. A. Taranger. Kristiania, 1915. S. 98.

⁸ «Nu ef iorð kemr undir konong. þa scolom vér undan armanne hans þa iorð brigða. þeim armanne er i því fylki a ivirsokn. er su iorð ligger i. En ef eigi er konongs armaðr i því fylki. þa scolom vér brigða undan þeim armanne er nestr er. oc hava brigt fyrir en þriggia kononga æve se liðin. En ef eigi er þa brigt. þa liggi iorð sem komen er. En þo at konongar se þrir senn at lande. þa er þat þo eins æve. Nu vill konongr iorð undan oss brigða. þa scal armaðr hans þa brigða sva sem várr hverr undan oðrom. hann scal þa oc hava brigt fyrir en þriggia kononga æve se liðin. ellar liggi iorð sem komen er. Eigi scal þa brigða er konongr er innan fylkis. þar sem su iorð ligger» (G 271).

цетворяет собой одно поколение. А как указано в «Законах Фростатинга», при передаче земли представителю четвертого поколения, земля становится одалем! Например, поэтому королям из «рода Сверрира» было так важно выработать схему преемственной передачи власти как среди ближайшей родни, так и получения ее от легендарных королей прошлого. Она позволяла тем из монархов, что правили в XIII в., доказывать не только законность своего происхождения и заявлять права на престол, но и устанавливать давность обладания Норвегией как земельным имуществом, которое в силу этого становилась одалем королевского рода¹. Частью этой схемы, по-видимому, было введение порядкового номера в королевский титул.

Однако вполне в модусе высказывания булгаковского Воланда о внезапности смерти составители «Законов Гулатинга» оговариваются, что даже если в стране имеется три короля, то с точки зрения давности владения землей это считается за одну жизнь². Так, скоропостижная

¹ Таким образом, давняя дискуссия ученых по поводу так называемого «отнятия одаля Харальдом Прекрасноволосым» (*Гуревич А. Я.* Так называемое «отнятия одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (Из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии) // Скандинавский сборник. Таллин, 1957. Вып. 2. С. 8–37; *Krag C.* Norge som odel i Harald Hårfagres ætt // Norsk Historisk Tidsskrift. 1989. Bd. 68. S. 288–301; *Krag C.* Perspektiver på den norske rikssamlinger // Kongemøte på Stiklestad. Rapport fra seminar om kongedømmet i vikingtid og tidlig middelalder / Utg. O. Skevik. Stiklestad, 1999. S. 11–28; *Dørum K.* Det norske riket som odel Harald Hårfagres ætt // Norsk Historisk Tidsskrift. 2001. Bd. 80. S. 323–342; *Krag C.* Myten om Hårfagreættens odel // Norsk Historisk Tidsskrift. 2002. Bd. 81. S. 381–394; *Krag C.* The Early Unification of Norway // The Cambridge History of Scandinavia / Ed. K. Helle. Cambridge, 2003. Vol. 1. P. 411–420; *Bagge S.* From Viking Stronghold to Christian Kingdom. State Formation in Norway, c. 900–1350. Copenhagen, 2010. P. 25–39) приобретает новый аспект.

Редкие случаи употребления понятия «одаль» в «королевских сагах» возникают именно тогда, когда короли манипулируют наследственными владениями своих подданных. С точки зрения произошедших изменений, составителям саг XIII в. это видится вполне законным, поскольку государи рассматриваются ими как верховные одалсманны, имеющие право, по крайней мере, вмешаться в дела, касающиеся одаля, с тем чтобы эти земли не утратили своего статуса. Ради чего короли как одалсманны забирают их под свою власть.

² Это отсылает либо ко времени 1103–1115 гг., когда Норвегией правили три брата, бастарды Магнуса Голоногого, – Сигурд Крестоносец (1103–1130), Эйстейн I (1103–1123) и Олав (1103–1115). Либо к 1142–1155 гг. – когда власть над страной делили также три короля, но уже из числа самозванцев: Сигурд Рот (1136–1155), Инги Горбун (1136–1161) и Эйстейн II (1142–1157). По-видимому, именно

смерть одного из совместно правящих конунгов не должна нарушить задаваемый алгоритм счета. При этом то, как производится возвращение земель от бондов королем, ничем не отличалось от того, как его подданные должны были проделывать это в своей среде. Почему же в рассматриваемом титуле нет упоминания об одале? Почему, несмотря на очевидные коннотации и контексты, составители закона не пользуются этим термином?

Ответ кроется в понимании того, статус каких земель как королевских владений было важно подчеркнуть законодателям. В принципе каждый человек мог расширить имеющиеся у него хозяйственные угодья за счет нови; или же создать на заимке новое хозяйство. Но приобретение на них права одала затруднялось как в силу необходимости соблюдения принципа давности владения, так и потому, что с середины XII в. земли альменнинга, находившиеся ранее в общем пользовании, за счет которых производились прирезки, перешли в собственность короны.

Примечательно, как последнее подано в законодательстве. Областные судебники и «Земский закон» предусматривают, что в результате расчистки, произведенной на общей земле, тот, кто ее совершил и поднял новь, не приобретал прав собственности на эту землю, а сразу же становился арендатором земель короны¹. Именно давность владе-

два этих периода «Законы Гулатинга» и предлагают считать за «одну жизнь» каждый. Новый закон о престолонаследии, введенный в 1164 г. и включенный в «Законы Гулатинга» (G 2) устанавливал в стране единодержавие, в чем нужно видеть попытку преодоления порочной практики соправлений.

Видится, что это еще одно проявление историописания как метода, в данном случае излагающего историю языком права, а также придание событиям прошлого смыслов, обусловленных задачами, которые ставились перед составителями юридического текста.

¹ «Hverr maðr skal neyta vatz oc viðar í almenningi. Sinn almenning skal hverr hava. sem at fyrnsku hever haft. en ef bygð gerizt í almenningi. þa a konongr. ef þar er acr. oc eng. oc garðe um loket. þa a hann sva lagnt fra garðe. sem hann ma kasta sniðrli sinum. En siðan er almenningr. Rec þau oll er reca í almenninga. þa a konongr. Nu sigla menn firi land fram. æða af have oc briota skip sin. sitt fe a hverr er kenner með vattom. hverr sem iorð a. er a recr. hafrec oll onnur þa a konongr» (G 145).

«Of eignir þær er utan stafs ero kallaðar oc í almenningum ero görvar. þá vilium ver at þar standi slíc lög oc scipan um meðal konungs oc karls sem austr eða suðr í landit. oc slica þegnscyldu geri þeir her sem þar etir konungs skipan. Svá er oc mætt at búendr scole gera konungi reiðscióta svá mykinn sem hann þarf. En ármaðr skal scera reiðscióta boð. En búendr allir er boð kemr til garðz þá scole þeir gera reiðscióta konungi. hvert ross

ния угодыми и приложение к ним труда посредством эксплуатации наемщиков-лейлендингов (ведь одаль еще та земля, которая огорожена, на которой постоянно живут и постоянно ее обрабатывают) по прошествии жизни трех последовательно сменивших друг друга королей могло сделать земли альменнинга одалем, а короля – одальсманном огромных по размеру территорий¹. Имеющимися на них угодыми он мог обмениваться не только с одальсманнами, а вообще с любыми бондами, а также передавать хутора полностью или частями своим подданным сразу на правах одаля. Ведь чисто теоретически после установления прав короны на альменнинг и превращение его в одаль короля земель другого статуса в собственности монарха вроде как и не было. При этом он оставался их верховным пользователем и распорядителем. Так, в Норвегии появился фонд коронных земель.

«Законы Гулатинга» указывают, что каждый человек мог пользоваться альменнингом, как это издревле заведено². Судебник Фростатинга защищает право короля на альменнинг сильнее, ограничивая раздел общих земель и присоединение участков к частным владениям. В подобных акциях законодатели видят нечто большее, а именно – посягательство на собственность короны: «Если королевский управляющий или посыльный узнают о человеке, что он завладел теми землями, что находятся в альменнинге без разрешения короля, а владелец поклянется, что заботился о них в течение жизни трех королей, и земле не было причинено никакого урона в течение десяти лет, а королевский управляющий или посыльный оспорят эти показания, тогда он должен использовать своих свидетелей, как указано выше, чтобы человек вла-

scal í reiðscióta hans fara er seli eða söðull hefir á komit. En ef konung scortir reiðscióta. þá skal giallda .iij. aura silfmetna fyrir hvert ross er scortir» (F innl. 19).

«Konungr ma byggja almeninga huerium sem hann uil» (MLL VII 62).

«En ef konungs vmbodsmadr kennir þat manni at hann se handhafi at iorðu þeirri er i almeningi hefir bygd uerið at olöyfi konungs» (MLL VII 61-3).

«Nv byggizt ruðstaðr i heraðe eða i almeningi þa skal sa er ryðr hafa .iij. uætr leigu laust oc allra vttboða oc eigi skylldr boðburðar oc eigi faru manna flutnings. En at .iij. uætrum liðnum þa skolu .vj. skynsamir menn meta huat sa ruðstaðr ma leigu bera eða leiðangrs» (MLL VII 53-1).

¹ В число обладателей одаля попадает и церковь, если может представить свидетелей того, что земельное владение находилось в ее распоряжении в течение 30 лет (F XIV 3).

² G 145; G 150; G 297.

дел земельными угодьями внутри альменнинга и прочих людей»¹. Тем не менее королевская власть проявляет определенную сдержанность ввиду очевидной опасности, что местные общества вслед за чрезмерно рьяными служаками, упомянутыми в данном титуле, будут оспаривать давность владения конкретными угодьями, которыми они пользовались в альменнинге по факту.

Важнее то, что монарх в данном случае готов встать на сторону бондов, а не официалов короны, подчеркивая единство и схожесть своих посессорных прав с теми, что обладают его подданные. А это предоставляет королю свободу маневра в реализации коронной собственности без дополнительных законодательных нововведений. «Земский закон» вносит разъяснение, что раздел даже движимого имущества, находящегося в альменнинге, осуществляется по модели полного раздела одаля: «Если двое или более человек владеют одним и тем же лесом или выгоном, то никто не пользуется на *неразделенной земле* (курсив мой. – С. А.) большим, чем ему причитается, кроме дров. Если же кто-нибудь присвоит больше, чем ему причитается, то совладельцы требуют разделить это согласно тому, что предписывает книга законов при полном разделе одаля...»²

Редакция «христианского права» (kristenrettr) «Законов Фроста-тинга», называемая «Серый гусь» и составленная по повелению Сверрира (SvKr) в 1180-е–1190-е гг., содержит самое раннее описание процедуры перевода одаля и прочих земель, которые таковыми пока не являлись, от бондов в собственность короны. Любой человек (причем как простой бонд, так и лендрманн), построивший на своей земле церковь, не должен был допускать разрушения самого храмового здания и запустения отведенного под него участка, который, подобно землям одаля, должен быть непременно огорожен. Нерадивый обладатель в течение трех лет подвергался различным штрафам в пользу епископа, если допускал подобное. Если же он не предпринимал соответствующих действий более трех лет, тогда он лишался земли, на которой должна стоять церковь, и при этом эти угодья и одадь переходили королю, который брал на себя обязанность восстановить церковь в течение двенадцати месяцев. Но если и он не делал этого, то бонд брал свои земли, но не одадь (!), обратно и должен был починить церковь сам.

¹ F XIV 7.

² MLL VII 22-1.

Если в течение года дело не двигалось с места, то король окончательно забирал себе эту землю, и бонд навсегда лишался права вернуть ее себе¹.

Примечательно, что разделы так называемого «христианского (церковного) права» не пользуются привычными терминами, обозначающими возврат и пользование, которые употребляются в отношении одаля в праве земском. Оставляя за собой одалыный участок, король получал права верховной собственности на него и одновременно собственно право одаля. Переход одаля к королю в данном случае рассматривался как плата за возмещение убытков, и земля, полученная в качестве такого платежа, становилась одалем, даже если первоначально таковой не являлась². Так, король наряду с другими собственниками стал рассматриваться как субъект земского права, участвуя в получении возмещений (*mannzgjolld*) не как обладатель верховной публичной власти, а по тому же самому закону, по которому вергельд следовал бонду-одальсманну³, который понес ущерб от другого такого же бонда. Из закона о престолонаследии в редакции 1260 г. можно понять, что королевская фамилия, подобно другим семействам, обладала собственными землями одаля, отличными от коронных угодий, чем уравнивалась с бондами в части имущественных прав. Об этом говорит примененный там термин «*óðalborinn*», означающий, что, помимо непосредственно короля, правом на одаль по рождению вместе с ним обладают другие члены его рода.

¹ «En ef gera æinka menn kirkiu lendr maðr eða bonde eða huer sem gerer kirkiu. þa skal þæim vpp halda oc aldrí tuft öyða. En ef kirkia brotnar oc falla hornstafer. þa skal han timbri a tuft koma fyr en .xij. manoder se gengner. En ef æigi kömr þa skal böta firer þæt aurum .iij. biskupe oc fa till oc gera kirkiu. En ef han gerer æigi oc lætr han standa .xij. manode tuft auða. þa skal han en böta firer þæt .iij. aurum biskupe. En ef han lætr liggia vætr .iij. tuft auða. þa hæfir han firer gort iorðunni er kirkian var a gor. þa a konongr iorðena oc oðlaz með þui at hafa kirkiu a gorua innan fyrstu .xij. manoda. En ef han gerer æigi sua. þa skal bonde taka afr iorð sina oc gera en kirkiu á. En ef bonde hæfir æigi gort a þæim .xij. manodom. þa a konongr iorðena oc kome aldrí undir bonda siðan» (SVK 14).

² G 270.

³ Здесь уместно вспомнить, что грамота от 2 февраля 1388 г., оформлявшая избрание королевы Маргрете I на норвежский престол, называет эту монархиню «высокородной властительной госпожой, королевой и... законным хусбондом» («...þa høgborna forstinno frw Margareta drothneng fyrnæmfda til alla vara fyrnæfda erkibiskops biskopa profastz riddara oc swæina ok ganska rikissens j Noreghe mæktugha frwa oc rettan husbonda...») (DN III 477).

Таким образом, понятия «одадь» и «собственность» становятся тождественными, если речь заходила о земельных владениях, на которые распространялись верховные права короны. Если возникал спор и один человек называл землю своей, а другой – общей, тогда считающий ее своей должен был созвать тинг там, где они собираются решить это дело, и за пять дней до этого сделать вызов на него, а если он этого не делал, то его заявка, поданная им с целью закрепления за ним прав на землю, считалась неиспользованной. На тинге должны были огласить имена двенадцати хольдов или лучших бондов, если не было хольдов, по шесть с каждой стороны из округа тинга, в котором проходила тяжба, и двое из этих двенадцати должны были принести свидетельства и поклясться, является ли это владение собственностью заявителя или общей землей¹. Примечательно привлечение к этому разделу хольдов, которых закон определяет как тех, кто получили одадь по наследству и от отца, и от матери, который и прежде, до них, принадлежал их предкам, и никакой прочий человек не мог заявить прав на их одадь, купив его или получив через дальнейшее наследование².

Кроме того, поразительно совпадают процедура и клятвы, применяемые при определении прав на общие земли (альменнинг) и на одадь (см. табл. 2).

Таблица 2

MLL VI 8-3	MLL VII 61-3
«Ты сгоняешь меня с земли, которая принадлежала моим предкам более 60 лет». Ему можно ответить: «Это – мой одадь, а не твой», а потом еще можно сказать: «Ты сгоняешь меня с земли, которая была закреплена за мной и моими родственниками по закону как за одадьсманнами, так и за совладельцами одаля, для сбережения и приумножения мной и моей ветвью рода, и защищаю я эту землю по суду и закону».	Если уполномоченный короля уличает кого-либо в том, что он присвоил себе общую землю и заселил ее без разрешения короля, то присвоивший отвечает так: «Эта земля принадлежит мне и тем, кто владел ею до меня 60 или более лет»; и если уполномоченный короля не поверит этому, то присвоивший привлекает своих свидетелей так же, как при межевании владений человека и общей земли.

¹ MLL VII 61-2.

² MLL VII 64-1.

MLL VI 8-3	MLL VII 61-3
<p>En ef hinn suarar þui, þar segir þu mer firir iorðu þeirri er legit hefir vndir oss langfæðrom bætr en .lx. uetra, hann ma þui aðru orðe suara, at þat er mitt oðal en eigi þitt, hann ma þui þriðia orðe suara, þu segir mer firir þeirri iorðu er yðr var boðen frendum með lagum bæðe oðals monnum oc oðals nautum, trygð oc sköyt vndir mik oc minn ætlegg, oc uær ek þessa iorð lagum oc dome.</p>	<p>En ef konungs vmbodsmadr kennir þat manni at hann se handhafi at iorðu þeirri er i almeningi hefir bygd uerið at olöfyi konungs, oc ef handhafi suarar sua, þessa iorð hefi ek haft oc þeir er firir mer attu .lx. uetra eða lengr, en ef konungs vmbodsmadr tortryggir þætta þa skal handhafi niota vitnis sins sem adr var skilt millum eignar manz oc almenings.</p>

Интересный пассаж, одновременно демонстрирующий уступку короля в области владельческих прерогатив и сближение его посессорных прав с правами одальсманнов, содержится в главе «Об имуществе, сокрытом в земле» «Земского закона», которая входит в раздел «О возврате земли». Если человек находил в земле клад, то треть его должен был получить король, другую треть – тот, кто числит одаль от кургана (!), а третью – тот, кто его нашел и объявлял об этом по закону. Если объявление сделано не было, тогда король получал половину, а одальсманн – другую половину клада. Если же того, кто числил одаль от кургана, установить не удавалось, то треть клада получал тот, кто пользовался этой землей. Но если человек обнаруживал клад на своей земле, но не числил одаль от кургана, то он получал половину, а король – половину¹. Если человек находил имущество на земле своего одаля, то он получал две доли, а король – треть².

В данной главе, не имеющей, подобно многим прочим, своим источником областные судебники, есть очевидное противопоставление одаля как земельной собственности (oðals iorð) движимому имуществу (fe). Курган, вернее его «житель» (как саги именуют захороненных в них покойников), является важным артефактом, зримым доказательством и одновременно способом установления родства обладателя одаля со своим далеким предком в определенном числе поколений, которое можно посчитать (telja). То же самое связывает между собой

¹ «Ef madr finnr iarðfolget fe, hafe konungr þriðjung, en sa annan þriðjung er nest a til haugoðals at telia, oc sa þriðjung er finnr ef hann helldr at lagum upp, ella hafi halft konungr en halft oðals madr. En ef engi er sa til er til haugoðals a at telia, þa eignizt sa er iorð a þann þriðjung. En ef sa madr hittir fe i iorðu sinni er eigi er haug oðals madr at, hafi hann halft en konungr halft» (MLL VI 16-1).

Ср.: «...langfæðga tal til haugs og til heiðmi...» (G 23).

² MLL VI 16-2.

землю и одальсманна¹. Новые правоотношения, касающиеся одаля, в этой главе проявляются в том, что даже при наличии на участке кургана собственником земли может быть человек, который одальсманном не являлся, и чей статус дан в тексте закона не терминологически, а описательно – «sa er iogð a» («тот, кто владеет землей»). Данью традиции оказывается то, что одальсманн по-прежнему имеет приоритет перед владельцами другого статуса и даже перед королем (!), получая две части клада, тогда как монарх – лишь одну треть, а собственник неодальсманн делит с королем клад поровну.

Следует констатировать, что «Законы Фростатинга», пересмотренные, по крайней мере, трижды и известные в редакции 1260 г., в вопросе об отчуждении земель одаля и участии в этом короля в части терминологии и юридической техники более однозначны, чем судебник Гулатинга: «Если король возвращает человеку землю, то эту землю нельзя предлагать никакому другому человеку, даже если выкупить захочет тот, кто прежде владел [этой землей], если только король потом не предоставит этого права»². Видно, что монарх может участвовать в процедуре скейтинга (возвращения), как все прочие одальсманны, но при этом он не обязан соблюдать права предпочтительной покупки одаля его прежним владельцем, что идет вразрез с прежними нормами и вполне может считаться «улучшением права», о котором, в свою очередь, сообщает «Земский закон».

Общенорвежское законодательство отводит особое место юридической технике, способствующей унификации операций с одалем (обмен, передача родственникам и другим одальсманнам, продажа, воз-

¹ В результате археологических изысканий, произведенных Д. Скре и его коллегам, удалось установить, что многие курганы, имеющиеся на землях усадеб норвежских бондов к северо-востоку от современного Осло и ранее считавшиеся памятниками «эпохи викингов», оказались искусственными сооружениями («пустые курганы»). Часто они не содержат ни погребений, ни инвентаря, а также не связаны с руническими памятниками, каким-либо образом объяснявшими бы их функции, или на которых бы имелись владельческие записи о близлежащих объектах. При этом они тесно связаны с хуторами, на землях которых они расположены. В некоторых из них обнаруживаются даже подзахоронения в курганную насыпь: таким образом, обладатель угодий как бы «подсеял» своего предка в курган, от которого он мог бы повести свою посессорную историю. Норвежский исследователь, отмечая определенную корреляцию своих находок с постановлениями «Земского закона» о «курганнх жителей» резонно предостерегает от прямого моделирования ситуации, в нем описанной (*Skre D. Herredømmet. Bosetning og besittelse på Romerike 200–1350 e. Kr. Oslo, 1998. S. 198–213*).

² F XII 4.

врат, принесение свидетельств)¹, объединяя эти главы в единый блок, но при этом не забывая вставить в него положения о королевских правах. Они звучат одновременно и как идеологема, и как отражение привычной, уже сложившейся практики: «Мы должны предложить нашему королю его одаль, который он не даровал нам, как только мы пожелаем продать его, так же, как и король предлагает нам наш одаль, если он перейдет ему; и он должен передать все права на свой одаль таким же образом, как и ему следует передавать права на пользование нашим одалем согласно тому, что предписывает книга законов»². Тем самым король рассматривается законом опять-таки как одальсманн и как глава семейства (хусбонд), обладающий правом одаля, подобно всем прочим его подданным³. Кроме того, это является одним из примеров, как языком права изложен процесс трансформации государства патримониального в публично-правовое⁴.

Последнее подтверждается также тем, что, когда речь заходит о сдаче одаля в аренду, сложившиеся нормативные установки и представления приносятся в жертву реализации собственности на одаль. Не случайно, что об этом говорится в разделе, посвященном аренде земли. Именно изъятие арендной платы было главным механизмом получения ренты в средневековой Норвегии. Закон говорит, что «человеку лучше самому держать свою землю одаля, а не перепоручать другому достойному человеку все то, что находится в пределах ограды»⁵. Стремление не прерывать посессорную традицию даже временным вселением на одаль неодальсманна проявляется в том, что одальсманн должен предложить землю внаем своим совладельцам. Но вот о других одальсманнах (не родственниках), которым он должен был бы предложить одаль, когда тот не сдавался в аренду, а шел на продажу, как это значится в областных судебныхниках, в «Земском законе» речи уже не идет. Причем сдача участка земли, являвшегося одалем, практиковалась не только

¹ MLL VI 3-10.

² MLL VI 6.

³ *Norseng P. Odelsrett – the Norwegian ‘retrait lignager’ // Land, Lords and Peasants. Peasants’ right to control land in the Middle Ages and the Early Modern Period – Norway, Scandinavia and the Alpine Region. Report from a seminar in Trondheim, November 2004 / Ed. T. Iversen, J. R. Myking (Trondheim Studies in History, 52). Trondheim, 2005. S. 201–227.*

⁴ См. интересную статью Т. Иверсена о посессорной терминологии в норвежском средневековом праве и влиянии на нее римского права – *Iversen T. Jordeie og jordleie – Eiendomsbegrepet i norske middelalderlover // Collegium Mediaevale. 2001. Bd. 14. S. 79–114.*

⁵ MLL VII 16-1.

целиком, но и частями, поскольку «если какой-нибудь другой человек въедет на землю, а тот, кто уплатил за часть земли, не согласится на это, то считается, что он ограбил его, и потерпевший должен запретить чужим въезд. Если же они въедут, то они должны освободить эту землю и заплатить королю полмарки серебра за кражу земли»¹.

Права собственности здесь предстают в ином свете. Наемщик, конечно, не становится собственником арендуемого им участка. Ему поступают результаты труда, с которых он будет выплачивать как собственно арендную плату (ландскюльд), так и общегосударственный подворный налог (лейданг). Стремление же собственника подселить к нему в качестве соседа еще одного наемщика не приветствуется властями, так как это способствует *фактическому* удалению с одаля его непосредственного хозяина, причем по собственной инициативе последнего (а ведь закон говорит, что тому лучше самому жить на своем одале). Кроме того, парцелляризация хозяйства означала лишнюю нагрузку на угодыя и сокращение доходности, а как следствие – рост недоимок. Во избежание этого собственники, на которых была возложена обязанность взимания ренты со своих арендаторов и уплаты обязательных сборов при заключении нового контракта указывали заниженный размер арендной платы, исходя из которого начислялись общегосударственные налоги.

Реальный размер платы оговаривался между владельцем и наемщиком изустно, но письменно, как правило, не указывался. Так, «улучшения права» 1297 и 1298 гг.², вторя «Земскому закону»³, устанавливали жесткую связь между размером арендной платы и лейданга. Но также они запрещали взятку (*mutu*) при сдаче земли в аренду, которая определялась как «то, что скрыто», и являлась не чем иным, как экстраординарным побором, установленным владельцем земли для арендатора, причем никак не связанным с ландскюльдом, а следовательно, не облагавшимся королевским налогом. Этому власти препятствовать были бессильны. Поэтому можно согласиться с мнением С. М. Хасунда, который утверждал, что в период до начала эпидемии чумы в сфере отношений аренды существовала как узаконенная плата за наем земли, так и связанные с арендными отношениями поборы со стороны собственника угодий. И они особым образом влияли на практику заключения и письменной фиксации сделок.

¹ Ibid.

² NgL III. S. 27–31.

³ MLL VII 7-2.

Здесь все-таки важнее то, что король как одальсманн желал иметь дело с собственником земли, а не с арендатором. И в этом смысле понятие «одаль» становилось не столько привилегированным и гарантированным правом собственности на землю, сколько тождественным понятию «собственность» вообще, о чем уже говорилось ранее.

Далее «Земский закон» как бы «забывает», что речь идет о сдаче земли в аренду посторонним лицам и возвращается к владельцам одаля, говоря, что «если земля не находится в пределах одной ограды, то одальсманн все же получает ее, если он уже обработал все имеющиеся у него земли, находящиеся в этом же хераде, и если там съеден весь урожай. Он не должен получать землю, если гора, опасная дорога, фьорд или непреодолимые потоки препятствуют сообщению человека с его собственной землей»¹. Видно, что корона не заинтересована в распылении сил человека, связанного со своей землей непосредственно, как трудом, так и фактическим обладанием. Власти не могут не позаботиться о физическом поддержании его сил, предупреждая столь частые голодовки, но и не потакают его стремлению перейти в разряд арендаторов чужой земли (наверное, если только она принадлежит короне, а не частным владельцам?).

Тем самым король уже императивно вторгается в права одальсманнов, говоря с ними, в свою очередь, на одном языке как верховный собственник одаля, в чем видится как попытка *укрепить* слой непосредственных обладателей этого права, обеспечив им приоритет перед прочими посессорами, так и *закрепить* за ними земельные владения в случае невыполнения одальсманнами своих обязательств. В качестве подтверждения можно привести положение, согласно которому если земли одаля окончательно разделялись между их совладельцами, то каждый из них получал полное возмещение за занятие земли². Как это ни парадоксально, но в этом случае бонды, чьи возможности распоряжаться землей сокращались (а вместе с тем снижалась их заинтересованность в эффективном ведении хозяйства), были заинтересованы в «королевском» переосмыслении права одаля. Поскольку это давало надежду на закрепление за ними посессорных прав как прямых держателей короны. Даже в случае роста недоимок по арендной плате массовый стгон крестьян с коронных земель вряд ли был возможен. В «Саге о Хаконе Старом» также просматривается разделение наследственных

¹ MLL VII 16-2.

² «En ef iorðu er oðals skipti skipt þa tekr huer fullt landnam af sinum luta eptir þui sem hann er maðr til» (MLL VII 21-2).

прав короля на страну и на прочее наследство¹, и при этом Норвегия не раз называется королевским одалем², переходя, таким образом, в разряд того имущества, которым государь мог распоряжаться исключительно по своему усмотрению.

Определенно и наглядно эволюция права одаля, а также изменение представлений о собственности на землю видны в «Дружинном уставе» (1277). Так, определяя условия наделения саном ярла внутри собственно норвежских владений (они отличаются от тех, что следуют при назначении ярлов на островах), данный кодекс сообщает, что король дарует этот титул своим законнорожденным сыновьям, законнорожденным братьям или близким своякам, передавая им те земли в своей стране, которые он пожелает, и на тех условиях, которые он устанавливает, но ни в коем случае не по наследству. Да и сама власть ярла наследственной не является³. При этом в «Устав» включено воспоминание об «эпохе гражданских войн», когда короли по своему усмотрению выделяли ярлам земли «иногда в судебном округе Фростатинга, иногда в судебном округе Гулатинга, иногда в Вике, а чаще всего в Уплёнде, а иногда в других, еще меньших, частях страны»⁴.

Но естественным представлен тот порядок, когда «еще чаще короли забирали себе то, что они жаловали тем же самым ярлам в какой-либо части страны, и давали им другие земли»⁵, вследствие чего в Норвегии в отдельных местах имеются некоторые хуторá – благоприобретенные земли (jagðar) или одаль – которые специально присуждены ярлам, чтобы те владели ими в том количестве и на тех условиях, на которых пожелает король⁶. Здесь очевидно еще более глубокое вторжение королевской власти в право одаля. Во-первых, эти земли уже не возвращаются (brigða, skeyta), но забираются королем по своему желанию (tæikit til sin). Во-вторых, ярлы, являющиеся родственниками (сыновьями или свояками) короля, наделяются одалем, буквально – «присуждаются» к нему (døma til) по воле государя, но не имеют права произвести с ним раздел этих земель, получив ту их часть, которая в

¹ Hákonar saga Hákonarsonar: etter Sth. 8 fol., AM 325 VIII, 4o og AM 304 4o / Utg. M. Mundt. Oslo, 1977. S. 8.

² Ibid. S. 8–9.

³ Hirdloven til Norges konge og hans håndgangne menn: etter AM 322 fol / Utg. S. Imsen. Oslo, 2000. S. 78.

⁴ Ibid

⁵ Ibid

⁶ Ibid

результате выпала бы им, в собственность. В-третьих, земли одаля, которые становятся таковым вследствие передачи их по наследству, лишаются этой одной из главных своих характеристик, поскольку никакие угодья, а значит, и одаля, по наследству ярлу не передаются.

Наиболее красноречив заключительный пассаж этой главы «Дружинного устава», который расставляет все точки над *i* относительно понимания законодателями того, как королевская власть отныне рассматривает одаля и касающиеся его наследственные права: «...правильно, чтобы королевская власть пользовалась наибольшим почетом, будучи наследственной, и переходила бы к тому, кто является наиболее законным и на кого она возложена самыми великими указаниями как внутри страны, так и за ее пределами, потому что вся страна – его *собственность и одаля* (курсив мой. – С. А.; æign, букв. «земельное владение», *os oðal*), и права на нее передавались бы самому лучшему...»¹

Мысль о неотчуждаемости и нераспыляемости одаля, а также о короле как верховном собственнике и верховном одальсманне закрепляется в главе о правах лендрманнов, т. е. тех людей, которые, сами, как правило, являясь крупными частными землевладельцами (из числа аристократии), получали от короля в качестве кормления лены. Зная, очевидно, что за пределами Норвегии ленники вместе с землями узурпируют над ними власть, полученную от своих сеньоров, «Дружинный устав» оговаривает, что «по причине совершения лендрманном недостойных или недопустимых поступков или тех, за которые следует объявление вне закона, все те земельные владения (*æignir*), находящиеся там, где тот ни обладал бы леном (*hævir læn*), порученным королем его заботам (*syslu fa*), отходят государю, и никакой лендрманн ни по какому праву не может ни присваивать их себе, ни продавать. По закону никто не имеет права передавать своих земельных владений или одаля в пользу другого, кроме Господа и короля»². Последнее указание окончательно делает термин «одаля» обозначением верховной собственности. Следовательно, любые земельные владения, в том числе и бондов, не могут не находиться в собственности и в распоряжении короля, который в силу этого приобрел сюзеренитет над всеми своими подданными (*þegnar, ríks þegnar*).

Таким образом, к середине XIII в. Норвежское королевство как объект собственности стало рассматриваться в качестве одаля королевской фамилии, глава которой обладал в его отношении всей полнотой

¹ Ibid. S. 78, 80.

² Ibid. S. 88, 90.

прав. Концепт «король – верховный одальсманн Норвегии» определенным образом противопоставлялся идеологеме «Олав Святой – вечный король Норвегии», которую в 1170-е гг. выдвинула церковь¹ с тем, чтобы, реализуя его, приобрести возможность иметь решающий голос в государственной политике.

Королевская власть, в свою очередь, опираясь на наследственное право, переосмыслила его и наряду с бондами сделала себя его субъектом, выступив новатором в решении вопроса, кто и на каких основаниях обладает властью над Норвегией², а вместе с тем и всеми домохозяйствами, в ней расположенными. Вполне вероятно, что, в согласии с «Земским законом», включение в королевский титул порядкового номера, ставшее еще одной инновацией в годы царствования Магнуса Исправителя Законов (1263–1280), было способом определения тех предков, от которых это право досталось по наследству монархам, царствовавшим во второй половине XIII – начале XIV вв. Доказательство этого права осуществлялось ими путем актуализации родственных связей как с их непосредственными предшественниками, так и с древними конунгами, захороненными в курганах еще в языческую эпоху³.

С. Ю. Агишев (Москва, МГУ)

¹ NgL I. S. 442–444.

² Ср.: «Поскольку весь народ страны обязан полностью подчиняться королю, необходимо, чтобы люди избегали той большой ошибки, которая затуманила головы большей части народа этой страны и ослепила его настолько, что ни в какой другой стране не найдется примеров того, чтобы брать всяких людей и незаконно провозглашать их королями супротив законных королей, законов святого короля Олава и всех прав, дающих каждому бонду преимущества в отношении своего наследства; часто им служили люди хорошего происхождения, которые едва ли должны быть их слугами, что и сегодня подтверждается, так как они потеряли большую часть своего одала, или те, кого они называли своими королями; и то же самое можно сказать об убытках людей» (MLL II 3-1).

³ «Первый век называется “веком сожжения”. Тогда всех умерших сжигали и воздвигали в их память намогильные камни. Но после того как Фрейр был погребен в кургане в Уппсале, многие правители воздвигали в память своих родичей курганы не реже, чем намогильные камни. А после того, как Дан Гордый, конунг датчан, велел насыпать курган и похоронить себя в нем в облачении конунга и бранных доспехах вместе со своим конем и всей сбруей и разным другим добром, многие его потомки стали делать то же самое, и тогда в Дании начался век курганов, а у шведов и норвежцев продолжался век сожжения» (*Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 9*).

**MAGNUS LABOR EST, QUIA NON SUM LIBER:
ФОРМЫ НАТУРАЛЬНЫХ,
ОТРАБОТОЧНЫХ И ДЕНЕЖНЫХ
ПОВИННОСТЕЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
VI–IX ВВ.
(по материалам законодательных источников)**

Аннотация

Рассматриваются вопросы многообразия определений и эволюции форм натуральных, денежных и отработочных повинностей в раннесредневековой Европе. Особое внимание автор уделяет изучению позднеантичных и ранне-средневековых правовых источников (известных как «варварские правды»), исторических хроник («История франков» Григория Турского и «Хроники Фредегара»), франкских юридических формул VI–VIII вв., каролингских капитуляриев и полиптиков IX в. Изученные свидетельства о позднеантичных земельных цензах IV–V вв. подтверждают всеобщий характер обложения (лат. *census* и *tributum*) в позднеримской Галлии и Испании; возрождение этих традиций, предпринятое франкскими королями Хлотарем I и Хильдебертом II, не было в меровингских королевствах столь же успешным, как в вестготской Испании VI в., но предотвращало на протяжении VI–VII вв. полное разрушение системы обложения и повинностей, взимаемых с германцев и галло- и испано-римлян. Тем не менее, натурализация и упрощение сельской экономики и рост монастырских поместий, а также королевского и крупного светского землевладения в Западной Европе VIII – начала IX в. привели к уменьшению свободы земледельцев и сокращению площадей зависимых держаний, а вместе с тем – к умножению количества и разнообразия платежей и повинностей (например, многие денежные платежи были заменены поставками продуктов питания и принудительными работами на господина).

Ключевые слова: обложение, денежная рента, натуральная повинность, отработочная повинность, средневековая Европа, римская Галлия, вестготская Испания, Меровинги, Каролинги.

**Magnus labor est, quia non sum liber:
The Forms of Dues and Obligations in Western Europe
of the 6th–9th Centuries (on the Legal Sources)**

Summary

The author deals with the issues of the variety, systematization and evolution of definitions concerning different forms of taxation and obligations (census, tribute, corvée etc.) in early medieval Europe. Author pays his special interest to late ancient and early medieval legal sources (known as *leges barbarorum*) as well as to some historical sources (namely *The History of the Franks* written by Gregory of Tours and *Chronicles of Fredegar*), Frankish legal formulas of the 6th–8th centuries, Carolingian capitularies and polyptychs of the 9th century. The evidence of the imperial land-surveys of the 4th and 5th centuries confirms universal character of taxation (*census* and *tributum*) in late Roman Gaul and Spain. The revival of this tradition attempted by Frankish kings Chlothar I and Childebert II wasn't such successful as in Visigothic Spain in the 6th century but prevented the total destruction of the system of taxation of Roman and Germanic population before the end of the 7th century. Nevertheless the simplification of rural economy and the growth of monastic estates as well as royal and private land possessions in Western Europe in the 8th and early 9th centuries led to the diminution of freedom and peasant tenures and to the increase of number of their payments and obligations (e.g. most of formerly payable taxes were replaced with food supply, personal services and corvée).

Key words: taxe, obligation, tribute, corvée, medieval Europe, Roman Gaul, Visigothic Spain, Merovingians, Carolingians.

Использованные в ссылках сокращения

C. Th. – Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1905. Vol. I, 2: Textus cum apparatu.

Form. Marculfi – Formulae Merovingici et Karolini aevi accedunt iudiciorum Dei / Ed. K. Zeumer. Hannover, 1886 (MGH LL, Formulae).

Fredeg. – Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / Ed. B. Krush. Hannover, 1887 (MGH SS rer. Merov., 2).

Greg. Tur. Hist. – Gregorii episcopi Turonensis Libri historiarum X / Ed. B. Krush et W. Levison. Hannover, 1951 (MGH SS rer. Merov., 1,1).

L. Alam. – Leges Alamannorum / Ed. K. A. Eckhardt. Hannover, 1966 (MGH LL nat. Germ., 5,1).

L. Baiuv. – Lex Baiwariorum / Ed. E. de Schwind. Hannover, 1926 (MGH LL nat. Germ., 5,2).

L. Rom. Vis. – Lex Romana Visigothorum ad LXXVI librorum manuscriptorum... / Ed. G. Haenel. Leipzig, 1849.

L. Vis. – Leges Visigothorum / Ed. K. Zeumer. Hannover, Leipzig, 1902 (MGH LL nat. Germ., 1).

Проблема реализации прав собственника земли на различные рентные выплаты за пользование земледельцами материальными благами интенсивно разрабатывается экономической и исторической науками на рубеже XX–XXI вв. Земельные отношения, формы имущественных прав на землю, а также связанные с этим виды повинностей и личной зависимости, которые существовали в Западной Европе на рубеже поздней Античности и раннего Средневековья, вызывали и будут вызывать к себе пристальное внимание исследователей из числа историков, правоведов и экономистов¹.

Для периода VI–IX вв. характерным признаком является постепенный переход от политических, экономических, социальных структур позднеантичного общества к новым формам организации общественной жизни. Однако наибольшее число работ зарубежных историков все-таки посвящено более позднему историческому периоду, а именно – X–XII вв., когда формируются институт средневекового серважа и классические отношения господства-подчинения, получившие в историографии наименование «феодальных»². В художественной форме эти виды повинностей перечислил и суммировал в своих «Беседах» еще аббат Эйншама Эльфрик (около 955–1010); цитата из диалога учителя и ученика и была вынесена нами в заглавие статьи³. С середины

¹ Некоторые современные работы: *Magnou-Nortier E.* La gestion publique en Neustrie: Les moyens et les hommes (VIIe–IXe siècles) // *La Neustrie: Les pays au nord de la Loire de 650 à 850. Colloque historique international / Publ. par Hartmut Atsma.* Sigmaringen, 1989. Т. 1. P. 271–320; *Halsall G.* Settlement and social organization: The Merovingian region of Metz. Cambridge, 1995; *Bonnassie P.* Les sociétés de l’an mil: Un monde entre deux ages. Bruxelles, 2001; *Liebeschütz W.* Cities, taxes, and the accomodation of the barbarians: the theories of Durliat and Goffart // *From Roman provinces to medieval kingdoms / Ed. by Th. F. X. Noble.* London, N. Y., 2006. P. 309–323; *Bondue D.* Esclavage et colonat dans le Bréviaire d’Alaric // *Le Bréviaire d’Alaric: Aux origines du Code civil / Dir. par M. Rouche et B. Dumézil.* Paris, 2008. P. 91–101; *Idem.* De servus à sclavus: La fin de l’esclavage antique (371–918). Paris, 2011.

² См., например, оговорку на первых страницах книги: *Блок М.* Феодалное общество / Пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М., 2003. С. 5–7.

³ *Ælfric’s Colloquy / Ed. by G. N. Garmonsway.* 2nd ed. London, 1947. P. 20–21.

XX в. для отечественной медиевистики стало традиционным деление всех форм феодальных налогов и поборов на две широкие категории – оброк (в денежной и натуральной форме) и барщина (отработочная повинность)¹.

Однако процесс перехода не всегда сопровождался резким разрывом с позднеантичной системой налогообложения, отразившейся в письменных источниках VI–IX вв. в той или иной мере. На месте прежних римских вилл, бургов и вигов далеко не сразу выросли средневековые поместья. Основной задачей этой статьи является анализ широкого круга упоминаний о налогах и повинностях, взимавшихся в Западной Европе VI–IX вв. (прежде всего на территории Галлии и Пиренейского полуострова) и нашедших свое отражение в законодательных источниках. Помимо этого, важными для решения исследовательской проблемы автору видятся типология и ранжирование различных типов налогов и сборов, которые нашли свое отражение в раннесредневековых письменных памятниках. Последнее является необходимым условием для того, чтобы определить направления и тенденции эволюции системы налогообложения в IX в.

Прежде всего, следует остановиться на вопросе появления списков податного населения в Западной Римской империи. Как принято считать с конца XIX в., основой для формирования податных списков являлась масса колонов и бывших рабов, сидевших на землях императора, фиска или частных лиц²; значительная часть поземельно зависимого населения уже в IV–V вв. попала в составляемые государством с определенной периодичностью земельные кадастры и описи – *census*³,

¹ Например: *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в Средние века. М., 1968. С. 96–98, 105; *Корсунский А. Р.* Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V–X вв. // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма* / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1985. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 188–191.

² *Фюстель де Куланж Н. Д.* Римский колонат / Пер. с фр. И. М. Гревса. М., 2010. С. 72–88 (репринт 1908 г.); О положении колонов во II–VI вв. см. подробнее: *Он же.* История общественного строя древней Франции / Пер. с фр. И. М. Гревса. СПб., 1904. Т. 2. С. 100–117, 171–180; Т. 4. С. 81–101.

³ В 13-й книге Кодекса Феодосия глава 11 прямо названа *De censitoribus* («О податных оценщиках»). См. также: С. Th. III, 1, 2 (а. 337, Febr. 4); XIII, 11, 2 (а. 386, Mar. 27) – *census adtributum*.

*libri censuales*¹, или *libri exactiones*². В позднеантичном законодательстве появляется термин, обозначающий их прикрепление к земле³ и обязательство вносить поземельный налог – *adscripticii, censibus adscripti*⁴ или *tributarii*⁵. Значительное число этих текстов вошли в «Правду римскую бургундов» (ок. 502 г.) и «Бревиарий Алариха, или Правду римскую вестготов» (ок. 506 г.), которые на протяжении нескольких столетий стали основой для судопроизводства на территории с преобладанием галло-римского населения (Южная Галлия и Испания)⁶.

После падения государства римского полководца Сиагрия в 486 г. и закрепления франков на Северо-Востоке Галлии и на берегах Рейна, а вестготов – в Южной Галлии и на Пиренеях, в начале VI в. римская система налогообложения не исчезла. В ряде нарративных источников можно констатировать прямое отражение попыток королевской власти распространить позднеимперскую практику взимания налогов не только на галло-римлян, но и на представителей германских племен.

Несколько таких примеров можно обнаружить на страницах «Истории франков» Григория Турского. Так, под 544 г. он писал о попытке наложения королем Хлотарем I (сыном Хлодвига) на все церкви и монастыри (и, по-видимому, держателей их владений) подати в размере 1/3 от их доходов, чему воспротивился епископ Тура Иньюриоз⁷. В следующий раз Григорий Турский упоминает о том, как ко-

¹ Примеры: Ibid. XI, 1, 14 (a. 366, 372 vel 371? Mai. 1); XIII, 6, 7 (a. 375, Aug. 3). Государственные продуктовые и натуральные подати, наложенные на такие земли, именовались соответственно *annona functionis* и *munia functionis*.

² Ibid. XIII, 10, 1 (a. 313, Ian. 18).

³ В частности, при продаже или дарении виллы: Ibid. XIII, 10, 3 (a. 357, Mai. 30): *Si quis praedium vendere voluerit vel donare, retinere sibi transferendos ad alia loca colonos privata pactione non possit [...]*.

⁴ Примеры из Кодекса Феодосия: Ibid. XI, 3, 2 (a. 327, Febr. 27) – *mancipia censibus adscripta*; C. Th. V, 19, 2 = C. Iust. 11, 50, 2 – *coloni censibus adscripti*.

⁵ От слова *tributum*, означавшего взимаемый чиновниками поземельный налог, как в C. Th. III, 1, 2 (a. 337, Febr. 4); V, 17, 1 (a. 332, Oct. 30); XI, 1, 16 (a. 367, Oct 25); 1, 28 (a. 400, Dec. 31); 7, 4 (a. 327, Mai. 18); XIII, 11, 4 (a. 393, Apr. 3) и т. д.

⁶ *Plessier M.* La Loi des Burgondes, la Loi de Gondebaud. Paris, 2000. P. 102–112; *Ganivet P.* «L'épître de Lyon»: un témoin de la réception du Bréviaire dans le Sud-Est de la Gaule au Vie siècle? // Le Bréviaire d'Alaric: Aux origines du Code civil. P. 279–328; *Wood I.* Le Bréviaire chez les Burgondes // Le Bréviaire d'Alaric: Aux origines du Code civil. P. 151–160.

⁷ Greg. Tur. Hist. IV, 2: *Denique Chlothacharius rex indixerat, ut omnes ecclesiae regni sui tertiam partem fructuum fisco dissolverent.*

роль Хильперик в 579–580 гг. составил новые податные списки для всей Галлии¹. И если в городе Лиможе в мартовские календы 579 г. он жестоко подавил волнения и беспорядки, обложив город еще более тяжелыми налогами (*acerbiora tributa*) за то, что горожане сожгли податные списки (*libri discriptionum*)², то через год он пошел на попятную. В 580 г. в Галлии распространились мор и болезни; в результате заболел сначала король Хильперик, а затем – и его младший сын. Во имя искупления своих грехов и грехов мужа по требованию королевы Фредегонды референдарий Марк, которого пытались убить в ходе своего восстания лиможцы, принес для сожжения все найденные им налоговые списки³.

В 589 г. король Хильдеберт II предпринял две большие переписи в отношении городов Пуатье и Тур, поскольку «многие уже умерли, и тяжесть налога ложилась на вдов, сирот и немощных»⁴. И если в Пуатье перепись прошла достаточно гладко, то в Туре местные жители и сам епископ Григорий воспротивились введению новых налогов, указав на то, что при Хлотаре податные списки были преданы огню⁵. Ука-

¹ Ibid. V, 28: «Chilpericus vero rex discriptiones novas et gravis in omne regno suo fieri iussit [...] Staturum enim fuerat, ut possessor de propria terra unam anforam vini per aripennem redderet. Sed et alii functionis infligebantur multi tam de reliquis terris quam de mancipiis; quod implere non poterat».

² Ibid.: «Populus Lemovicinus [...], areptis quoque libris discriptionum, incendio multitudo coniuncta cremavit [...]».

³ Ibid. V, 34: «Tunc rex, conpunctus corde, tradedit omnes libros discriptionum igne; conflagratusque, misit qui futures prohiberent discriptionis». Следует обратить внимание читателей на тот немаловажный момент, что в этом месте Григорий Турский представляет едва ли не самый короткий из списков того, что могло входить в государственную подать, собираемую с землевладельцев (*possessores*) и горожан: вино и зерно; золото, серебро и драгоценные камни скорее были добыты им в результате военных походов.

⁴ Ibid. IX, 30: «Childeberthus vero rex discriptores in Pectavo, invitante Maroveo episcopo, iussit abire, id est Florentianum maiorem domus reginae et Romulfum palatii sui comitem, ut scilicet populus censum, quem tempore patris reddiderat, facta ratione, innovata re, reddere deberet. Multi enim ex his defuncti fuerant, et ob hoc viduis orfanisque ac debilibus tributum pondus insiderat. Quod hi discutientes per ordinem, relaxantes pauperes ac infirmos, illos quos iustitiae conditio tributarius dabat censo publico subdiderunt [...]».

⁵ Ibid.: «Sed cum populis tributariam functionem infligere vellent, dicentes, quia librum prae manibus habent, qualiter sub anteriorum regum tempore dissolvissent, respondimus nos, dicentes: “Discriptam urbem Toronicam Chlotharii regis tempore, manifestum esse, librique illi ad regis praesentiam abierunt; sed, conpuncto per timorem sancti Martini antestitis rege, incensi sunt” [...]».

зано было и на то, что предшествующие попытки королей Хариберта и Сигиберта провести новую перепись или взимать налог по прежним спискам заканчивались провалом¹; в результате Хильдеберт также решил не вводить новых налогов и податей, хотя, по заявлению королевских посланцев, некие налоговые списки от прежних королей оставались². Еще более широкий жест Хильдеберт II сделал в отношении клермонцев в 590 г., освободив духовенство от налогов, а откупщиков налогов – от недоимок³.

Из приведенных выше примеров достаточно очевидно то, что на территории Галлии до конца VI в. сохранялась система римского налогообложения. Несмотря на то что терминология Григория Турского в сфере налогообложения не была строго формализована, в «Истории франков» перечисляются все известные с римского времени прямые налоги – *census*, *tributum* и *functio*, а также упоминается о составлении податных списков (*libri discriptionum*). Отмечено то, что все категории земель и владений (и городских, и сельских), а также большинство землевладельцев (кроме некоторых церковных иммунитетов) обязаны были собирать с подвластного населения подати в натуральной (преимущественно) и денежной форме. Каким образом это отразилось в тексте франкских правд?

¹ Ibid.: «Gaiso vero comes [Chariberthi] temporis, accepto capitulario, quem anteriores scriptores fecisse commemoravimus, tributa coepit exegere. Sed ab Eofronio episcopo prohibitus, cum exacta parvitate ad regis direxit praesentiam, ostendens capitularium, in quo tributa continebantur. Sed rex ingemiscens ac metuens virtutem sancti Martini, ipsum incendio tradedit; aureus exactus basilicae sancti Martini remisit, obtestans, ut nullus de populo Toronico ullum tributum publico redderet. Post cuius obitum Sigyberthus rex hanc urbem tenuit nec ullius tributi pondus invexit [...]».

² Ibid.: «Ecce librum prae manibus habemus, in quo census huic populo est inflictus».

³ Ibid. X, 7: «[...] Childeberthus rex omnem tributum tam ecclesiis quam monasteriis vel reliquis clericis, qui ad ecclesiam pertinere videbantur, aut qui cumque ecclesiae officium excolebat, larga pietate concessit. Multum enim iam exactores huius tributi expoliati erant, eo quod per longum tempus et succedentum generationes, ac divisus in multis partibus ipsis possessionibus, colligi vix poterat hoc tributum [...]». Б. Дюмезиль предположил, что такие списания долгов в Оверни были частью новой налоговой политики королевы Брунгильды, матери Хильдеберта II: она хотела заменить частных сборщиков податей придворными должностями и восполнить дефицит прямых налогов с мелких землевладельцев за счет конфискации богатств у магнатов-должников или неугодных (*Дюмезиль Б. Королева Брунгильда / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова. М., 2012. С. 293–295*).

Несмотря на отсутствие в древнейшей редакции Салической правды (между 507–511 гг.) прямых указаний на фискальную терминологию IV–V вв., в ней можно встретить категорию галло-римского населения, которая обозначается как *tributarius*¹. Это был зависимый землевладелец, некогда сидевший на земле римского магната и перешедший в подданство франкских правителей без получения свободного статуса². В отличие от него, землевладельцы – галло-римляне, известные как *convivae regis* (сотрапезники короля) и *possessores*, обладали свободным статусом и более высокой компенсацией за жизнь (300 и 100 солидов соответственно против 62,5 у трибутария)³.

В Салической правде нет никаких сведений о размере налоговых поступлений. Некоторые свидетельства об относительном размере налогов можно почерпнуть из нарративных источников. Например, в «Хрониках» Фредегара середины VII в. можно найти известие о том, что в конце V в. салические франки ненадолго изгнали своего правителя Хильдерика и пригласили на его место римского военачальника Эгидия, который по совету франка Виомада обложил франков налогом в один золотой (*aureus*, с конца IV в. замененный золотым солидом с весом порядка 4,26 г)⁴, а затем добавил к ним еще два⁵. Однако тот факт, что недоимки по сбору поземельного налога (*tributum*) постоянно накапливались, а податные списки в Галлии неоднократно уничтожались, указывает на достаточно высокий их уровень. Более того, косвенным свидетельством огромной налоговой нагрузки как на франков, так и на галло-римлян являлся пролог Договора о соблюдении мира между сыновьями Хлодвига – Хлотарем и Хильдебертом II (*Pactus pro tenore pacis*, между 511–551 гг.), где специально был отмечен значительный рост количества разбойников и «лихих людей» (в том числе, видимо, пополнявших свои ряды из числа разоренных податями и налогами свободных франков и галло-римлян) и оговорены самые жесткие меры борьбы с ними⁶. А эдикт Хлотаря II 614 г. напрямую запрещал обреме-

¹ Halsall G. Op. cit. P. 39–41.

² А. Р. Корсунский полагал, что в трибутариив превратились бывшие колонны, почти неотличимые к VI в. по статусу от рабов: Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 199–200.

³ Pact. leg. Sal. 41, 8–10.

⁴ Аргументацию см.: Pactus legis Salicae / Hrsg. von K. A. Eckhardt. Göttingen, 1954. Bd. 1. Einführung und 80 Titel-Text. S. 86–192.

⁵ Fredeg. III, 11.

⁶ Pact. leg. Sal. Cap. II, Prol.: «Et quia multorum licet insania convaluerunt, malis etiam

нять земледельцев новыми податями (следовательно, старые собирались с завидной регулярностью)¹.

В более позднем памятнике австразийского законодательства – Рипуарской правде, возникшем в правление короля Дагоберта (между 633–639 гг.), также нет прямых отсылок к размерам налогов, взимаемых со свободного или зависимого населения. Однако наряду с трибутариями здесь появляются новые категории зависимости – *homines regii* (люди короля) и *homines ecclesiastici* (люди церкви). Не вполне ясным остается происхождение данной социальной категории: по-видимому, в нее вошли и отпущенные на волю королевские и церковные рабы, и обедневшие мелкие и средние земледельцы римского (обозначены в источнике как *homines Romani*) и франкского происхождения, добровольно или под влиянием внешних обстоятельств отдавшиеся под покровительство духовного лица или короля. Нельзя исключать того, что часть колонов, прикрепленных к земле в конце V в. и плативших поземельный налог, в процессе варварского завоевания и передела территории Среднего Рейна также оказалась в числе зависимых от короля и монастырей людей².

Есть основания полагать, что подавляющее большинство перечисленных выше лично зависимых категорий, которые можно встретить в Салической и Рипуарской правдах, уплачивало подати своим господам и покровителям как в натуральной, так и в денежной форме. На эту мысль наводят тексты Анжерских формул конца VI в. и формулы Маркульфа второй половины VII в., которые представляют нам типовые ситуации купли, продажи, дарения, завещания движимого и недвижимого имущества, а также перехода зависимого человека из-под покровительства одного господина во власть другого. Во второй книге одна из формул Маркульфа рассматривает ситуацию, когда светский или духовный земельный магнат дарит имущество своему рабу или ко-

pro inmanitate scelerum necesse est, ut digna reddantur. Id ergo decretum est apud nos maioresque natus Francorum palatii procerum, ut apud quemcumque post interdicto latrocinium conprobatur, vitae incurrat periculum».

¹ Capitularia regum Francorum / Hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. Bd. 1. Cap. 9 (Chlotharii II edictum a. 614, Oct. 18), c. 8: «Ut ubicumque census novus impie addetus est et a populo reclamatur, iuxta in quaesitione misericorditer emendetur».

² См. подробнее о социальном статусе этой категории в статье: Земляков М. В. Социально-правовой статус людей короля и церкви в Рипуарской правде: между рабством и свободой // Средние века. 2015. Вып. 76 (3–4). С. 76–100.

лону за верную службу. Господин мог подарить небольшой участок земли (*mansus*) в рамках своего поместья (вместе со строениями, рабами, виноградниками, полями и лесами); в этом случае ни сам слуга, ни его потомство не должны были исполнять с этого участка никаких повинностей. После этого установления шел перечень податей и отработок, которые были приняты во франкских поместьях VII в. и которые вносились со всех прочих мансов, кроме упомянутого выше: поземельный налог (*functio*) и прочие сборы, взимаемые с обработки земли (*reditus terrae*), арендная плата за пастбище (*pascuarium*) и вновь распаханную землю (*agrarium*), предоставление подвод и извозная повинность¹. Единственное исключение было сделано для натуральной повинности – барщины (*riga*), которую мог требовать с предоставленного участка как его бывший владелец, так и тот, кто будет владеть поместьем после него. При этом в формулах VI–VIII вв. специально отмечен тот факт, что такой участок мог быть в любой момент отчужден (продан, подарен, заложен и др.),² и вместе с ним к новому владельцу переходил и иммунитет от перечисленных сборов и налогов.

В VI–VII вв. римские образцы налогообложения сохранялись и в других романо-варварских королевствах. Например, в Правде римской бургундов (*Lex Romana Burgundionum*) можно встретить прямую отсылку к конституции императора Юлиана 363 г. в ее интерпретации Бревиариум: ее составитель указывал на то, что нельзя оценивать стоимость полей в момент купли-продажи в случае освобождения их хозяев от уплаты поземельного налога на протяжении нескольких лет.

¹ Form. Marculfi. II, 36: «[...] Pro respectu fidei et servitii tui, quia circa nos inpendere non desistis, prumtissima voluntate cedimus tibi a die presente locello nuncupante illo, aut manso illo, infra termino villa nostra illa, cum omni adiacentia ad ipso locello, aut mansello, aspicientem, terris, domibus, mancipiis, vineis, pratella, silvola vel reliquis beneficiis ibidem aspicientibus; ita ut ab hoc die ipso iure proprietario – si ita convenit, aut: sub reditus terre – in tua revoces potestate, et nulla functione aut reditus terrae vel pascuario aut agrario carropera, aut quodcumque dici potest, exinde solvere nec tu nec tua posteritas nobis nec heredibus nostris, nec quicumque post nos ipsa villa possederit, non debeatis, nisi tantum, si ita vult, riga, sed ipsum omnibus diebus vite tuae aut haeredis tui emuniter debeatis possedere, vel quicquid exinde facire decreveris liberam habeas potestatem [...]». Подробнее о зависимых категориях во франкских юридических формулах VI–VIII вв. см.: *Rio A. Legal practice and written word in the Early Middle Ages: Frankish Formulae*, с. 500–1000. Cambridge, 2009. P. 223–228.

² Подробнее: *Удальцов А. Д.* Свободная деревня Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. СПб., 1912. С. 32–41.

В этой ситуации при продаже участка покупатель освобождался от задолженности и платил согласно разверстке налога с момента его приобретения¹.

Книга приговоров вестготов (в древнейшей редакции VI в. – *Antiqua*, времени Леовигильда, 568–586 гг.) неоднократно упоминает поземельные налоги, обозначая их как *census* и *tributum*. Например, закон требовал сохранять одинаковый уровень налогообложения для владельца трети участка² и того, кого он решит поселить на этом участке в качестве субарендатора³. При короле Хиндасвинте (641–652) был издан закон о том, что куриалы и частные лица, исполнявшие в VI–VII вв. какую-либо должность, при отчуждении у них всего имущества передавали другому лицу и свои обязанности, в том числе по выплате налога на землю⁴. Королевские рабы (*servi fiscales*), сбежавшие со своих участков и бродившие по стране, согласно новеллам Эгики (687–701), ранее платили в пользу казны тягло и исполняли прочие по-

¹ L. Rom. Burg. 30: «Omnes agnuscant, agros se comparare non posse, si eorum census non statim, cum possessionem ingressi fuerint, susceperint dissolvendum. Quod si probatur, a vinditionis tempore soluti tributi reliquas emptor exsolvat, et tributum praesenti deligatione suscipiat [...]». Cp. L. Rom. Vis. XI, 2, 1 = C. Th. XI, 3, 3, Interpretatio: «Fundum nullus audeat comparare, sed omnes pro his agris, qui ad eos quoque modo pervenerint, publici canonis impleat functiones [...] sive donetur ager sive vendatur, factus dominus integra rei tributi suscipiat».

² По-видимому, субарендатором в этом случае выступал испано-римлянин, поскольку, по условиям разделов земли между бургундами и вестготами в V в., пришлые варвары получали не менее 2/3 пахотных полей. См. подробнее: *Грацианский Н. П.* О разделах земель у бургундов и у вестготов // *Он же.* Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья: Сб. статей / Отв. ред. А. И. Неусыхин. М., 1985. С. 306–339.

³ L. Vis. X, 1, 15: «Ut, qui ad excolendum terram accipit, sicut ille, qui terram dedit, ita et iste census exolvat. Qui accolam in terra sua susceperit, et postmodum contingat, ut ille, qui susceperat, cuicumque tertiam reddat, similiter sentiant et illi, qui suscepti sunt, sicut et patroni eorum, qualiter unumquemque contigerit».

⁴ Ibid. V, 4, 19: «[...] Curiales igitur vel privati, qui caballos ponere vel in arca publica functionem exolvere consueti sunt, numquam quidem facultatem suam vendere vel donare vel commutatione aliqua debent alienare. Tamen si contigerit, aut voluntate aut necessitate, eos alicui, sive vinditione aut donatione seu commutatione, omnem suam facultatem dare, ille, qui acceperit, census illius, a quo accepit, exolvere procurabit, et hanc ipsam summam census eiusdem scripturae suae ordo per omnia continebit. Sed et qui medietatem facultatis talium personarum vel partem aliquam in mancipiis, terris, vineis domibusque perceperit, iuxta quantitatem accepte rei functionem publicam inpleturus est [...]».

винности¹; даже рабы, находившиеся в зависимости у иудеев, после освобождения должны были выплачивать налог со своего пекулия². К сожалению, у нас немного данных о формах податного обложения и исполнения повинностей, которые упоминались в Книге приговоров, однако в тексте несколько раз встречаются хлебные поставки (*annona*), извозная повинность (*angaria*), прочие отработки и службы (*exactiones, opera*), которыми Реккаред (568–601) запрещал обременять сверх меры горожан и сельскую округу³.

Таким образом, на основе текстов варварских правд VI–VII вв. можно с высокой вероятностью предположить уплату налогов всеми социальными категориями – свободными франками и вестготами (*ingenui, Franci, populi*), галло- и испано-римлянами (*tributarii, Romani*), лично зависимыми людьми (*homines ecclesiastici, homines regii*), вольноотпущенниками (*liberti, liti*) и даже рабами (*servi*). Уже в этот период налоговая система, сохранившая значительное количество римских поборов и податей, формируется достаточно отчетливо: по косвенным данным (недоимки, протесты широких масс и др.), первое место в этом ряду занимали натуральные повинности (продуктовые поставки, подводная и постоянная повинности, прочие обязательства и отработки в пользу государства и частных землевладельцев); денежные взносы (за исключением, быть может, лишь поземельного налога) за пользование пастбищами, лугами и выгонами для скота играли меньшую роль.

¹ Ibid. X, 2, 3–4: «[...] Ut idem ipsi fiscales servi [...], qui per diversa vagantes sine aliqua tributi vel servitii inpensione quinquagenariam annorum metam pervagando excesserint, nullo modo sint ad fisci servitutem ulterius repetendi».

² Ibid. XII, 2, 13: «[...] Si qua christiana mancipia eo tempore, quo autoritas data est, in [Iudeorum] iure fuisse probantur, seu sint libertati tradita, seu forte ad libertatem non fuissent perducta, ad civium Romanorum privilegia iuxta nostre legis edictum transire debeant. Nam, etsi qua illicito ausu de hisdem mancipiis, que per constitutionem regiam fuerant absoluta, in iure cuiuslibet per quamcumque scripturam transegisse visa sunt, rescissa tali conligatione, ad statum ingenuitatis, recepto iuxta leges pretio a venditoribus, revertantur et prenotati in poliiticis publicis adque secundum eorum peculium iustissima aderatione censiti vitam in propriis laboribus ingenuitate transigere valeant [...]». См. также: Ibid. V, 5, 5; IX, 2, 6.

³ Ibid. XII, 1, 2: «[...] Decernentes igitur et huius legis nostrae severitatem constituentes iubemus, ut nullis indictionibus, exactionibus, operibus vel angariis comes, vicarius vel vilicus pro suis utilitatibus populos adgravare presumant nec de civitate vel de territorio annonam accipiant [...]».

Дальнейшая натурализация налога с хозяйств лично свободных и зависимых земледельцев, а также арендаторов происходила, как можно допустить, уже на уровне крупного светского и церковного землевладения в VIII–IX вв. Следовательно, это явилось результатом понижения статуса полноправной свободы, разорения бывших свободных германцев и подданных Западной Римской империи, их перехода под покровительство богатых землевладельцев, которым и выплачивался этот налог в натуральной форме¹. Еще Н. Д. Фюстель де Куланж метко обозначил этот процесс как «исчезновение плательщиков налогов при сохранении самих налогов»².

Постепенно государственная система налогов заменялась системой судебных и налоговых иммунитетов, которые широко распространились на землях светских и духовных магнатов к началу VIII в.³ Примеры подобного можно наблюдать в текстах Баварской (окончательная редакция около 744–748 гг.) и Алеманнской (в редакции герцога племени алеманнов Лантфрида, между 709–730 гг.) правд. Самые первые их титулы устанавливают строгий запрет для любых родственников завещателя истребовать его имущество (в этот список входят земли, рабы, дома или деньги) у церкви⁴. Помимо прочего, составители этих правд детально регламентировали подати и сборы, которые были обязаны вносить в пользу духовных землевладельцев рабы и колонны церкви (церковные вольноотпущенники). Таким образом, Алеманнская и

¹ *Бессмертный Ю. Л.* Формирование феодально-зависимого крестьянства на территории Северной Франции (VI–X вв.) // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1985. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. С. 224–225.

² *Фюстель де Куланж Н. Д.* Указ. соч. Т. 4. С. 34–48.

³ См. подробнее: *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. 6-е изд. М., 2003. С. 239–252 (репринт 1922 г.); *Сказкин С. Д.* Указ. соч. С. 99–100. Пример церковного судебного иммунитета: *Chlotharii II edictum*, с. 19.

⁴ L. Alam. I, 1: «Ut, si quis liber res suas vel semet ipsum ad ecclesiam tradere voluerit, nullus habeat licentiam contradicere ei, non dux, non comes nec ulla spuntania voluntate liciat christiano homino Deo servire et de proprias res suas et semet ipsum redemere [...]»; L. Baiuv. I, 1: «Ut si quis liber persona voluerit et dederit res suas ad ecclesiam pro redemptione animae suae, licentiam habeat de portione sua, postquam cum filiis suis partivit. Nullus eum prohibeat; non rex, non dux nec ulla persona habeat potestatem prohibendi ei. Et quicquid donaverit, villas terram mancipia vel aliquam pecuniam, omnia quaecumque donaverit pro redemptione animae suae, hoc per epistolam confirmet propria manu sua ipse et testes adhibeat VI vel amplius, si voluerit [...]».

Баварская правды являются одними из немногих источников до начала IX в., в тексте которых мы можем встретить перечисление сразу всех трех форм повинностей: денежную (неназванная сумма поземельного налога с колонов церкви в Алеманнии, неуплата которой каралась штрафом в 6 солидов); натуральную (подать в виде 15 сиклей пива, свиньи стоимостью в треть солида, одного снопа льна, двух модиев хлеба, 4–5 кур и 15–20 яиц, 20 сосудов с мёдом); и отработочную (служанки – в виде работы по дому, рабы-мужчины – в виде выполнения барщины 3 дня в неделю на господском поле, извоза до 50 миль дальностью, ремонта господских домов и изгородей, сеновалов и зернохранилищ)¹.

Баварская правда при этом шла в хозяйственной регламентации гораздо дальше Алеманнской правды в том отношении, что в первой были даны четкие рекомендации зависимым от церкви земледельцам по выделению определенных площадей под пашню, луг, виноградник и т. п. для получения урожая, необходимого для уплаты монастырю или церкви натуральной подати строго определенного размера (3 модия зерна с вновь вспаханного поля с каждых 30 модиев)².

¹ L. Alam. 21: «Qualiter servi ecclesiae tributa solvere debeant. Servi enim ecclesiae tributa sua legitime reddant: quindecim siclas de cervisa, porcum valentem tremisse uno, panem modia duo, pullos quinque, ova viginti. Ancillae autem opera inposita sine neglecto faciant. Servi dimidium sibi et dimidium in dominico arativum reddant; et si super haec est, sicut servi ecclesiae est, sicut servi ecclesiastici ita faciant tres dies sibi et tres in dominico»; Ibid. 22, 1: «De liberis autem ecclesiasticis, quod colonus vocant, omnes sicut et coloni regis ita reddant ad ecclesiam. Si quis legitimum tributum antesteterit per iussionem iudicis sui, sex solidos sit culpabilis. Et opera, quidquid eius inposita fuerit secundum mandatum, aut quomodo lex habet, si non adimpleverit, sex solidos sit culpabilis»; L. Baiuv. I, 13: «[...] Reddant decimum fascem de lino, de apibus decimum vas, pullos IIII, ova XV reddant, parafredos donent aut ipsi vadant, ubi eis iniunctum fuerit. Angarias cum carro faciant usque quinquaginta leugas, amplius non minetur. Ad casas dominicas stabilire, fenile granicam vel tuninum recuperando pedituras rationabiles accipiant et quando necesse fuerit, omnino componant; calcefulnum, ubi prope fuerit, ligna aut petras L homines faciant, ubi longe fuerit, centum homines debeant expetiri et ad civitatem vel ad villam, ubi necesse fuerit, ipsam calcem trahant. Servi autem ecclesiae secundum possessionem suam reddant tributa. Opera vero III dies in ebdomada in dominico operet, III vero sibi faciat. Si vero dominus eius dederit eis boves aut alias res, quas habet, tantum serviat, quantum ei per possibilitatem inpositum fuerit. Tamen iniuste neminem opprimas».

² Ibid.: «Hoc est agrarium secundum aestimationem iudicis, pervideat hoc iudex, secundum quod habet, donet: de XXX modis III donet et pascuarium desolvat secundum

Подобная регламентация и детализация налоговых поступлений, нехарактерная для правовых источников VI–VII вв., становится нормой в рамках державы Карла Великого. Например, капитулярий для округа Ле-Мана, данный Карлом его жителям летом 800 г., устанавливал следующие повинности для зависимых держателей короля (*fiscalini*) и церкви: обладавшие четвертью меры (1/4 модия) земли и определенным количеством скота были должны пахать на поле господина не более одного-двух дней; человеку без упряжи скот предоставлял господин в обмен на один день барщины (*opus manuum*); наконец, безземельный неимущий человек был обязан отработать 3 дня барщины¹. Помимо прочего, при Карле Великом происходила постепенная замена денежных податей натуральными: так, Франкфуртский синод 794 г. устанавливал твердые нормы продуктового сбора (*annona*) на каждый год, вне зависимости от урожайности пшеницы, ржи, овса и кормовых культур, предлагая также выплачивать их в продуктовой форме².

usum provinciae. Andecingas legitimas – hoc est, perticam X pedes habentem, IV perticas in transverso, XL in longo – arare seminare claudere collegere trahere et recondere. Prato arpeno uno cludere secare, collegere et trahere. A tremisse unusquisque accola ad duo modia sationis excollegere seminare collegere et recondere debeant, et vineas plantando cludere fodere propaginare precidere vindimiare [...].

¹ Capitularia regum Francorum / Hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. Bd. 1. Cap. 31 (Capitulum in pago Cenomannico datum a. 800 aestate): «Pro nimia reclamatione, quae ad nos venit de hominibus ecclesiasticis seu fiscalinis qui non errant adiurnati, quando in Caenomanico pago fuimus [...] ut, quicumque de praedictis hominibus quartam facti teneret, cum suis animalibus seniori suo pleniter unum diem cum suo aratro in campo dominico araret, et postea nullum servitium ei manuale in ipsa ebdomada a senior suo requireretur. Et qui tanta animalia non haberetur in uno die hoc explore valeret, perficeret praedictum opus in duobus diebus; et qui solummodo invalida, ita ut per se non possent arare, quattuor animalia haberet, cum eis sociatis aliis araret uno die in campo senioris, et unum diem postmodum in ipsa ebdomadae opera manuum faceret. Et qui nihil ex his facere poterat neque animalia haberet, per tres dies seniori suo manibus a mane usque ad vesperum operaretur, et senior suos ei amplius non requireret. Diversis namque modis hec agebantur; a quibusdam tota ebdomada operabatur, a quibusdam dimidia, et a quibusdam duo dies [...]. Et qui minus quartae obtime de terra haberet, secundum estimationem sui telluris opera faceret [...].»

² Ibid. Cap. 28, c. 4: «[...] Ut nullus homo, sive ecclesiasticus sive laicus sit, ut nunquam carius vendat annonam, sive tempore abundantiae sive tempore caritatis, quam modium publicum et noviter statutum, de modio de avena denario uno, modio ordii denarius duo, modio sigalo denarii tres, modio frumenti denarii quatuor. Si vero in pane vendere voluerit, duodecim panes de frumento, habentes singuli libras duas, pro denario dare debeat, sigalatius quindecim aequo pondere pro denario, ordeaceos viginti similiter

Подробно трактует вопрос раскладки повинностей знаменитый Капитулярый о поместьях, возникший в конце VIII в., видимо, на территории, подвластной сыну Карла Великого – Людовику (современная Аквитания). Несомненно, многообразие повинностей в этом источнике было обусловлено крайней разветвленностью королевского хозяйства. Так, главы 44 и 62 предписывают управляющим подсчитывать буквально все возможные натуральные поступления, которые шли в пользу королевской казны с участков (*mansi*) подвластного им населения. Причем в этом источнике были перечислены не только натуральные и денежные повинности арендаторов и лично зависимых земледельцев, но и разного рода сборы от пользования мельницей, мостами и дорогами, ярмарочные сборы, штрафы за вылов дичи в королевском лесу и возмещение за пользование графским судом и т. п.¹ Однако и здесь королевские управляющие были обязаны заботиться о том, чтобы «люди короля не были ввергнуты в бедность»².

pensantes, avenatios viginti quinque similiter pensantes. De vero anona publica domni regis, si venundata fuerit, de avena modius II pro denario, ordeo den. I, sigalo den. II, frumento modius den. III [...].

¹ Capitularia regum Francorum / Hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. Bd. 1. Cap. 32 (Capitulare de villis a. 800 vel ante), c. 62: «Ut unus quisque iudex per singulos annos ex omni conlaboratione nostra quam cum bubus quos bubulci nostri servant, quid de mansis qui arare debent, quid de sogalibus, quid de census, quid de fide facta vel freda, quid de feraminibus in forestis nostris sine nostro permissu captis, quid de diversis compositionibus, quid de molinis, quid de forestibus, quid de campis, quid de pontibus vel navibus, quid de liberis hominibus et centenis qui partibus fisci nostri deserviunt, quid de mercatis, quid de vineis, quid de illis qui vinum solvunt, quid de feno, quid de lignariis et faculis, quid de axilis vel aliud materiamentum, quid de proterariis, quid de leguminibus, quid de milio et pagino, quid de lana, lino vel canava, quid de frugibus arborum, quid de nucibus maioribus vel minoribus, quid de insitis ex diversis arboribus, quid de hortis, quid de napibus, quid de wiwariis, quid de coriis, quid de pellibus, quid de cornibus, quid de melle et cera, quid de uncto et siu vel sapone, quid de morato, vino cocto, medo et aceto, quid de cervisa, de vino novo et vetere, de annona nova et vetere, quid de pullis et ovis vel anseribus id est aucas, quid de piscatoribus, de fabris, de scutariis vel sutoribus; quid de huticis et confinis id est scriniis, quid de tornatoribus vel sellariis, de ferrariis et scrobis, id est fossis ferrariciis vel aliis fossis plumbariis, quid de tributariis, quid de poledris et pultrellis habuerint – omnia se posita, distincta et ordinata ad nativitatem Domini nobis notum faciant [...].»

² Ibid., c. 1–2: «Volumus ut villae nostrae, quas ad opus nostrum serviendi institutas habemus, sub integritate partibus nostris deserviant et non aliis hominibus. Ut familia nostra bene conservata sit et a nemine in paupertate missa». Ср. аналогичное предписание сына Карла Великого Пипина о запрете принуждения церковных рабов и свободных земледельцев (либелляриев) к исполнению подводной и других го-

Далеко зашедшая социальная и профессиональная дифференциация жителей королевских поместий также влияли на состав их обязанностей. Не все из них были обязаны нести отработочную повинность; некоторые из административных работников (старосты, лесничие, конюшие, ключники, десятники, мытари) были обязаны за свои наделы только поставкой поросят, в остальном будучи освобождены от барщины¹. Ремесленники – кузнецы, золотых и серебряных дел мастера, сапожники, каретники, горшечники, мыловары, пивовары, рыболовы, птицеловы, мукомолы, а также служанки в королевском поместье, изготовлявшие орудия труда, одежду, оружие, поставлявшие в амбары продукты питания, также могли быть освобождены от каких-либо поземельных налогов и натуральных сборов в силу трудоемкости их занятий, хотя прямых данных об этом в Капитулярии о поместьях не содержится². Денежные формы податей в нем не упоминаются вовсе; есть только отдельные намеки на то, что излишки продукции (масла, яиц, молока и пр.) жители королевских поместий могли продавать на рынке, а деньгами распоряжаться по своему усмотрению³. Тенденция постепенного снижения доли денежной формы повинностей и увеличения доли натуральных сборов и отработок отчетливо проявляется и в более поздних источниках – например, Полиптике аббатства Сен-Жермен-де-Прэ, записанном по приказу аббата Ирминона около 825–829 гг.⁴

В нем раскладка повинностей идет из расчета количества мансов и состава семьи земледельца⁵, а также происходит ранжирование по степени обременения (наиболее свободны от налогов были «свобод-

сударственных повинностей: *Capitularia regum Francorum* / Hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. Bd. 1. Cap. 93 (*Capitulare Mantuanum secundum, generale a. 787 initio?*), с. 5.

¹ *Capitulare de villis*, с. 10: «*Ut maiores nostri et forestarii, poledrarii, cellerarii, decani, telonarii vel ceteri ministeriales rega faciant et sogales donent de mansis eorum, pro manuopera vero eorum ministeria bene praevideant. Et qualiscumque maior habuerit beneficium, suum vicarium mittere faciat, qualiter et manuopera et ceterum servitium pro eo adimplere debeat*».

² *Ibid.*, с. 31, 41, 43, 45.

³ *Ibid.*, с. 39.

⁴ Подробнее о полиптиках и различных видах поместий в IX в. можно прочесть в книге: *Verhulst A. The Carolingian economy*. Cambridge, 2004. P. 37–60.

⁵ О численности населения и составе семьи в аббствах Франции VIII–IX вв. см. работу: *Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в Средние века*. М., 1991. С. 24–28.

ные» наделы – *mansi ingenuiles*, менее свободны – литские, или *mansi lidines*, самыми тяжелыми податями облагались рабские мансы – *mansi serviles*). Держать их могли самые разные категории населения: свободные люди, арендаторы, литы, трибутарии, колоны, бывшие рабы; это никак не влияло на факт их поземельной зависимости от Сен-Жерменского аббатства¹. Практически не упоминается о каких-либо денежных повинностях и сборах – только о натуральном оброке (скотом, вином и пр.) и барщине в разной форме (работа на земле господина, предоставление подвод и скота и пр.). Исключений было немного: например, в вилле Жуи-ан-Жоза (*villa Gaugiaca*, регион Иль-де-Франс) было описано 120 мансов, с которых в пользу аббатства деньгами шло не более 3 ливров шеважа (платы от рабов) и 1 ливра (равен 20 солидам) и 8 солидов за выпас скота; всего денежную ренту в этой вилле выплачивали 3 человека².

Подведем итоги нашей обзорной статьи. Западная Римская империя оставила в наследство завоевателям-варварам развитую систему налогов и сборов, в которой практически на равных основаниях присутствовали все формы налогообложения. Горожане и жители сельской местности, свободное и лично зависимое население расплачивались со сборщиками и натурой, и деньгами. Помимо этого, также предусматривались обязательные общественные работы и службы, исполняемые рабами, колонами и трибутариями в обмен на предоставление средств для существования галло- и испано-римскими магнатами. С началом трансформации позднеантичного общества в VI–VII вв. эта система начала терять свою стройность: год за годом накапливались недоимки по земельному налогу и продуктовой ренте, росло недовольство податного населения из числа местного и пришлого населения Галлии и Испании.

В процессе роста королевских поместий, светского и духовного землевладения в VIII–IX вв. налоговая система, ранее имевшая характер общегосударственной, начинает дробиться и приобретать свои индивидуальные особенности в зависимости от территории и местных обычаев. Однако на примере державы Карла Великого конца VIII – начала IX в. хорошо заметно то, что денежная рента от свободных и

¹ О видах мансов можно подробно прочитать во вводном томе к критическому изданию Полиптика: Polyptyque de l'Abbé Irminon / Ed. par M. B. Guerard. Paris, 1844. Т. I. Prolégomènes, commentaires et éclaircissements. P. 492–502.

² Ibid. Т. II. Polyptyque. P. 1–5.

зависимых держателей всё чаще коммутируется в натуральные поставки в пользу королевского двора или духовного владыки. Барщина и прочие отработки приобретают к началу IX в. в рамках нового хозяйственного устройства едва ли не решающее значение, что хорошо видно на примере Капитулярия о поместьях и целой серии каролингских полиптиков. Вдобавок эта форма повинности позволяла светским и духовным земельным магнатам включать в хозяйственную структуру собственных поместий малоземельных и даже безземельных сельских жителей, предоставляя им покровительство, скот и инвентарь в обмен на их «тяжкий труд» на господской меже.

М. В. Земляков (Москва, НИУ ВШЭ)

ОТ СТАРОГО К НОВОМУ. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЛЕННЫХ ВЛАДЕНИЙ В ЛИВОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII В.¹

Аннотация

Представлен анализ изменений в вассально-ленных отношениях в Ливонии во второй половине XVI – начале XVII в. Данные процессы были связаны с распадом Ливонской конфедерации, что сопровождалось секуляризацией владений Немецкого (Тевтонского) ордена в 1561 г. Часть Ливонии находилась под властью короля Польши, а часть – короля Швеции. Можно выделить несколько периодов. Первый период связан с деятельностью короля Польши Сигизмунда II Августа и короля Швеции Карла IX, второй – с политическими решениями Стефана Батория и Густава II Адольфа, третий период – политической линией, проводимой Сигизмундом III и королевой Кристиной.

Между провозглашенными целями политики и ее фактическим осуществлением на местном уровне всегда существовала разница. Ни привилегии, предоставленные Сигизмундом Августом в 1561 г., ни подтверждение внутренних привилегий королевы Кристины в 1648 г. не давало ливонскому рыцарству постоянной защиты от короны. С другой стороны, например, налоги на недвижимость, введенные после 1582 г., были собраны не так жестко, как во времена правления польского короля Стефана Батория и его советника Яна Замоиского. Взаимодействие между рыцарством и короной в Ливонии определялось в каждом конкретном случае интересами короля или его наместника.

Ключевые слова: Ливонская конфедерация, лен, Стефан Баторий, Густав II Адольф, Сигизмунд III, ливонское рыцарство.

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ – 16-01-00108а «Институты, теория и практика западноевропейских монархий XVII–XVIII веков».

From the old to the new. The transformation of the Livonian vassal system in the second half of the 16th – early 17th centuries

Summary

The author presents an analysis of changes in the vassalage relations in Livonia in the mid-to-late 16th – early 17th centuries. These changes were related to the breakdown of the Livonian Confederation that was accompanied by secularization of the Livonian Order territories in 1561. Part of Livonia was ruled by the King of Poland and part by the King of Sweden. Several periods can be identified. The first period is marked by activities of the King of Poland Sigismund II Augustus and the King of Sweden, Duke of Södermanland (Charles IX); the second includes political decisions of Stephen Báthory and Gustav II Adolphus; while activities of Sigismund III and Queen Christina characterize the third period.

There has always been a difference between the announced goals of royal policy and its actual execution on the local level. Neither the privileges granted by Sigismund Augustus in 1561, nor confirmation of the internal Privileges by Queen Christina in 1648 gave the Livonian knights permanent protection from the crown. On the other hand, for instance, property taxes re-introduced after 1582 were not collected as rigidly as during the reign of the King of Poland Stephen Báthory and his counsellor Jan Zamojski. The interplay between the knights and the crown in Livonia was determined in each specific case by the interests of the king or his steward; the nobility was often the subject of discussion, but rarely the partner of the king.

Key words: Livonian Confederation, fief, Stefan Báthory, Gustav II Adolf, Sigismund III, livonian knighthood.

Распад Ливонской конфедерации, сопровождающийся секуляризацией владений Немецкого ордена в 1561 г. и последующим развитием данных территорий в первой половине XVII в., является одним из знаковых событий раннего Нового времени, но до сих пор представляет собой широкое поле для исследований¹.

¹ *Etzold G.* Polens Herrschaft über Livland 1561–1621. Ein Problem deutsch-baltischer Geschichtsschreibung // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego* 943. 1990. S. 7–20. *Rauch G. v.* Die deutschbaltische Geschichtsschreibung nach 1945 // *Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung*. Köln, Wien, 1986 (= *Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart*, Bd. 20). S. 399–435; *Mühlen H. v. z.* Baltische Länder (= *Deutsche Geschichte im Osten Europas*, Bd. 3). Hrsg. von Pistohlkors G. v. Berlin, 1994. S. 130–195; *Wisner H.* Kampania inflancka Krzyrytofa Radziwiłła w latach 1617–1618 // *Zapiski historyczne*. 1970. N 35. S. 9–34; *Seppert M.* Die Entwicklung der «livländischen Leibeigenschaft im 16 und 17 Jahrhundert» // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa – Forschung*. 2005. Bd. 54. H. 2. S. 174–193.

Часть Ливонии, которая была подчинена польскому королю в 1561 г. и не присоединилась к герцогству Курляндскому, сформировала после окончания Ливонской войны провинцию Ливония. В историографии неоднократно поднимался вопрос о религиозных предпосылках, повлиявших на вхождение части ливонских земель в состав протестантской Швеции. Рассматривая связь между ливонским рыцарством как важным политическим сословием и польскими и шведскими королями, суверенов на данной территории на протяжении середины XVI и середины XVII вв., можно наблюдать дифференцированную картину. Не менее важным, чем сопоставление польской и шведской эпох, является конфликт между стремлением ливонской знати сохранить и расширить привилегии, с одной стороны, а с другой – претензиями короны.

Решающей для ливонской политики как польских, так и шведских королей была функция, которую провинция выполняла в соответствующих политических концепциях. Можно выделить несколько разных периодов: 1) до завоевания этих земель, когда ливонская знать поддерживалась короной как союзник; 2) период обеспечения власти непосредственно после завоевания провинции, в который корона стремилась снизить влияние знати, чтобы укрепить свое положение; 3) период «провинциализации» Ливонии, когда корона постепенно теряла позиции в местном правлении, а знать получала возможность восстановить свое влияние на формирование внутрорегиональных связей¹.

Эти периоды можно связать с правлениями королей, которые после 1561 г. были сюзеренами в Ливонии. Польский король Сигизмунд Август и шведский король Карл, герцог сёдерманландский (Карл IX) знаменуют первый период, Стефан Баторий и Густав Адольф – второй, Сигизмунд III и королева Кристина (или Совет Регентства до своего совершеннолетия) – третий.

Нередко существовали различия между провозглашенными целями королевской политики и их осуществлением на практике. Ни привилегия Сигизмунда Августа от 1561 г., ни подтверждение привилегий королевой Кристиной в 1648 г. не давали ливонскому рыцарству стабильного положения. С другой стороны, например? имущественные налоги, вновь введенные после 1582 г., взимались не так строго, как

¹ Об этом подробнее см.: *Heyde Jü. Zwischen Kooperation und Konfrontation: Die Adelspolitik Polen-Litauens und Schwedens in den Provinz Livland 1561–1620 // Zeitschrift für Ostmitteleuropa – Forschung. 1998. Bd. 47. N 4. S. 544–567.*

это делалось польским королем Стефаном Баторием и его канцлером Яном Замоийским. Взаимоотношения между рыцарством и короной в Ливонии определялись в каждом конкретном случае интересами короля или наместника.

В ноябре 1561 г. ландмайстер Немецкого ордена в Ливонии Готтхард Кеттлер (впоследствии герцог Курляндский и Семигальский), архиепископ Рижский Вильгельм Бранденбургский, а также гебитигеры Ордена и нескольких ливонских городов принесли присягу королю Сигизмунду Августу Польскому. Подписав два правовых акта, *Pacta Subjectionis* и привилегию Сигизмунда Августа, король заложил в 1561 г. основу для будущих отношений с ливонскими землями. Ливонское рыцарство получило гарантию свободы религиозной практики и право на местное управление лицами «немецкого языка и нации». Согласно привилегии Сигизмунда Августа, знать получила дополнительные права, утверждающие ее политическое и экономическое господство. Король провозгласил в привилегии, что «ничто не ослабляет государства больше, чем смена законов, обычаев и традиций»¹. Все нововведения рассматривались как возобновление прежних прав или как приближение к закону, уже действовавшему на некоторых территориях (как в данном случае к привилегиям рыцарства Харриен – Вирланда)².

Однако польское господство в то время наблюдалось только в районах сильного влияния Ордена к югу от Западной Двины, позднее герцогства Курляндского. 5 марта 1562 г. Готтхард Кеттлер был провозглашен герцогом Курляндским и королевским наместником для остальной части Ливонии, что стало свидетельством конца периода правления Немецкого ордена на данной территории³.

Сословия же архиепископства Рижского, которые в 1561 г. не принесли Сигизмунду присягу, смогли воспрепятствовать секуляризации архиепископства в 1563 г., выслав инициатора этой попытки, коадьютора архиепископства герцога Кристофа Мекленбургского, в Польшу⁴. Три года спустя Кеттлер был заменен по инициативе ар-

¹ *Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae*. Hrsg. von Dogiel M., Vilnae 1759. Bd. 5. S. 244.

² *Ibid.* S. 248.

³ *Donnert E.* Der livländische Ordensritterstaat und Rußland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583, Berlin, 1963. S. 231.

⁴ *Staemmler K.-D.* Preußen und Livland in ihrem Verhältnis zur Krone Polen 1561–1586, Marburg, 1953. S. 36.

хиепископа на Яна Ходкевича, получившего впоследствии согласие ливонских владений на объединение с Литвой на сейме в Кукейносе (совр. Кокнесе). Ливонские области, не присоединенные к герцогству Курляндскому, получили статус так называемого Задвинского герцогства (*ducatus ultraduniensis*), включавшего четыре административных района: Рига, Турайда, Венден (совр. Цесис) и Дюнабург (совр. Даугавпилс) (завоеванный в 1565 г. Пернау (совр. Пярну) в документе не упоминается)¹. В отличие от *Pacta Subjectionis*, данный документ не содержал положений, относящихся к остальной части Ливонии, ссылки же на административную структуру до 1561 г. также отсутствуют². В каждом административном округе назначался каштелян. Кроме того, королем назначалось по трое земельных судей (*iudices terrestres*), а представителями знати – два судьи (*assessore*), которые осуществляли судопроизводство на всей территории герцогства³. Каштеляны имели статус участников с правом места и голоса на литовском сейме⁴. Также в 1566 г. были созданы четыре королевских владения, Рига, Вольмар (совр. Валмиера), Дюнабург и Вейсенштейн (совр. Пайде)⁵.

Назначение Яна Ходкевича в качестве наместника в Ливонии за Западной Двиной в том же году не было нарушением прав, поскольку документом *Pacta Subjectionis* прямо предусматривалась возможность назначения литовца со знанием немецкого языка в качестве заместителя короля, если не найдется подходящих из числа ливонцев. По мнению Хайде, не было никакого существенного противостояния этому призыванию среди ливонцев, тем более что увольнение Кеттлера со службы произошло по их инициативе⁶.

В правление Сигизмунда Августа было назначено девять советников, все они были из ливонской знати, а также единственный судья в районе Турайда, имя которого известно – Андреас Паткюл, упомянутый в 1568 г. В качестве каштелянов или наместников короля вы-

¹ *Codex Diplomaticus...* N 154. S. 269; *Tarvel E. Stosunek prawnoparistwowy Inflant do Rzeczypospolitej oraz ich ustrój administracyjny w latach 1561–1621 // Zapiski Historyczne.* 1969. N 34. S. 61.

² *Heyde Jü. Zwischen Kooperation und Konfrontation...* S. 547.

³ *Ibid.* S. 549.

⁴ *Codex Diplomaticus...* N 154. S. 271.

⁵ *Urzednicy inflancy XVI–XVII wieku. Spisy.* Hrsg. von Gąsiorowski. Kórnik, 1994. Bd. IX: Inflanty. S. 10; *Weyssenhoff J. Kronika rodziny Weyssow, Weyssenhoffow, Wilno 1935.* S. 11 f.).

⁶ *Heyde Jü. Zwischen Kooperation und Konfrontation...* S. 549.

ступали преимущественно выходцы из Ливонии, но в Дюнабурге и Вольмаре также были представители и Речи Посполитой¹. При занятии замков с прилегающими территориями (староств) доля «неливонцев» относительно велика, тогда как в других имениях, напротив, до 1572 г. в именном списке польской короны не было зарегистрировано в качестве собственника ни одного «неливонца»².

Однако важно заметить, что привилегии 1561 г. не имели юридической силы для польской короны или объединенной Речи Посполитой. В 1570 г. Сигизмунд Август, несмотря на обещания представить эти документы для подтверждения на государственном уровне, так этого и не сделал. К этому времени между королем и ливонским рыцарством стали возникать разногласия, что было связано со сближением с Иваном IV. Как следствие, часть ливонской знати присоединилась к герцогу Магнусу, объявившему себя королем Ливонии.

Наиболее сложные отношения наблюдались между королем и эстляндским рыцарством. Так, Ян Замойский, занимавший должность канцлер Стефана Батория, выступил против желания ливонской знати в 1582 г. получить общее подтверждение своих привилегий. В письме к герцогу Магнусу он отклонил просьбу последнего о подтверждении ливонских привилегий, аргументировав это тем, что король внутри ливонского рыцарства выделяет только три категории: а) подданные Речи Посполитой, б) отсоединившиеся из страха и в) коварные враги³. В связи с этим он предложил ограничить ливонские привилегии⁴. В то же время высказывались предложения о более широком даровании польской и литовской знати ленных владений в Ливонии⁵. Эта новость, в свою очередь, вызвала опасения с ливонской стороны, поскольку вплоть до конца 1581 г. еще не было проведено восстановление прав собственности⁶.

Вероятно, польский король, стремился снизить влияние ливонского рыцарства. Это проявилось в том, что, например, в *Constitutiones Livoniae* от 1582 г. основное внимание уделялось ликвидации барьера между рыцарством и горожанами, делая акцент на взаимоотношении

¹ См.: Urzędnicy inflanccy... S. 38f. N 29–37.

² Ibid. N 47–50, 52.

³ Archiwum Jana Zamoyskiego kanclerza i hetmana wielkiego Koronnego. Hrsg. Von Siemienski J. Warszawa, 1904–1913. Bd. 2. N 796. S. 119.

⁴ Ibid. N 603. S. 298.

⁵ Ibid. Bd. 3. N 7. S. 45.

⁶ Ibid. N 603. S. 237.

протестантов и католиков, т. е. на конфессиональную составляющую, а не социальную¹.

Кроме того, результатом беспорядков среди ливонской знати стало аннулирование Стефаном Баторием ленных владений на территории епископства Дерптского². Такое решение вызвало возмущение, в том числе поскольку местное рыцарство участвовало в походах против Ивана IV Грозного вместе с поляками и литовцами³. В следующем году на сейме в Вендене они напомнили о письме, которое король написал Якобу (Йосту) Фюрстенбергу во время осады Данцига в 1577 г.⁴ Таким образом, мы видим, что отношение ряда представителей рыцарства к политике Стефана Батория было неоднозначным⁵.

Значительное изменение королевской политики в отношении ливонской знати произошло только после того, как Сигизмунд Ваза в 1594 г. в дополнение к польскому получил и шведский трон. Это привело к конфликту с его дядей Карлом, герцогом Сёдерманландским, который вскоре превратился в полномасштабную войну, в связи с чем Сигизмунду пришлось рассматривать ливонцев как возможных союзников в споре о троне.

В этих условиях ливонская делегация на Варшавском сейме в 1597 г. выразила желание местного рыцарства отменить правила 1582 и 1589 гг.⁶ Сигизмунд III учел изменившуюся ситуацию и предложил ливонцам доступ ко всем регентским должностям провинции на равных условиях с поляками и литовцами, отменив предыдущие правила. Впоследствии, после 1598 г., местная знать была также включена в процесс очередности при занятии должности старосты. Поляки или литовцы редко служили в подчиненных должностях. Новый земельный закон должен был применяться в равной степени к полякам, литовцам и ливонцам в провинции, королевским же представителям

¹ *Staemmler K.-D. Preußen und Livland...* S. 78–81.

² «Franz Nyenstädt's weiland rigischen Bürgermeisters und königlichen Burggrafen, Livländische Chronik, nebst dessen Handbuch [...]». Hrsg. von Thielemann G. // *Monumenta Livoniae Antiquae*, Mitau, 1835–1837. Bd. 2. S. 84f.

³ *Königlich polnische Verleihung eingezogener Güter vom J. 1601*. Hrsg. von Busse K. H. // *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*, Reval, 1851. Bd. 8. S. 369–407.

⁴ *Urządnicy inflanccy...* N 50, 2268.

⁵ *Franz Nyenstädt's Livländische Chronik...* S. 86

⁶ *Dyaryusze sejmowe r. 1597 (= Scriptorum Rerum Polonicarum. Bd. XX)*. Hrsg. von Barwinski E. Krakow, 1907. S. 102.

также следовало следить за соблюдением равных прав во всех сферах общественной жизни.

Согласно новому порядку, Ливония больше не считалась подчиненной провинцией, но стала частью Речи Посполитой с теми же институтами, что и другие провинции, и единой знатью, чьи представители заняли свое место и голосовали на сеймах. Однако Сигизмунду III так и не удалось обеспечить лояльность ливонского рыцарства в споре с Карлом, герцогом Сёдерманландским. Когда последний напал на Ливонию в 1600 г., большая часть сначала перешла на его сторону; только когда стало ясно, что Карл не сможет получить контроль над Ливонией с помощью оружия, большинство ливонского рыцарства вернулось в польское подчинение.

Однако значимость положения ливонской знати была не только политической прокламацией короля, но и осуществлением политики распределения должностей и владений в провинции. Король Стефан Баторий уже в 1583 г. заверил ливонское рыцарство, что каждый может добиваться возвращения своих имений. Петиции должны были рассматриваться при общем пересмотре владений, а затем представляться на следующий сейм для принятия решения¹. Ливонцам была предоставлена возможность доказать существование документов, утерянных в результате войны или пожара, посредством присяги трех свидетелей². Исключение составляли свидетельства последнего магистра Ордена Готтхарда Кеттлера, архиепископа Рижского Вильгельма и второго наместника Яна Ходкевича, всех польских старост и ленных писем, предоставленных герцогом Магнусом.

Результат пересмотра владений был разным в отдельных частях провинции. В 1577 г. знать бывшего архиепископства Риги получила назад утерянное при наступлении московских войск имущество, в отличие от тех, кто жил на территории бывшего Дерптского епископства³. В северной же Ливонии король также удержал в пользу короны значительную часть земель, которые находились в руках рыцарства в 1582 г. Согласно расчетам Энна Тарвела, 95% территории замка Хельмет, ранее принадлежавших Ордену, после пересмотра находились в собственности рыцарства (192 гаков с 390 слугами на 19 участ-

¹ Franz Nyenstädt's Livländische Chronik... S. 84–86.

² Hiärn Th. Ehts-, Lyf- und Lettländische Geschichte. Nach der Originalhandschrift Hrsg. von Napiersky C. E. // Monumenta Livoniae Antiquae, Mitau 1835–1837. Bd. 1. S. 348.

³ Franz Nyenstädt's Livländische Chronik... S. 84.

ков), ленные территории замка (имущество короны) включали в себя только 9,5 гаков с 31 слугами. Ревизионная комиссия подтвердила право собственности на 85,1 / 4 гаков (= 45% площади), поскольку у знати была достаточная правовая база для соответствующих владений; 74 гака (= 40%) были немедленно присоединены к замку, остальные случаи должны быть переданы королю для принятия решения. После пересмотра в 1583 г. доля владений короны (т. е. будущего старства) в общей площади в районе замка Хельмет выросла с 5% до почти 50%. В районе замка Феллин в 1583 г. документы 11 из 17 представителей знати были признаны действительными, однако ревизионная комиссия сочла только три из них надлежащим подтверждением собственности на земли в размере до 20 гаков¹.

Однако сравнение с более поздними источниками показывает, что документы ревизионной комиссии 1583 г. не являются полными и не должны переоцениваться по своему значению для дальнейшей судьбы пересмотренных владений. Некоторые внесенные в налоговые перечни 1588/1589² земли в районе замка Феллин принадлежали представителям шестерым ливонской и девяти польской знати, в период около 1600 г. это были по меньшей мере 18 ливонцев и 12 поляков или литовцев. Некоторые получали владения в других районах в качестве замены, для других отказ ревизионной комиссии никоим образом не означал потери их владений³.

Одна из проблем при обращении к польским источникам проистекает из того факта, что в них перечислена лишь часть местной знати, поэтому неясно, в каких масштабах аристократы упоминаются в соответствующих реестрах (списки площадей и изменений, налоги на оружие, перечень конных воинов). Тем не менее представляется возможным получить относительно полную картину ливонской знати, объединив информацию обо всех доступных в то время источниках⁴. В районах Пернау, Каркуса, Феллина (совр. Вильянди), Тарваста, Хель-

¹ *Tarvel Э.* Фольварк, пан и подданный: аграрные отношения в польских владениях на территории южной Эстонии в конце XVI – начале XVII века. Таллин, 1964. С. 39.

² *Heyde Jü.* Zwischen Kooperation und Konfrontation... S. 553.

³ *Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym.* Hrsg. von J. Jakubowski J. und Kordzikowski J. Warszawa, 1915. Bd. 13: Inflanty. S. 306.

⁴ *Dunnsdorfs E.* Die Roßdienstliste von 1599 // *Baltische Hefte* 9. 1963. S. 173–192; *Der älteste schwedische Kataster Liv- und Estlands.* Hrsg. von Schieman Th. Reval, 1882. S. 46.

мета и Оберпалена (совр. Пылтсамаа) не менее 83 ливонцев в 1600 г. принадлежали к рыцарскому сословию. Не менее 109 владели землями в районе Дерпта (совр. Тарту) и прилегающих районах замка Нойхаузен, Киррумпе, Оденпе (совр. Оденпя) и Лайс¹.

Есть свидетельства того, что степень владения имуществом знатью была приписана по состоянию до начала Ливонской войны в результате пересмотра имений². Таким образом, данный процесс был связан с удержанием ленных владений во время войны, что в соответствии с положениями *Constitutiones Livoniae* не могло быть признано. В бывшем епископстве Дерптском крупные ленные владения были конфискованы, даже если их владельцы были среди последователей короля.

С момента правления Стефана Батория было выдано около 45 ленных грамот о новых владениях на севере Ливонии (о которых известно на сегодняшний момент). Из них двенадцать были пожалованы ливонцам, а одно – польскому дворянину; четыре ливонца, четыре поляка и один эстонец получали также рабочую силу, три ливонца и 16 польских представителей знати получили владения в пожизненную собственность (четыре владения классифицировать не удалось)³. Также Стефан Баторий, очевидно, не хотел нарушать феодальные традиции ливонцев, в то время как для членов Речи Посполитой он применил польские нормы, которые предоставили собственникам ленных владений большие ограничения в распоряжении собственностью.

В каком соотношении польская или литовская знать получила ленные владения в Ливонии? В источниках упоминается только 20 районов в воеводствах Пернау и Дерпта. Названо 16 польских владельцев земель. Также можно предположить, что не все польско-литовские землевладельцы были включены в различные справочники. Тем не менее в списке конных воинов от 1599 г. содержится указание на приблизительное соотношение ливонского и польско-литовского рыцарства. Хотя в этот список входили только лошади, предоставленные местными землевладельцами, из округов (Венден, Пернау, Дерпт)⁴.

Крупные владения в Ливонии корона оставила себе. Их возглави-

¹ *Heyde Jü. Zwischen Kooperation und Konfrontation... S. 554.*

² *Ligi H. Eesti talurahva olukord ja klassivõitlus Liivi sõja algul (1558–1561). Tallin, 1961. S. 325–374.*

³ *Тарвел Э. Фольварк, пан и подданный... С. 39; Treumuth–Loone N., Liiv O. Polonica Esti riigi keskarhiivis /Polonica im estnischen staatlichen Zentralarchiv. Tartu, 1931. S. 43–45 (N 14–18).*

⁴ *Dunnsdorfs E. Die Roßdienstliste... S. 190.*

ли старосты, которые не только руководили землями от имени короля, но и обладали обширными судебными полномочиями. В Ливонии этот институт сохранил свой первоначальный характер в большей степени, чем в Польше. Староста отвечал за контроль над замками на своей территории и должен был заботиться о ресурсах и имел обширные судебные функции (замковые суды). В связи с этим он был не только управителем королевских земель, но и «заместителем короля» на данной территории. Иерархия представителей короля в Ливонии изначально была не очень хорошо развита, так как многочисленные земельные должности были заняты только после 1598 г. Официальный характер института старост ощущался еще более отчетливо в Ливонии, чем в Речи Посполитой, так как здесь на данную должность в основном назначались на ограниченный период времени (в частности, польские наместники, как правило, служили в качестве старосты только несколько лет)¹. Также упоминалось, что старостством могли быть владения, принадлежавшие ливонской знати². Подобная знать обладала аналогичными полномочиями, что и временно назначенные старосты, но не были обязаны отдавать королю часть личного имущества, и поэтому их можно рассматривать как старост лишь в ограниченной степени.

Пожалование земель польской знати в Ливонии оставалось исключением. Например, Стефан Баторий избегал этого, поскольку важная задача старост заключалась в создании польского правления в стране, а крупных землевладельцев было сложно принудить переселиться в Ливонию. Николай Христофор Радзивилл (по прозвищу Сиротка) получил должность кокнесского старосты во время Ливонской войны с 1569 по 1577 г. Приняв ее от Сигизмунда III повторно с 1588 г. до своей смерти в 1603 г. Также Альбрехт Радзивилл при Сигизмунде с 1589 г. служил в качестве старосты Роннебурга (до своей смерти в 1592 г.). В знак признания достижений Яна Зафногоя 1588 г. ему были переданы дерптские земли в качестве староства советнику короля.

¹ Urzędnicy inflanccy. S. 175–211. Zur Gerichtsfunktion des Starosten vgl. FR. BIENEMANN JR.: Zur Geschichte der Schlossgerichte in Livland, in: Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands 1900, Riga 1901. S. 19.

² Староство Юргенсбург (совр. Юрбакас) в 1561 г. было передано Сигизмундом Августом в собственность Юсту Клодту и впоследствии во владении этого рода. См.: Urzędnicy inflanccy, N 1983. Например, Стефан Баторий передал староство Каркус Георгу Фаренсбаху в 1583 г., подтвердив через два года его вечные права (*in perpetuum*). См.: Ibid. N 1987.

После смерти ЗамоЙского их получил старший гетман литовский Ян Кароль Ходкевич, а после его смерти в 1621 г. должность старосты (согласно *ordinatio Livonica II* от 1598 г.) перешла Магнусу Эрнсту Денхофу¹.

После 1582 г. на всей территории Ливонии за Западной Двиной было 52 староства (в том числе староство Дерптское, основанное в 1588 г.). Во время правления Стефана Батория было назначено в общей сложности 85 старост, из них 32 ливонцев (38S%) и 58 поляков и литовцев. В Северной Ливонии король выдавал должности почти исключительно подданным Речи Посполитой (Пернов, Хельмет, Феллин, Верхняя Палия, после 1582 г. также Нойхаузен и Дерпт). Исключением можно назвать Георга Фаренбаха со староствами Каркус, Тарваст и Руйен². Примечательно, что замки в приграничной зоне со шведской Эстонией и Россией полностью управлялись поляками или литовцами, а во внутренней Ливонии старостами часто становилась ливонская знать. В начале правления король назначил ливонцев во главе замков Нойхаузен, Тарваст и Руйен в 1576–1578 гг.

Преемник Стефана Сигизмунд III посредством указа *Ordinatio Livonica I* продолжил ограничение доступа ливонцев к стратегически важным староствам. Например, в *Ordinatio* упомянуты 26 староств, которые должны были поочередно заниматься поляками и литовцами³, 43 других замков⁴ и земель могли быть отданы достойным ливонцам. Все привилегии, предоставленные ландмайстерами и архиепископами Рижскими маркграфу Вильгельму, подлежали подтверждению⁵. Претензии должны были быть рассмотрены до следующего сейма в пересмотре привилегий, но обещание подтверждения было действительным только для частей Ливонии, которые были подчинены Сигизмунду Августу⁶.

Соответственно, на этом этапе правления ливонская знать получала староства достаточно редко. Однако Сигизмунд III, в отличие от Стефана Батория, вероятно, не хотел игнорировать существующие юридические претензии, исходя из политических интересов. Если ли-

¹ Ibid. N 1915, 1916, 1917.

² Ibid. N 2096, 2188, 2189, 2239, 2240.

³ *Heyde Jü. Zwischen Kooperation und Konfrontation...* S. 557.

⁴ *Volumina Legum. Hrsg. von Ohryzcki J. Petersburg, 1859. Bd. 2. N 3. S. 278.*

⁵ *Volumina Legum. N 18. S. 280.*

⁶ Ibid. N 19.

вонское рыцарство могло доказать, что ранее, несмотря на их права, им было отказано во владении, король мог удовлетворить эти претензии, в том числе чтобы ограничить влияние польских старост, чьи территории включали в себя данные земли. Например, в споре между поляком Мачеем Дембински и ливонцем Кристофом Рихтером король встал на сторону последнего¹.

Ordinatio Livonica II 1598 г. предполагала равные права ливонской знати в вопросе владения во всех областях. Кроме того, специальная оговорка о равенстве, гарантировавшая после 1589 г. литовцам привилегированный доступ к владениям, на этот раз была удалена. С 1600 г. ливонцы часто встречались в качестве преемников поляков или литовцев даже в стратегически важных пограничных районах, таких как Лайс (совр. Лайузе) или Мариенбург (совр. Алуксне)².

Многочисленные земельные владения в Ливонии не были заняты со времен Ливонской войны. Здесь также после 1598 г. начались перемены, а ливонская знать получила доступ к важным должностям³. Когда в 1600 г. война между Сигизмундом III и Карлом, герцогом Сёдерманландским распространилась на Ливонию, во время первой кампании до 1602 г. часть ливонской знати перешла на сторону шведов. В качестве наказания их земельные владения были конфискованы польским королем⁴. Удержанные владения были частично переданы в качестве вознаграждения сторонникам короля как из польской, так и ливонской знати⁵. Частично были возвращены прежним владельцам после возвращения в 1605 г. обратно в польское подданство и новой присяги королю. Решением польского сейма 1616 г. было положено начало новому пересмотру владений в Ливонии, что вызвало настороженность среди землевладельцев и последующую поддержку Густава Адольфа в предстоящем конфликте. Ввиду того что Сигизмунду III не удалось обеспечить лояльность, он со временем потерял влияние на данной территории⁶.

¹ Ibid. N 2235.

² Ibid. N 1924, 1925, 2015, 2016, 2028, 2029, 2064, 2065.

³ Ibid. N 1065.

⁴ *Bienemann F.* (Ju.): Ein polnischer Index der schwedischen Anhänger in Livland vom Beginn des XVII. Jahrhunderts // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands aus dem Jahre 1894, Riga 1895. S. 86–103.

⁵ *Königliche polnische Verleihung eingezogener Güter...* S. 311–315.

⁶ *Wisner H.* Kampania inflancka Krzysztofa Radziwiłła w latach 1617–1618 // *Zapiski Historyczne*. 1970. N 35. S. 9–34.

Однако его оппоненты со шведской стороны, Карл, герцог Сёдерманландский, и его сын Густав Адольф знали, что им нужно было получить Ливонию, чтобы окончательно разрешить спор о троне в Швеции в свою пользу. Герцог Карл представил на встрече с представителями ливонского рыцарства в Ревеле (совр. Таллин) в 1601 г. всеобъемлющую программу по вступлению Ливонии в корону Швеции¹. Однако для Карла союз Ливонии со Швецией был тесно связан с гармонизацией со шведской моделью. Поэтому герцог потребовал от ливонской знати провести ряд изменений в судебной системе и улучшить условия жизни в сельской местности.

В последующие годы Карл не смог вступить в военное противостояние против превосходивших его польских сил и вскоре вернулся в Швецию, где укрепил свою позицию и стал известен как король Карл IX. Только его сын Густав Адольф занял Ливонию после победы в войне. Первая кампания в 1617/1618 г. завершилась завоеванием Пернау. Тремя годами позднее он подошел с флотом к Риге, воспользовавшись тем, что силы Речи Посполитой были связаны войной против Османской империи, а в 1625 г. в Ливонии пали последние польские бастионы в Кокнесе и Дерпте.

Уже в сентябре 1621 г. часть ливонской знати собралась в Риге, чтобы выразить свою поддержку Густаву Адольфу. Рыцарство Харриен – Вирланда главным образом стремилось к подтверждению своих прежних привилегий. Однако король пожелал сначала с ними ознакомиться, отказавшись от общего их подтверждения. В марте 1623 г. губернатор Ливонии Якоб де ла Гарди сообщил рыцарству основные положения, в соответствии с ними шведские власти приняли критерии, которыми руководствовался Стефан Баторий в 1582 г.² Однако рассмотрение всех привилегий и титулов ливонского рыцарства было невозможно в ходе продолжающейся войны, поэтому в мае 1629 г. Густав Адольф издал коллективное подтверждение. Тем не менее позднее планировалось провести его пересмотр.

Однако шведский король подчеркнул, что ливонская провинция должна считаться завоеванной землей³, поэтому введение самоуправ-

¹ Zur Geschichte der livländischen Ritter- und Landschaft 1600–1602. Briefe und Actenstücke. Hrsg. von Bienemann F. (Ju.) // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Esth- und Kurland's. Riga, 1900. Bd. 17. S. 534–544.

² *Liljedahl R.* Svensk förvaltning i Livland 1617–1634. Uppsala, 1933. S. 41.

³ *Ibid.* S. 269. *Heyde Jü.* Zwischen Kooperation und Konfrontation... S. 561.

ления исключено. Его доверенное лицо Юхан Шютте выступал за внесение изменений в судебную систему, что и стало первой крупной реформой в период его управления. Он преследовал план создания в Дерпте суда по шведскому образцу как самой высшей инстанции для подачи апелляций. Кроме того, аристократическая юрисдикция в соответствии с законом имущественного положения ограничивалась «домашним разведением скота», которое не должно превышать стандартные показатели в Швеции или Финляндии¹. Шютте планировал полное приближение провинциального уклада к шведской модели, при создании которой интересы ливонской знати порой сознательно проигнорировались².

Другой вопрос, обсуждавшийся при шведском дворе, насколько тесными должны быть связи Ливонии со Швецией как с метрополией. Данная проблема была дискуссионной. Например, в отличие от Шютте, риксканцлер Аксель Оксеншерна утверждал, что подобные близкие контакты прибалтийских провинций не были в интересах Швеции. Впоследствии из-за сопротивления эстляндского рыцарства введению судебной модели, основанной на шведской, Густав Адольф, незадолго до своей смерти сделал поворот в ливонской политике. Он отказался от уравнивания в правах для того, чтобы позволить королю принять решения, необходимые для защиты и укрепления позиции шведской власти без возражений со стороны провинциальной знати³.

После смерти Густава Адольфа Оксеншерна наряду с конституцией 1634 г. ввел также разделение провинциальных и «имперских» имений⁴. С этого момента только представитель знати, у которого было постоянное место жительства в Швеции или Финляндии, имел право голосовать на сейме. Если он имел владения в прибалтийских провинциях, то терял право на принятие решений по правовым вопросам, что заставило членов шведской аристократии почти полностью отказаться от владений в Эстляндии. С другой стороны, многочисленные представители низшего рыцарства предпочли внутреннее владение землями

¹ *Liljedahl R.* Svensk förvaltning i Livland... S. 276f.

² *Ibid.* S. 357.

³ *Rosen J.* OSEN: Statsledning och provinspolitik under Sveriges stormaktstid // *Scandia*. 1946. N 17. S. 224–270.

⁴ *Sveriges Regeringsformer 1634–1809 samt Konungaförsäkringar 1611–1800.* Hrsg. von Hildebrand E. Stockholm, 1891. S. 32.

праву голоса на сейме и, таким образом, слились с местной знатью. Вместе с тем в экономическом смысле наиболее крупные владения оставались в руках Швеции. Ливонская же знать стала важным партнером короны во всех вопросах провинциального управления. Это позволило ливонцам постепенно восстановить свое представительство. Так, в 1634 г. на похороны Густава Адольфа прибыли представители рыцарства трех округов – Венден, Дерпт и Пернау, т. е. впервые с начала правления Швеции после 1621 г. ливонское рыцарство, по крайней мере отчасти, снова стало считаться единым сообществом. Окончательным завершением на пути к ливонскому самоуправлению стало создание рыцарского банка в 1650 г.

Переход от польского к шведскому господству имел для ливонской знати важное значение с конфессиональной точки зрения. Произошло окончательное закрепление лютеранства в этом регионе. С другой стороны, шведское правительство сознательно соблюдало требования польского периода не только в отношении подтверждения привилегий, но также в связи с земельной собственностью. В первый год после завоевания корона потребовала доходы от всех владений по военному праву¹, но Густав Адольф не думал о создании обширного наследства короны в новой провинции. Бывшие владения короны почти полностью были переданы членам шведской аристократии, вплоть до 1630 г.² Фактически к этому времени почти 80% всех владений, превышающих 1 гак, находились в руках Швеции³. Густав Адольф хотел привязать провинцию к Швеции через эти обширные владения, при этом осуществляя поддержку рыцарства⁴. Ливонцы тщетно надеялись обеспечить соблюдение реституционных требований против шведской аристократии⁵.

После смерти Густава Адольфа правительство по делам опеки пыталось смягчить напряженность между ливонскими и шведскими землевладельцами, приняв на себя внутренние дела. Вновь подтверж-

¹ *Liljedahl R.* Svensk förvaltning i Livland... S. 49.

² *Almquist J. A.* Jordbok och förläningsregister över Livland 1630 // Den civila lokalförvaltningen i Sverige. Med särskild hänsyn till den kamerala indelningen. Stockholm, 1917–1922 (= Meddelanden från Svenska Riksarkivet, Nyföljd, 2/6). Bd. 3. S. 315–330.

³ *Heyde Jü.* Zwischen Kooperation und Konfrontation... S. 364.

⁴ *Fryxell A.* Berättelser ur svenska historien. Nationaluppl. 1902. Bd. 17. S. 275.

⁵ *Ney G.* Atten De la Gardies godsinnehav i Estland // *Svio-Estonica*, 11 [N. F. 2] 1952. S. 187.

денный пересмотр владений в 1638 г. содержит подробное описание всех предполагаемых предыдущих владельцев с середины XVI в. В соответствии с Подтверждением ливонских привилегий от 1648 г. королева Кристина также юридически узаконила устоявшиеся отношения собственности в провинции. На ландтагах, начиная с 1643 г., ливонская знать, особенно на фоне роста городов, стремилась защищать и развивать свое экономическое положение в провинции¹. Часть жалоб на переговорах была связана с побегами крестьян в Россию². Одним из последствий было подписание в 1650 г. между Швецией и Россией специального договора, регулирующего взаимный обмен сбежавших крестьян по обе стороны границы³.

Отдельные представители ливонского рыцарства в правление королевы Кристины даже дослужились до титула барона и перешли в высший слой шведского дворянства (после Положения рыцарства от 1626 г.). В качестве подтверждения специальных заслуг перед королевством выдавались дипломы, которые, например, можно было получить за предоставление услуг⁴ или пожертвования во время военного положения⁵. Герман фон Врангель уже при короле Густаве Адольфе стал шведским фельдмаршалом и королевским советником и был единственным нешведом в Ливонии, которому было доверено управлять целой областью (Оберпален). Его старший сын, Карл Густав, был возведен в ранг графа королевой Кристиной в 1653 г., а его семья в Ливонии получила статус барона⁶.

Разделение между шведской землей и ливонскими провинциями первоначально предназначалось прежде всего для того, чтобы провинциальные суды не влияли на политику. В свою очередь, корона все

¹ *Paucker E.* Auszüge aus den livländischen Landtagsverhandlungen in den Jahren 1643–1659 // Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Curlands. Reval, 1854. Bd.7. S. 185–216.

² *Ibid.* S. 187, 191.

³ *Paucker E.* Auszüge aus den livländischen Landtagsverhandlungen in den Jahren 1643–1659 // Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Curlands. Reval, 1861. Bd. 3. S. 108–112.

⁴ *Hueck W. V.* Verleihungen des Freiherrenstandes an Angehörige der baltischen Ritterschaften bis 1744 // Ostmitteleuropa. Berichte und Forschungen, Stuttgart, 1981. S. 35f.

⁵ *Ibid.* S. 37.

⁶ *Ibid.* 38; *Heyde Jü.* Zwischen Kooperation und Konfrontation... S. 366.

больше и больше уходила из провинциальной администрации. Это позволило ливонскому рыцарству вновь укрепить позиции в качестве основной политической силы в провинции. Тем не менее к 1650 г. оно не имело возможности самостоятельно принимать важные внутри-политические решения. Последнее слово было все еще за короной в Стокгольме.

Д. И. Вебер (Санкт-Петербург, СПбГУ)

РАЗДЕЛ III

СОБСТВЕННОСТЬ И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ДЕРЖАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ. КОРПОРАТИВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В РЕМЕСЛЕ

УСЛОВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА РЕМЕСЛО В ПАРИЖЕ XIII В.

Аннотация

По данным «Книги ремесел» рассмотрено требование о покупке ремесла у короля в Париже XIII в. и изучена специфика королевского права распоряжаться отдельными ремеслами. На основе ряда критериев были выделены группы ремесел (16-23-28-30 ремесел) с разными выплатами в королевскую казну (плата за право заниматься ремеслом, обан, другие пошлины, штрафы) и разной организацией управления. Сеньориальное право давало королю возможность распоряжаться парижскими ремеслами, а особые потребности, связанные с подготовкой Седьмого крестового похода, были причиной широкого использования этого права.

Ключевые слова: «Книга ремесел» Парижа, покупка ремесла, пошлины, сеньориальные права, Людовик IX, Седьмой крестовый поход.

Conventional Craft Ownership in Paris in the XIIIth century

Summary

According the «Book of crafts», the author considers the requirement «to buy a craft from the king» in Paris in the 13th century and examines the features of the royal right to dispose of separate crafts. On the basis of different criteria, groups of crafts (16-23-28-30 crafts) were allocated, with different payments to the royal treasury (craft purchase, hauban, other duties, fines) and different management organization. The seigniorial right gave the king the opportunity to dispose of the Parisian crafts, and the special need of the royal authority – the preparation of the Seventh Crusade – was the reason for the widespread use of this right.

Key words: «Book of Crafts» of Paris, craft purchase, duties, seigniorial rights, Louis IX, the Seventh crusade.

Право заниматься ремеслом – огромная ценность для средневекового ремесленника. Таким правом можно было обладать по праву рождения (дети мастера), по праву наследования (вдова мастера), его можно было получить, выучившись ремеслу (а также пройдя профессиональные проверки (шедевр, экзамен), заплатив вступительный взнос и выполнив другие условия), и такое право можно было купить.

Правило, требовавшее заплатить властям за право заниматься ремеслом, хорошо известно для позднего Средневековья и раннего Нового времени, когда продажа королевских патентов стала распространенным, хотя и не вызывавшим одобрения профессиональных сообществ явлением. Покупка ремесла¹ известна и для Парижа XIII в., где это требование встречается в «Книге ремесел» – первой записи уставов парижских ремесленных и торговых корпораций, сборнике, в который вошли более 70 (условно считается – 100) ремесленных и торговых регламентов, а также три десятка статута о парижских торговых пошлинах, составленном в правление Людовика IX, в 1260-х гг., по указанию королевского прево Этьена Буало².

Почти каждый устав «Книги ремесел» начинается с определения, кто может заниматься этим ремеслом и работать в Париже, что можно разделить на две большие категории: заявления об отсутствии каких-либо ограничений («можно быть мастером свободно») и требование купить ремесло у короля. Например, в первом уставе «Книги ремесел», у булочников:

Никто не может быть булочником в округе Парижа, если не купил ремесло у короля³.

¹ В уставах используется только такая краткая формула, она не разъясняется как «покупка права заниматься ремеслом».

² Règlements sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIIIe siècle et connus sous le nom du *Livre des métiers* d'Étienne Boileau / Publ. par G.-B. Depping. Paris, 1837. (Далее – Règlements.); Le Livre des métiers / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. Paris, 1879. Réimpr. Genève, 1980. (Далее – LM.) Полностью 100 ремесленных и торговых уставов «Книги ремесел» были переведены Л. И. Киселевой и опубликованы в известном академическом издании «Средние века» (Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. Л. И. Киселевой, под ред. А. Д. Люблинской // Средние века. М., 1957. Вып. X. С. 309–362. М., 1958. Вып. XI. С. 171–221).

³ «Nus ne peut estre Talemeliers dedans la banlieue de Paris se il n'achate le mestier du Roi»: LM. P. 3. I ст.

Не только Новое время, но и Средневековье знало такую практику, когда право на ремесло принадлежало одному человеку, а реально работал другой человек. В «Книге ремесел» такой пример дает устав поваров (LXIX), требовавших, чтобы у сына мастера работал знающий подмастерье до тех пор, пока тот сам не выучится ремеслу надлежащим образом¹. Этот устав относится к числу записанного позднее основного корпуса «Книги ремесел», и это единственный подобный пример для Парижа XIII в.

Нормой для средневекового ремесла было иное отношение к профессиональным знаниям – ими в полном объеме должен был обладать тот, кто хотел стать мастером; они не приобретались в ходе работы. Знание ремесла было необходимым, однако у этого безусловного правила были исключения как в отношении детей мастера (хотя пример парижских поваров – это крайний случай), знания которых не всегда проверялись, так и в отношении вдов мастеров, которые получали право заниматься ремеслом, не проходя обучения. Второй обязательной составляющей для реализации ремесленником права на свое ремесло было обладание соответствующими конкретной профессии средствами (мастерской, инструментами, материалами).

Другой более поздний по отношению к основному корпусу «Книги ремесел» устав, принадлежавший изготовителям шелковых тканей и бархата (XL), требовал, чтобы желающий стать мастером владел ремеслом – полностью, самостоятельно, без чьих-либо советов или помощи (он должен был пройти проверку) – и купил ремесло у короля². Таким образом, покупка ремесла не освобождала покупателя от необходимости соответствовать базовым – безусловным – сущностным требованиям к мастеру-специалисту.

Как декларированная почти в половине уставов «Книги ремесел» свобода не была абсолютной, так и покупка ремесла не сводилась к обмену некоторой суммы денег на разрешение работать в Париже.

Требование купить у короля право заниматься ремеслом, чтобы работать в городе на законных основаниях, встречается более чем в 20 уставах «Книги ремесел», и именно оно начинает регламент в качестве первого и главного требования к будущему мастеру.

Историки называли разное количество таких ремесел. По мнению Г. Фаньеза, одного из первых исследователей истории ремесла в Па-

¹ Ibid. P. 145. II ст.

² Ibid. P. 76. I ст.

риже (1877), их было 20, что он полагал редкостью для конца XIII в.¹ Около 30 ремесел насчитывал А. Франклин (1906)², 25 – Н. П. Грацианский (1911)³.

Все исследователи использовали при этом сведения не только из первой части регистров (ремесленных уставов), но и из второй их части, посвященной торговым пошлинам, – а именно, из статута VIII «О ремеслах, которые должны обан⁴ королю, и о ремеслах, которые продают от имени короля», где были перечислены 27 ремесел. Отличия в подсчетах историков и между данными первой и второй частей регистров связаны с разными именованями профессий и с отсутствием некоторых из них в статуте об обане. Г. Фаньез полагал это скорее мнимой, а не реальной разницей⁵.

Однако дело не в том, чтобы установить «точное» количество ремесел, требовавших покупки, но в том, чтобы выявить их отличия от всех остальных парижских корпораций.

Известно, что такие ремесла особым образом управлялись. Мастеру Гийому де Сен-Патю король передал право управлять ремеслом каменщиков, каменотесов, штукатуров и цементщиков (XLVIII), судить этих мастеров, получать часть штрафов за их нарушения и другие доходы от ремесла:

¹ *Fagniez G.* Etude sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIIIe et au XIVe siècle. Paris, 1877. P. 96.

² *Franklin A.* Dictionnaire historique des arts, métiers et professions exercés dans Paris depuis le XIIIe siècle. Paris, Leipzig, 1906. P. 47.

³ *Грацианский Н. П.* Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань, 1911. С. 256. Н. П. Грацианский отметил в их числе изготовителей шелковых тканей (XL), башмачников (LXXXV), починщиков обуви (LXXXVI), перчаточников (LXXXVIII), рыбаков королевских вод (XCIX) (Там же. С. 256. Прим. 4). В отношении починщиков он ошибся, но четыре корпорации, в уставах которых правило покупки ремесла зафиксировано, в статуте VIII второй части регистров действительно отсутствуют.

⁴ Первоначально обан (hauban, haultban) был натуральной повинностью и уплачивался вином (1 мюид вина, около 268 литров). Филипп II Август заменил вино на 6 парижских су, как полагают, в 1201 г. Можно было платить целый обан – 6 су, половину обана – 3 су, или полтора обана – 9 су. Право платить обан можно было купить или получить в дар у короля, но тот, кто не принадлежал к ремеслу, имевшему обан, не мог его платить. Обан отменял многие другие торговые пошлины и потому считался привилегией.

⁵ *Fagniez G.* Etude sur l'industrie. P. 98. Not.

Нынешний король, да дарует ему Бог добрую жизнь, дал управление каменщиками мастеру Гийому де Сен-Патю, пока ему будет угодно¹. Мастер имеет низшую юрисдикцию и штрафы с каменщиков, штукатуров и цементщиков, с их помощников и учеников до тех пор, пока на то будет воля короля².

Каменщики и каменотесы не должны были покупать свое ремесло, но это должны были делать штукатуры, уплачивая за него 5 су³. Использованная здесь формулировка не похожа на обычные указания о покупке ремесла – новый мастер должен был «заплатить», но не было сказано, что ремесло следует купить: была плата за право быть штукатуром; плата предназначалась представителю короля; ее размер соответствовал принятым в других профессиональных сообществах (см. далее). Но в итоге штукатуров не учитывают в категории ремесел, требовавших покупки⁴.

В подобном положении находятся еще четыре корпорации, у которых новички должны были платить вступительный взнос, и его часть предназначалась королю. Принципиальное отличие здесь состоит в определении выплаты именно как «вступительного взноса». 15 су из 20 платили королю изготовители гамаш (LV), еще 5 су они переда-

¹ LM. P. 88–89. IV ст.

² «XVII. Le mestre du mestier a la petite joustice et les *amendes* des Maçons, des Plastriers et des Morteliers, et de leur aydes et de leur apprentis, tant come il plera au Roy: si come des entrespures de leur mestier, et de bateures sanz sanc, et de clameur, hors mise la clameur de propriété»: Ibid. P. 91. В рукописи Ламара (одна из основных рукописей «Книги ремесел», XIV в.) и в «Трактате» ее владельца Н. де Ламара вместо слова «штрафы» (*amendes*) записано «просьбы» (*demandes*): *La Mare N. de. Continuation du Traité de la police, où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prerogatives de ses magistrats, toutes les loix et tous les reglemens qui la concernent.* P., 1738. Т. IV. P. 57. Эта подмена не была замечена ранее. Курсив в цитатах здесь и далее мой. – Е. К.

³ «Nus ne puet estre Plastrier a Paris, se il ne paie v s. de parisis au mestre qui garde le mestier de par le Roy. Et quant il a *païé* les v s., il doit jurer seur Sains que...»: LM. P. 90. XIII ст. Глагол «заплатить» (*payer*) был использован также в уставе башмачников (LXXXV): «Nus ne puet estre Chavetonnier a Paris, c'est a savoir de petiz solers de bazane, se il ne *paie* xvi s. pour le mestier au Roy» (Ibid. P. 186. I ст.).

⁴ Н. П. Грацианский относил каменщиков вместе с плотниками и брадоброями (устава которых не было в «Книге ремесел») к ремеслам, по своей организации близким к магистериям (см. далее), но не выделял отдельно штукатуров: *Грацианский Н. П. Парижские ремесленные цехи.* С. 222.

вали братству¹. 20 су платили королю изготовители брэ² (XXXIX) и еще 10 су – своим присяжным мастерам (управляющим корпорацией), что однако не определялось как «покупка ремесла»³. 5 су должен был заплатить королю и 3 су – мастерам тот, кто хотел заниматься изготовлением меховых шляп (XCIV)⁴. Позднее, в добавленных к тексту устава из «Книги ремесел» статьях, правило об уплате 5 су королю и 5 су братству появилось у горшечников (LXXIV): сначала как требование для тех, кто занимался перепродажей, и для чужаков⁵, потом – как общая норма для всех новичков⁶.

Во всех этих случаях плата королю была необходимым условием для начала работы мастера в Париже, однако, если следовать букве уставов (принятым в «Книге ремесел» формулам), эти ремесла у короля не покупали. С другой стороны, свидетельством о том, что подобные выплаты расценивались как покупка, служит устав изготовителей гамаш (LV), заявивших, что перечисленные в нем поименно мастера могут работать, «не покупая ремесла и ничего не уплачивая королю»⁷.

Возникает вопрос и о ремесленниках, работавших с деревом (XLVII): плотниках, сундучниках, изготовителях окон, дверей и панелей, бочарах, кровельщиках, тележниках и токарях (прежде к этому сообществу относились также бочары и корабельные плотники)⁸. Все они не были обязаны покупать ремесло у короля, однако эта корпорация также имела «внешнее» управление, находясь под контролем ма-

¹ «Quiconques mestre commance ledit mestier de chaucerie, il doit xx *soz d'entrée*, des quels li Rois a xv s. et la confrarie du mestier v s., se il n'est fuiz de mestre, li quel ne doit rien»: LM. P. 114. VI ст.

² Верхняя мужская одежда, разновидность штанов; у галлов они были длинными, до ступни, к XIII в. стали короче, обычно шились из льняного полотна, также из шелка, шерсти и кожи. Подробнее о ремесле: *Franklin A. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions*. P. 107–108.

³ LM. P. 75. III ст.

⁴ «Item, que quiconques du dit mestier levera ovreoir ou dit mestier, il paiera v s. au Roy et iii s. as diz maistres»: Ibid. P. 206. III ст.

⁵ Ibid. P. 156–157. IX, XI ст. Как указывал издатель, «той же рукой», что означает небольшой временной разрыв между записями: Ibid. P. 156. Not. (d).

⁶ «Nus Potier ne puet commencer le mestier de poterie a Paris sanz congíé des mestres, jusque a tant que il est pée v s. au Roy et v a la confarrie»: Ibid. P. 157. XIV ст.

⁷ «...Pourront commencer ledit mestier quant il voudront sanz acheter le ne riens paier au Roi»: Ibid. P. 115. X ст. 33 подмастерья могли вновь стать мастерами, поскольку они были мастерами прежде.

⁸ Ibid. P. 86, 88.

стера Фуке из Тампля: для каждого из ремесел тот назначал своего человека в качестве управляющего¹; получал регулярную плату за свою работу (18 денье в день в Шатле и платье стоимостью 100 су в день всех святых); он же принимал клятвы мастеров и получал штрафы². И главное, мастер Фуке заявлял, что он получил управление ремеслом у короля³, хотя у него были в этом предшественники (*ses devanciers*)⁴. Покупка права заниматься ремеслом нигде в тексте устава не фигурирует, и оснований для утверждения об этом нет. Однако организация управления была характерна именно для таких ремесел.

Если свести данные о покупке ремесла у короля в Париже XIII в., то первая и вторая части регистров полностью совпадают применительно к 16 профессиональным сообществам при некоторых отличиях в их именовании⁵ и в том, каким образом ремесла были объединены при перечислениях⁶. Это булочники (I); мелочные торговцы хлебом и солью (IX); мелочные торговцы фруктами и овощами (X); кузнецы, изготовители крючков, шлемов, буравов и других железных изделий (XV); кузнецы-ножовщики (XVI); замочники (XVIII); сукноделы (L); продавцы птицы (LXX); старьевщики (LXXVI); кошелечники (LXXVII); седельщики (LXXVIII); кожевники (LXXXIII); сапожники (LXXXIV);

¹ Ibid. P. 87–88. VIII ст.

² Ibid. P. 87–88. I, III, V–VIII ст. 18 денье – довольно большая сумма (ср., например, с платой за ремесло), и трудно представить, чтобы мастер Фуке получал ее ежедневно. Вероятно, уточнение о Шатле подразумевало судебное заседание, за что мастер и получал свою плату.

³ «...Quant le mestiers et la mestrie dudir mestier de charpenterie du Roy li fu donnée»: Ibid. P. 87. I ст.

⁴ Они упоминаются в уставе дважды – в преамбуле и в VIII статье: Ibid. P. 86–87.

⁵ См. таблицу 1 в статье: *Кириллова Е. Н.* Покупка ремесла в Париже XIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Вып. 8 (62): Собственность в средневековой Западной Европе (земля – власть – право). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001968-3-1> (дата обращения: 14.12.2017).

⁶ Это относится к сукноделам и ковровщикам, кожевникам, дубильщикам и сапожникам. «Правильное» разделение ремесел или объединение их в одном профессиональном сообществе было принципиально важно при составлении уставов, на которые и следует ориентироваться в данном вопросе. В то время как для второй части регистров принципиальное значение имело упоминание всех, кто должен был покупать ремесло и платить обан, поэтому некоторые ремесла были даже названы несколько раз (дубильщики, сапожники).

починщики обуви (LXXXVI); рыбаки пресных вод (C); торговцы морской рыбой (CI).

Только из уставов первой части парижских регистров известно о необходимости покупки права заниматься ремеслом еще для 5 корпораций: это изготовители шелковых тканей (XL), штукатуры (XLVIII), башмачники (LXXXV), перчаточники (LXXXVIII), рыбаки королевских вод (XCIX). И только из статута VIII об обане известно о необходимости покупать ремесло ковровщиков наших ковров (LI), устав которых совершенно этого не требовал, и ремесло ткачей полотна, устава которых не было в «Книги ремесел». Они получили свой регламент позднее, в 1281 г., и также не были обязаны покупать ремесло¹. В статуте об обане ремесло ковровщиков идет в связке с сукноделием: тот, кто покупал ремесло ткачей сукна или ткачей полотна (*toisserans de lange, toisserans de linge*), мог работать как ковровщик (*tapissiers de tapis postrés*) и наоборот: покупка любого из трех ремесел давала право заниматься двумя другими².

В сумме это 23 ремесла, а с учетом штукатуров, горшечников, изготовителей гамаш, брэ и меховых шляп (без учета плотников, ничего не плативших королю за свое ремесло) – 28.

Седельные плотники (LXXIX) и шорники (LXXXI) не должны были покупать свое ремесло, однако если мастер хотел работать с сафьяном (*cordouan*) – что рассматривалось как его право, но не как обязанность, – он должен был купить ремесло у короля. Основным материалом для седельных плотников было дерево, а сафьян был нужен для отделки и украшения седел³. Для шорников сырьем служила коровья и баранья кожа, что было названы в их регламенте особо; другие виды

¹ *Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIV–XVIIIe siècles / Publ. par R. de Lespinasse. P., 1897. T. III: Tissus, étoffes, vêtement, cuirs et peaux, métiers divers. P. 52–56.*

² LM. P. 255. XVIII ст. Ковровщики «наших ковров» занимались изготовлением разных тканей (полотна, саржи, сермяги), шерстяных ковров и покрывал (из шерсти, шелка и хлопка). В их уставе XIII в. упоминаются шерстяные и «другие нитки» (*toute maniere de file*: Ibid. P. 106. IV ст.). Разные ремесла, занимавшиеся изготовлением ковров, покрывал, тканей для мебели и т. д. объединились в конце XVI–XVII вв. См.: *Les métiers et corporations de la ville de Paris. P., 1892. T. II: Orfèvrerie, sculpture, mercerie, ouvriers en métaux, bâtiment et ameublement. P. 687; Franklin A. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions. P. 680.*

³ LM. P. 176. XVI ст.

кожи тоже можно было использовать для работы¹. Если учитывать и эти два ремесла, требовавшие покупки при определенных обстоятельствах, общее количество – 30.

Обычно в таких уставах использовалась формула о том, что необходимо купить ремесло у короля (21 устав)². В 9 случаях ее продолжала другая формула, встречающаяся как в первой, так и во второй части парижских регистров – что продает ремесло от имени короля тот, кто его купил у короля (или кому король его дал), одному дороже, другому дешевле, как ему покажется лучше³, и тогда сумма обычно не указывалась. В 13 других регламентах был зафиксирован точный размер платы за ремесло⁴, которую продавец не должен был превышать⁵. Подобное распоряжение свидетельствует о попытках продавцов повышать заданные суммы и намерениях властей пресекать это.

Плата за ремесло составляла от 12 денье (это 1 су), как у починщиков обуви (LXXXVI), 16 денье, как у седельщиков (LXXVIII) и рыбаков королевских вод (XCIX) до 20 су, как у изготовителей шелковых тканей и бархата (XL) и рыбаков пресных вод (C). Среднее арифметическое, рассчитанное по максимально допустимым законодателем для 13 ремесел суммам, составляет немногим больше 9 су (9,16).

Такие корпорации имели «внешнее» управление. Главным в этой системе был тот, кто от имени короля продавал ремесло. Он мог сам управлять мастерами (как у кузнецов и замочников) Либо назначал

¹ Ibid. P. 178. V ст.

² Использовался глагол «купить» (achater) и иногда – «заплатить» (payer): у каменщиков и башмачников.

³ Например, в уставе кожевников (LXXXIII): «Nus ne puet estre Baudroier a Paris... se il n'achate le mestier du Roy; et le vent de par le Roy cil qui du Roy l'a achaté, a l'un plus et a l'autre meins, si come il li semble boen et come il li plaist» (LM. P. 180. I ст.). Во второй части парижских регистров, в статуте VIII «О ремеслах, которые должны обан королю, и о ремеслах, которые продают от имени короля», использовано такое же выражение: «se il n'achate le mestier du Roy, ou del commant [так в рукописи Сорбонны; в рукописях Шатле и Ламара – commandement: Ibid. Not. (l)] de ceus ausquex li Roys l'a donné, tant comme il li plaira» (Ibid. P. 254. XIII ст.; Règlements. P. 299). Рукопись Сорбонны – главная из сохранившихся рукописей «Книги ремесел», датируется концом XIII в.; рукопись Шатле – одна из основных и наиболее полных рукописей «Книги ремесел», XIV в.

⁴ В одной статье эти две формулы никогда не сочетались; в разных статьях одного регламента – только у булочников (I) и рыбаков пресных вод (C).

⁵ Например, в уставе кузнецов (XV): «les quex v s. il ne puet passer» (LM. P. 38. I ст.).

своего управляющего (или нескольких, как, например, у сапожников) и через него получал часть штрафов или полностью все штрафы с мастеров и подмастерьев (как у старьевщиков). Плата за право стать мастером нередко оказывалась не единственной и разовой выплатой, как обычно понимается требование купить ремесло, а началом регулярных (ежегодных) выплат от мастеров и даже подмастерьев (у старьевщиков и перчаточников; выплаты от мастеров – у плотников, перчаточников, рыбаков королевских вод). Управляющие имели право судить ремесленников, рассматривая дела о нарушениях в ремесле (о чем им обязаны были сообщать), о драках без пролития крови и жалобах, кроме дел о собственности (у булочников, кузнецов, ножовщиков, замочников, каменщиков, старьевщиков, перчаточников, рыбаков королевских вод).

Итак, система управления корпорациями была многоступенчатой.

– Тот, кто продавал данное ремесло от имени короля, мог управлять мастерами сам.

– Мог назначить управляющего.

– Продавать ремесло мог один человек, а управлять ремесленниками мог быть назначен другой (как у булочников, см. далее).

– Определенными полномочиями обладал прево Парижа (см. далее).

– И в корпорации могли быть свои прюдомы – должностные лица из числа мастеров, которые вели повседневные дела сообщества.

Право продавать ремесло от имени короля имели люди разного статуса. В их числе были должностные лица, не названные по имени (королевский кузнец, дворцовый эконо́м, коннетабль Франции⁶, королевские оруженосцы), либо те, чьи имена были точно известны и записаны в регламентах: камергер монсеньор Пьер де Немур⁷, граф д'Э⁸. Либо лица менее высокого статуса, как Герен Дюбуа для ры-

⁶ После упразднения должности сенешаля в XIII в. коннетабль стал главнокомандующим королевской армией во время войны. Позже, с середины XIII в., за ним утвердилась привилегия возглавлять авангард армии, находящейся под командованием короля. См.: *Стукалова Т. Ю.* Введение в средневековую французскую архонтологию. М., 2001. С. 69–78; *Ее же.* Институты власти и должности во Французском королевстве в XI–XIII вв. // *Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время* / Отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 67–68.

⁷ Камергер Людовика IX Пьер де Немур: LM. P. 227. Not. (1).

⁸ Альфонс де Бриенн, граф д'Э (d'Eu) – двоюродный брат короля и королевский казначей, сын Жана де Бриенн, короля Иерусалимского, и Беренгеры Кастильской.

баков королевских вод (XCIX), предок которого получил эти воды в наследство¹. Управление булочниками (I) король передал своему главному хлебодару, а продавал это ремесло некто, купивший его у короля.

По отношению к этим конкретным лицам, независимо от того, были ли они названы по имени или по статусу, в уставах использовалась формула «тот, кому король его [ремесло] дал, пока ему это угодно» (*cilz a qui li Rois l'a donné tant comme li plera*), – в 14 случаях.

По отношению к неким неизвестным лицам, купившим право продавать ремесло у короля, применялась другая формула: «тот, кто его [ремесло] купил у короля» (*cil qui l'a achaté du Roy; cilz qui del Roy l'a achaté*), – в 7 случаях.

У изготовителей шелковых тканей и бархата (XL) и кошелечников (LXXVII) принадлежность права продавать ремесло от имени короля никак не разъяснялась. У седельных плотников (LXXIX) продавец был обозначен как «тот, кто держит кутюму от короля»², у торговцев морской рыбой (CI) – «тот, кто имеет на это право»³.

Всю плату за ремесло мог целиком получать один человек, как, например, королевский кузнец – от кузнецов (XV), ножовщиков (XVI) и замочников (XVIII). В других случаях плата делилась между несколькими лицами: между королем и графом д'Э – у перчаточников (LXXXVIII), между королем и Гереном Дюбуа – у рыбаков королевских вод (C), между камергером и коннетаблем – у седельщиков (LXXVIII), камергером и графом д'Э – у сапожников (LXXXIV), камергером и экономом – у башмачников (LXXXV). Ни в одном случае сумма не делилась на равные части, и ни в одном случае казна не получала эти деньги полностью.

Сбор платы за ремесло также представлял собой многоступенчатую систему.

- Право заниматься ремеслом продавалось от имени короля.
- Мастерам его продавали другие люди.

Получил графство Э через брак с Марией де Лузиньян, наследницей всех владений Рауля III, ее отца. Альфонс де Бриенн сопровождал Людовика в его последнем крестовом походе и умер от дизентерии в один день с королем: *Ibid.* P. 178. Not. (1); *Règlements.* P. 221. Not. 1.

¹ «...Guerin du Bois, a cui ancisseur le roi Phelippe le dona en eritage»: *LM.* P. 212. I ст.

² «...Celui qui quent la coustume de par le Roi»: *Ibid.* P. 176. XVI ст.

³ «...Cil qui la baillie en a»: *Ibid.* P. 218. I ст. О термине «baillie»: *Ibid.* P. 296.

– Деньги от мастеров непосредственно получали третьи лица. Это могли быть:

1) уполномоченные представители названных в уставах лиц, как представитель эконома у старьевщиков (LXXVI), мастер старьевщик (старшина корпорации) у башмачников (LXXVI), представитель графа д'Э у перчаточников (LXXXVIII) и шорников (LXXXI);

2) те, кто это право перекупил. Таких случаев, когда произошла дальнейшая передача данного королем права, всего два. 10 су для камергера от нового мастера-башмачника (LXXXV) принимал тот, кто получил ремесло от камергера¹. Ремесло сапожников-починщиков (LXXXVI) продавал тот, кто был уполномочен оруженосцами короля². Неизвестно, как именно эти не названные ни по имени, ни по статусу лица получили такие права, но о том, что они их купили у первых (после короля) владельцев, не сказано.

Если же говорить о совокупности всех возможных доходов от ремесла, то их получали для себя или для дальнейшей передачи тем, кому эти доходы полагались, многие другие лица и категории лиц, в том числе прюдомы, управлявшие ремеслами.

Передача этих корпораций в управление не привела к потере контроля со стороны королевской власти за ними. Король получал от них штрафы (полностью или частично) и пошлины – обан и другие (*см. далее табл. 1*). «Королевской службой»³ была названа работа четырех присяжных у рыбаков пресных вод (С), которых выбирал главный королевский повар⁴: эти присяжные досматривали и проверяли всю рыбу, обходя места ее продажи (в пост они должны были делать это ежедневно), отбирая плохую и выбрасывая ее в Сену. Высоким штрафом в 10 су их защищали от нападков и оскорблений, которым они подвергались за свою работу⁵.

Прево Парижа, как представитель королевской власти и глава города, также имел множество полномочий по отношению к этим ремеслам. Именно у прево Парижа покупали право заниматься ремеслом изготовители шелковых тканей и бархата (XL)⁶. Прево в ряде случаев сам

¹ «...Cil qui a le mestier de par le chambellant reçoit»: Ibid. P. 186. I ст.

² «...Cil qui y est establi de par les esquires le Roy»: Ibid. P. 187. I ст.

³ «...Le service lou Roy»: Ibid. P. 218. XIX ст.

⁴ Ibid. P. 217. XV ст.

⁵ Ibid. P. 218. XIX ст.

⁶ Ibid. P. 76. I ст.

назначал должностных лиц (прюдомов), управлявших корпорациями: у кузнецов-ножовщиков (XVI), продавцов птицы (LXX), кожевников (LXXXIII) такое право не всегда переходило к продавцам этих ремесел. Прево принимал клятвы прюдомов (у рыбаков пресных вод (C), торговцев морской рыбой (CI)), назначал мастера ученику на оставшийся срок обучения, если ученик лишился своего мастера (у изготовителей шелковых тканей и бархата (XL)).

Именно прево должны были докладывать обо всех или о некоторых нарушениях, случившихся у живописцев и седельщиков (LXXVIII), сапожников (LXXXIV), рыбаков пресных вод (C), о ряде нарушений у сукноделов (L) и старьевщиков (LXXVI)¹. Прево получал штрафы с замочников (XVIII), изготовителей шелковых тканей и бархата (XL), и из его рук прюдомы могли получить причитающуюся им часть штрафов (у сукноделов (L), продавцов птицы (LXX)). К нему обращались за помощью и наказанием в случае неподчинения мастеров, нарушения ими клятв (у каменщиков (XLVIII), сукноделов (L), старьевщиков (LXXVI), живописцев и седельщиков (LXXVIII)).

Важным обстоятельством, вызвавшим необходимость ограничивать и контролировать новых владельцев, была опасность недобросовестного отношения с их стороны к полученным (приобретенным) ими правам, их необъективность, порождавшая возможность допустить к ремеслу недостойного человека. Старьевщики (LXXVI) требовали, чтобы ремесло не продавали «никакой душе», кто недостойн и нечестен и за кого не дают поручительства, причем и поручиться должны были люди, достойные доверия². Рыбаки пресных вод (C) тоже заявили, что купить ремесло и стать рыбаком мог недостойный человек, но

¹ О некоторых нарушениях у старьевщиков, наоборот, прево и смотрителя дорог можно было не предупреждать: об обнаружении шерсти, пропитанной серой, смесью угля и растительного масла, и необходимости ее уничтожения на рыночной площади: Ibid. P. 161. VII ст. Роль смотрителя дорог более никак в этом уставе не прописана и, наиболее вероятно, он не имел отношения к управлению корпорацией старьевщиков.

² «Li chamberier ou son connement ne pueent ne ne doivent le mestier devant dit vendre a nul ame que il ne soit preud'om et loial, et du quel il aient boen tesmoignage et souffisant qu'il soit *preud'ome et loiax*: quar au mestre qui le mestier garde, quant aucun enterz est trouvez seur un Frepier, que il le tesmoigne a estre *preud'om et loial*; et fort chose seroit, se il le tesmoignoint a preud'ome et loiax, et il ne le connoissoit ou il ne l'eust oï tesmoignier *par bone gent et par leaus*»: Ibid. P. 159–160. II ст.

корпорация имела право отстранить его, независимо от ранее заплаченных им денег:

Если... рыбак, купивший ремесло у того, кто его продает от имени короля, окажется недостойным и нечестным, нехорошего поведения и нехорошего образа жизни, четыре вышеупомянутых прюдома, охраняющие ремесло от имени короля... *могут отказать ему и отстранить его*, чтобы он не имел ни доли, ни компаньонов в этом ремесле...¹

В регламенте не были указаны ни имя, ни статус человека, «купившего» ремесло у короля, но его составителям было уже очевидно, что тот, желая вернуть свои деньги, мог допустить к ремеслу недостойного. Видимо, такие просчеты случались, и корпорации к моменту записи уставов выработали способы противодействия им и восстановления порядка, видевшегося им справедливым.

Некоторые категории ремесленников могли заниматься этими ремеслами в Париже, не будучи обязанными покупать такое право у короля, что особо отмечал Н. П. Грацианский. Это:

– булочники (I), жившие на землях церковных сеньоров в городе и его округе: в Сен-Марсель, в Сен-Жермен-де-Прэ, на старой земле Сен-Женевьев, на землях капитула Нотр-Дам в Гарланде и др.²;

– сыновья и братья мастера-сукнодела (L), пока находились под его опекой³;

– вдовы, начинавшие заниматься ремеслом и работать в случае смерти их мужей-мастеров.

Вдова изготовителя шелковых тканей и бархата (XL) могла заниматься ремеслом, продолжив дело мужа, до того, как выйдет второй раз замуж. И могла продолжать работу, даже выйдя замуж за человека не этой профессии, если знала ремесло⁴. Напротив, продавцы птицы (LXX) запрещали вдове работать, если она вторично выходила за-

¹ Ibid. P. 215. IV ст.

² Ibid. P. 3. I ст.

³ «IV. Chascun filz de mestre Toissarrant de lange, tant come il est en la garde de son pere ou de sa mere, c'est a savoir que il n'est point de fame ne n'eust onques eue, puet avoir ii mestiers larges et i estroit en la meson son pere, se il sait faire le mestier de sa main; ne ne sont pas tenu de paier gueit ne nule autre redevance, *ne d'achater le mestier du Roy*, tant come il sont en ce point»: Ibid. P. 93.

⁴ «...Se elle ne le savoit faire de sa main»: Ibid. P. 78. XI ст.

муж, – в этом случае она должна была купить ремесло, как покупали все мастера. Если же выходила замуж за человека из этого ремесла, то для того, чтобы жена смогла работать, ремесло должен был купить муж (продавцы птицы и башмачники (LXXXV)): «так как мужчина не находится во власти женщины, но женщина – во власти мужчины»¹. Жена могла заниматься ремеслом за мужа – рыбака пресных вод (С), пока не выяснялось, жив ли он.

Таким образом, требование заплатить за право заниматься ремеслом ограничивалось тем, что фактический мастер (сын, брат, вдова мастера) не рассматривался как новый и «отдельный» мастер, а выступал продолжением и «составляющей» мастера, ранее уже купившего ремесло. В то время как ремесленник становился мастером один раз, и если для этого требовалось купить право заниматься ремеслом, то он покупал свое ремесло тоже один раз – кроме старьевщиков (LXXVI), которые за несовместимые с этим статусом проступки могли быть исключены из корпорации и потом должны были вступить в нее заново: вновь купить ремесло и еще раз принести вступительную клятву².

Правило покупки ремесла было хорошо известно в ремесленной среде, почти не вызывало вопросов и почти не подвергалось сомнениям, что подтверждают упоминания о покупке ремесла в уставах тех корпораций, которые не были обязаны это делать. Сукновалы (LIII) посчитали нужным в первой же статье своего регламента указать, что в Париже можно свободно заниматься этим ремеслом, «не покупая

¹ Этот аргумент, с очевидным библейский контекстом, был использован в уставе продавцов птицы (LXX): «Fame de Polaillier puet tenir le mestier de poulaillerie après la mort son mari ausi franchement comme se ses sires vesquist; et se elle se marie a home qui ne soit du mestier et elle vueille tenir le mestier, il li couvient acheter le mestier en la maniere desus devisée; et ensemment li convenroit il acheter le mestier se ses maris estoit du mestier et il n'eust le mestier achaté: quar li hom n'est pas en la seigneurie a la fame, mès la fame est en la seigneurie a l'ome [non pas touz jours]» (Ibid. P. 148. VI ст.). В квадратных скобках приведено добавление на полях рукописи Сорбонны: «не всегда». В издании Н. де Ламара: «comme l'homme n'est pas en la seigneurie de la femme, mais la femme est en la seigneurie de l'homme»: *La Mare N. de. Traité de la police*. P., 1710. Т. II. P. 1420). Башмачники (LXXXV): «Se fame a Çavetonnier se marie [a autre home que de son mestier – исправление издателя: LM. P. 187. Not. (h)], il converra que ses sires achate le mestier du Roy en la maniere desus devisée, avant qu'ele oevre ou face ouvrer puis qu'ele sera remariée» (Ibid. P. 187. X ст.).

² Ibid. P. 160. IV ст.

ремесло у короля»¹. Красильщики (LIV), также ремесло не покупавшие и занимавшиеся им свободно, жаловались на право сукноделов (L) красить ткани, в то время как сами красильщики не могли заниматься сукноделием, если не купят это ремесло. И чтобы законно заниматься сукноделием вместе со своим собственным красильным делом, красильщики были готовы покупать ремесло, о чем и заявляли в уставе, аргументируя свою готовность очевидной для королевской казны выгодой, которая тогда могла бы, с их точки зрения, доходить ежегодно до 200 парижских ливров². О мясниках, устава которых не было в «Книге ремесел», есть упоминание во второй части парижских регистров, сформулированное подобным образом: они платят обан, но не должны покупать свое ремесло³.

Вопрос о том, почему именно эти ремесла следовало покупать у короля, включает несколько составляющих. Нельзя обойти хронологию – как историю составления «Книги ремесел» в целом, так и вопрос о последовательности записи регламентов. Наиболее вероятно, что позднее основного корпуса «Книги ремесел» были записаны уставы тех ремесел, кто оказался пропущен в статуте VIII об обане, как, например, изготовители шелковых тканей (XL). Однако это лишь часть объяснения, как и понимание разных целей составления второй части парижских регистров и записи ремесленных и торговых уставов.

Ни в одной из рукописей XIII в. эти ремесла не были собраны вместе: они находились в разных частях предполагаемого оригинала «Книги ремесел», рукописи Счетной палаты, разбросаны по рукописи

¹ «I. Quiconques veut estre Foulons a Paris, estre le puet franchement sanz achater le mestier du Roy»: Ibid. P. 107.

² Ibid. P. 112–113. VI ст. О претензиях красильщиков к сукноделам и последующих постановлениях см. эдикт Филиппа III 1279 г., решение прево Парижа 1291 г.: Règlements. P. 401–404. По мнению А. Франклина, покупка ремесла сукноделами была редкостью вследствие обычно наследственной передачи ремесла от отца к сыну (*Franklin A. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions*. P. 270). На то, что сукноделом может стать только сын мастера, жаловались и красильщики: LM. P. 112. VI ст. В постановлении о сукноделах и красильщиках прево Жана де Марль 1291 г. были названы имена 59 ткачей, которые имели право красить, и 20 красильщиков: Règlements. P. 403–403. По спискам парижской тальи 1292 г. Р. де Леспинасс насчитал 19 сукноделов и 82 ткача: *Les métiers et corporations de la ville de Paris*. T. III. P. 134.

³ «...Mès il n'achètent pas le mestier du Roy»: Règlements. P. 297; LM. P. 253. IV ст.

Сорбонны¹. В рукописи кутюм (тоже XIII в.), включающей всего 12 ремесленных уставов, из числа ремесел, заниматься которыми можно было, лишь купив соответствующее право, вошли только каменщики и рыбаки. Если бы в каком-то из манускриптов оказалось компактное собрание таких уставов, это могло быть обосновано особым (прежде всего фискальным) интересом к этим ремеслам со стороны королевской власти, в основе которого – исключительные права короля на них, и подобная композиция регистров не вызвала бы абсолютно никаких вопросов ни у современников, ни у историков. Однако это не так, что дает основания для сомнений в одномоментности «введения» правил о покупке ряда ремесел – о одновременности распоряжения ими и о том, что королевские права на эти ремесла тщательно учитывались и контролировались. С другой стороны, отсутствие подобной рукописи «Книги ремесел» может следовать за фактическим положением дел: права были уже переданы другим лицам и при сохранении королевских прерогатив текущий контроль за мастерами и доходы от ремесла принадлежали либо тем самым лицам, либо их представителям.

Уточнить реальное состояние дел позволяет *табл. 1*. В ней представлены ремесла из числа тех, которые требовалось покупать у короля, без учета других данных «Книги ремесел» об уплате пошлин² и штрафов³ в пользу королевской казны, которыми были обязаны почти все парижские корпорации.

¹ Интервал примерно в 15 лет разделяет самые ранние и самые поздние из этих регламентов в рукописи Сорбонны, и все они были составлены до 1280 г., как свидетельствует новейшее исследование этой рукописи: *Bourlet C. Le Livre des métiers dit d'Étienne Boilleau et la lente mise en place d'une législation écrite à Paris (fin XIIIe – début XIVe siècle) // Médiévale. 2015. 69. Travailler à Paris (XIIIe–XVIe siècle). P. 37–38.*

² Этому есть множество примеров, в том числе уже упомянутые красильщики (LIV), которые не должны были покупать свое ремесло, но платили королю обан и 4 су «за доски» (*pour les planches*), хотя не должны были платить тонлье или кутюмы за товары ремесла, если только они не были взвешены на королевских весах: LM. P. 113. VII–X ст. Тонлье – основная торговая пошлина, которая уплачивалась в зависимости от вида и количества товаров и покупателем, и продавцом.

³ Это более 50 парижских корпораций, у которых был установлен один и одинаковый штраф за любые нарушения. Например, 20 су – у пивоваров (VIII), 5 су – у изготовителей оловянной посуды (XII), 8 су – с мастера, 4 су – с подмастерья у изготовителей медных листочков (XX), 10 су – у гранильщиков хрусталя (XXX) и т. д.

Ремесла, пополнявшие королевскую казну

Ремесло	Доходы королевской казны от:				
	покупки ремесла/ вступительного взноса	обана	других пошлин	штрафов полностью	части штрафов
Булочники (I)		+	+		
Торговцы хлебом и солью (IX)		+	+		
Торговцы фруктами и овощами (X)		+		+	
Кузнецы (XV)		+			
Изготовители брэ (XXXIX)	+				+
Изготовители шелковых тканей (XL)	+				+
Плотники (XLVII)					+
Сукноделы (L)			+		+
Изготовители гамаш (LV)	+				+
Продавцы птицы (LXX)			+		+
Горшечники (LXXIV)	+			+	
Старьевщики (LXXVI)		+			
Кошелечники (LXXVII)		+	+		+
Седельщики (LXXVIII)			+	+	+
Седельные плотники (LXXIX)				+	

Ремесло	Доходы королевской казны от:				
	покупки ремесла/ вступительного взноса	обана	других пошлин	штрафов полностью	части штрафов
Шорники (LXXXI)				+	
Кожевники (LXXXIII)		+*	+	+	
Сапожники (LXXXIV)			+	+	+
Перчаточники (LXXXVIII)	+	+			+
Изготовители меховых шляп (XCIV)	+				+
Рыбаки королев- ских вод (XCIX)	+	+	+		
Рыбаки пресных вод (C)				+	
Торговцы мор- ской рыбой (CI)				+	

* Статья об обане была добавлена к уставу позднее: LM. P. 182. XII ст. Not. (e).

Список ремесел, пополнявших королевскую казну, лишь частично совпадет с приведенным выше перечнем ремесел, требовавших покупки ремесла у короля: некоторые из них не приносили дохода непосредственно казне (штукатуры (XLVIII), башмачники (LXXXV), починщики обуви (LXXXVI)); напротив, должны быть учтены все ремесла со «вступительным взносом». Данный перечень не совпадает и с теми ремеслами, которые упомянуты в статуте VIII об обане. Кроме перечисленных в *табл. 1*, обан платили также следующие не покупавшие ремесла мастера: сукновалы (LIII), красильщики (LIV), мясники и скорняки.

Доходы казны от разных ремесел отличались как по суммам, так и по периодичности. Самыми стабильными были поступления от пошлин (обана и других), которые выплачивались каждым мастером

ежегодно, в определенный срок и в известном объеме. Покупка ремесла – разовое действие, соответственно, и разовое поступление в казну, и еще раз подчеркну, что ни в одном случае король не получал плату за ремесло или вступительный взнос полностью. Не были определенными периодичность уплаты штрафов и итоговые суммы их поступления в казну.

Распределение доходов от ремесел, как от разовых, так и от постоянных выплат, показывает такую же дробность, как и система управления и система сбора доходов.

Говоря о покупке ремесла у короля, уставы не называли его имени, поскольку имели в виду правящего монарха. При этом Людовик IX лишь следовал примеру предшественников, распоряжавшихся парижскими корпорациями, о чем свидетельствуют и другие грамоты, и сама «Книга ремесел».

Филипп II Август (1180–1223) дал в наследство определенные участки Сены (так называемые королевские воды) предку Герена Дюбуа¹, который управлял рыбаками королевских вод (XCIX) в момент записи «Книги ремесел», имя «предка» неизвестно и не называется. Позднее, в конце XIII в., рыбаками управлял Жан Муре².

Также Филипп II передал «одному рыцарю» тонлье с булочников (I) – полтора хлеба, которые они платили каждую неделю³. Однако в момент составления «Книги ремесел» тонлье получал уже не рыцарь, а те, «кто этим сбором владеют»⁴, что, наиболее вероятно, означало не наследников рыцаря, а тех, кто перекупил у него это право. В октябре 1268 г. аббатство Жуаенваль (Joüenval) продало это право аббатству Лоншан (Longchamp), и в Национальном архиве сохранился акт о продаже. Свидетельство об этом есть и во второй части парижских регистров. К статуту IX «О тонлье и аляже за хлеб» в рукописи Сорбонны позднее, в XIV в., была сделана приписка о том, что прежде переданное «одному рыцарю» тонлье, «как сказано в уставе булочников», принадлежит каноникам Лоншан (две его части), а третья часть тонлье – одному буржуа Парижа. В рукописи Шатле это уточнение записано около статута IX о тонлье, причем было указано и имя этого буржуа – «мэтр Ж. де Лапорт»⁵.

¹ «...Guerin du Bois, a cui ancisseur le roi Phelippe le dona en eritage»: Ibid. P. 212. I ст.

² Règlements. P. 263. Not. 1.

³ «Li rois Phelippe donna ce tonliu a un chevalier»: LM. P. 7. XX ст. Not. (1).

⁴ Ibid. P. 7.

⁵ Ibid. P. 7. P. 257. Not. (k). Аляж – сбор за право торговать на рынке.

«Книга ремесел» свидетельствует: Филипп Август распорядился двумя парижскими ремеслами¹, а Людовик IX – двадцатью. Что случилось при Людовике IX, известном своим бережным отношением к казне?

С моей точки зрения, щедрая раздача права управлять парижскими ремеслами была связана с подготовкой и организацией Седьмого крестового похода.

Известно, что Людовик IX не стал обращаться к помощи своих подданных, на которую как их сеньор имел право (к так называемой «помощи» – *aide*), поскольку многие бароны сами отправлялись в поход и потому освобождались от подобных выплат. Ж. Ле Гофф, ссылаясь на Ж. Сивери, назвал цифру в 1 537 540 турецких ливров как общий бюджет похода 1248 г., притом что годовой доход короля составлял 250 000 ливров². Большую часть необходимых средств корона получила от церкви и городов; также король использовал такие источники, как продажа ряда королевских привилегий (право избирать прелатов и др.), ординарные поступления от штрафов³. В этот же ряд следует помещать и передачу в управление некоторых парижских ремесел.

Королевское право распоряжаться парижскими ремеслами представляется безусловным⁴. Однако оно распространялось на них очень по-разному, включая и такой вариант, как полную свободу заниматься ремеслом, использовать любые материалы и принимать любое количество учеников и подмастерьев и на любых условиях – как у изготовителей железной проволоки (XXIII), олова (XXXII), кольчужников (XXVI), мисочников (XLIX), лучников (XCVIII) и некоторых других. И даже не платить никаких пошлин, обычных для горожан: кольчужники и лучники, например, были свободны от всяких пошлин и повинностей.

¹ Ф. Оливье-Мартен называл также сукноделов, скорняков и портных, указывая, однако, на утрату соответствующих документальных свидетельств: *Olivier-Martin F. L'organisation corporative de la France d'ancien régime*. P., 1938. P. 89.

² *Ле Гофф Ж.* Людовик Святой. М., 2001. С. 158. Многие исследователи полагают сумму в 1,5 млн турецких ливров сильно завышенной. См. также: [Карачинский А. Ю.] Комм. 151 // *Жуанвиль Ж. де.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько, под ред. А. Ю. Карачинского. СПб., 2007. С. 192–193.

³ См.: Там же.

⁴ Также см.: *Olivier-Martin F. L'organisation corporative de la France d'ancien régime*. P. 92.

Пять из девяти ремесел¹, представители которых работали с кожей (сапожники, кошелечники и другие), передавались королем в управление отдельным лицам и в XII в.², и в конце XIII в. (1287 г.), и позднее³. Н. П. Грацианский указывал, что первоначально принадлежавшее камергеру право судить сапожников (LXXXIV), по «Книге ремесел» находилось у прево Парижа и было возвращено камергеру в 1287 г.⁴ Таким образом, «Книга ремесел» зафиксировала *лишь некоторый этап истории* этих ремесел – временное управление ими со стороны представителей камергера, эконома, графа д'Э. Разные специальности, связанные с обработкой кожи (особенно с сафьяном), имели, вероятно, давние традиции стороннего управления от имени короля. Развитие и дальнейшая специализация этих ремесел вели к тому, что правило покупки распространялось на все новые специальности и новые корпорации.

Формула о королевской воле («пока королю будет угодно») присутствует во многих регламентах (10 упоминаний в 9 текстах⁵) и представляет собой одно из традиционных для «Книги ремесел» устойчивых выражений. Я вижу в ней не формальное, а реальное ограничение – как по времени (право передано на некоторый срок), так и по обстоятельствам (пока такой будет воля короля), что означало возможность изменить принятое ранее решение в отношении тех ремесел, которые «были даны королем», – в отличие от тех, которые были куплены у короля. Грамоты XII–XIII вв. и свидетельства первой и второй частей парижских регистров подтверждают такую возможность. В целом очевидны условность и временный характер прав всех упомянутых здесь лиц и первичность королевских прав и королевской воли.

Основная идея, которая высказывалась в историографии при объяснении правила о покупке ремесла в Париже XIII в., – происхождение

¹ Кошелечники, перчаточники, седельщики и седельные плотники, три корпорации сапожников, кожевники, шорники.

² Есть латинская грамота 1160 г. Людовика VII, которая была подтверждена в 1277 г. Филиппом III (Documents relatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France / Publ. par G. Fagniez. Paris, 1898. Т. 1. Р. 279–280), и на нее ссылаются, хотя Ф. Оливье-Мартен подчеркивал сомнения А. Люшера в аутентичности этой грамоты: *Olivier-Martin F. L'organisation corporative de la France d'ancien régime*. Р. 91.

³ *Грацианский Н. П.* Парижские ремесленные цехи. С. 231. Н. П. Грацианский ссылается на грамоты, опубликованные Г. Фаньезом. Здесь – Documents relatifs à l'histoire de l'industrie. Т. 1. Р. 304.

⁴ *Грацианский Н. П.* Указ. соч. С. 230.

⁵ Дважды в уставе каменщиков (XLVIII: LM. Р. 88–89. IV ст.), а также в уставе шорников (LXXXI: Ibid. Р. 178. III ст.), свое ремесло не покупавших, см. выше.

ремесленных корпораций из вотчинных организаций ремесленников (магистерий). Для средневекового Парижа в их числе называют монетчиков, булочников, мясников, кожевников и сапожников, кузнецов, старьевщиков, рыбаков, а также плотников, каменщиков и цирюльников¹. Подчеркну, что речь идет только о некоторых ремеслах: историки никогда не выводили *все* профессиональные сообщества из вотчинных организаций.

Ф. Оливье-Мартен и другие историки указывали на особую строгость контроля по отношению к некоторым ремеслам, которые относились к категории опасных, в связи с необходимостью заботы о продовольствии и общественном порядке². Такая позиция отражает понимание важной именно для города необходимости обеспечить безопасность, с акцентом на административном значении корпораций. В то же время это новая – городская – потребность, т. е. эти корпорации (опять подчеркну – не вообще все профессиональные сообщества) «моложе» тех, которые были наследники магистерий.

Сеньориальное право давало королю возможность распоряжаться парижскими ремеслами, однако данные «Книги ремесел» свидетельствуют о том, как широко Людовик IX использовал это право, что не может не быть связано с особыми потребностями королевской власти. Именно поиск средств для крестового похода привел, с моей точки зрения, к использованию очевидного для феодальной системы источника финансовых поступлений, включая, по всей вероятности, и изменение принятых ранее решений – передачу ремесел от одних лиц другим. Люди, получившие ремесла на откуп³ и в управление, имели средства и возможность профинансировать королевские нужды, обеспечив себе в дальнейшем постоянные денежные поступления в виде части штрафов, в виде вступительной платы новых мастеров, в виде судебных отчислений – при безусловности королевских прав. «Книга ремесел» отразила лишь временную конфигурацию разных прав и полномочий.

Е. Н. Кириллова (Москва, ИВИ РАН)

¹ *Fagniez G.* Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIIIe et XIVe siècles. P. 98–99. *Грацианский Н. П.* Парижские ремесленные цехи. С. 222, 227–228.

² *Olivier-Martin F.* L'organisation corporative de la France d'ancien régime. P. 109; *Россер Дж.* Ремесленные гильдии и организация труда // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1999. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан. С. 146.

³ *Fagniez G.* Etude sur l'industrie. P. 99; *Franklin A.* Dictionnaire historique. P. 47.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ, ВЛАДЕНИЕ И ДЕРЖАНИЕ В АКТАХ ФЕРРАРЫ XIV В.

Аннотация

Это исследование направлено не только на выяснение того, какого уровня достигла рецепция римского права в практике городов Севера Италии (особенно в отношении категорий вещного права, таких как право собственности – *proprietas*, владение – *possessio* и держание – *detentio*), но на путь к углубленному изучению поземельных отношений, что, как известно, чрезвычайно важно для характеристики средневекового общества и особенностей его развития. Исследование проведено на основе анализа формуляра актов XIV в., оформлявших сделки с недвижимостью.

Ключевые слова: Феррара XIV в., право собственности, владение, держание.

Ownership, Possession and Detention in the Acts of Ferrara of the 14th Century

Summary

This study is aimed not only at finding out what level the Roman law has reached in the practice of the cities of the North of Italy (especially with regard to the categories of property law, such as ownership – *proprietas*, possession – *possessio* and detention – *detentio*), but also on the way to an in-depth study of land relations, which is known to be extremely important for the characterization of medieval society and its development. The study was based on the analysis of the formular of acts of the 14th century, formalizing real estate transactions.

Key words: Ferrara of the XIVth Century; Ownership, Possession and Detention.

Темой этой работы является отражение категорий и понятий вещного права в итальянских средневековых нотариальных актах. Понятия права собственности, владения и держания являются ключевыми в римском праве, которое, как известно, оказало влияние на европейское право эпохи Средневековья и на современное право. Это иссле-

дование тем не менее направлено не только на выяснение того, какого уровня достигла рецепция римского права в практике городов Севера Италии, но на путь к углубленному изучению поземельных отношений, что, как известно, чрезвычайно важно для характеристики средневекового общества и особенностей его развития. Рассмотрение того, как были отражены ключевые категории вещного права в средневековом частном праве, наиболее продуктивно может быть проведено на основе анализа формуляра актов, оформлявших сделки с недвижимостью.

Феррара XIV в. предоставляет особенно благоприятный материал для такого исследования. События середины XIII в. определили роковой поворот – поражение, которое Феррара потерпела в борьбе с Венецией в 1240 г. означало для этого города конец его торгового процветания, поскольку он потерял свое прежнее значение транзитного пункта между Северной Италией и Востоком и между Венецией и Ломбардией. Эти события, а также установление в 1264 г. власти синьоров д'Эсте, положившего начало самой ранней и самой прочной среди итальянских синьорий, определили то, что в экономике Феррары стала преобладать аграрная сфера. В это же время в Ферраре и в Северной Италии в целом происходят кардинальные перемены, связанные с освобождением крестьянства и развитием рыночных отношений, что отразилось на всех сторонах жизни локальных итальянских центров¹. Обозначенные перемены неизбежно должны были отражаться в договорах, устанавливавших права жителей Феррары на недвижимость; именно поэтому анализ их формуляра обеспечивает особенно благоприятные возможности для исследования вещного права и позволяет проследить особенности развития общества итальянского средневекового города.

Фундаментом для исследования послужили подлинные, в основном неопубликованные документы конца XIII–XIV в., хранящиеся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института исто-

¹ *Бернадская Е. В.* Феррара и ее сельский округ (по книге нотариуса Беллино Прегостини) // *Итальянские коммуны XIV–XV вв. Сборник документов из Архива ЛОИИ АН СССР / Под ред. В. И. Рутенбурга.* М.; Л., 1965. С. 239; *Она же.* Политический строй итальянских государств. Синьории и принципаты // *История Италии.* Т. 1. М., 1970. С. 295–346.

рии РАН¹ и в Государственном архиве Модены². Эти документы в большинстве своем относятся к семейному архиву графов Сакрати, происходивших из Феррары. Как уже упоминалось, поземельные отношения в XIV в. заняли особое место в экономике Феррары, это отражает также состав родового архива Сакрати. Основой богатства и возвышения этого семейства стало получение доходов, как правило, от разнообразных сделок с землей, и большинство актов в архиве Сакрати представляют операции с недвижимостью. Объектом сделок является земля с постройками в городе, участки земли под пашней, виноградником, лугом, с садом, огородом, с домами и без них в округе. Поэтому указанный комплекс, включающий 325 документов, может обеспечить благоприятную почву для исследования вещного права Феррары XIV в.

Региональные особенности до сих пор заметны во всех сферах жизни Италии, а различия в региональной правовой практике Средневековья Италии были настолько серьезны, что, например, договоры эмфитевзиса или ливелла, принятые в одно и то же время в различных локальных центрах Италии, следует отнести к различным видам контрактов³.

Поэтому было бы по крайней мере неосторожно распространять выводы, полученные в результате этого исследования, посвященного актам Феррары XIV в., как то, что в полной мере было присуще городскому праву других локальных центров Севера Италии, несмотря на обеспеченное влиянием Болоньи сходство их актового материала. Тем не менее такое исследование может дать общее впечатление о развитии вещного права в этих регионах.

Приступая к анализу договоров купли-продажи, а затем других договоров из архива Сакрати, устанавливавших права на недвижимость, наметим сразу проблему, которая, как представляется, недостаточно

¹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН, Западноевропейская секция (далее – ЗЭС). Колл. 4, картоньы 133–135. Петербургская часть семейного архива Сакрати была приобретена известным коллекционером и ученым академиком Н. П. Лихачевым (1862–1936) и в составе его собрания оказалась в архиве Института истории.

² Archivio di Stato di Modena, Archivio privato Fiaschi. Buste I–VI (далее – ASM).

³ См.: *Theisen F.* Studien zur Emphyteuse in ausgewählten italienischen Regionen des 12. Jahrhunderts: Verrechtlichung des Alltags? Vittorio Klostermann. Frankfurt am Mein. 2003; *Срединская Н. Б.* Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М., 2017. С. 78–99.

изучена в отечественной медиевистике, а именно: можно ли говорить о том, что в Ферраре XIV в. недвижимость приобреталась в собственность? В связи с этим необходимо ответить и на другие вопросы: различали ли феррарские нотариусы собственность и владение? Можно ли говорить о наличии в феррарских актах такой категории, как держание, и отражалась ли в них дихотомия владения и держания? Для ответа на эти вопросы необходимо соотнести содержание понятий права собственности, владения и держания, сложившихся в римском праве, с теми правами на недвижимость, которые устанавливались феррарскими нотариальными актами XIV в.

Вещное право, разработанное юристами Древнего Рима, до сих пор служит источником вдохновения для усовершенствования норм гражданского права и одновременно предметом дискуссий для правоведов нашего времени.

Исследователи права Древнего Рима, одной из основ формирования вещного права Средневековья, в целом согласны в оценке того, каково содержание права собственности в учении римских юристов. Право собственности обозначалось такими терминами, как *dominium* и *proprietas*. Выдающийся русский романист И. А. Покровский так формулирует его содержание: «Основное вещное право есть право собственности: оно предоставляет собственнику в принципе полную власть над вещью. Собственник имеет право владеть вещью, пользоваться ею, как ему угодно (*ius utendi et abutendi*), и распоряжаться ею (*ius disponendi* – право продавать, закладывать и т. д.)»¹. «*Uti, frui, habere, possidere* (пользование, пользование плодами, обладание, владение)» – таков основной состав правомочий собственника, сформулированный правоведами на основании изучения трудов римских юристов². Классическая римская юриспруденция трактовала собственность как неограниченное и исключительное правовое господство лица над вещью, и к указанным выше правомочиям могло быть добавлено сколько угодно других прав на вещь.

¹ Покровский И. А. История римского права. М., 2004. Первое издание: М., 1913. (далее – Покровский И. А.). С. 334–335.

² Суханов Е. А., Кофанов Л. Л. Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации // *Ius antiquum*. 1999. № 1 (4). С. 7–22; Краснокутский В. А. Право собственности: глава 16 // Римское частное право: учебник / Под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М., 1994. С. 177.

Праву собственности (*dominium, proprietas*) в римском праве противостоит понятие владения (*possessio*). Если собственность определяется как **право** на вещь, владение характеризуется прежде всего тем, что это **факт**, фактическое обладание вещью. При этом следует подчеркнуть, что наличие владения не зависит от того, имеет обладатель право на вещь или нет (например, владение вора). Эта дихотомия отражена в известном определении Ульпиана: «*Nihil commune habet proprietas cum possessione* – собственность не имеет ничего общего с владением»¹.

Владение (*possessio*) в римском праве определялось следующими необходимыми элементами: *corpus possessionis* (фактическое обладание вещью) и *animus possidendi* (владельческая воля; намерение владеть вещью для себя). *Corpus possessionis* предполагает наличие вещи в имуществе владельца, *animus possidendi* – непризнание владельцем ничьей власти над вещью, кроме своей собственной. Для приобретения владения необходимы оба эти элемента. Такое фактическое обладание вещью, как владение (*possessio*), в римском праве было снабжено надежной защитой: Публициановым иском и системой интердиктов – внесудебными средствами, находившимися в распоряжении претора. Даже приобретенное незаконным образом владение при определенных обстоятельствах могло быть защищено в интердиктном производстве. Как отмечал И. А. Покровский, «институт владения как фактического господства, независимого от права на него, утвержденный преторским эдиктом и разработанный классическими юристами, стал с той поры прочным достоянием всякого сколько-нибудь развитого гражданского права»². В исследованиях, в том числе современных, высоко оценивается глубокая и всесторонняя разработанность этого института классического периода римского права³.

Более дискуссионной и менее разработанной современными авторами является тема держания (*detentio*) в римском праве. В энциклопедии М. Бартошека дано следующее определение этой категории вещного права: «*Detentio* – термин, обозначающий (в отличие от *pos-*

¹ Дигесты Юстиниана. D. 41. 2. 12.

² Покровский И. А. С. 365.

³ См.: Савельев В. А. Владение в римском классическом праве и современное законодательство // Журнал российского права. 2013. № 1 (далее – Савельев В. А.). С. 87–95.

sessio) фактическую власть над вещью без намерения обладать ею исключительно для себя (терминами римского права были, в частности, *in possessione esse*; *naturaliter possidere*; *possessio naturalis*) и без интердиктной защиты. *Detentor*, у которого *animus possidendi* отсутствует (как правило, на основании договора), – это, например, *conductor*¹, *commodatarius*², *depositarius*³, *negotiorum gestor*⁴»⁵. Таким образом, держание, фактическое обладание вещью, отличается от владения отсутствием *animus possidendi*, владельческой воли, намерением обладать вещью для себя и отсутствием самостоятельной защиты. Выразительно и ясно пишет об этом И. А. Покровский: «Владение, хотя и фактическое господство над вещью, не может быть, однако, признано владением в истинном смысле, если оно не соединено с *волей* лица владеть. ... Владение, таким образом, приобретается, когда оба элемента соединяются в одном лице (“*apiscimur possessionem animo et corpore*” – “мы получаем владение волей и телесным воздействием”, fr. 3. 1. D. 41. 2); владение теряется, когда один из этих элементов исчезает (“*amittimur possessionem aut animo aut corpore*” – “владение теряется либо утратой воли, либо физической связи с вещью”). Но не всякое владение, даже при наличии обоих этих элементов, заслуживало, по учению римских юристов, самостоятельной защиты, и в этом отношении они различали юридическое, защищаемое владение, *possessio*, и владение незащищаемое, *detentio* (или “*in possessione esse*”). Но принципиального критерия для отграничения *possessio* от *detentio* они не дали. Наиболее близким к истине критерием является характер *animus possidendi*: если кто-либо владеет *alieno nomine*, от чужого имени (например, вещь дана мне кем-либо внаймы, в пользование, на сохранение и т. д.), то мы будем иметь *detentio*; если же владение соединено с *animus suo nomine possidere* (“владеть от своего имени”), мы будем иметь *possessio* (такой *animus* будет у собственника, у добросовестного приобретателя, но он будет и у вора). Только *possessor suo nomine* может претендовать от своего имени на защиту

¹ Наниматель, арендатор в договоре аренды (найма вещей) – *locatio-conductio rerum*.

² Ссудополучатель в договоре ссуды – *commodatum*.

³ Хранитель, поклажеприниматель в договоре хранения – *depositum*.

⁴ Ведущий дело в договоре ведения чужих дел без поручения – *negotiorum gestio*.

⁵ Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989 (далее – Бартошек М.). С. 107.

владения; владение же детентора должно быть защищено не им, а тем, от чьего имени он владеет»¹.

Немалое внимание держанию (*detentio*) уделяет Д. В. Дождев. Он также указывает на то, что держание в основном, в отличие от владения, не было снабжено самостоятельной защитой; держатель в случае возникновения конфликтов должен был действовать через собственника или владельца вещи. Были, однако, как отмечает автор, виды держания, получавшие самостоятельную защиту. Избирательность защиты держания в римском праве, по мнению Д. В. Дождева, составляет научную проблему, не находящую решения в рамках существующих концепций².

Необходимо отметить, однако, что в воззрениях романистов на категорию держания существуют и разночтения. Например, по мнению В. А. Савельева, которое он высказывает в работе, посвященной римскому владению, термин «держание» (*detentio*), воспроизводимый в отечественной литературе по римскому праву, не употребляется в Институциях Гая и Дигестах Юстиниана. Как считает автор, в теории римского права классического периода существовала только дихотомия владения (*possessio*) и невладения, а формированием юридических свойств, равно как и самого термина *detentio*, займется «средневековое римское право»³, а позднее – германская пандектистика. В. А. Савельев подчеркивает, что «римские классические юристы нашли принципиальный критерий для отграничения владения от невладелческих случаев обладания вещами – известную категорию “*animus*” (намерение, дух, воля, желание)», но отрицает правомерность употребления термина «держание» для обозначения «невладелческих случаев» в этом контексте⁴. При этом автор признает использование в римском классическом праве, в случаях, которые можно отнести к «невладению», глаголов *tenere*, *detinere*, однокоренных *detentio*⁵. Исходя из использования в римском праве этих глаголов, однокоренных *detentio* и несущих тот же смысл, и из того, что в этой работе речь идет о праве Средневековья (когда, по мнению В. А. Савельева, происходит форми-

¹ Покровский И. А. С. 363–364.

² Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1997 (далее – Дождев Д. В.). С. 331.

³ Савельев В. А. С. 89.

⁴ Там же. С. 88–89.

⁵ Там же.

рование юридических свойств, равно как и самого термина *detentio*), в ней будет сочтено возможным, вслед за другими российскими романистами¹, употребление термина «держание» (*detentio*).

Приблизиться к решению первой из задач, определенных темой этой работы – правомерно ли употреблять термин «собственность» для характеристики права на имущество, приобретаемое в Ферраре XIV в., – следует прежде всего на основе анализа формуляра договоров купли-продажи из архива Сакрати.

Для проведения операций с недвижимостью требовалось составить несколько документов: 1) основной договор о передаче покупателю права собственности; 2) Акт о вступлении нового собственника во владение (*tenuta*); 3) Приказ властей города о совершении публичного оглашения сделки (*crida*); 4) Акт о произведенном оглашении; 5) Акт об отказе родственников продавца от их прав и привилегий, связанных с проданным имуществом.

Формуляры феррарских актов купли-продажи построены на основе одного и того же образца, данного нотариам Северной Италии виднейшим представителем Болонской школы юристов, Роландином Пассагерием для составления договоров и документов². Сравнение формуляров с образцом необходимо, поскольку восприятие римского права в Северной Италии шло, как известно, не напрямую, непосред-

¹ Так, например, С. А. Муромцев писал: «Можно было обладать вещью, но не владеть ею; так, не владели ею поверенный, поклажеприниматель, наниматель, узуфруктуар и вообще имеющий на нее сервитутное право, закладодержатель и т. д. Это отношение к вещи римские юристы называли по большей части **держанием** вещи (*tenere, detinere*); его отличие от владения выступало особенно ясно тогда, когда «держатель» открыто признавал другое лицо собственником вещи и основывал свое «держание» на его воле (так наз. *detentio alieno nomine*: закладодержатель, наниматель, узуфруктуар и др.) На держателя, понятно, не распространялось право защищаться владельческими интердиктами» (*Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 531–532. Первое издание: М., 1883*). Много места уделено этой категории в труде И. А. Покровского, и хотя автор, как можно было заметить из приведенной выше цитаты, не употребляет слова «держание», он, однако, оперирует терминами «*detentio*» и «детентор», что свидетельствует о признании им этой категории в римском праве (*Покровский И. А. С. 363–365*). Как было показано выше, термин «держание» используется в работе Д. В. Дождева (*Дождев Д. В. С. 326–331*) и других романистов.

² Роландин Пассагерий (ок. 1215–1300), создатель известного труда *Summa artis notariae*, объединившего трактат о нотариальном искусстве с формулярием – образцами составления актов.

ственно, а через Болонский университет, где получали образование в том числе и феррарские нотариусы¹. Рассмотрим основные формулы и клаузулы, предписанные Роландином для договоров купли-продажи: «*Antonius dedit, vendidit et tradidit iure proprio in perpetuum Corrado unam peciam terrae... ad habendum, tenendum et possidendum, et quicquid ei et suis haeredibus deinceps placuerit faciendum, cum omnibus et singulis quae infra praedictos continentur confines..., cum omnibus et singulis quae habet super se vel infra se seu intra se in integrum* – Антоний дал, продал и передал Конраду по праву собственности навсегда участок земли... для обладания, держания и владения и совершения всего, что будет угодно покупателю и затем его наследникам, со всем в целом и по отдельности, что заключено в его границах... со всем в целом и по отдельности, что [участок] содержит над собой, или под собой, либо внутри себя, полностью»².

Прежде всего, следует обратить внимание на формулу *dedit, vendidit et tradidit iure proprio in perpetuum*. Она обнаруживается уже в самом раннем (1297 г.) акте купли-продажи из архива Сакрати: «*Raynerius... hoc instrumento vendicionis iure proprio in perpetuum dedit, vendidit et tradidit... Uberto quondam Merchatelli Maioli... – Райнерий... посредством этого акта продажи дал, продал и передал по праву собственности навсегда... Уберто, сыну ныне покойного Меркателло Майоли...*»³

Необходимо подчеркнуть, что формула «*iure proprio in perpetuum*», обозначающая основание передачи имущества, обязательно присутствует во всех актах купли-продажи, входящих в исследуемый комплекс документов⁴. По результатам проведенного анализа наличие в

¹ О нотариате Феррары см.: *La Rosa A.* Il notariato ferrarese negli statuti comunali del 1287 e del 1534. Deputazione provinciale ferrarese di Storia Patria. Atti e memorie. Serie terza. Volume VIII. Ferrara, 1968; *Бернадская Е. В.* Феррара и ее сельский округ. С. 238–255; *Кононенко А. М.* К истории итальянского нотариата XI–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. Л., 1974. С. 312–334.

² *Atti & formule di Rolandino.* Consiglio Nazionale del notariato. Arnaldo Forni Editore, 2000. P. 45. *Venditio simplex* (далее – *Atti & formule di Rolandino*).

³ ASM. L. 1. № 53.

⁴ Формула *iure proprio in perpetuum* присутствует во всех 36 актах купли-продажи из архива Сакрати, устанавливавших право собственности на приобретаемую недвижимость: ЗЕС. Колл. 4, картон 133. № 3, 4, 7, 13, 23–25, 27, 36; картон 134. № 6. ASM. L. 1 № 53; L. 2. № 16, 23, 26, 30, 33, 40, 50, 59, 60, 62, 72; L. 3. № 18–21; L. 4. № 3, 12, 15, 25–26, 41–42; L. 5. № 1; L. 6. № 27–28.

акте этой формулы сразу указывает на приобретение земли в собственность. Напротив, эта формула полностью отсутствует в актах другого рода, например фиксирующих передачу земли в аренду, на основаниях ливелла или в эмфитевзис, т. е. в документах, предоставляющих меньшие, чем право собственности, права на вещь.

Перед тем как перейти к примерам из феррарских актов и к другим формулам, сопутствующим установлению права собственности, необходимо указать, что в привлеченном к исследованию комплексе актов достаточно редко встречаются термины «*dominium*», «*proprietas*», обозначающие собственность¹. Одно из исключений – документ 1308 г., хранящийся в Модене. В нем содержится следующая формулировка: «*iure proprio in perpetuum dederunt et vendiderunt ser Uberto de Sacrato presenti et stipulanti proprietatem et dominium unius casamenti terre super quo est una domus de cuppis cum orto postposito*² – отдали и продали навечно по праву собственности присутствующему и стипулирующему сер Уберто де Сакрато собственность и господство над участком земли с расположенным на нем домом под черепичной крышей и садом»³. Наличие в данном акте редко встречающихся по крайней мере в рассматриваемом комплексе документов терминов *proprietas*⁴ и *dominium* не отменяет обычного и постоянного «*iure proprio*».

Напротив, как уже говорилось, договоры, даже названные составителями-нотариями «*venditio* – купля-продажа», но не устанавливающие права собственности, лишены этой формулы. Рассмотрим акт от 4 апреля 1294 г.: «*Manzulus... per se suosque filios et heredes hoc instrumento venditionis iure pacti in sexaginta annos advenientibus ad*

¹ Так из 325 документов исследуемого комплекса термины «*dominium*» и «*proprietas*» содержат только 12: *dominium* – ASM. L. 2. № 7; *dominium* в сочетании с *proprietas* – ЗЕС. Колл. 4, картон 133. № 29, 40; ASM. L. 2. № 59; L. 6. № 26; *proprietas* – ЗЕС. Колл. 4, картон 133. № 9, 25; ASM. L. 1. № 19; L. 5. № 16, 22; L. 6. № 30–31.

² Здесь и далее текст актов приводится в соответствии с орфографией подлинника.

³ ASM. L. 2. № 59.

⁴ Иногда термин *proprietas* встречается как обозначение собственности церкви, предоставляемой жителям Феррары на правах аренды, эмфитевзиса, ливелла и др. Например, в акте инвеституры по праву ливелла от знаменитого монастыря Сан-Витале в Равенне от 24.10.1348 находим: пашня и виноградник в вилле Скорнио, предоставляемые госпоже Альбертине де Сакрато, представляют собой *res proprietatis nostri monasterii* (имущество из числа собственности нашего монастыря). ASM. L. 5. № 16.

renovandum, dedit, vendidit, tradidit et concessit Vassallo carezatori ... unam golenam salicatum ... – Мандзоло... за себя и своих сыновей и наследников этим актом продажи **по праву**, [установленному] **пактом**, который должен возобновляться каждые 60 лет, отдал, продал, передал и уступил возчику Вассалло... сухую часть русла, поросшую ивняком...»¹ Итак, в этом акте, по сути дела, долгосрочной аренды, где одна сторона остается собственником, а другая приобретает имущество в пользование, а не в собственность, на месте «*iure proprio*» стоит «*iure pacti*».

Формула «*iure proprio*» отсутствует во всех случаях, когда речь не идет о передаче имущества в собственность, а о передаче или продаже иного права на вещь, например, по праву *usus*²: «*Iohannes calegarius... et Bonsignore eius filius... dederunt, vendiderunt et tradiderunt Petro, Francischino et Salomono fratribus filiis quondam ser Uberti de Sacrato... omne suum ius et actionem... quod et quam ipsi venditores habent vel habere possent in quodam casalem cum domo superimposita... quod ipsi venditores tenebant ad usum a dicto quondam ser³ Uberto* – Джованни сапозжник... и его сын Бонсигноре... отдали, продали и передали братьям Пьетро, Франческино и Саламоне, сыновьям ныне покойного сер Уберто де Сакрато... **все свое право и право предъявления иска...** которые сами продавцы имеют или могли иметь на некий участок земли с домом... который сами продавцы держали на основании **usus** от упомянутого сер Уберто, ныне покойного)»⁴.

¹ ЗЕС. Колл. 4, картон 133. № 14.

² *Usus (ius usus)* – бессрочное, наследуемое, отчуждаемое право пользования чужой землей за ежегодное вознаграждение; особый вид держания, известный только в Ферраре.

³ Сер (*ser*) – почетное поименование, указывавшее на место человека в социальной иерархии. «Сер» добавляется в феррарских документах к имени незнатного, но влиятельного человека: нотарию, священника, богатого горожанина. Происхождение этого итальянского слова, давно вышедшего из обихода, производится от латинского «*seniōg*» – старший. См.: *Срединская Н. Б. Nobilis vir, dominus, ser* в актах Феррары XIV в. (по материалам архивов России и Италии) // *Universitas historiae. Сборник в честь Павла Юрьевича Уварова / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2016. С. 49–56.*

⁴ Акт от 01.05.1342 фиксирует выкуп собственниками, братьями Пьетро, Франческино и Саламоне Сакрати, права пользования на основании *usus* их домом в вилле Баура у держателей. ASM. L. 4. № 33. Узус был правом отчуждаемым, т. е. право бессрочного наследуемого пользования чужой недвижимостью можно было как

Представляется, что на основании вышеизложенного перевод и трактовка «*iure proprio*» как «по праву собственности», «в собственности» в данном контексте правомерны.

Необходимо отметить, что право собственности утверждалось в актах не одной только формулой «*iure proprio*». В тексте каждого акта, устанавливающего право собственности на недвижимость, указаны пределы того, на что продавец передает свои права покупателю. Как это указано в уже приводившемся образце Роландина Пассагерия, имущество передается «*cum omnibus et singulis quae infra praedictos continentur confines..., cum omnibus et singulis quae habet super se vel infra se seu intra se in integrum* – со всем в целом и по отдельности, что заключено в его границах... со всем в целом и по отдельности, что [участок] содержит над собой, или под собой, либо внутри себя, полностью»¹. Феррарские нотариусы расширяют этот список. Например, по акту 1229 г. имущество передается «*cum introitu et exitu suo et cum omnibus finibus et pertinentiis cum omnibus quoque fossatis, tramitibus, arboribus fructiferis et infructiferis et cum omnibus finibus et quoharentiis suis dicte rei vendite infra et circum pertinentibus usque ad viam publicam* – с его входом и выходом, и со всеми его границами и пространствами, и также со всеми рвами, дорогами, плодоносящими и неплодоносящими деревьями, и со всеми пределами и принадлежностями указанного проданного имущества и со всем, что находится под ним и вокруг него, вплоть до общественной дороги»².

Представляется, что такая формула, повторяющаяся во всех актах исследуемого комплекса, построенная с учетом норм римского права в том виде, в каком они были изложены Роландином Пассагерием, соответствует современным представлениям о праве собственности. Сошлемся для примера на соответствующую статью гражданского кодекса Российской Федерации: «Собственник земельного участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится **над и под** поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законами о

приобрести, так и продать его. При желании узуария отказаться от пользования чужой недвижимостью преимущество принадлежало хозяину вещи; первым, согласно правилам, узнав о продаже, он мог выкупить у пользователя право на свое имущество. Акты Сакрати, однако, показывают, что собственники редко пользовались этим своим преимуществом и предпочитали сразу же передать имущество новому узуарию. Таким образом, акт 1342 г. представляет собой немалую редкость.

¹ Atti & formule di Rolandino. P. 45. Venditio simplex.

² ЗЕС. Колл. 4, картон 133. № 3.

недрах, об использовании воздушного пространства, иными законами и не нарушает прав других лиц»¹.

Цитированный уже образец Роландина Пассагерия дополняет утверждаемое в актах право собственности еще одной формулировкой, фиксирующей состав правомочий покупателя на приобретенную им землю. Имущество приобретается «*ad habendum, tenendum et possidendum, et quicquid ei et suis haeredibus deinceps placuerit faciendum* – для обладания, держания и владения, и совершения всего, что будет угодно покупателю и вслед за ним его наследникам»². Ранние феррарские акты практически точно следуют образцу: «*ad habendum, tenendum, possidendum et quicquid sibi suisque filiis et heredibus in perpetuum placuerit faciendum* – для обладания, держания, владения и совершения во все времена всего, что будет угодно покупателю, его детям и наследникам»³. С течением времени и с развитием права формуляр актов купли-продажи, сохраняя все соответствие предписанным нормам, расширяет прежние и вводит новые клаузулы, укрепляющие права покупателя. Так, например, в более поздних актах расширяется и дополняется часть, определяющая состав правомочий покупателя на приобретаемую им вещь: имущество приобретается «*ad habendum, tenendum, possidendum, vendendum, donandum et quicquid sibi et suis heredibus perpetuo iure proprio placuerit faciendum* – для обладания, держания, владения, продажи, дарения и совершения всего, что будет угодно покупателю и его наследникам навечно по праву собственности»⁴. По сравнению с более ранними документами правомочия покупателя после вступления в права собственности дополнены возможностью «продажи и дарения» на основе права собственности «навечно». Право «продажи и дарения» конкретизирует и уточняет состав права распоряжения, одного из существенных элементов права собственности. Таким образом, представляется, что феррарские нотариальные акты предоставляли приобретателю всю полноту прав на недвижимость, которая характеризует право собственности.

Исследование формуляров феррарских актов XIV в. не оставляет сомнений в отчетливом различении и даже противопоставлении ими понятий «собственность» и «владение». Владение, как и в римском праве, обозначено в этих документах термином «*possessio*» и так или

¹ ГК РФ ст. 261 п. 3.

² Atti & formule di Rolandino. P. 45. Venditio simplex.

³ Из акта 1229 г.: ЗЕС. Колл. 4, картон 133. № 14.

⁴ ЗЕС. Колл. 4, картон 133. № 13 и др.

иначе присутствует во всех актах, устанавливающих права на вещь¹. Обоснование тезиса о противостоянии в праве средневековой Феррары собственности как права на вещь и владения как фактического обладания вещью опирается на множество примеров, но прежде всего на порядок оформления прав на недвижимость. Переход недвижимости к новому владельцу (собственнику или держателю) требовал совершения следующих необходимых действий: во-первых, передачи права на недвижимость (т. е. передачи права собственности), и, во-вторых, после этого отдельно оформлявшимся другим документом (пусть написанным на одном листе с первым), вступления во владение.

Вступление во владение осуществлялось в тот же день или через некоторое время после совершения акта о передаче права на вещь от одного собственника другому. Несмотря на различия в содержании такого рода документов (различны объекты сделки, акты отличаются друг от друга некоторыми формулировками, деталями), они построены по сходной схеме. В качестве примера можно привести акт от 27 марта 1308 г.: «*Ser Ubertus de Sacrato animo possidendi deinceps intravit tenutam et corporalem possessionem unius casamenti terre cum una domo de cuppis cum orto postposito...* – сер Уберто де Сакрато с намерением владеть [*animo possidendi*] с этих пор вступил в обладание и владение вещью [*corporalem possessionem*] – участком земли с домом, крытым черепицей и садом за ним...»² Уже начало акта показывает, что владение понималось средневековыми феррарскими нотариями в соответствии с доктриной римского права и приобреталось *animo* и *corpore*, как мы можем видеть из содержания актов такого рода. Формулы «*animus possidendi*» и «*corporalis possessio*» обязательно присутствуют во всех актах исследуемого нами комплекса, фиксирующих вступление во владение³. Вступление во владение было связано с обязательной торжественной процедурой: новый собственник должен был ступить на свою землю, пройти по ней туда и обратно, взять в руки горсть земли, траву,

¹ Различные права на вещи устанавливались следующими видами контрактов: право собственности фиксировалось договорами купли-продажи, но также и в актах передачи имущества несостоятельного должника в пользу кредитора; путем мирового соглашения (*datio in solutum*) или судебным приговором (*sententia iudicis*). Долгосрочное право пользования чужой недвижимостью устанавливали акты эмпфитевзиса, ливелла; бессрочное – *usus*; краткосрочное – обычная аренда.

² ASM. L. 2. № 59.

³ ЗЕС. Колл. 4, картон 133. № 14, 15, 23, 24, 33; картон 134. № 5; ASM. L. 2. № 6, 59, 62; L. 3. № 19; L. 4. № 6, 10, 36, 49; L. 5/ № 14. 1308–1353 гг.

тронуть ветви деревьев¹. Эти действия, идущие из глубин веков, фиксируются такими актами и являются одной из основных частей их формуляра. В актах также записывались слова, которые произносил вступающий во владение, осуществляя необходимые действия: «*volo ipsam rem et possessionem per me et meos heredes de cetero possidere* – я хочу впредь владеть этим имуществом и владением для себя и своих наследников»². Таким образом, вначале устанавливалось право собственности, и уже затем новый собственник для окончательного утверждения в правах на вещь осуществлял вступление во владение как фактическое обладание вещью, совершал символические действия и произносил необходимые слова для демонстрации этого факта обладания вещью.

Уже сама существовавшая в Северной Италии периода Средневековья необходимость утвердиться не только в *праве* на вещь, но вступить во владение *corpore* может убедить в различении и даже противопоставлении понятий «собственность» и «владение», но существуют и другие примеры этого. Например, в акте от 6 марта 1350 г. о публичном оглашении по поводу передачи имущества несостоятельного должника в пользу кредитора – Альбертины Сакрати, находим следующую формулировку: «*Et qui quicumque vult aliquod ius petere vel hostendere in dicta re seu aliqua eius parte tam in proprietate quam in possessione ipsius...* – и [если] кто, кто бы он ни был, хочет предъявить право или какой-либо иск к этой вещи или какой-либо ее части, как в отношении собственности, так и в отношении владения...»³

Менее отчетливо, чем владение, предстает в текстах феррарских актов держание. В этих документах редко можно встретить термин «*detentio*»⁴, но понятие держания тем не менее там постоянно присутству-

¹ «...ambulando pedes per ipsam rem et possessionem et accipiendo in manibus suis de terra et arboribus et herbis dicti casamenti...» (ASM. L. 2/ № 59).

² Ibid.

³ ASM. L. 5. № 22. Необходимо отметить, что публичное оглашение (*criida*) совершалось и фиксировалось отдельными документами во всех случаях отчуждения недвижимости, в том числе путем продажи имущества в собственность, а не только по поводу передачи имущества несостоятельного должника в пользу кредитора.

⁴ Одно из немногих случаев употребления термина «*detentio*» в документах архива Сакрати находим в акте зоатики (аренды рабочего скота): «*non liceat dicto conductori vendere et alienare dictum bovem absque licentia et mandato dicte locatricis dominium, proprietatem et possessionem ipsius in se reservantis ut eum a detentione quolibet valoris vindicare* – упомянутому арендатору нельзя продавать и отчуждать указанного быка без разрешения и поручения упомянутой арендодательницы, сохраняющей над ним за собой власть, право собственности и владение, так, чтобы

ет, употребляемое в глагольной форме «*tenere* – держать») (это, как уже было указано выше, отмечалось романистами в отношении источников римского права) и в производной от этого глагола форме «*tenuta*». Глагол «*tenere*» в различных его формах, характеризующий держание, встречается в текстах актов так же часто, как и термины «*possidere*», «*possessio*», обозначающие владение, и нередко рядом с ними. Достаточно вспомнить состав правомочий, предоставляемых покупателю из приведенного выше образца Роландина Пассагерия. Недвижимость приобретается «*ad habendum, tenendum et possidendum* – для обладания, держания и владения»¹.

В данном контексте для демонстрации того, что держание воспринималось средневековыми юристами как самостоятельная категория, т. е. не служило простым дополнением к владению в указанном списке правомочий приобретателя вещи, следует рассмотреть договоры, которые устанавливали отношения между собственником земли и держателем, лишенным, согласно представлениям римского права, *animus possidendi*.

Акты Сакрати могут предоставить достаточно полный материал для такого исследования. Это договоры краткосрочной аренды (*locatio-conductio*), эмфитевзиса и особого вида бессрочного пользования чужой недвижимостью, держания по праву *usus* (узус). При рассмотрении договоров краткосрочной аренды употребление глагола *tenere* в искомом смысле не обнаруживается, там используются другие термины, но эмфитевзис и *usus* дают достаточно убедительный результат.

Что касается эмфитевзиса, положение эмфитевта как держателя предстает чаще всего в расписках о получении ежегодной платы за пользование чужой недвижимостью и обозначается следующим образом: деньги получены «*pro pensione anni presenti terre et vinee quas tenet dictus ser Ubertus in fundo Fossalte et in villa Gradicie sive Gradiçole iure emphyteutico ab ecclesia Ravenne* – в качестве оплаты нынешнего года за земли и виноградники, которые **держит** указанный сер Уберто

он был продан из **держания** <держателем> за какую угодно <высокую> цену». ЗЕС. Колл. 4, картон 133. № 29.

¹ Atti & formule di Rolandino. P. 45. Venditio simplex. Эта или более распространенная формула присутствует во всех исследованных документах, устанавливавших право собственности на приобретаемую недвижимость: ЗЕС. Колл. 4, картон 133. № 3, 4, 7, 13, 23–25, 27, 36; картон 134. № 6. ASM. L. 1. № 53; L. 2. № 16, 23, 26, 30, 33, 40, 50, 59, 60, 62, 72; L. 3. № 18–21; L. 4. № 3, 12, 15, 25–26, 41–42; L. 5. № 1; L. 6. № 27–28.

в Фоссальте и в вилле Градиции или Градидзолы по эмфитевтическому праву от церкви Равенны»¹. Или, например, плата «*pro quadam peciam terre sclapive, positam in districtu Ferrarie iuxta Padum et argerem ab ecclesia Sancti Laçari, quam dicta domina tenet ab ecclesia predicta iure emfiteotici* – за некий участок заболоченной земли в Феррарском дистретто, расположенный между рекой По и дамбой, от церкви Сан-Ладзаро, который госпожа Альбертина **держит** по праву эмфитевзиса от указанной церкви»². Примеры такого рода находятся в десяти актах эмфитевзиса с 1332 по 1365 г.³

Usus (узус) – специфический вид держания, распространенный только в Ферраре: бессрочное, наследуемое, отчуждаемое право пользования чужой землей или чужим домом. Договоры, фиксирующие такого рода правоотношения, также представляют ряд примеров распространения в праве этого города понятия «держание», близкого по содержанию к тому, каким смыслом наполняло его римское право⁴. Например, некий пользователь участок земли с домом «*tenebat ad usum ab ipso domino Uberto* – **держал** [на основании] узуса от самого господина Уберто»⁵. В акте от 02.10.1342 указывается, что виноградник в Когомаро «*ser Ubertus tenet ad usum a dicto monasterio Sancti Georgii* – сер Уберто **держит** [на основании] узуса от указанного монастыря Сан Джорджо»⁶.

Таким образом, то, что в феррарских актах (эмфитевзис, узус), устанавливавших правоотношения, которые в римском праве характеризовались как держание, для утверждения правомочий пользователя недвижимостью не употребляются термины «*possessio, possidere* – владение, владеть», а используется глагол *tenere*, говорит о присутствии в праве средневековой Феррары такого понятия, как держание в его отличие от владения. Несмотря на это, необходимо признать, что в актах Феррары редко можно отметить отчетливое противопоставление этих категорий.

¹ ASM. L. 4. № 13. 14. 03.1340.

² ЗЕС. Колл. 4, картон 134. № 3. 03.03.1353.

³ ЗЕС. Колл. 4, картон 134. № 1, 3; ASM. L. 3. № 45; L. 4. № 13, 44; L. 5. № 10, 17, 18, 59; L. 6. № 37.

⁴ Акты 1298–1359 гг., фиксирующие право узус, где для характеристики правомочий пользователя употребляется глагол *tenere*: ЗЕС. Колл. 4, картон 134. № 6. ASM. L. 1. № 56; L. 2. № 6; L. 3. № 8; L. 4. № 1, 5, 27, 35, 36, 39, 46; L. 5. № 9, 12, 26, 58, 61, 63.

⁵ ASM. L. 4. № 5.

⁶ ASM. L. 4. № 27.

Подводя итоги, можно утверждать, что право на имущество, приобретаемое покупателем в Ферраре XIV в., и по представлениям римского права, и в рамках современных представлений, соответствует праву собственности. XII и XIII века в Ферраре, как и в других локальных центрах Северной и Центральной Италии, – начало кардинальных изменений во всех областях жизни, что связано с бурным ростом городской экономики. В поземельных отношениях это проявлялось в сосредоточении в руках состоятельных людей все большего количества недвижимости; свободная купля-продажа земли получала все большее распространение, и развитие юриспруденции этого времени позволяло покупателю утверждаться в наиболее полном праве на приобретенную вещь – в праве собственности.

Как и в римском праве, в праве средневековой Феррары понятию собственности противостоит понятие владения (*possessio*) как фактического обладания вещью, которое может быть никак не связано с правом. Акты Сакрати дают возможность проследить это прежде всего на примере документов о вступлении собственника во владение приобретенным имуществом. В свою очередь, наряду с владением в документах Феррары выступает еще один вид фактического обладания вещью – держание. Эта категория отличается от владения отсутствием владельческой воли – *animus possidendi*. В комплексе исследованных актов держание, как право пользования чужой недвижимостью по воле собственника этого имущества, устанавливалось такими договорами, как эмфитевзис и узус, и выражалось в таких документах глаголом «*tenere*». Несмотря на то что термины средневековых документов, обозначающие понятия «собственность», «владение», «держание», не всегда полностью соответствуют терминологии римского права (собственность в них чаще обозначается, как приобретение *iure proprio*, чем *proprietas*), содержание прав, определявшихся этими актами, вполне сопоставимо с нормами римского права.

Таким образом, анализ состава актов Сакрати показывает, что недвижимость в Ферраре могла приобретаться в собственность со всей полнотой содержания этого права. Если же документом устанавливались меньшие права на землю (например, долгосрочное пользование – эмфитевзис, ливелл, узус), это для обеспечения неприкосновенности прав собственника предоставленной в пользование земли со всей точностью фиксировалось в формуляре такого акта.

Н. Б. Срединская (Санкт-Петербург, ФГБУН СПбИИ РАН,
НИУ ВШЭ)

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ГОРОДСКАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ АНГЛИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА XIV В. (на материале Лондона)

Аннотация

Автор обращается к землевладению лондонского купечества XIV в., показывая, что поземельные интересы купцов концентрировались не только в городе, где их привлекало коммерческое домовладение, но и в разных графствах Англии. Отдельные купцы владели недвижимостью в городе и за его пределами на правах феода, большинство предпочитало арендовать и покупать земельные участки и прочую недвижимость. Используя долговые обязательства и закладные местных дворян, опеку над их малолетними отпрысками, а также по относительно низкой цене скупая обветшавшие строения и запустевшие земли, купцы становились собственниками целых маноров, отдельных усадеб, участков земли, мельниц, ферм. Структура земельных владений таких купцов позволяет причислить их к ранним джентри XIV столетия.

Ключевые слова: английское купечество, Лондон, XIV столетие, городская недвижимость, внегородское землевладение, феодал, аренда, покупка земли, ранние джентри.

Summary

The author refers to the landownership of the London merchants of the XIV century, revealing that their land interests were concentrated not only in the city where they were attracted by commercial households, but also in different counties of England. Some merchants owned real estate in the city and beyond on the rights of the feud, most preferred to rent and buy land and other real estate. Merchants used debt and mortgages of local nobility, custody of their young children, at a relatively low price bought dilapidated constructions and desolate land. As a result, they became owners of entire manors, single messuages, plots of land, mills, farms. The structure of the landholdings of such merchants allows us to talk about them as the early gentry of the 14th century.

Key words: English merchant, London, 14th century, urban real estate, suburban land, fief, lease, land purchase, early gentry.

В XIV в. на основе увеличения роли городов, становившихся главными источниками общественной и хозяйственной динамики¹, наибольших успехов достигла консолидация английского купечества, которое стало активно и успешно действовать как внутри страны, так и во внешней торговле². Особое значение приобрело купечество Лондона – самого крупного и богатого города королевства, центра общенационального и международного значения, наиболее полно выражавшего ведущие тенденции развития страны³. Именно лондонские купцы заняли лидирующие позиции в торговле: уже в начале XIV в. треть всех товаров, экспортируемых из Англии, погружалась на корабли с набережных столицы⁴.

Приоритет, который исследователи признают за «городскими» занятиями, закономерен, но отодвигает в тень проблему землевладения купцов. Между тем, кроме активных форм деятельности в сфере рыночных отношений, важное место в структуре их занятий занимало все, что было связано с инвестициями в земельную собственность, в городскую и внегородскую недвижимость⁵. Наличие у купцов земельных владений не могло не отразиться на их социальном облике. По замечанию В. И. Золотова, «эволюция средневекового бюргерства связана не только с торговым капиталом, ремесленным производством, но и с земельными приобретениями. Игнорирование факта обладания земельными держаниями в городе или сельской округе не позволяет дать адекватную картину социального облика общества...»⁶. Не случайно

¹ Юсим М. А. Расцвет Запада // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2012. С. 510.

² Знаковым явлением стало то, что к середине XIV в. англичане смогли потеснить итальянцев в торговле английской шерстью. Если в 1273 г. на долю английских купцов приходилось немногим более трети экспорта шерсти, то в 1362–1368 гг. – в среднем ежегодно до 71 %. Шерсть (45 различных сортов) вывозилась из всех ведущих портов королевства: Лондона, Бостона, Халла, Саутгемптона, Ярмута, Ньюкасла и Линкольна (см.: *Ретина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979. С. 43, 46).

³ Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI в.). Саратов, 1983. С. 35.

⁴ Power A. The wool Trade in the Fifteenth Century // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N. Y., 1933. P. 55.

⁵ Винокурова М. В. Сейзина в обычном праве малых городов средневековой Англии // Средние века. 2017. Т. 78. Вып. 1–2. С. 115–153; Мосолкина Т. В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М.; СПб., 2017. С. 171–173.

⁶ Золотов В. И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск, 2010. С. 132.

Р. Хоррокс пишет о «городском джентри»¹, следующим образом определяя его социальные параметры. Во-первых, это те, кто, проживая в городе, был вплетен в самую его ткань своими экономическими интересами, административной службой, нередко дополнявшейся службой королю. Во-вторых, те, кто вкладывал инвестиции в приобретение земли и другой недвижимости в пределах города и за его чертой, что, и это в-третьих, обеспечивало им возможность для социального продвижения, позволяло обрести значительный вес и играть заметную роль в городском социуме и локальных сообществах различных графств².

Именно к XIV в. британские историки относят формирование джентри как низшего слоя английского дворянства (*lesser nobility*)³, положение которого в обществе определялось прежде всего, наличием обеспечивавших определенный уровень дохода земельной собственности и земельных владений в графствах. Однако социальный облик джентри был обусловлен также и другими видами богатства, включая городскую собственность⁴. Это гарантировало постоянный приток в состав джентри наиболее жизнеспособных, энергичных и честолюбивых представителей верхушки горожан.

В предложенные исследователями социальные параметры «городского джентри» в полной мере вписываются лондонские олдмермены — купцы из «Двенадцати Больших ливрейных компаний» (торговцы предметами роскоши (мерсеры), суконщики (дрейперы), бакалейщики, торговцы рыбой, готовым платьем, железными изделиями, солью, вином, ювелиры, меховщики, галантерейщики, купцы-сукноделы), монополизировавшие городское управление и тесно связанные с королевской властью⁵. Привлекая разные по характеру источники, попытаемся выявить структуру и масштабы городской и внегородской недвижимости таких купцов, способы ее приобретения и использования, условия владения.

¹ *Horrox R. E. The Urban Gentry in the Fifteenth Century // Towns and Townspeople in the Fifteenth Century / Ed. by J. A. Thomson. Gloucester, 1988. P. 22–44.*

² *Ibid.* P. 22.

³ *Heal F., Holmes C. The Gentry in England and Wales, 1500–1700. Basingstoke; L., 1994. P. 7; Coss P. The Origins of the English Gentry. Cambridge, 2003. P. 239.*

⁴ *Coss P. The Origins of the English Gentry. P. 11.*

⁵ Подробнее см.: *Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб., 2016. С. 69–136.*

Недвижимость в пределах городской черты

К XIV в. купцы Лондона имели в городе, где жили и осуществляли коммерческую деятельность, самую разнообразную недвижимость. В частности, лондонская собственность сэра Николаса Брембра, бакалейщика, олдермена 1372–1388 гг., состояла из двух жилых домов, нескольких лавок, четырех винных погребов, верфи и подъемного крана¹. Суконщик и олдермен последней четверти XIV в. Джон де Нортхемптон владел товарным складом, большой торговой лавкой и жилым домом на южной стороне Темз-стрит, торговыми лавками в других районах столицы, пивоварней, красильней и пр.²

Яркий материал, позволяющий представить территориальную локализацию и масштабы проникновения лондонских купцов XIV в. в сферу городского землевладения, содержат картулярии торговцев предметами роскоши Адама Фрэнси, олдермена 1352–1375 гг., дважды избиравшегося мэром Лондона³, и Джона Пайела, олдермена 1369–1382 гг., шерифа 1370–1371 гг., мэра 1372–1373 гг.⁴ Основу торговли обоих мерсеров составлял экспорт шерсти по меньшей мере с 1350 г. закупавшейся в аббатстве Салби в Нортхемптоншире⁵.

Наиболее крупная недвижимость Адама Фрэнси находилась в ареале Чипсайда, главной рыночной площади Лондона, и Паултри. В Паултри Адам владел рядом помещений, включавших дома, в том числе каменный, торговые лавки (не менее семи) и пивоварню⁶. К югу от этой собственности находилась узкая полоса помещений, протянувшихся к

¹ Подробно о Нике Брембре см.: *Яблонская О. В.* Борьба «старого» и «нового» патрициата в Лондоне в последней четверти XIV века // *Известия Саратовского университета.* Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 50–57; *Чернова Л. Н.* Ник Брембр: штрихи к портрету лондонского олигарха XIV века // *Культура, наука, образование: проблемы и перспективы:* в 2 ч. / Отв. ред. А. В. Коричко. Нижневартовск, 2015. Ч. 1. С. 197–200.

² *Beaven A. B.* Aldermen of the City of London: in 2 vols. L., 1908. Vol. 1. P. 391.

³ *Ibid.* P. 387.

⁴ *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500). Chicago, 1948. Appendix. P. 353.

⁵ *O'Connor S.* Biographical Background: Adam Fraunceys // *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys* / Ed. by S. J. O'Connor. L., 1993. Camden fifth series. Vol. 2. P. 7.

⁶ *Calendar of the Cartulary of John Pyel* // *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys* / Ed. by S. J. O'Connor. L., 1993. Camden fifth series. Vol. 2. P. 106, 116.

Баклсбари на западе. Район Баклсбари представлял несомненный интерес для богатых лондонцев, поскольку был связан с финансовыми операциями, осуществлявшимися в Лондоне итальянскими купцами, в частности, Риккарди из Лукки. Еще в 1347 г. здесь была учреждена общедоступная контора по обмену денег, а с 1367 г. располагались все биржи по обмену золота и серебра¹. В крайней западной части Чипсайда находилась еще одна «коллекция» помещений (торговых лавок и домов), которые Адаму Фрэнси в течение 1349–1373 гг. удалось собрать в приходах Св. Лоренса и Всех Святых, на Хони Лэйн². Кроме этой недвижимости в районе Чипсайда, Адаму принадлежали дома и отдельные комнаты, торговые лавки и склады на Св. Лоренс Лэйн, помещения в приходе Св. Марии Магдалины на Милк-стрит и лавки на Сопер Лэйн³. Неудивительно, что Фрэнси предпочитал концентрировать свою собственность в Чипсайде. Именно здесь билось «коммерческое сердце» города, вокруг него вращалась вся деловая жизнь. В частности, хорошо известны объединения торговцев предметами роскоши, суконщиков и торговцев шелковыми тканями, располагавшиеся в восточной части Чипсайда, известной как Мерсерз Роу. Не будем забывать, что и Адам Фрэнси был влиятельным членом сообщества торговцев предметами роскоши.

К востоку от Паултри, в южной и восточной частях рынка Стокс, располагался другой комплекс владений Фрэнси. Это были дома, лавки и сады на Ломбард-стрит, Беабиндер Лэйн и на Бишопсгейт и прочая недвижимость⁴. Еще одно компактное владение Адама Фрэнси, состоявшее из земель, домов и торговых лавок, располагалось в районах Корнхилл, Брод-стрит и Бишопсгейт⁵.

Остальная лондонская собственность Адама была отделена от перенаселенных анклавов. Среди отдельных объектов – дома, торговые лавки и комнаты в районе Кэндлевик-стрит, населенной ремесленни-

¹ *O'Connor S. J. Landed estates // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / ed. by S. J. O'Connor. L., 1993. Camden fifth series. Vol. 2. P. 58–59.*

² *O'Connor S. J. Landed estates. P. 59; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500). Appendix. P. 353.*

³ *Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 116.*

⁴ *O'Connor S. J. Landed estates. P. 61.*

⁵ *Calendar of the Cartularies of John Pyel. P. 101–102; Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / Ed. by S. J. O'Connor. L., 1993. Camden fifth series. Vol. 2. P. 245.*

ками, производившими грубую шерстяную пряжу, торговые лавки и дома на пересечении Минчин Лэйн и Фенчерч-стрит. Ему также принадлежали помещения в приходе Св. Мартина на Лудгейт, дома на Темз-стрит, некоторые строения на берегу Темзы, включая дома с прилегающими к ним участками набережной на улице Св. Данстана, а также некое помещение и прилегающий к нему причал, известные как Fresh Wharf¹.

Лондонская собственность Джона Пайела была менее обширна по сравнению с владениями Адама Фрэнси и располагалась преимущественно на севере и востоке города. В северной части Джон проявлял интерес по меньшей мере к семи помещениям: четырем – на Коулмен-стрит, двум – вдоль Лосбери и одному – в Старом Еврейском квартале. К югу от данного комплекса собственность Пайела находилась в Паултри, где он владел ею на паях с Фрэнси, а к западу – она примыкала к Сопер Лэйн. Это была небольшая торговая лавка с комнатой (или комнатами) в верхних этажах, затерявшаяся среди дюжины или более того лавок в северной части Сопер Лэйн, около Чипсайда.

К востоку от Коулмен-стрит Пайелу принадлежала целая группа строений, главным образом на Брод-стрит, и на Бишопсгейт. Как раз на Брод-стрит у Джона был собственный жилой дом, где он провел значительную часть своей жизни. Это немного удивительно, поскольку окрестности Лосбери, к северу от Брод-стрит, представляли собой «промышленный» район, где ремесленники выделывали кожи, осуществляли работы по металлу, здесь имелись текстильные мануфактуры. Пивовары и плотники тоже были широко представлены на обеих этих улицах. Резиденция Пайела непосредственно примыкала к пивоварне. Однако Джон Пайел не был исключением. Здесь же находились внушительных размеров жилые дома других богатейших купцов, наподобие Томаса Легги, меховщика и мэра, и Бартоломью Босано, купца из Лукки, тесно связанного с работниками по металлу².

У Джона Пайела имелись еще помещения на Ломбард-стрит, земли и некие строения на Грэйсчерч-стрит³.

Таким образом, Адам Фрэнси и Джон Пайел предстают перед нами как владельцы большого числа разнообразных объектов городской недвижимости: домов, комнат, торговых лавок, складов, пивова-

¹ *O'Connor S. J. Landed estates. P. 63–64.*

² *Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 111.*

³ *O'Connor S. J. Landed estates. P. 66.*

рен, участков набережной, причалов, садов и земли. Нет сомнений, что богатейшие купцы охотно вкладывали свободные средства в приобретение городской недвижимости. Важно, что им принадлежали участки городской земли, застраиваемые торговыми лавками, гостинными дворами, мастерскими, пивоварнями, красильнями, жилыми домами и другими помещениями для ремесленников и торговцев, т. е. объекты городской недвижимости интересовали купцов прежде всего как торговые, производственные помещения и товарные склады. Известно, что строительством в Лондоне занимались Адам Фрэнси и Джон Пайел. В конце 1350-х гг. они построили дома и торговые лавки на Бишопсгейт¹. Еще одно строительство Адам Фрэнси предпринял на севере Брод-стрит: к 1373 г. здесь появились его торговые лавки².

Владение землей в городе фактически превращалось во владение домами. Гораздо выгоднее было использовать земли под застройку и извлекать доходы от арендной эксплуатации жилых домов и производственных помещений. В этом нас убеждают многочисленные факты из источников. В частности, из завещания торговца рыбой Ричарда де Чигвелла, составленного в начале XIV в., узнаем, что он получал ренту в 20 ш. от сданного в районе Старого Рыбного рынка дома³. Ювелиру Роджеру Фроуику сданные в аренду (lease) помещения приносили высокую ренту в 10 марок (около 6,6 ф.)⁴. Торговец пряностями Джон де Грэнтхем получал ренту в 6 ш. 8 п. от сданной в аренду торговой лавки⁵, а меховщик Уильям Грегор – ренты в 13 ш. 4 п. и в 7 ф. 3 ш. 4 п. с неких помещений на Уинтри⁶. Поскольку в этом районе постоянно сгружали привезенный товар виноторговцы, можем предположить, что Уильям Грегор предоставлял им за немалое вознаграждение складские помещения и винные погреба. Известно также, что с 1371 г. аренда только части помещений на Коулмен-стрит приносила Джону Пайелу немалую сумму в 5 ф. ежегодно⁷.

¹ The Cartulary of John Pyel. P. 101–102.

² O'Connor S.J. Biographical Background: John Pyel // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / Ed. by S. J. O'Connor. L., 1993. Camden fifth series. Vol. 2. P. 63.

³ Beaven A. B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 183.

⁴ Ibid. P. 475–476.

⁵ Ibid. P. 499–500.

⁶ Ibid. Vol. 2. P. 377–378.

⁷ O'Connor S. J. Biographical Background: John Pyel. P. 64.

Арендаторами недвижимости олдерменов во всех перечисленных случаях выступали лондонские торговцы и ремесленные мастера. К сожалению, мы не можем дать им обстоятельной характеристики, поскольку источники не называют даже их имен, ограничиваясь лишь констатацией профессиональной принадлежности. Но факт тесного хозяйственного взаимодействия в сфере арендных отношений между крупными купцами и представителями торгово-ремесленного сообщества Лондона очевиден.

Сложно говорить о сроках аренды – источники содержат лишь два факта, которые можно как-либо интерпретировать. По договору от 16 марта 1326 г. торговец рыбой и олдермен Джон Лэмби сдал в аренду некоему купцу помещение и верфь на Бридж-стрит за ежегодную плату в 7 марок (около 4,6 ф.) сроком на 8 лет¹. 1 ноября 1346 г. была юридически оформлена передача в пожизненную аренду некоему торговцу большого особняка и торговой лавки около Уэстчипа, принадлежащих лондонскому олдермену, на условии выплаты 5 ф. 13 ш. 4 п. ежегодно².

Поражает размах и разнообразие деятельности купцов. Бакалейщики сдавали в аренду верфи, суконщики – таверны и пивоварни, торговцы железными изделиями – винные погреба и т. д. Многообразие видов деятельности являлось чертой, свойственной не только лондонским купцам, но и всем, кто втягивался в процессы накопления капитала на первоначальном этапе. Разнообразие функций, которые им приходилось выполнять, служило своеобразным залогом успеха деловой карьеры.

Наши персонажи являлись владельцами не только разного рода объектов городской недвижимости, но и рент. Прежде всего это касается Адама Фрэнси. Ему принадлежали ренты в Паултри³, в Чипсайде, на Хони Лэйн⁴, на Ломбард-стрит, Беабиндер Лэйн и Бишопсгейт⁵, в районах Корнхилл и Брод-стрит⁶, а также на Темз-стрит⁷. Таким обра-

¹ Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / Ed. by R. Sharpe. Letter-Book E (1312–1336). L., 1903. P. 224.

² Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / Ed. by R. Sharpe. Letter-Book F (1337–1352). L., 1904. P. 155.

³ Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 106, 116.

⁴ Ibid. P. 116; *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500). Appendix. P. 353.

⁵ Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 245.

⁶ Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 101–102, 116–118.

⁷ *O'Connor S. J.* Landed estates. P. 63–64.

зом, в условиях мелкого производства и узости рынка одним из источников доходов купцов XIV в. являлась сдача в аренду жилых домов и торгово-производственных помещений, получение рент с горожан. Однако имело место не только вложение купеческого капитала в недвижимость, но и инвестирование в торговлю доходов от рент. Еще М. Постан пришел к выводу, что часто инвестиции в земельную собственность являлись лишь временным помещением свободного капитала, который в случае необходимости мог быть вновь мобилизован в сферу торговли и предпринимательства. Таким способом осуществлялось финансирование торговых предприятий купца из его собственных материальных ресурсов¹.

Но и сами богатые купцы-олдермены охотно арендовали интересовавшую их городскую недвижимость: дома, усадьбы, гостиницы, торговые лавки, винные погреба и таверны, верфи и участки земли, скорее всего, под застройку на рынках и в ремесленных районах города. Некоторые свидетельства источников представляют особый интерес. Джон де Оксенфорд, виноторговец, в первой половине XIV в. арендовал некие помещения в районе Олдгейт, которые, в свою очередь, сдавал в аренду. Причем у него уже были в собственности строения в этом же районе, населенном в основном кожевниками, портными, пивоварами, плотниками². Очевидно стремление Джона де Оксенфорда расширить владения и сферу своего влияния в этом ремесленном районе Лондона. Возможно, через некоторое время ему удастся превратить аренду в собственность. Такое предположение позволяют высказать весьма показательные действия, предпринятые Адамом Фрэнси и Джоном Пайелом в отношении монастырской недвижимости. Еще в конце 40-х гг. XIV в. они арендовали у лондонского монастыря Св. Елены недвижимость на Бишопсгейт на условии выплаты ренты в 10 ф. ежегодно на протяжении жизни каждого из них³. Столь высокая рента объясняется структурой арендованной недвижимости: дома с прилегающими садами и свободными участками земли в одном из престижных районов Лондона ценились очень дорого. Как выясняется, арендованные дома были очень ветхими, и купцы предпочли снести их и выстроить на освободившемся месте торговые помещения. Что касается свободных участков земли, то они были застроены домами

¹ *Postan M. M. Medieval Trade and Finance. Cambridge, 1973. P. 14.*

² *Calendar of wills. Vol. 1. P. 460–461; Vol. 2. P. 53, 374.*

³ *Calendar of the Cartularies of John Pyel. P. 101–102.*

и торговыми лавками. А спустя полтора десятилетия Джону и Адаму удалось выкупить у монахинь всю эту собственность и ренту¹.

В ряде случаев источники дают дополнительные возможности выяснить, у кого и на каких условиях олдермены арендовали городскую недвижимость. Прежде всего договоры аренды связывали их с другими горожанами. В частности, в сентябре 1319 г. в муниципалитете Лондона была зарегистрирована передача в аренду Оливером, сыном некоего горожанина Джона де Кента, жилого дома олдермену Джону де ля Чомбру на 10 лет². В 1320 г. через лондонский муниципалитет проходил еще один документ, связанный с именем этого олдермена: де ля Чомбр арендовал на 10 лет с ежегодной выплатой 5,5 марок (около 4,7 ф.) участок земли у жестянщика Адама Силвиса и его жены Эгнис³.

Партнерами лондонских олдерменов по арендным сделкам становились и представители дворянства. В мае 1318 г. была оформлена передача в аренду сэром Джоном Сталси де Дромингви, рыцарем, участка земли на рынке Истчип, где реализовывались доставляемые морем тяжеловесные грузы, на 8 лет с ежегодной выплатой 20 ш. олдермену, торговцу предметами роскоши Хэмо де Годчепу. В марте 1322 г. торговец пряностями и олдермен Джон де Грэнтхем арендовал у рыцаря Роберта де Хэгнема и его жены Айдонии участок земли на 7 лет на условии выплаты 8 марок (около 5,4 ф.) ежегодно⁴. Из договора от 25 марта 1333 г. следует, что олдермен Джон де Прэстон и некие Джон де Нэсинг, Николас Пик и Джон Хэзбонд арендовали у Теофании, вдовы рыцаря, помещение на условии ежегодной выплаты 10 ф.⁵ К сожалению, источник не содержит информации о величине земельных участков и о характере помещений. Но обращает на себя внимание, что арендная плата за постройки почти вдвое выше платы за землю.

Отдельные купцы XIV в. владели недвижимостью в Лондоне на правах феода (feud). В состав таких владений входили не только земли, усадьбы и сады, но и различные строения, которые тоже сдавались в аренду⁶. При этом верховный собственник, как правило, не упоминается. В «Памятных книгах Лондона» XIV в. удалось обнаружить един-

¹ Ibid.

² Letter-Book E (1312–1336). P. 107.

³ Ibid. P. 151.

⁴ Ibid. P. 178.

⁵ Letter-Book F (1337–1352). P. 18.

⁶ Calendar of wills. Vol. 1. P. 397–398, 50, 410.

ственный такой факт: Уильям де Уэльд владел в качестве феода усадьбой в столице, которую держал от рыцаря – сэра Роберта де Хэрла, вассала короля¹. Видимо, уже в конце XIV в. права распоряжения феодем со стороны держателя были весьма широкими. И сам феоде к этому времени претерпел существенную эволюцию: из «благородного» держания, обусловленного службой, он превратился в собственность безусловную, свободную от каких-либо повинностей по отношению к феодальному сеньору либо обязанную чисто символической «рентой признания»².

По мере развития города усиливалось стремление горожан к установлению не обремененной никакими обязательствами собственности на землю. Видимо, именно с этой точки зрения следует рассматривать постоянно встречающуюся в документах фразу: «завещал все свои земли и строения». На протяжении рассматриваемого времени лондонские купцы завещали, закладывали городскую недвижимость, отдавали за долги, сдавали и брали в аренду, покупали и продавали. При этом никаких оговорок и ограничений по поводу такого рода сделок документы не содержат.

Обратимся к картуляриям Адама Фрэнси и Джона Пайела, судя по материалам которых покупка и продажа земли и разного рода строений составляла важную часть «бизнеса» этих олдерменов, особенно Фрэнси. Чаще всего Адам покупал дома, комнаты, торговые лавки, пивоварни. При этом он мог действовать и в одиночку, но чаще – совместно с другими купцами. Невозможно установить долю и условия участия в сделках каждого из них, но важно отметить сам факт подобного объединения денег и усилий, что приводило к появлению в Лондоне XIV в. мелких компаний.

Остановимся подробнее лишь на некоторых фактах. В 1348 г. Адам купил у торговца предметами роскоши и своего делового партнера Томаса де Брэндона дома, торговые лавки и комнаты в районе Кэндлевик-стрит³. В августе 1349 г. Адам Фрэнси, Джон Пайел и олдермен Томас де Лэнгтон совместно приобрели лавки и дома у торговца Уильяма Срэдила⁴. Ряд помещений, включавших дома и лавки,

¹ Letter-Book F (1337–1352). P. 17.

² *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.; Л., 1947. С. 322.

³ Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 108–109.

⁴ Ibid. P. 108.

Адам Фрэнси приобрел в районе Паултри. Две лавки были куплены им совместно с Джоном Пайелом в ноябре 1349 г. у торговца птицей¹. Еще два помещения Адам купил у душеприказчиков сукнодела Джона Анкетина: одно – в 1350 г., другое – в 1363 г.² В дальнейшем расширение его владений в значительной степени шло за счет имущества этого почившего сукнодела: в 1370 г. Адам приобрел некогда принадлежавшие Анкетину каменный дом, пивоварню и торговые лавки³.

Обратим внимание на то, что в описанных выше случаях речь идет о 1348 г. – начале 1350-х гг., когда Англия переживала последствия «Черной смерти», унесшей жизни от трети до половины ее населения⁴. Возможно, что семьи Томаса де Брэндона, Уильяма Срэдила и Джона Анкетина оказались в числе тех, кто пострадал от эпидемии. Последний, судя по всему, скончался именно в это время. Что касается Адама Фрэнси и Джона Пайела, то они благополучно пережили бедствие и смогли воспользоваться сложившейся ситуацией.

Ценные объекты недвижимости были куплены Фрэнси на берегу Темзы. В 1353 г. он приобрел помещения, дома на Темз-стрит, еще некоторые строения на берегу, включая дома с прилегающими к ним участками набережной, у купца Джона де Бовиндона⁵. В 1360 г. Адам купил также Fresh Wharf – некое помещение и прилегающий к нему причал⁶. В декабре 1355 г. Адам Фрэнси вместе с одним из своих деловых партнеров приобрел у некоего Джона Уильяма собственность на Пэнкрас Лэйн, прилегающей к Баклсбари⁷. Примерно в июне 1358 г. Адам Фрэнси и Томас де Лэнгтон купили у Джона де Вэра, графа Оксфорда, земли и помещения на Бишопсгейт и на Брод-стрит⁸. Кроме того, Адам совершал индивидуальные покупки домов, торговых лавок, складов и комнат на Св. Лоренс Лэйн в 1361 и 1367 гг., помещения на Милк-стрит и лавки на Сопер Лэйн после 1366 г.⁹

¹ Calendar of the Cartularies of John Pyel. P. 108.

² Ibid. P. 108–109, 114–115.

³ Ibid. P. 116–118.

⁴ Sutton A. F. The Mercery of London: Trade, Goods and People, 1130–1578. L.; N. Y., 2016. P. 95.

⁵ O'Connor S. J. Landed estates. P. 54, 64.

⁶ Ibid. P. 63–64.

⁷ Ibid. P. 59.

⁸ Ibid. P. 62, 69, 70.

⁹ Ibid. P. 60.

Формирование еще одного комплекса владений Фрэнси – на юге и востоке рынка Стокс – началось в августе 1368 г., когда он приобрел у винооторговца Джона Оскина и его жены дома, лавки и сады на Ломбард-стрит, Беабиндер Лэйн и на Бишопсгейт. Прочую недвижимость в этом районе Адам покупал вплоть до 1372 г.¹ Должны были существовать веские основания, позволявшие Фрэнси скупать недвижимость Джона Оскина, который входил в круг деловых партнеров Адама². Скорее всего, Джону Оскину требовались «живые» деньги, и он предпочитал получить их от продажи своей недвижимости.

Сложно говорить о реальных суммах, уплаченных Адамом Фрэнси при покупке того или иного объекта недвижимости. Как правило, источники об этом умалчивают. Лишь раз удалось отыскать столь важную информацию. В 1368 г. Фрэнси вместе с Джоном Асше и Томасом де Пэйтшеллом купили несколько помещений на Грэйсчерч-стрит за очень солидную сумму в 200 ф.³

Первые приобретения недвижимости в Лондоне Джоном Пайелом относятся к марту 1371 г. Это были покупки неких помещений на Коулмен-стрит, Лосбери и в Старом Еврейском квартале⁴. Известно также, что он покупал объекты недвижимости, в том числе жилой дом, на Брод-стрит и Бишопсгейт⁵. В сентябре 1375 г. Джон Пайел и Николас Брембр, его друг и деловой партнер, купили помещения на Ломбард-стрит. В феврале 1376 г. Джон совместно с Адамом Фрэнси и Джоном Асше приобрели земли и строения на Грэйсчерч-стрит, а в ноябре 1377 г. – аналогичную собственность еще в трех приходах Лондона⁶.

Городскую недвижимость приобретали и иными путями. В частности, собственность (торговые лавки, дома и пр.), которую Адам Фрэнси в течение 1349–1373 гг. сумел собрать в западной части Чипсайда⁷, он получил через завещательные распоряжения состоятельных лондонцев (в данном случае уже упоминавшегося купца Джона де Бовиндона) и опеку над их несовершеннолетними детьми и наследством. Нередко

¹ *O'Connor S. J. Landed estates.* P. 61.

² *Ibid.* P. 59; *O'Connor S. J. Biographical background: Adam Fraunceys.* P. 97.

³ *O'Connor S. J. Landed estates.* P. 59.

⁴ *Ibid.* P. 64.

⁵ *Calendar of the Cartulary of John Pyel.* P. 101, 111.

⁶ *O'Connor S. J. Landed estates.* P. 66.

⁷ *Calendar of the Cartulary of John Pyel.* P. 116.

наследники умирали, так и не достигнув возраста вступления в права наследования, а вдовы, как правило, предпочитали избавляться от этой весьма обременительной для содержания собственности. Именно так произошло с тремя детьми упомянутого Джона де Бовиндона, опекуном которых, по завещанию купца, был назначен Адам Фрэнси. Все они, заболев, умерли к сентябрю 1368 г., а Кэтрин, вдова Джона де Бовиндона, продала имущество, в том числе несколько домов, Адаму¹.

Аналогичным способом у Адама Фрэнси оказалась и другая собственность на Чипсайде. В мае 1368 г. Анна, вдова Уильяма Лейра, возможно, сына лондонского олдермена и торговца пряностями², передала ему и Джону Оскину помещения в районе Чипсайда, а также на Темз-стрит. Получатели столь щедрого «подарка» обязались выплачивать вдове ежегодную ренту в 18 ф. 13 ш. 4 п. пожизненно³. Фактически речь идет о выплате ежегодного фиксированного содержания Анне Лейр.

Но не скрывается ли за такого рода сделками неспособность должников (торговца птицей и купца) расплатиться с кредиторами (Адамом Фрэнси и пр.), что и вынуждало их расставаться с весьма доходной недвижимостью и рентами? Ни это ли обстоятельство заставило графа Оксфорда в июне 1358 г. продать Адаму Фрэнси и Томасу де Лэнгтону не только земли и помещения, но и ренты на Бишопсгейт и Брод-стрит?⁴

Итак, на протяжении XIV в. лондонские купцы владели городской недвижимостью на правах эволюционировавшего феода, аренды и собственности. Очевидно, что эволюция поземельных отношений в Лондоне представляет собой движение от феодального землевладения через свободное городское держание и аренду к собственности, которая утверждается в Лондоне, видимо, к XIV в. Собственнические отношения, давно сложившиеся в торгово-ремесленной сфере деятельности горожан, пробилась и в поземельную сферу.

¹ *O'Connor S. J. Landed estates. P. 59, 64.*

² *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500). Appendix. P. 353.*

³ *O'Connor S. J. Landed estates. P. 69–71.*

⁴ *Ibid. P. 62.*

Внегородское землевладение

Землевладение лондонских купцов вышло далеко за пределы столицы, охватив ее окрестности и графства Англии. Наибольший интерес для них представляли графства Кент, Миддлсекс, Эссекс, Суррей, Хартфордшир, Кембриджшир, Нортхемптон, Норфолк и Бакингемшир, которые традиционно «кормили» Лондон. В частности, Ричард де Хэрни, олдермен 1322–1343 гг., оставил по завещанию четверть манора Рэдменгор в графстве Кент¹, а его «коллега» по компании суконщиков сэр Джон де Палтни, олдермен 1328–1338 гг., был собственником 23 маноров в пяти графствах: Миддлсексе, Кембриджшире, Лестершире, Саффолке и Уорикшире². Бакалейщику Николасу Брембру принадлежали два манора в Кенте и Миддлсексе³.

Многие графства – Кент, Суррей, Эссекс и Норфолк, Нортхемптон – были основными поставщиками зерна. Не случайно среди причин, побуждавших влиятельных и богатых горожан вкладывать деньги в земельную собственность, Е. В. Тушина называет стремление обеспечить себя продуктами питания. Показательно, что два манора в графстве Нортхемптон, оставленные по завещанию олдерменом 1304–1318 гг. Уильямом де Комбмарином, были засеяны зерном⁴. А запасы зерна в манорах сэра Джона де Палтни на момент его кончины в 1338 г. оценивались в 258 ф.⁵

Графства Дерби и Уилтшир особенно славились разведением мясомолочного скота. В восточных и северных графствах – Херефорд, Чешир, Ланкашир, Йоркшир, Линкольншир – наибольшее распространение получило овцеводство⁶. И на этих графствах сосредоточивалось внимание столичных купцов.

Иногда источники предоставляют возможность выявить структуру земельных владений и прочей недвижимости олдерменов в графствах. Чаще всего представителям купеческой элиты Лондона принад-

¹ Calendar of wills. Vol. 2. P. 467–468.

² Ibid. P. 482–483; *Beaven A. B.* Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 383.

³ *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500). P. 121; Calendar of wills. Vol. 2. P. 476.

⁴ Calendar of wills. Vol. 1. P. 276.

⁵ Ibid.

⁶ *Дмитриева О. В.* Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М., 1990. С. 29.

лежали целые маноры (от одного до двух с лишним десятков)¹, участки пахотных земель², луга³, леса, пустоши, сады, усадьбы⁴, жилые дома⁵, постройки хозяйственного предназначения⁶ и некие сдаваемые в аренду строения⁷. Таким образом, на протяжении XIV в. средства, полученные от торговли и финансовых операций, богатейшее лондонское купечество активно вкладывало в приобретение земли и недвижимости за пределами Лондона.

В архивном материале, опубликованном С. Трапп, содержится редкое упоминание размера земельного владения: бакалейщик сэр Джон Пич, лондонский мэр в 1361 г., имел манор в предместье столицы, состоящий из 250 акров (100 га) земли с лугами и лесом⁸. Очевидно, при определении масштабов купеческого землевладения в графствах необходимо принимать во внимание размах и успешность коммерческой деятельности того или иного купца, уровень его богатства и шкалу социальных амбиций.

Доступные нам источники содержат ценную, хотя и не слишком обширную, информацию об условиях владения землей в графствах. Отдельные купцы Лондона в XIV в. держали землю на правах феода. Вот только несколько примеров. В начале XIV в. ювелир Роджер де

¹ Calendar of wills. Vol. 2. P. 611, 625, 630, 630–631, 665, 728–729.

² Ibid. P. 476, 477–479, 611, 625, 630, 630–631, 651–652, 668–669, 728–729; *Reel J. V. Index to biographies of Englishmen, 1000–1485, found in dissertations and theses.* L., 1975. P. 264; *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500).* Appendix. P. 321.

³ Calendar of wills. Vol. 2. P. 477–479, 625.

⁴ Ibid. P. 477–479, 665.

⁵ Ibid. P. 625; *Reel J. V. Index to biographies of Englishmen, 1000–1485.* P. 264.

⁶ *Beaven A. B. Aldermen of the City of London.* Vol. 2. P. 19; *Calendar of wills.* Vol. 2. P. 476.

⁷ *Calendar of wills.* Vol. 2. P. 611, 625, 630, 630–631.

⁸ *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500).* P. 233–234. По классификации Е. А. Косминского: крупные маноры – свыше одной тысячи акров, средние – от 500 до одной тысячи акров, мелкие – менее 500 акров (см.: *Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века.* С. 152). Следовательно, владение сэра Джона Пича относится к числу мелких владений. Между тем его следует причислить к вотчине, поскольку еще в XIII в. площадь в 120 акров служила своеобразным водоразделом между свободным держанием крестьянского типа и феодальной вотчиной (см.: *Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв.* М., 1962. С. 45).

Фроуик держал четверть рыцарского феода в Эссексе¹. Маноры на условиях феода в графствах Кент и Суррей имели: торговец пряностями второй половины XIV в. Саймон Долсли и его брат Томас; бакалейщик этого же периода Бартоломью де Фрэтлинг, торговец рыбой конца XIV в. Томас Уэлфорд; торговец рыбой рубежа XIV–XV вв. Уильям Аскэм². К сожалению, не представляется возможным выяснить, от кого и на каких условиях лондонские купцы держали феоды.

Большинство олдерменов в XIV в. являлось собственником земель и другой недвижимости в графствах. Как правило, эту собственность они обретали по наследству или через покупку. Например, торговец пряностями первой четверти XIV в. Джон де Бафор унаследовал от отца земли в Лестершире и купил земли в Миддлсексе, Кембриджшире, Уилтшире и Саффолке³. Действительно, чаще всего олдермены XIV в. покупали земли. Так, торговец пряностями и олдермен 1342–1349 гг. Уильям Тоуни купил небольшой участок земли в 4 акра (1,6 га) в Кембриджшире, а торговец рыбой Джон Пэч, олдермен 1349–1376 гг., в 1360 г. купил манор Луллингстоун у внука олдермена Грегори де Роксли⁴.

Некоторые лондонские купцы арендовали земельные участки и недвижимость в графствах. Саймон Долсли во второй половине XIV в., кроме держания на правах феода $\frac{2}{3}$ манора, арендовал манор в Кенте. Торговец пряностями Эндрю Обри арендовал часть манора в Кенте у рыцаря – сэра Джона Коубхэма. Сукощик и олдермен 1346–1352 гг. Ричард де Кислингбари завещал жене также арендованные участки в манорах Берик и Карденс в графстве Эссекс⁵. К сожалению, остаются без ответа вопросы, связанные с условиями аренды.

Чем руководствовались купцы, приобретая земли за пределами Лондона? Чтобы ответить на этот вопрос и ярче высветить интересы в сфере землевладения и способы их реализации купечеством, обратимся к деятельности в данной сфере Адама Фрэнси и Джона Пайела.

Первые внегородские приобретения Фрэнси относятся ко времени

¹ *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 403; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500). Appendix. P. 322.*

² *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 395–396, 379.*

³ *Ibid. P. 387.*

⁴ *Ibid. P. 385, 387; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500). Appendix. P. 341.*

⁵ *Calendar of wills. Vol. 1. P. 1–2; Vol. 2. P. 39, 437–438.*

«Черной смерти», что объясняется колоссальными людскими потерями, приведшими к падению цены на землю¹, и желанием покинуть пределы тесного города. При этом, в отличие от большинства «коллег», Адам не вернулся в свое родное, но весьма отдаленное от Лондона графство Йоркшир. Земельные приобретения Фрэнси концентрируются в основном в северном Миддлсексе и на юго-западе Эссекса, т. е. в графствах, которые традиционно «кормили» Лондон. Особое значение данный фактор приобрел в результате аграрных проблем XIV в.², неурожаев, эпидемий, военных столкновений³. Необходимо принять во внимание и еще один фактор, облегчавший проникновение богатых горожан в аграрную сферу: с XIV в. скупка земель происходила по всей Англии, но наибольшее распространение получила на юге и востоке страны, что показывает, насколько эти области уже были втянуты в товарные отношения⁴.

1 февраля 1349 г. Фрэнси приобрел совместно с Томасом Лэнгтоном манор Уайк у Джона Костона, лондонского торговца предметами роскоши, олдермена, шерифа 1324–1325 гг.⁵, и его жены Евы. Манор состоял из двух усадеб, 149 акров земли, водяной мельницы и рент на сумму 11 ф. 15 ш. 20 п.⁶ В последующие 10 лет Фрэнси увеличил приобретенные владения за счет участков земли и прочей недвижимости, действуя самостоятельно или через агентов – Николаса атте Уайка и Саймона де Хемптона. В Олд Форде Адам купил усадьбу с садом и огородом, 8 акров земли, 3 акра и 1,5 акра лугов с прудами, еще один небольшой сад и три торговые лавки с комнатами в верхних этажах, располагавшиеся напротив усадьбы⁷. Владения в Хекни состояли из усадьбы, 82,5 акров и одного руда (0,25 акра) пахотных земель, сада, 63 акров лугов и водяной мельницы⁸; в Степни – из усадьбы, 53,5 акров и 8 рудов (2 акра) пахотной земли, 3 акров лугов и арендуемых хозяй-

¹ *Campbell B. M. S. The Agrarian Problem in the early Fourteenth Century // Past and Present. 2005. N 188. P. 3–70.*

² *Тушина Е. В. Городское землевладение // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 2000. Т. 2. С. 284.*

³ *Fourteenth Century England / Ed. by J. S. Hamilton. Woodbridge, 2014.*

⁴ *Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957. С. 28–29.*

⁵ *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 328.*

⁶ *Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 204–208.*

⁷ *Ibid. P. 209.*

⁸ *Ibid. P. 210.*

ственных и торговых помещений¹; в Тоттенхэме – из 12 акров земли². Большую часть земель в Хекни, Степни и Тоттенхэме, как и в случае с манором Уайк, Адам приобрел у богатого и влиятельного лондонца – Уолтера Тарка, торговца рыбой, мэра и шерифа Лондона³.

Затем Фрэнси переключился на восток, за реку Ли до Уэст Хэма и Литона. Уместно заметить, что все основные владения Фрэнси находились на плодородных лугах долины реки Ли. В 1357 г. он приобрел манор Хобхэмс у его последнего владельца – сэра Томаса де Хобхэма. Манор состоял из земель в Ист Хэме, Уэст Хэме и Баркине (две усадьбы, 89,5 акров и один руд пахотной земли, 29 акров и один руд лугов, 40 акров пастбищ, половина акра земли с ветряной мельницей, 7 акров земель с ивняком и болотами, 12 ш. 6 п. ренты, арендованные помещения⁴) и небольшого участка земли (половина гайды) с постройками и пастбищами в Стрэтфорде⁵. Как и Уайк, манор Хобхэмс был сформирован в начале XIV века лондонцем Джоном Престоном, богатым канатчиком, олдерменом, мэром Лондона 1332–1333 гг.⁶

Упомянутые сделки представляют для нас интерес по нескольким причинам. Во-первых, из-за использования клириков в качестве поверенных (доверителей), во-вторых, благодаря совместным приобретениям и через агентов. Самым востребованным из них был Томас де Лэнгтон, деловой партнер и друг Адама Фрэнси, привлекались также священнослужители Николас атте Уайк, Томас Пейтшалл и Джон Пити. Именно клирики благодаря своему статусу и репутации часто использовались для сопровождения сделок по передаче собственности и выполнения обязанностей доверителей. Они к тому же, как правило, не имели собственных прямых наследников, что лишь усиливало доверие к ним.

Приобретения Фрэнси также показывают преобладание лондонцев среди людей, скупавших земли в предместьях Лондона. Адам покупал землю там, где до него это делали многие купцы. За исключени-

¹ Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 210–212.

² Ibid. P. 216.

³ *Barron C.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2005. P. 329.

⁴ Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 198–202.

⁵ Ibid. P. 198.

⁶ *Barron C.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. P. 326.

ем Раххолт, эти маноры основывались горожанами задолго до того, как оказывались у Фрэнси, и передавались уже как компактные владения, которые он впоследствии расширял.

Графства в целом, и Миддлсекс в особенности, был любимым местом, где лондонцы предпочитали селиться, а купцы при этом имели возможность вести дела в столице. И поскольку земля в Миддлсексе покупалась и продавалась лондонцами продолжительное время, земельный рынок рос по всему графству, а земельный фонд постепенно распределялся среди богатых купцов, становясь все более их «вотчиной».

Земли в Миддлсексе Адам Фрэнси начинает приобретать с 1351 г. Сначала совместно с Питером Фэйвлором он купил 18,5 акров лугов и 13 акров леса в Эдмонтоне и 4 акра лугов Энфилде¹. С этих пор все земли в Эдмонтоне, Тоттенхэме и Энфилде покупались в партнерстве с Фэйвлором, вплоть до его смерти в 1360 г. В марте 1355 г. при участии Фэйвлора было куплено значительное владение в Эдмонтоне, состоявшее из 236 акров пахотной земли, 63 акров лугов, 21 акра пастбищ, трех усадеб и 50 ш. рент². В июле 1360 г. к этим землям добавились пастбище и ферма³.

Все эти приобретения ранее принадлежали торговцу предметами роскоши Уильяму де Костону, шерифу Лондона и графства Миддлсекс в 1316–1317 гг., одному из самых известных скупщиков земли в данном регионе. Костон покупал землю, часто очень мелкие участки, у разных людей, но в основном у представителей старых местных фамилий, таких как Энсти, Марши и Форды, которые с большим трудом и серьезными издержками приспособлялись к новым условиям.

Еще одним крупным землевладельцем, у которого Фрэнси покупал земли в Эдмонтоне, был Роджер де Дефам, лондонский купец, олддермен 1338–1359 гг.⁴ В декабре 1358 г. Роджер, как и Уильям Костон, не имевший прямого наследника, продал все земли в Эдмонтоне Томасу де Лэнгтону и Джону Пити, которые в мае-июне 1359 г. передали их Фрэнси и Фэйвлору в пожизненное пользование⁵. 31 мая 1359 г.

¹ Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 428.

² Ibid. P. 428–429.

³ Ibid. P. 429.

⁴ Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. P. 326.

⁵ Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 427, 428–429.

у Адама Фрэнси оказалась также часть манора Эдмонтон, в которую входили две усадьбы и 320 акров земли с рентами. Эта часть манора была передана в управление Томасу де Лэнгтону и Джону Пити, доверителям Адама, в июне 1359 г., незадолго до смерти его хозяина, Джеффри де Сей. 31 мая 1359 г. доверители «подарили» означенные земли Адаму Фрэнси в пожизненное пользование с последующей их передачей его сыновьям: сначала Адаму-младшему, затем Роберту. Дарение было подтверждено наследником Джеффри, Уильямом де Сей, достигшим совершеннолетия в 1361 г. 2 октября 1361 г. Уильям выдал Адаму закладную на манор на 22 года взамен на получение суммы в 1 тыс. ф. В период между 1362 и 1369 гг. манор и титул лорда были навсегда переданы Адаму Фрэнси¹. Приобретение манора Эдмонтон явилось своеобразным механизмом, при помощи которого Адам Фрэнси, этот богатый и влиятельный горожанин, заявил о своих социальных устремлениях и реализовал их.

По самым приблизительным подсчетам, в 1349–1371 гг. Адам Фрэнси приобрел 12 усадеб, 1056 акров пахотной земли, 189 акров лугов, 61 акр пастбищ, 13 акров леса, 4 сада и огород, пруды, две водяные и одну ветряную мельницы, ренты на сумму 11 ф. 77 ш. 26 п., лавки, а также ферму, земли с ивняком, болотами и пастбищами, арендованные хозяйственные и торговые помещения. Сама структура владений Фрэнси позволяет причислить его к раннему джентри XIV в. – «новому дворянству», которое умело приспособилось к менявшимся условиям, стремилось всячески повысить доходность своих владений.

Обратимся к Джону Пайелу. В 1348 г. умер Джон Пайел-старший, оставивший своему сыну участок земли в родном Итлинбороу, графство Нортхемтоншир². Это было первое земельное владение Джона Пайела-младшего. К сожалению, какие-либо подробности относительно получения данной земли, как, впрочем, и других сделок, картулярий не содержит. Можно лишь констатировать, что в том же году Пайел-младший совершил ряд незначительных покупок недвижимости в соседних селениях. Он купил 9 акров пахоты, луг, голубятню и пахотную землю в Малом Аддингтоне³, расположенном всего лишь в двух милях к северо-востоку от Итлинбороу. Довольно бессистемные приобретения отмечены в последующие годы. Прежде всего это по-

¹ Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 429.

² Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 141.

³ Ibid. P. 133.

купка 2,5 виргат земли в 1351 г.¹, 7,5 акров в 1352 г.² и усадьбы с еще одной дополнительной виргатой земли в 1354 г.³ Джон также купил совсем небольшие земельные участки в Великом Аддингтоне и деревушках Слиптон и Твайвелл⁴. Все эти разрозненные покупки, однако, резко контрастируют с его главным приобретением 1348 г. – покупкой манора Крэнсли.

Крэнсли находился на некотором удалении от основного ядра земель Пайела, которые были рассыпаны вокруг Итлинбороу. Владельцем этого манора благодаря женитьбе на Элизабет, дочери Хью Крэнсли, был сэр Томас Уэйк, сокольничий короля, участвовавший во Французской кампании (в Креси), во время которой (между 15 марта и 23 октября 1346 г.) он скончался. Спустя 2 года эпидемия чумы сразила четырех прямых наследников манориальных владений Крэнсли, и манор вернулся к Элизабет Уэйк. Именно она «передала» его Джону Пайелу, что подтверждено двумя грамотами, датированными 26 июня и 1 июля 1348 г.⁵

Истинные мотивы продажи манора Крэнсли выявить сложно. Можно довериться источнику и признать, что наследники действительно скончались в 1348 г., т. е. фактически до пика «Черной смерти», которая всей своей мощью обрушилась на Восточный Мидленд ранней весной 1349 г. Но что заставило Элизабет столь стремительно расстаться с наследством своих сыновей? Очевидно, что продажа манора связана с участием сэра Томаса Уэйка в военной кампании во Франции, подготовка к которой была чрезвычайно дорогостоящей. К сожалению, нет никаких документальных свидетельств, позволяющих оценить состояние экономики манора Крэнсли в интересующий нас период. Однако хорошо известно, что десятилетие перед «Черной смертью» стало периодом дефляции, падения цен и, соответственно, доходов⁶. Нет оснований сомневаться, что в таких условиях необходимость экипироваться за собственный счет для участия в военной кампании становилась крайне обременительной для столь мелкого землевладельца, каковым был сэр Томас, и имела губительные последствия

¹ Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 133.

² Ibid. P. 141.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 133–134.

⁶ *Postan M. M. The Costs of the Hundred Years // Past and Present. 1964. N 27. P. 42–44.*

из-за изъятия значительной части средств из манориального хозяйства. Ясно, что Уэйк вынужден был искать деньги. Одним из его кредиторов стал Джон Пайел: в июле 1345 г. он предоставил сэру Томасу 40 ф.¹ Можем предположить, что приобретение манора Крэнсли отчасти связано с необходимостью покрытия долговых обязательств Уэйка перед Джоном Пайелом.

Помимо Крэнсли, Пайел продолжал скупать земли вокруг своего родного селения. В августе 1350 г. он приобрел для себя и своего друга и компаньона Адама Фрэнси земли и строения, включая водяную мельницу, принадлежавшие сэру Роберту Моли, маршалу Ирландии. Вся эта недвижимость находилась в Уэллинбороу, расположенном всего в 4 милях к юго-западу от Итлинбороу². В сентябре того же года Пайел вместе с местным францисканцем Джоном де Кетерингом купили крупную собственность в Итлинбороу и соседнем с ним приходе Файндон. Эта собственность состояла из 16 жилых домов с хозяйственными постройками и земельными участками, двух усадеб, 224 акров пахотной земли, луга, пастбища и рент на сумму 30 ш.³

В том же 1350 г. Джон Пайел и некий Уильям Фримен купили 80 акров земли в Эствике, на самом юго-востоке Нортхемптоншира⁴. Данный земельный участок был полностью изолирован от других земель Пайела, и, скорее всего, его приобретение можно рассматривать как спекулятивное вложение средств с целью последующей перепродажи.

В 1353 г. Джон Пайел приобрел свой второй манор Итлинбороу. Аббатство Питербороу держало этот манор от сэра Саймона де Драйтона, представителя старинной рыцарской фамилии Нортхемптоншира. Драйтоны владели здесь одним из трех фьефов манора – фьефом Бэтейл, история которого началась в середине XII в. Тогда он насчитывал 3,5 гайды земли, что в XIII в. соответствовало 1,5 рыцарского фьефа⁵. Сэр Саймон приобрел этот фьеф в 1317 г. за 100 ф. и 10 февраля 1353 г. продал его Джону Пайелу, его брату Генри и Адаму Фрэнси. Любопытно, что 24 февраля он предоставил расписку в передаче имущества только Джону Пайелу, который заплатил 200 ф. и дополнительно отдал большую бочку (252 галлона) вина стоимостью 5 ф.⁶

¹ Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 135–136.

² Ibid. P. 137–139.

³ Ibid. P. 180–181.

⁴ Ibid. P. 137.

⁵ Ibid. P. 147.

⁶ Ibid. P. 142–143.

Второй фьеф, оформившийся в XII в., в XIV в. являлся держанием семьи Сеймур. В 1359 г. Николас Сеймур, лорд замка Кэри в Сомерсете, передал Джону Пайелу в пожизненное владение земли, $\frac{2}{3}$ большого, но пришедшего в запустение, с обветшалой крышей, старого жилого дома с хозяйственными постройками и земельным участком и три участка, которые прежде были застроены, а к моменту заключения сделки оказались свободными. Очевидно, что значительная часть фьефа была заброшенной вследствие серьезных трудностей, переживаемых доменальным хозяйством, и нехватки рабочих рук в связи с последствиями «Черной смерти». Сеймур, не располагая необходимыми средствами, предпочел передать эти земли Пайелу.

В 1354 г. Джон Пайел получил права на значительную часть манора Уодфорд. 22 апреля 1354 г. Джон де Бойз, один из владельцев манора, передал его Пайелу в пожизненное владение. Исключение составили земли бенефиция Уодфордской церкви. Спустя 10 дней, 1 мая, де Бойз передал Джону Пайелу и Адаму Фрэнси ежегодную ренту в 20 ф. от земель в Линкольншире в счет покрытия своего долга в 200 ф.¹ В ноябре 1363 г. Пайел получил от де Бойза часть бенефиция Уодфордской церкви и дополнительно половину акра земли². И вновь перед нами знакомая ситуация: долги представителя дворянства, за которые он вынужден отдавать землю предприимчивому купцу.

Кроме того, в ноябре 1359 г. сэра Томас Босаун, второй владелец манора Уодфорд, передал Адаму Фрэнси и Джону Пайелу ежегодную ренту в 20 ф., которая позже была заменена на ежегодные платежи в 5 ф. или одновременно выплачиваемую сумму в 50 марок, а также право опеки над его сыном и наследником Генри Босауном. Все эти платежи и право опеки были не чем иным, как компенсацией сэром Томасом долга в 100 ф. Адаму Фрэнси. Необходимо также учесть, что сэра Томас готовился отправиться в паломничество в Иерусалим, для чего ему нужны были денежные средства. Но не менее важно было оставить имущество и сына на попечение надежным людям. 4 декабря 1359 г. Пайел получил права на все товары Босауна в графстве и доверенность на его часть бенефиция Уодфордской церкви³.

Затем, в 1365 г. Джон Пайел купил у королевского доверенного право опеки над малолетним Джоном де ла Хэй, которому принадле-

¹ Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 146–147.

² Ibid. P. 147–148.

³ Ibid. P. 165.

жала еще четверть манора Уодфорд. Джон получил это манориальное владение, состоявшее из двух запашек земли и того, что описано как «четверть доли Уодфордской церкви», в крайне разоренном состоянии. Даже центральный жилой дом и голубятня нуждались в капитальном ремонте¹. Очевидно, что собственность де ла Хэя, как и владение Сеймура в Итлинбороу, тоже находилась в запустении. Видимо, Джон Пайел со свойственной ему предприимчивостью использовал продуманную политику – покупать земли, которые мало или совсем не использовались собственниками, обветшали и, соответственно, могли быть приобретены по относительно низкой цене. Еще одной уловкой Пайела, о которой упоминалось выше, было использование долговых обязательств землевладельцев.

20 октября 1357 г. Джон, сын Джона Дандлина, передал Джону Пайелу и его жене Джоан в пожизненное пользование ренту в 10 ф. от земель в Крэнфорде и Ливдене в Нортхемптоншире. На следующий день он и его отец предъявили обязательство в Стапль в Вестминстере, согласно которому они задолжали Джону Пайелу 100 марок. В ноябре 1357 г. Джон Дандлин-старший передал Адаму Фрэнси и Генри Пайелу ренты от земель и небольших домов в Крэнфорде и Малом Аддингтоне вместе с 10 акрами луга и пастбища. В июле 1360 г., после длительной и сложной процедуры многократных трансферов, Джон Пайел получил в полное владение манор Крэнфорд². Спустя несколько дней, 25 июля 1360 г., Ричард Брайан и Уильям Фримен, держатели Джона Дандлина, передали ему остальные земли в Крэнфорде и Ринстедде. В сентябре 1360 г. Пайел сдал этот манор в аренду все тому же Джону Дандлину и его супруге на условии выплаты ренты в 18 ф. в первый год и 5 ф. ежегодно в последующее время³. Далее, как следует из картулярия, события развивались следующим образом. Джон Дандлин был оштрафован на 100 ф. в 1352 г. за некое преступление, был вынужден выплачивать по 10 марок в год и к 1358 г. еще имел задолженность. Также он был вынужден выплатить в полном объеме свой взнос в трехгодовой субсидии, предоставленной в 1352 г. Кроме того, Дандлин задолжал 20 ф. аббату Питербороу, который выплатил в течение трех лет 10 марок штрафа от его имени. Второго декабря 1359 г. Пайел предоставил в суд Казначейства две расписки о погашении дол-

¹ Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 127.

² Ibid. P. 155–156, 157–158.

³ Ibid. P. 173.

га на 20 ф. каждая, чем сократил оставшуюся часть штрафа Дандлина за преступление с 73 ф. 6 ш. 8 п. до 33 ф. 6 ш. 8 п. Аббат Питербороу переслал Пайелу на Рождество 1359 г. долговой счет Дандлина, и на Пасху 1360 г. Пайел выплатил 10 ф. аббату от имени Дандлина¹. К июлю Пайел получил манор в собственность.

Вскоре, в 1361 г., Пайел приобрел свой последний манор – Садборо. В отличие от других маноров, являвшихся, за исключением Крэнсли, владением Питербороу, Садборо принадлежал Вестминстерскому аббатству. Как и большинство других маноров, о которых уже шла речь, Садборо состоял из нескольких владений. В конце XIII в. этот манор был держанием сэра Реджинальда Уотермила, который разделил его среди трех своих дочерей. Но две части манора были воссоединены в середине XIV в. Саймоном де Драйтоном, который в 1350 г. стал доверительным собственником².

В январе 1358 г. $\frac{2}{3}$ манора Садборо, которые держал Драйтон, перешли к Уильяму Мэлори³, представителю одной из знатнейших фамилий Нортхемптоншира. Очевидно, что Мэлори испытывали серьезные финансовые затруднения. В июне 1358 г. Уильям и Анкетин Мэлори признали долг Пайелу в 200 ф., в погашение которого Уильям был вынужден ежегодно выплачивать по 20 ф. из доходов с земель в Садборо и с других владений в Нортхемптоншире⁴. Кроме того, треть манора, которая не принадлежала Саймону де Драйтону, была унаследована Уильямом ле Zouche, архиепископом Йоркским, и от него перешла к Анкетину Мэлори, который в картулярии назван «братом архиепископа»⁵. Так или иначе, Уильям Мэлори, который был не в состоянии осуществлять платежи, передал принадлежавшую ему часть Садборо Джону Пайелу в апреле 1361 г., а в 1362 г. Пайел приобрел остальные земли и ренты этого манора⁶.

За исключением небольших покупок земли, главным образом в Итлинбороу, последняя из которых была совершена в 1374 г., приобретение манора Садборо завершило формирование всей конструкции недвижимости Пайела. Можем отметить, что он приобрел помещения

¹ Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 172–173.

² Ibid. P. 118–119.

³ Ibid. P. 49–50.

⁴ Ibid. P. 121.

⁵ Ibid. P. 121.

⁶ Ibid. P. 121–122.

в Хайем Феррерс, земли в Ринстед и Раундсе¹. Все эти три прихода непосредственно примыкали к Итлинбороу, при этом Раундс и Хайем составляли часть родовых владений герцога Ланкастерского.

Таким образом, очевиден интерес богатого лондонского купца Джона Пайела к земельной собственности в его родном графстве. Отчасти это можно объяснить особой привязанностью к своей малой родине: даже добившись общественного признания, высокого социального статуса в столичном сообществе, Пайел сохранял тесную связь с местом, где родился, где жили его предки. Но не менее важное значение имели соображения престижа: скупка земельных участков являлась одним из способов приобрести влияние и власть, произвести впечатление на общество, в котором традиционно высоко ценились знатность происхождения и обладание землями². Земля оставалась главной формой общественного богатства, наиболее устойчивым видом собственности, объектом наиболее надежного помещения капитала, позволявшим получать регулярный доход. Экономический и социальный риск профессии заставлял даже самых богатых купцов помещать деньги в более обеспеченную и стабильную сферу землевладения.

Таким образом, признавая првостепенную роль торгово-финансовой деятельности в структуре хозяйственных занятий купцов Лондона, необходимо отметить, что многие из них были также земельными собственниками и владельцами разнообразной недвижимости в городе и различных графствах Англии. Есть все основания говорить о том, что применительно к городу речь должна идти о домовладении, преимущественно коммерческом по своему характеру. Поземельные интересы купцов-олдерменов охватывали разные, даже самые отдаленные (Йоркшир, Ланкашир), графства. Но многие из них предпочитали иметь земли в Кенте, Миддлсексе, Эссексе, Суррее, Кембриджшире, Хартфоршире, Нортхемптоншире, которые традиционно «кормили» Лондон. При этом отдельные купцы Лондона владели внегородской недвижимостью на правах феода, большинство же предпочитало арендовать и покупать земельные участки и прочую недвижимость в графствах, используя возможности, предоставляемые развитием к середине XIV в. арендных отношений и земельного рынка, особенно на юге и востоке Англии. Дополнительными стимулами к приобретению земель

¹ *O'Connor S. J.* Biographical background: John Pyel. P. 53, 74–76.

² *Horrox R. E.* The Urban Gentry in the Fifteenth Century. P. 22; *Hunt E. S., Murray J. M.* A History of Business in Medieval Europe, 1200–1550. Cambridge, 1999. P. 53.

и строений вне города служили последствия «Черной смерти»: падение цены на землю вследствие колоссальной убыли населения, желание покинуть пределы тесного города и обеспечить себя продуктами питания, что стало особенно актуальным в результате «аграрного кризиса» середины XIV в., военных столкновений этого столетия. Важное значение имели также социальные амбиции купцов, стремившихся обрести не только земли в графствах, но и дворянский титул. Все это наглядно проявилось в деятельности двух лондонских торговцев предметами роскоши и олдерменов второй половины XIV в. – Адама Фрэнси и Джона Пайела. Используя долговые обязательства и закладные представителей местного дворянства, а также опеку над их малолетними отпрысками, по относительно низкой цене скупая зачастую обветшавшие строения и находившиеся в запустении земли, эти купцы становились собственниками целых маноров, отдельных усадеб и участков земли, занятых под пашню, луга, пастбища, леса, сады, а также прудов, водяных и ветряных мельниц, ферм, хозяйственных помещений. Сама структура земельных владений Адама Фрэнси и Джона Пайела позволяет причислить их к ранним джентри XIV столетия.

Л. Н. Чернова (Саратов, СГУ)

ТЯГА ГОРОЖАН К ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (на примере контадо Флоренции XIV–XV вв.)

Аннотация

Автор анализирует основные формы землевладений флорентийских граждан: их масштабы, структуру, динамику создания и стратегии концентрации комплексов земельной собственности, пути их формирования, категории работников и состав уплачиваемых рент. Согласно современным исследованиям, отмечается активность и быстрый рост темпов мелкого и среднего землевладения во второй половине XIV – XV в. Выявляются следующие основные цели инвестиций массы горожан в земельные приобретения: необходимость постоянного наличия продовольственных запасов в условиях частых неурожаев и военных действий, вызывающих острые нехватки и голод; возможность получать небольшой, но стабильный доход от торговли продовольствием. Земельный фонд постоянно служил гарантией получения кредитов и залогом надежности торговых компаний. Загородное имение было показателем социального возвышения, местом отдыха от городских забот и доказательством истока рода.

Ключевые слова: Собственность на землю горожан, подере, вилла, парцелла, колонны, земельная рента, запасы продовольствия, торговля продуктами сельского хозяйства.

Summary

The author presents the analysis of the main forms of land ownership of Florentine citizens: their scale, structure, dynamics of creation and concentration strategies of land ownership complexes, ways of their formation, categories of workers and the composition of paid rents. Modern research observes the activity and rapid increase in the rates of small and medium land ownership in the second half of the 14th–15th centuries. The following main objectives of the investment of the mass of citizens in land acquisitions are identified: the need for the constant availability of food supplies in the face of frequent crop failures and military operations that caused acute shortages and hunger; the opportunity to receive a small but stable income

from food trade. The land fund constantly served as a guarantee of obtaining loans and an insurance of the reliability of trading companies. The country estate served as an indicator of social elevation, a place of rest from city worries and proof of the origin of the clan.

Key words: city people's land ownership, podere, villa, parcela, colonates, land rent, food supplies, trade of agricultural products.

Термины, которыми характеризуются формы земельной собственности в Тоскане, не отличаются точной определенностью, поэтому в предложенных далее формулировках так или иначе будет присутствовать некоторый элемент условности. «Подере» – участок земли за городом, который мог быть необрабатываемым и не иметь никаких строений или иметь только хозяйственные объекты (риги, амбары, токи) и хижины для работников. «Вилла» – более или менее обжитый хозяевами участок земли, на котором располагалась резиденция собственника, пусть даже в самом скромном виде, где владелец и члены его семьи могли проживать или которую они относительно регулярно посещали.

Еще сложнее точно указать количественные параметры земельных площадей. Лишь приблизительно можно предполагать, что мелкий участок – от 1–2,5 стайоров земли, учитывая, что 1 стайор равнялся около 750 кв. м земельной площади, составлял от 2000 кв. м до 1 га; средние от 1 – до 25 га; свыше – уже крупные комплексы земель. Земельные участки размером менее 1 стайора, которые также постоянно фигурировали в сделках с недвижимостью, назывались «парцеллами» или просто «pezzo» – («кочок», «кусок»). Видимо, во многих случаях подере не являлся компактным владением, но обладал дискретной, «рыхлой» структурой, состоя из нескольких или даже многих земельных объектов, располагавшихся в относительной близости, но все же разделенных между собой. Примером могут служить описания подере в семейной книге представителей дома Корсини. Джованни ди Маттео Корсини в 1419 г. купил подере, подробно описав его составные части: участок с домом для господина и домом для работника с хижинкой, еще участок с фруктовыми и другими деревьями, и далее перечислялись: участок земли в 6 стайоров, 2 в 4 стайора каждый, 2 площадью в 2 стайора каждый, один из которых под виноградником, 1 в 1,5 стайора, 1 в 1,25 стайора, 4 участка в 1 стайор каждый, один из которых под виноградником, 2 в 0,5 стайора, 1 участок в 0,25 стайора, полно-

стью занятый виноградником. «Заплатил за все 300 флоринов из своего банка»¹.

Согласно выводу современного итальянского историка Джулиано Пинто, земельная собственность горожан прогрессивно возрастала в позднее Средневековье, особенно заметно в XIII–XV вв., не только во Флоренции, но и почти во всем регионе Тосканы. В контадо, в радиусе от города примерно 50 км, она занимала к третьему десятилетию XV в. около двух третей всей земли, тогда как сельские жители владели лишь 18 % земли в неплодородных зонах холмов и низких гор, в относительном отдалении от города. Он же отметил два пути формирования фонда земельной собственности флорентийских граждан: приобретение ими земли за городом и миграция в города земельных собственников из контадо, сохранявших свои владения. Однако Д. Пинто указывал при этом, что трудно сказать даже приблизительно, каков был удельный вес того и другого феномена и как их соотношение мутировало со временем².

В качестве примечания следует добавить, что, судя по некоторым документам, прежде всего земельные владения или их часть сохранялись в руках знатных синьоров, мигрирующих внутрь городских стен в XI–XIII вв. В качестве примера можно привести «Instrumento», хранящийся в семействе знатного рода Кастильонкьо³. При описании земельных владений основного комплекса автор перечислял «колонов и подчиненных с их фамилиями и жилищами, землями и виноградниками, домами, имуществом движимым и недвижимым, каковое они имеют или держат от нас, или другие через них держат от нас... со всеми

¹ Il libro di ricordanze dei Corsini (1362–1457) / A cura di A. Petrucci. Roma. 1965. P. 108–109.

² Pinto G. Ceti dominanti, proprietà fondiaria e gestione della terra a Firenze nel Trecento // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 36–37.

³ Так мог называться любой нотариально заверенный официальный документ. В данном случае речь идет о договоре 1204 г., в котором говорилось об обмене владениями между нобильскими фамилиями Рикасоли и Да Квона (одна из ветвей рода Да Квона после разделения клана приняла затем фамилию Кастильонкьо) и подробно перечислялись виды земельной собственности, оказавшиеся у этого дома, члены которого примерно в то же время переселились во Флоренцию. См.: Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccellentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze. Bologna, 1753. P. 35–42. Далее – Lapo da Castiglionchio. Epistola.

службами и рентами по обычаю и обязанностям»¹. Далее в документе содержались 94 фамилии держателей (семьи или семейные группы) и отдельных лиц². Кроме того, упоминалось еще одно владение – «феод, который держит от нас Пьеро, сын маэстро Альдобрандино», далее перечислялись «верные» – *fedeli* – всего 14 персон и фамилий. Состав ренты оставался традиционным: зерно (48 стайоров в год от обоих владений), от каждой единицы держания по 1 медному кувшину вина, по 2 хлеба и 2 курицы, от некоторых владений по 1 каплуноу и некоторое количество льняной пряжи, от держателей второго феода требовалось зерно и «плоды фиговой рощи»³. Держатели (колоны и «верные»), очевидно, находились в разной степени зависимости от собственников земли. Лапо да Кастильонкьо указывал: «Все колоны сегодняшнего поколения, которые являются зависимыми, коммендированными (отдавшимися под покровительство), обязаны рентами, службами и платежами»⁴. В данном случае тип владения земельной собственностью сохраняет черты феодального уклада, однако можно предполагать его трансформацию под влиянием коммунальной политики: все владения Кастильонкьо в дистретто Флоренции были конфискованы в 1378 г. после восстания против засилья гвельфской партии (в истории известного как «восстание чомпи»).

Говоря о концентрации земель в руках горожан, Д. Пинто, опираясь на новые исследования второй половины XX в., отмечал особую активность в этом процессе представителей средних и низших слоев флорентийского общества: «Инвестирование в землю средних и мелких масштабов было очень распространено: более половины семейных городских ядер стремились обладать недвижимым имуществом, даже если во многих случаях речь шла о собственности очень скромной – 1–2 небольших подере»⁵. К подобным же выводам пришли К. Кла-

¹ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 36–38.

² Подсчеты не могут быть точными, поскольку в одних случаях в документе названы конкретные лица, в других – фамилии, обозначающие семью или родственную группу: «сыновья» или «братья такого-то» без указания количества лиц.

³ Lapo da Castiglionchio. Epistola. P. 38–39. Рента не обеспечивала семье Кастильонкьо богатства в городе. Главным доходом для Лапо да Кастильонкьо являлась его адвокатская практика. См.: Краснова И. А. Флорентийское общество во второй половине XIII – XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М.; СПб., 2018. С. 99–100.

⁴ Ibid. P. 39.

⁵ Pinto G. Idem. P. 38–39.

пиш-Зубер и Д. Херлихи в исследовании кадастра 1427 г. Полученные ими результаты показали, что наиболее богатые фамилии предпочитали со второй половины XIV и в XV в. увеличивать инвестиции в банк (Монте), проценты с которых редко уменьшались и были всегда несколько выше, нежели доходы от рент, получаемых с земельных владений, не требуя при этом никаких усилий и дополнительных вложений¹. Современный историк Джампьеро Нигро, изучая наследие богатого флорентийского предпринимателя Франческо ди Марко Датини, исследовал часть флорентийского контадо в районе Прато и пришел к выводу о том, что землевладение там «характеризовалось обычно собственностью, состоящей из земельных приобретений и подере, как правило, мелких. В многочисленных покупках земли, сделанных Франческо Датини, мы редко находим такие, которые превышали бы площадь в размере гектара, хотя площадь некоторых составляла менее 2000 кв. м. Эта сильная фрагментация всплывает также и из регистров счетов и инвентарных описей, даже если земли принадлежали одному и тому же собственнику»².

Можно предположить, что изначально рыхлая структура подере становилась одной из причин складывания особой стратегии концентрации земельных комплексов, которую можно проследить по записям в семейных книгах на примере 3 пополанских фамилий. Обычно наряду с крупными комплексами земли скупались и очень мелкие участки, часто граничащие с уже приобретенными владениями с целью наибольшей компактности земельного массива концентрируемой собственности для более эффективного управления и распоряжения ею. Оформлялись очень крупные покупки до 2000 и более флоринов³. Представители домов Корсини (в Валь ди Пезе, в приходе Сан-

¹ *Klapisch-Zuber C., Herlihy D. Les Toscans et leurs familles. Une étude du catasto florentine 1427. Paris, 1978. P. 249–259.*

² *Nigro G. Il mercante e la sua ricchezza // Francesco di Marco Datini. L' uomo il mercante / A cura di G. Nigro. Firenze, 2010. P. 91.*

³ *Corsini. Il Libro. P. 13–14.* Он купил в 1360 г. в деревне Муччано 2 дома, 6 подере и 26 мелких парцелл, заплатив 3280 флоринов, причем 2/3 суммы – цена домов и 6 подере.

Пьетро)¹, Бальдовинетти (Муджелло)² и Никколини де Сиригатти (Патерно, в приходе Санта-Мария)³, следуя семейной традиции, скупали земельные участки и виллы различной стоимости в указанных местах контадо, помещая туда мелких арендаторов. Со временем они формировали крупный, более или менее компактный массив земель. Подобный процесс аккумуляирования земельных владений в определенном месте можно видеть также в семейных книгах Аччайуоли, Рикасоли⁴, Бернардо Макиавелли⁵ и Грегорио Дати⁶, а также у Риккарди, потомков немецкого портного⁷. Земля за городом приобреталась различными способами и у лиц разных социальных категорий, а также у церковных структур. Подобный процесс прослеживал Д. Нигро в отношении структуры земельной собственности Франческо Датини: «Внутри собственность Датини... являлась совокупностью многих участков земли, преимущественно концентрирующихся в двух зонах контадо Прато. В совокупности эта собственность составляла немногим более 50 га земли возделываемой, находящейся под виноградниками и деревьями (*vignata, alborata, lavorativa*), к которым добавлялись мелкие площади лесов, и около 8000 кв. м, предназначенных под огороды»⁸.

¹ Первоначально в 1360–1361 гг. братья Корсини приобретали мелкие участки, активно аккумулируя в этом сельском приходе земельную собственность на протяжении 6 лет. Только за 2 года они скупили 40 участков земли разного достоинства, среди них совсем мелкие парцеллы за 8–13 флоринов (Corsini. *Il libro*. P. 20–21). Этот факт акцентировал А. Петруччи (*Petrucci A. I Corsini tra XIV e XV secolo // Il libro di ricordanze dei Corsini*. P. XIX).

² *Baldovinetti F., Baldovinetti A. Le ricordanze trecentesche / A cura di G. Corti // Archivio storico italiano. Firenze, 1954. I (CXII). P. 115–123.* На это указывал во введении к изданию их семейной книги Корти (*Corti G. Le ricordanze trecentesche di Francesco e di Alessio Baldovinetti // Baldovinetti F., Baldovinetti A. Le ricordanze trecentesche*. P. 112–113).

³ Niccolini de' Sirigatti L. *Il libro degli affari proprii di casa de Lapo di Giovanni Niccolini de' Sirigatti / Ed. Ch. Bec. Paris, 1969. P. 76, 82–83, 86–87, 91.*

⁴ *Cipolla C. Histoire économique de la population mondiale. Paris, 1965. P. 29–30.*

⁵ Бернардо Макиавелли именно так собирал земли в Перкусине. См.: *Macchiavelli B. Il libro di ricordi / A cura di C. Olschki. Firenze, 1954. P. 95–96.*

⁶ *Dati G. Il libro segreto / A cura di C. Gargioli. Bologna, 1869. P. 81–82.* Грегорио Дати собирал земли в приходе Санта-Фьоре, в Эльсе по пизанской дороге.

⁷ *Malanima P. I Riccardi di Firenze. Una famiglia e un patrimonio nella Toscana dei Medici. Firenze, 1977. P. 8–9, 16–17, 22–24.* Они заняли в кадастре 1427 г. почетное 41-е место.

⁸ *Nigro G. Il mercante e la sua ricchezza. P. 91.*

Но предприимчивые флорентийцы прибирали к рукам церковные земли, пользуясь любыми возможностями, даже незаконными¹. Это заметно на примере семьи Корсини, члены которой с 1367 по 1376 г. активно приобретали церковные пребенды, бенефиции и феодалы, воспользовавшись тем, что Андреа Корсини, один из них, стал в 1368 г. епископом Фьезоле. В 1372 г. Нери ди Корсини, «пропост Св. Репараты», подарил Маттео Корсини земельное владение – подере «с домом для синьора, домом для работника, двором, пекарней, хижинкой, обнесенной стенами, участком с оливами и другими деревьями» и еще одним «участком с виноградником и оливами» стоимостью в 500 флоринов². В 1414 г. Джованни ди Маттео Корсини купил 10 участков земли – часть «феода епископа Флоренции» за 200 зол. флор. с обязанностью уплаты ренты³. С другой стороны, они приобретали земли у держателей церковных бенефициев с обязательством уплаты ежегодной ренты монастырю или приходской церкви, но вскоре, как правило, выкупалось и право взимания ренты. В 1375 г. Маттео купил у некоей монны Франчески, видимо, вдовы Симоне ди Джери, держателя от епископа Флоренции, два участка земли за 21 флорин с обязанностью уплаты ренты епископату, но в 1376 г. выкупил и право взимания ренты⁴.

Однако особенно активно горожане стали вторгаться в комплексы церковных землевладений с последней четверти XIV в., когда во время войны с папским престолом (1375–1378) во Флоренции произвели крупномасштабную секуляризацию церковного и монастырского имущества (осень 1376 г.), которую американский историк Д. С. Петерсон назвал «самой широкой ликвидацией церковной собственности, когда-либо предпринятой до начала Реформации»⁵. Исследователь

¹ *Pummi B.* Хроника / Пер. с итал. З. В. Гуковской / Под ред. М. А. Гуковского, В. И. Рутенбурга. Л., 1972. С. 119–124. В хронике подробно рассказано, в какие ухищрения и мошенничества пускался ее автор, чтобы взять под контроль, а затем присвоить участок монастырской земли.

² *Corsini. Il libro.* P. 39–40. Возможно, эта земля была передана «в дар» за долги, поскольку далее внутри семьи возникла тяжба между Маттео и Нери, когда трое родственников принесли ложную клятву против Маттео в пользу пропоста (*Ibid.* P. 76, 78).

³ *Ibid.* P. 103.

⁴ *Ibid.* P. 47–48.

⁵ *Peterson D. S.* The War of the Eight saints in Florentine: Memory and Oblivion // Society and Individual in Renaissance Florence / Ed. by W. J. Connell. Berkeley,

утверждал, что коллегия «8-и Войны», наделенная чрезвычайными полномочиями, даже принуждала граждан скупать конфискованные у церковей, монастырей и госпиталей земли по установленным флорентийской Синьорией ценам¹.

Кроме того, флорентийцы активно скупали земли у мелких синьоров контадо, их держателей, и свободных земледельцев (*contadini*), переселявшихся в города или превращавшихся в арендаторов и наемных работников. К сожалению, даже в записях семейных книг далеко не всегда обозначался социальный статус продавца земли, зачастую ограничивались просто фиксацией его имени. В «Книге» Корсини иногда перед именем того, у кого покупали землю, встречается знак титулования – «сэр», который мог подразумевать как духовное лицо (капеллан церкви, например), так и светское (юрист или нотариус)². Кроме того, в записях, начиная с середины XIV в., явно просматривается покупка земли у флорентийских граждан, ранее приобретших указанные участки и подере, или ими обладавших. Так, например, Маттео Корсини в 1360–1361 гг. скупил у синдика Андреа ди Лапо делла Ботте³ около 50 объектов земельной собственности – подере и мелких участков разного типа на колоссальную сумму – 3200 золотых флоринов⁴. Можно в данном случае лишь с некоторой степенью вероятности предположить, что речь идет о представителе флорентийского пополанского рода, возвысившегося во второй половине XIII в., но через столетие утратившего прежнее значение. С большей долей вероятности можно идентифицировать как флорентийских граждан Никколо ди Мико

Los Angeles, London. 2002. P. 196. Более всего пострадали белое духовенство и крупные мужские монастыри. Имущество флорентийского епископа (18 326 флор., составляющих 87 % всего имущества горожан по оценкам кадастра 1427 г.) было распродано 585 покупателям, собственность кафедрального собора (8046 флор.) – 191 покупателям (*Ibid.* P. 196–197).

¹ *Ibid.* P. 193–196. Д. С. Петерсон отмечал проявления глухой враждебности городского общества по отношению к столь непривычным чрезвычайным мерам, для преодоления которой понадобились долгие увещевания и заверения, что конфискации подлежало только «лишнее» имущество, что затем те структуры, у которых оно было отнято, получают определенную конфискацию из коммунальной казны.

² Corsini. *Il libro*. P. 18, 30.

³ Не совсем понятен термин «синдик», обозначающий выборную должность контролера или ревизора, члена какой-либо коллегии.

⁴ Corsini. *Il libro*. P. 8–14.

Каппони и Якопо ди Марко Бенвенути¹. Но Маттео Корсини и сам продавал земельные владения флорентийским гражданам: в 1392 г. продал значительный по размерам подере сыну достаточно известного Майнардо Кавальканти, в этом же году продал большой комплекс земель видному гражданину Флоренции Донато ди Якопо Аччайуоли за 1300 флоринов². Что касается покупки земли у мелких держателей или свободных земледельцев, то, возможно, к ним относились имена без фамильного прозвания: «Купил у Симоне Джерри», «купил у Якопо ди Бартоло Страда»³, «купил 2 участка земли у двух работников...», или же: «купил землю у ключника с домом, виноградником, оливами и рощей»⁴. В этом случае вряд ли возможна какая-либо точная идентификация.

Второй важный вопрос, который следует поставить в связи со значительными и все возрастающими инвестициями в земельную собственность вне городских стен: с какой целью? Ведь среднегодовая прибыль от эксплуатации земель составляла 7–8%, максимум 15%, тогда как инвестиции во внешнюю торговлю и финансы позволяли получить 65–69% в год, а в отдельных благоприятных ситуациях – 200–300%. Тем не менее тяга к земле подтверждается таким источником, как семейные книги граждан из средних социальных слоев, среди которых многие отводили значительное место аккумуляции загородных подере и пользованию ими. Заметно, какое значительное внимание этим вопросам уделяли, например, Одериги ди Креди, золотых дел мастер, и Бернардо Макиавелли, отец великого Никколо, нотариус, гораздо большее, нежели своей основной профессиональной деятельности в городе, посвятив свои записи в основном ведению хозяйства на земле. Более трети сведений в хозяйственной книге ювелира Одериги ди Креди посвящены решению постоянных проблем, возникающих на подере, главным образом в отношениях с его арендаторами и работниками⁵.

¹ Ibid. P. 25, 34.

² Ibid. P. 25, 78. Лишь отчасти продажи значительных долей земельной собственности можно объяснить стремлением обеспечить средствами выросших сыновей, но, главное, соответствующим приданым дочерей.

³ Ibid. P. 20–21, 22, 104.

⁴ *Credi O. Ricordanze dal 1405 al 1425. 1425 / A cura di F. L. Polidori // Archivio storico italiano. Firenze, 1843. T. IV. P. 91.*

⁵ Ibid. Одериги использовал испольную аренду (любая прибыль с земли от урожая, плодов и скота делилась пополам между собственником и арендатором, равно как и все издержки на хозяйство) (Ibid. P. 92, 107). Одни его арендаторы вызывали

Вся повседневная жизнь ювелира была связана с загородным хозяйством: весной и осенью он закладывал в ломбард верхнюю одежду, чтобы гарантировать успешное проведение пахоты и сева: «В сентябре я выкупил голубое пальто и отнес в ломбард зеленый плащ на подкладке, чтобы купить вола за 10,5 флоринов»¹.

Необходимо подчеркнуть, что прежде всего подере являлись источником обеспечения семьи необходимым для жизни продовольствием, значительные запасы которого хранились в каждом городском домохозяйстве на случай частых стихийных бедствий – недородов, разливов Арно и эпидемий, мгновенно влекущих за собой резкое повышение цен на повседневные продукты питания и вызывающих острые продовольственные кризисы – настоящий бич итальянских городов-государств. Дж. Нигро, исследуя структуру земельной собственности в районе Прато, приходил к такому же выводу: «Многие из городских купцов и ремесленников приобретали или брали в аренду земли с целью самообеспечения: во время частых перерывов в своих городских занятиях они сами обрабатывали эти земли или с помощью своих семей. Собственники более состоятельные действовали посред-

бесконечные жалобы, как некий Микеле, который съедал посевное зерно, продавал и использовал для себя свиней, откармливаемых на желудях своего хозяина, не предоставляя тому половинной доли, утаивал снопы, пряча их в разных местах, о чем доносили Одериги соседи (Р. 71); работник Доменико «Микеро», которого Одериги вынужден был одеть: «купил ему плащ с капюшоном, камзол, сандалии и башмаки», но тот, проработав у него полгода, ушел (Ibid. Р. 96–67); или работник Пьеро д' Антонио, за которого хозяину пришлось выплачивать его долг Джованни ди Маттео Корсини, бывшему работодателю (Р. 103). Естественно, что совсем другое отношение проявлялось к арендатору Фруозино ди Донато, которому хозяин, видимо, от всей души стремился помогать: «Я дал Фруозино ди Донато 42 лиры 2 сольди (простил часть долга) из любви к Господу Богу, поскольку он работает у меня дольше других, и я готов помочь ему скорее, чем всем другим, дабы он не имел сомнений во мне, я исполнил обещанное ему к его удовольствию, как подобает из любви к Господу» (Ibid. Р. 89). Собственники земли ценили честных, добросовестных, преданных и трудолюбивых работников и арендаторов, к тому же Фруозино ди Донато был человеком семейным (Одериги уважительно называл его жену «монной») и грамотным, ведя собственную хозяйственную книгу (специальную тетрадь для этого ему подарил сам Одериги), куда арендатор заносил все свои расчеты с хозяином (См.: *Balestracci D. Memorie degli altri, ricordanze, libri di conti e cronache dei ceti al margine della scrittura nell' Italia medievale. Roma. 1988. P. 46).*

¹ Ibid. P. 95.

ством контрактов об аренде, разных типов междзатрии»¹. Торговец зерном Доменико Ленци, описывая недород 1329 г., отмечал мучительные трудности, вызванные нехваткой продовольствия. Коммунальное управление перешло в руки специально избранной чрезвычайной коллегии, которая конфисковала все излишки продовольствия в городе и контадо, установив монополию коммуны на продажу продуктов питания по низким твердым ценам. Она же устанавливала жесткие меры контроля на площади Ор Сан-Микеле, единственном месте в городе, где во время недородов в чудовищной давке продавались зерно и мука, а «люди падали в обморок от удушья и истощения», «ведь среди них были такие, которые не ели уже около месяца». Синьория и коллегия по борьбе с голодом вынуждены были вводить дополнительные почти бесплатные раздачи и поставить на площади Ор Сан-Микеле плахи с топорами для немедленного и публичного отсечения рук пойманных преступников, грабящих голодных людей. Ленци, для которого торговля зерном была потомственной профессией, унаследованной от отца, и основным источником обеспечения семьи, как бы забыв о своих персональных убытках при ликвидации по сути рыночных отношений в городе, славил мир, куда возвратились общая собственность на насущные средства потребления и принципы уравнительного распределения, ибо Флоренция превратилась в «город Христа», открыв ворота перед голодающими, стекающимися со всей Тосканы, тогда как Сиена непустила их толпы в свои стены². В 1497 г. Лука Ландуччи описал почти не отличимую картину: те же сцены чудовищной давки у кадей с зерном на площади Ор Сан-Микеле, гибели от голода множества маленьких детей и случаев самоубийства их родителей³.

Голод 1375 г. стал одной из причин войны Флоренции с папским престолом. Нехватки 1385 г. привели к тому, что город в очередной раз наполнили массы голодающих из округи, и коммуна на продаже зерна по твердым низким ценам потеряла 300 000 флоринов⁴. В хрони-

¹ *Nigro G.* Francesco di Marco Datini. P. 91.

² *Lenzi D.* Il libro del Biadaiole // *Pinto G.* Il libro del Biadaiole: Carestie e annona a Firenze della metà dal' 200 al 1348. Firenze, 1978. P. 331–333.

³ *Landucci L.* Diario fiorentino dal 1450 al 1416 / Con annotazioni da I. del Badia. Firenze, 1978. P. 144.

⁴ Cronica volgare di anonimo fiorentino dell'anno 1358 al 1409, attribuita a Piero di Giovanni Minerbetti / A cura di E. Bellondi. Prefazione di Domenico Maria Manni // *Rerum Italicarum Scriptores.* S. 2a, XXVII, 2–3. Città diCastello – Bologna, 1915–1917.

ках часто встречаются проявления тревоги при описании неблагоприятных для будущего урожая погодных условий: анонимный хронист, повествовавший о неурожае 1385 г., испытывал ужас из-за резкого похолодания в январе 1386 г., грозящего следующим голодным годом¹.

Неудивительно, что тема скапливания и хранения продовольственных запасов в доме, а также распоряжения ими была особенно актуальна для горожан, становясь навязчивым рефреном их семейных книг и переписки, она часто всплывала в проповедях и морально-этических трактатах. Маттео Корсини, производя учет и опись имеющихся у него родовых владений, прежде всего фиксировал, какое количество зерна поставляется с каждого подере: «1 подере, возделываемый работником, с фруктовым садом и виноградником: 17 стайоров зерна; еще один кусок земли: 3 стайора зерна; еще участок – 2 стайора зерна, еще 1–5 стайоров; и еще 1 клочок земли – 1 стайор зерна»². Торговец зерном Паоло да Чергальдо, например, давал следующие наставления: «Не продавай всего зерна сразу, ибо невозможно всего предусмотреть... Ты должен знать, что есть годы, когда случается величайший голод и нехватка необходимых для жизни вещей... Запасай в доме зерно на 2 года, а также какую-нибудь крупу, если нельзя на 2 года, то хотя бы на год или полгода. И равным образом позаботься о масле, дабы, если случится недород, эти два продукта обязательно были бы у тебя дома. А если запасешь другие, то поступишь еще лучше»³. О необходимости хранения запасов как само собой разумеющейся хозяйственной практике, необходимой в каждом доме, писал Леон Баттиста Альберти: «...жена... должна хранить запасы», в доме должно быть не только то, что нужно, но, «иногда и больше... чтобы в семье не было малейшего недостатка»⁴. Тема запасов постоянно возникала по разным

Р. 11, 23. Хронист, который описывал этот недород, испытывал ужас из-за резкого похолодания в январе 1386 г., грозящего следующим голодным годом.

¹ Ibid. P. 23.

² Corsini. Il libro. P. 6–7.

³ Certaldo Paolo da. Il libro di buoni costumi. Documento di vita trecentesca fiorentina / A cura di A. Schiaffini. Roma, 1965. 153. P. 124–125; 139. P. 114–115.

⁴ Альберти Л. Б. Книги о семье / Пер. М. А. Юсима. М., 2008. С. 174–175. См. также статью М. А. Юсима к указанному изданию: Юсим М. А. «Книги о семье»: природа, вирту́ и примирение крайностей // Альберти Л. Б. Книги о семье. С. 326–327: «Что до “буржуазности”, то хотя Джаноццо действительно высоко ставит занятие торговлей, основное для рода Альберти, он признает важность богатства и денег,

поводам, в частности, в связи с выбором места постоянного обитания семьи: «Примечу, плодородна ли там почва, или же припасы завозятся извне, узнаю, как происходит снабжение ими, и можно ли в случае нужды быстро и легко достать все требуемое». Гуманист обосновывал предпочтительность собственных припасов перед необходимостью их закупки, но в то же время рассуждал о рациональности хранения: «Да, я хотел бы, чтобы в доме было все то, что можно хранить безопасно и без особых усилий. А то, что загромождает дом и создает большие трудности при хранении, я бы продал... Ну а если бы при хранении я нес убытки, то продал бы как можно быстрее». Но основным условием, позволяющим обзаводиться припасами, являлось, с точки зрения гуманиста, «хозяйство на своей земле», вилла, причем не «роскошное поместье с дворцами, больше похожими на замки», но такое, что, «имея щепотку соли, в нем можно прожить с семьей круглый год... чтобы она обеспечивала все необходимое для пропитания семьи»¹. Думается, что в этом случае мыслитель обобщал общежитийские правила городской среды, которые постоянно встречаются в семейных книгах флорентийцев XIV–XV вв.

Вот почему участок земли с домом, пекарней, виноградником и огородом за 100 флор. представлялся Лапо де Никколини де Сиригатти надежной гарантией выживания осиротевших племянников при любых ударах фортуны и неблагоприятных обстоятельствах². Такой же взгляд можно наблюдать у Марко Паренти, зятя монны Алессандры Строцци, которого она весьма ценила, как обстоятельного и делового человека. Едва женившись на ее старшей дочери, он сообщал теще в письме, что приобрел в Муджелло подере с маленьким домом, чтобы его семье «было куда бежать, если случится чумной мор», и постараться выжить за городом, «имея все необходимое»³. Можно отметить тенденцию к тому, чтобы на виллах и подере велось хозяйство, способное обеспечить семью всеми наиболее потребными продуктами, что особенно заметно в записях Бернардо Макиавелли, озабоченного производством и поступлением с подере, помимо зерна, также вина, оливкового масла,

но все же на первом месте для него... владение землей, он предпочитает изготавливать и выращивать все необходимые продукты в своем имении...».

¹ Альберти Л. Б. Книги о семье. С. 177, 182–183.

² Niccolini de' Sirigatti L. Il libro degli affari proprii. P. 64–65.

³ Lettera in Napoli 22/III. 1463 // Macinghi Strozzi A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli esuli / A cura di C. Guasti. Firenze, 1880. Vol. 1. P. 275.

льна, дров, хвороста и строительного материала, а кроме того, кур, яиц, продуктов разведения свиней и овец¹.

Земельные владения в округе, даже не являясь объектом прибыльных крупных спекуляций недвижимостью, могли приносить, если хозяйство было налажено, пусть небольшой, но стабильный доход: многие горожане торговали в городе излишками зерна, вина, масла, льна, фруктов, а также продуктами животноводства – мясом и козьим или овечьим сыром. Даже такие крупные предприниматели и банкиры, как Палла ди Ноффри Строцци и члены семьи Перуцци в XIV–XV вв. вели торговлю маслом, вином, зерном и мясом со своих вилл². Бернардо Макиавелли постоянно продавал вино и оливковое масло (часто в кредит) мелким оптовым торговцам, но также скот (прежде всего овец и ягнят³), изредка мед, возможно, льняное полотно, выделяемое из собственного льна и изготавливаемое по заказу в мелких мастерских традиционного ремесленного типа⁴. Семейство потомков портного Риккарди, сконцентрировав в своих руках 154 подере площадью более 1000 стайоров, обогатилось не только от спекуляций участками, но и продажи продуктов питания, заняв в кадастре 1427 г. 41-е место среди 46 наиболее богатых семей города⁵.

Недвижимость за городом выполняла еще одну важную экономическую функцию: она являлась надежной гарантией кредитных опера-

¹ *Machiavelli B.* Libro di ricordi. Продажа вина (Р. 36–34, 37–38, 55–57, 60–63, 98, 105, 118–119); продажа масла (40–42, 85, 113–114, 136), продажа овец и ягнят (26–31, 124–125) Все эти отрасли хозяйства перечислялись, как необходимые, в условиях договоров междарии – исполнительной аренды.

² *Jones Ph.* Economia e società nell'Italia medievale. Torino, 1980. P. 371–372.

³ *Ibid.* В связи с продажей в 1476 г. мяснику Ромоло 9 молодых овец по 20 сольди за каждую, разгорелся скандал, поскольку мясник отказался выплачивать целиком ранее оговоренную цену из-за «худобы овечек», вследствие чего выбрали третейского судью. Самому Бернардо пришлось неоднократно приводить к Ромоло свидетелей, подтверждающих хорошее качество его овец, затем снова ходить за недоплаченной суммой, возврат которой мясник под всякими лживыми предложениями откладывал со дня на день, заставляя Бернардо проводить часы в бесполезном ожидании – «Я ждал его до 23 часов, затем слуга выпроводил меня, под предлогом того, что ему надо закрыть контору». Мясник ссылаясь на дурное качество сыров, полученных от молока проданной ему овцы, и снова пришлось приглашать свидетелей и соприсяжников, которые подтвердили доброе качество сыров, пока наконец мясник не расплатился полностью (Р. 26–31).

⁴ *Machiavelli B.* Il libro di ricordi. P. 41–42, 55–56, 84–85, 98.

⁵ *Malanima P.* I Riccardi di Firenze. P. 22–24.

ций, постоянно фигурируя в качестве залога при получении кредитов для активной торгово-банковской деятельности. На земельном имуществе часто основывался принцип ответственности в компаниях, оно являлось постоянным средством возмещения долгов¹. Исследователи отмечали ситуации, когда собственники не инвестировали или очень мало вкладывали в улучшение агрикультуры и возделывание земель. П. Луццатто приводил пример земельных комплексов семьи Альберти: «...виллы клана Альберти приносили им очень слабый доход, поскольку они не вкладывали средств в усовершенствование этих земель»². Айрис Ориго, работая с архивным фондом Ф. Датини, констатировала наличие у него значительной земельной собственности на 6000 флоринов, но часть этого комплекса составляли «пустые, необрабатываемые земли, равнины и болота, где водились столь любимые Франческо угри, да земли, лишь частично и нерегулярно возделываемые немногими арендаторами»³.

Однако традицию собирания земель в определенном месте контадо вряд ли возможно обусловить только материальными факторами.

Многие авторы отмечали, что во второй половине XIV–XV в. большая часть вложений в землю у крупных собственников была предназначена на непроизводительные предприятия, не дающие никакой выгоды, но сулящие престиж в обществе: палаццо и виллы («дома для синьора»), сады, рыбные садки, крепостные стены и т. д. На это явление указывал еще Джованни Виллани: «И не было горожанина, пополана или гранда, который не имел или не строил бы в контадо богатую виллу – более роскошную и просторную, чем в городе. Старания их переходили пределы разумного, и на эти цели тратились бешеные деньги»⁴. В XV в. на это обстоятельство указывал Джованни Ручеллаи: «В наше время город и контадо необыкновенно украсились церквями, госпиталями, домами и палаццо из камня, внутри и извне великолепно декорированными в романском стиле (*romanesca*),

¹ *Pinto G.* Ceti dominanti, proprietà fondiaria e gestione della terra a Firenze nel Trecento. P. 43–45.

² *Luzzatto P.* Per la storia dell' economia rurale in Italia nel secolo XIV // *Hommage à Lucien Febvre. Éventail de l' histoire vivante offert par l' amitié d' Historiens, Linguistes, Géographes, Economistes, Sociologues, Ethnologues.* Paris, 1953. P. 105–115.

³ *Origo I.* La villa // *Storia dell' economia italiana.* Torino, 1959. V. 1. P. 103–111.

⁴ *Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции / Пер., статья и примечания М. А. Юсима. М., 1997. XI. 94. С. 379.

подобно тому как делали древние римляне»¹. Замок или господский дом явно символизировали стремление в той или иной негласной форме доминировать над населением определенного сегмента сельской округи, откуда рекрутировали арендаторов, слуг, своего рода «вассалов», которых можно было вооружить и привести в город в качестве телохранителей для охраны дома в случае весьма часто происходящих гражданских неурядиц.

Загородная вилла являлась показателем стабильности социального положения, символом возвышения в системе городской иерархии, непременным атрибутом быта состоятельных флорентийцев. Вилла воспринималась как необходимое место отдыха от городских дел, туда могли отправлять детей на несколько летних месяцев, как это делал Бернардо Макиавелли². В этой связи в описаниях загородных владений обычно преобладали идиллические тона, как это заметно в «Книгах о семье» Леона Баттиста Альберти: «Ну кому же не понравится жить на вилле? Этот образ жизни в высшей степени полезный, достойный и безопасный... Только на вилле ты чувствуешь себя дома, в покое, довольстве и безопасности». Далее перечислялись блага всех времен года на вилле и приводилось соответствующее резюме: «...она приносит немалые доходы, и притом способ их получения приятный и достойный... на вилле все разговоры приятны, беседы доставляют удовольствие, и каждый слушает тебя охотно и с радостью. Земледелие не рождает никакой ненависти, зависти и недоброжелательства... Да, Господи, прямо как в раю... Ты избавлен от гама, суеты, городской сумятицы... Чтобы не видеть насилий, злодейств и преступлений, твоимым тучами негодяев, без конца слоняющихся по городу...»³.

В семейных книгах часто даются восторженные описания селений в контадо, откуда якобы род вел свое начало. Джованни Морелли живо-

¹ *Rucellai G. Il Zibaldone quadragesimale // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone / A cura di A. Perosa. London, 1960. P. 61.*

² *Machiavelli B. Libro di ricordi. P. 91–92.* Он сначала отправил в Муджелло (30 мая 1479 г.) к арендатору Джованни Нелли двух младших, сына и дочь, по договору с возчиком вместе с перинами, подушками, простынями и комплектами одежды (все подробно перечислено), а затем и старшего, Никколо. Арендатору было выдано некоторое количество муки, но принять запасы вина и масла Джованни отказался, уверяя, что этого у него в достатке и он не хочет, чтобы забота о детях и их проживании что-либо стоила их отцу, ибо выпал ему случай доказать верность хозяину.

³ *Альберти Л. Б. «Книги о семье». С. 186–188.*

писал таким образом Муджелло: «В долине Муджелло лучшие и самые урожайные земли в нашем контадо, откуда можно снимать по 2–3 изобильных урожая в год. Все вещи, на которые есть спрос, превосходно здесь производятся. Здесь изобилие зерна, хлеба, плодов, масла, вина. Здесь большое количество лесных пород и каштанов, а скота столько, что можно обеспечить мясом 1/3 Флоренции. И все самое лучшее – в нашем Муджелло»¹. Пассажи нотариа Лапо Маццей наполнены чувством самодовольства и настроениями радостной эйфории. В душной комнате палаццо Синьории, много часов скрипя пером и ощущая боль в согнутой спине, он мечтал только о глотке холодного кьянти, которое он пил бы, сидя на скамье у своей маленькой виллы («лачужки»)². Вот его зарисовка одного из загородных поместий, принадлежащих Франческо Датини: «Я шел босиком в сверкающем радостном воздухе под звон цепов. А токи были столь чисты и аккуратны, что мне хотелось танцевать и прыгать, как косуле на горы крупных зерен, которые, казалось, ждут пустых амбаров»³.

«Наше место» в контадо имело важное значение в конструировании истории рода, почти во всех случаях связываясь с корнем или истоком семейной истории «еще до переселения во Флоренцию», даже если это не соответствовало реальности, как у Риккарди и других выходцев из пополанских семей. В любом случае комплекс земель за городом давал основания для повышения социального статуса и доказательства древности происхождения в деле реконструкции рода.

В заключение хотелось бы отметить влияние инвестиций горожан в землю за пределами городских стен в XIV–XV вв. на изменение аграрной структуры Тосканы. Вопреки мнениям некоторых историков о том, что горожане не улучшали обработку земли⁴, современные исследователи Дж. Пинто и М. Кассандро были убеждены не только в том, что они улучшали земли, которые являлись их собственностью, но под влиянием именно их инвестиций «рождался тот аграрный пейзаж чередования древовидных (оливы, каштаны, фруктовые деревья) и кустарниковых (виноградники) культур с посевами злаковых, который

¹ См.: *Morelli G. Ricordi* / A cura di V. Branca. Firenze, 1956. 35a–35b. P. 99–103.

² Lettera LXXIX in Prato da Firenze 20 giugno 1395 // *Mazzei L. Lettere di un notaio a un mercante dal sec. XIV* / Per cura di C. Guasti. Firenze, 1880. V. I. P. 112.

³ Это письмо цитируется по сборнику писем, составленному Джованни Ливи (*Dall'archivio di Francesco Datini* / A cura di G. Livi. Firenze, 1910. P. 37–38).

⁴ *Luzzatto G. Per la storia dell' economia rurale in Italia nel secolo XIV*. P. 105–113.

станет типичным для современной Тосканы вплоть до наших дней»¹. Из материалов семейных книг, приводимых выше, видно, какое внимание при сделках всегда уделялось фруктовым и плодовым деревьям (оливы, каштаны, буки), а также виноградникам.

Потребность в самообеспечении, помимо хлеба и бобовых, маслом, вином и фруктами побуждала горожан создавать новые аграрные инфраструктуры, принуждая к этому крестьян, арендаторов или наемных работников, предпочитавших занимать площади под зерновыми и бобовыми культурами, неприхотливыми, не требующими непрерывного ухода, являющимися главным ресурсом выживания в неурожайные годы. В то же время вокруг города менялся и социальный ландшафт: земельная собственность церкви и мелких синьоров контадо переходила в руки горожан.

И. А. Краснова (Ставрополь, СКФУ)

¹ *Pinto G.* Ordinamento colturale e proprietà fondiaria cittadina nella Toscana del tardo Medioevo // *Contadini e proprietari nella Toscana moderna. Vol. I – Dall' Medioevo all' Età moderna.* Firenze, 1979. P. 223–277, 224–225; *Cassandro M.* Per una tipologia della struttura familiare nelle aziende toscane, dei secoli XIV–XV // *I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale.* Firenze, 1983. P. 31–32.

РАЗДЕЛ IV

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ В ПРАВОВОМ И ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА

АНГЛИЙСКИЙ МАНОР XVI – НАЧАЛА XVII В. КАК МИР ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ИЕРАРХИЙ

Аннотация

Автор анализирует правоимущественные отношения в английском маноре XVI – начала XVII в. на основе исследования материалов нескольких десятков поместных описей в графствах Ланкашир и Уилтшир; манор рассмотрен как специфический мир владельческих иерархий.

Анализ описей свидетельствует о том, что вряд ли можно говорить об аллодиальном (т. е. чисто безусловном, полном, независимом) характере собственности на недвижимость в пределах манора, коррелирующем с понятием «full ownship» – на любом ее уровне. Источники с большой надежностью представляют исследователю мир владельческих иерархий, бытование которого даже в XVI в. все еще основано на феодальном принципе подчинения «земли земле». Земли, представленные в описях, можно квалифицировать как fee tail (юридически ограниченное, условное владение) по отношению к их верховному собственнику, королю, так как они принадлежат владельцам маноров на условии административной и военной службы. Лорды маноров представляют собой так называемый tenants in chief (vassals in chief) и являются владельцами первой руки от короля. В общей иерархии феодального класса их собственность можно представить как условную, отягощенную службой. В то же время внутри манора и по отношению к зависимому населению эти же земли являлись и fee simple – т. е. полным, безусловным, абсолютным владением лордов с полной свободой его отчуждения. И если рассматривать владельческий титул (estate in law) манориальных лордов по отношению к подвластному населению манора (особенно к копигольдерам), то он наполнялся абсолютным содержанием. Перед лицом своих зависимых крестьян лорд манора – обладатель свободной, неделимой, безусловной собственности, а его право – олицетворение монополии на землю как важнейшего средства производства со стороны господствующего класса в целом. Это подтверждается тем простым,

но очень важным обстоятельством, что лорды – получатели, а не плательщики ренты, которая сама по себе являлась материальным воплощением их владельческих прав и «властной воли».

Зависимое крестьянство, в особенности копигольдеры (держатели по обычаю), составлявшее большинство населения исследованных маноров и представлявшее крестьянство как класс, не являлись собственниками своих участков (верховным собственником был лорд манора). Однако феодальная собственность (в том числе и в форме possession) предполагала такой порядок, в силу которого непосредственный производитель должен был иметь в своем распоряжении средства производства (инвентарь и участок земли). Это подтверждается и материалами описей. Крестьяне нигде не обозначены как «владельцы». Они – держатели (англ. – tenants, holders) наделов с более или менее широкими правами распоряжения ими. С точки зрения держательской иерархии все они поделены составителями описей на категории, основными из которых являлись свободные держатели (фригольдеры) и держатели «на воле лорда и согласно обычаю манора» по копии договора манориального суда (копигольдеры).

В статье представлены правовые возможности и «невозможности» свободных держателей и копигольдеров с точки зрения манориального и общего права. Показаны также факторы экспроприации крестьянства, характерные для так называемого периода аграрной революции XVI–XVII вв.

Ключевые слова: право собственности, владение, титул собственности, манор, манориальные описи, обычай манора, свободное держание, копигольд, рента, владельческая иерархия в маноре.

English Manor as a World of Possessive Hierarchies (XVI – beginning of the XVII c.)

Summary

The author deals with the problem of property rights in the English manor of the XVI – beginning of the XVII c. It's based on the data of the manorial surveys (about 50 of them) in the counties of Wiltshire and Lancashire.

The analysis of the surveys testifies that it's hardly possible to search purely allodia character of landed property, correlating with the notion «full ownership» both in upper and lower levels of the manor. The surveys represent the world of possessive manorial hierarchies, based on the feudal rule of the land to land's subjection. The lands, represented by the surveys and belonging to manorial lords, may be defined as fee tail if take into consideration the super property rights of the King of England, for these lands belonged to the owners of the manors on the condition of feudal military and administrative service. That is to say – manorial lords were so called tenants in chief (vassals in chief). Their property rights in the

general hierarchy of feudal class appeared to be conditional, for it was linked with the specificity of the military (administrative) service. At the same time the very same property rights inside the manor (towards the dependent tenants) appeared to be fee simple: unconditional possession of land with a full freedom of its alienation. If take into consideration estate in law of the manorial lords towards dependent levels of the manor (in particular – to copyholders), it has an absolute character, for in this sense manorial lords were the possessors of free, unconditional and indivisible property inside the manor; and their property right was a specific form of the landed monopoly of the ruling class in general. The provement is concluded in the simple fact: manorial lords were the persons who accepted (but didn't pay) the rent, which was a material form of their property rights.

As for copyholders, who represented the majority of the peasantry in the manors, they were not the owners of their plots, for the superior owner of all lands in the manor (including the tenements of the peasantry) was the lord of the manor. Nevertheless the specificity of feudal property (including feudal possessions) was concluded in the fact of means of productions' disposal (plot of land, inventory and tools) by the peasantry. Thus, in the texts of the manorial surveys the peasants reveal themselves as «tenants» or «holders» of the plots, possessing of a more or less wide sphere of disposal; but they are not «owners». They are divided by the manorial clerks into categories, the main of which are freeholders and copyholders (tenants on the lord's will and according to the custom of the manor, who held land on the basis of the manorial court indenture's copy). The article deals with legal rights (in some cases – with the absence of legal rights) of the freeholders and copyholders from the point of view of both manorial custom and common law courts. A number of the English peasantry expropriation's factors of so called agrarian revolution are also shown in the article.

Key words: property, property rights, possession, manor, manorial surveys, manorial custom, freehold, copyhold, annual rent, manorial hierarchy in the property rights.

Автор ставит перед собой задачу рассмотреть внутренние отношения в английском маноре XVI – начала XVII в. по поводу присвоения основного имущественного объекта – земли. В сущности, это вопрос о том, кому в указанное время (и в какой степени) принадлежали правомочия на владение, распоряжение и пользование землей и правомерно ли в связи с этим рассматривать манор как мир владельческих иерархий. Статья носит обзорный характер, так как она основана на итогах исследования ее автором большого количества описей маноров, являющихся основным источником по данному вопросу – по сути дела, вопросу о собственности. Важно то, что эти источники более чем

репрезентативны и, стало быть, пригодны для того, чтобы исследовать важный в нашем случае вопрос о земле и ренте; к тому же они представляют собой тип массового источника¹.

Если говорить об историографии проблемы собственности, то в целом можно сказать, что, например, для английских историков (таких как С. Ф. Милсом, Р. Палмер, Дж. Хадсон, С. Рейнольдс²), по всей видимости, наиболее важным является юридический аспект этого феномена. Не сомневаясь в наличии такой формы собственности, как владение, историки дискутируют о типах этих владений и степени их правовой защищенности. В этом смысле особенно интересна работа Р. Палмера³ о происхождении и бытовании права собственности, написанная на английском материале. Явно не интерпретируя собственность в качестве эквивалента имущества, хотя и признавая наличие такой интерпретации в обыденном сознании, исследователи понимают этот институт как высшее право владеть, пользоваться и распоряжаться вещными объектами в тех сферах, которые не запрещены юридически.

Отмечу, что в отечественной историографии вопросами правоимущественных отношений в их «прикладном аспекте» (имею в виду изучение проблем, связанных, в частности, с землевладением в английском маноре) занимались представители русской и советской аграрно-исторической школы. В исследованиях П. Г. Виноградова, А. Н. Савина, Д. М. Петрушевского, Е. А. Косминского, М. А. Барга, В. М. Лавровского, К. Д. Авдеевой⁴ и некоторых других историков не

¹ Вопрос о специфике манориальных описей XVI – первой половины XVII в. как источников рассмотрен в: *Винокурова М. В.* Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. М., 1992; *Она же.* Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М., 2004.

² См.: *Milsom S. F.* The Legal Framework of English Feudalism. Cambridge, 1977; *Palmer R. C.* The Origin of Property in England // Law and History Review. Vol. 3. № 2. 1985; *Hadson J.* Anglo-Norman Land and the Origins of Property // Law and Government in Medieval England / Ed. G. Garnet and J. Hadson. Cambridge. 1993. P. 198–222; *Reynolds S.* Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford. 1996.

³ *Palmer R. C.* Op. cit. P. 1–50.

⁴ См.: *Vinogradoff P.* Villainage in England: Essays in English Medieval History. Oxford, 1891; *Савин А. Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; *Петрушевский Д. М.* Восстание Уота Тайлера (Ч. 1–2, СПб.; М., 1897–1901; М., 1937); *Она же.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1913;

обойдены вниманием вопросы зарождения и развития феодальной собственности на землю в период Средневековья и раннего Нового времени. В этом смысле у нас имеется основательная традиция. Однако в 1990-е гг. аграрный вопрос (в том числе в его правоимущественном аспекте), к сожалению, по некоторым причинам¹ почти выпал из поля зрения медиевистов. Однако думается, что надежду на возрождение исследовательского интереса к этим важным сюжетам дают работы ряда авторов последнего времени. Это, в частности, монография И. С. Филиппова, посвященная становлению феодализма в Средиземноморской Франции в раннее Средневековье, а также его статьи по указанной проблематике². В монографиях и других публикациях автора данной статьи также исследуются указанные выше важные проблемы³. В 2001 г. защитил докторскую диссертацию и опубликовал

Косминский Е. А. Английская деревня в XIII в. М.; Л., 1935; *Он же.* Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.; Л., 1947; *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962; *Лавровский В. М.* Исследование по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966; *Авдеева К. Д.* Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI–XIII вв. Л., 1973.

¹ К числу этих причин, как представляется, можно отнести отход части историков – в связи с глобальными изменениями в нашем обществе того времени – от марксистской парадигмы, на следовании которой по преимуществу были основаны научные наблюдения представителей советской аграрно-исторической школы. Кроме того, именно для указанного времени было наиболее характерно увлечение значительной части историков (особенно молодых) новыми для того времени в отечественной научной традиции направлениями в мировой историографии (историческая антропология, новая социальная история, микроанализ и др.) и попытками ухода в них. К тому же для исследований в области аграрной истории нужно особое трудолюбие, поскольку манориальная статистика связана с массой подсчетов – на это подчас довольно трудно решиться. Не в последнюю очередь сыграло роль и то обстоятельство, что к 1990-м гг. просто физически ушли из жизни многие известные историки старшего поколения, занимавшиеся вопросами аграрной и социальной истории Англии.

² *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000. С. 640–673; *Он же.* Размышления о книге С. Рейнольдс «Феоды и вассалы» и ее восприятию в современной медиевистике // *Средние века.* М., 2015. Вып. 76 (3–4). С. 8–56.

³ *Винокурова М. В.* Английское крестьянство в канун Английской буржуазной революции середины XVII в. М., 1992; *Она же.* Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М., 2004; *Она же.* Сейзина в обычном праве малых городов средневековой Англии // *Средние века.* М., 2017. Вып. 78 (1–2). С. 115–154.

монографию по проблеме взаимоотношений государства с крестьянским сословием в Англии раннего Нового времени историк из Пензы В. П. Митрофанов¹. Исследователь из Санкт-Петербурга А. А. Касатов посвятил свои работы такому важному вопросу, как институт англо-нормандской сейзины².

Чтобы подготовить данную статью, мне пришлось, как написано выше, обобщить итоги исследования почти пяти десятков крупных маноров. Они расположены в юго-западном (графство Уилтшир) и северо-западном (графство Ланкашир) регионах Англии. Эти владения принадлежали (в Уилтшире) графам Пемброкам – крупнейшим лендлордам тюдоровского и раннестюартовского периода, а в Ланкашире – генеральному атторнею (поверенному) Карла I рыцарю Роберту Хиту. В целом итоги исследования этих земель по материалам их описей³ изложены во многих моих работах и особенно в упомянутой выше книге «Мир английского манора». В ней представлены разнообразные имущественные и правовые аспекты, характеризующие этот мир.

Здесь же хотелось бы сосредоточиться на том, что можно сказать о *собственности и внутриместных отношениях на их разных уровнях* на основании анализа земельных описей.

Прежде всего: что имелось в виду под собственностью в текстах описей маноров? Отвечают ли на этот вопрос источники? Отмечу сразу: источники не отвечают на него прямо. Скорее – ответ облекается в терминологическую форму, о чем ниже.

Кроме того, ведь, говоря о сложности понимания проблемы собственности, следует иметь в виду, что, по сути дела, исчерпывающего и однозначного определения этого понятия, учитывающего не только правоимущественные, но и личностные, и социокультурные его аспек-

¹ Митрофанов В. П. Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI – первой трети XVII веков. Нижний Новгород, 2000.

² Касатов А. А. Англо-нормандская сейзина XII – первой трети XIII вв. и ее континентальные истоки. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2007. *Он же*. Институт сейзины в системе имущественных отношений англо-нормандского королевства (XII–XIII вв.) // Средние века. М., 2012. Вып. 73 (3–4).

³ Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke: 1566–1567. Oxford, 1909; Survey of the Manors of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery: 1631–1632. Devizes, 1953; The Survey of the Manor of Rochdale in the County of Lancashire, parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majesty's Attorney General, made in 1626 / Ed. by H. Fishwick, Manchester, 1913.

ты, можно сказать, до сих пор не существует. Да, надо признать, что вряд ли возможно дать такое единое определение, особенно с учетом исторической и региональной динамики этого правового института.

Известно, что в римском праве и в кодексе Юстиниана, во многом реципировавшего идеи римских юристов¹, собственность определялась через триаду полномочий.

Это: право владения (или неотъемлемое обладание вещным объектом, исключаящее его насильственное отчуждение извне) – т. е. возможность удержания объекта при себе; право пользования – возможность извлечения из вещного объекта доходов или иных полезных свойств; право распоряжения: возможность изменять вещь, отдавать ее в залог, и главное – отчуждать (продавать, менять, дарить и особенно передавать по наследству). В римском праве к тому же превалировала идея о недопустимости двух прав собственности на объект (или одновременном существовании права на вещь, принадлежащую двум разным лицам).

Но, с появлением и развитием феода как пожалования вассалу земли в пользование и распоряжение на условиях военной, административной или придворной службы, в XII–XIII вв. глоссаторам Болонской школы (Ирнерий, Ацо, Аккурсий)² и далее, на английской почве, – Бракто³ – пришлось приспособить идею о недопустимости двух прав собственности на объект к феодальным реалиям и заимствовать из римского права понятие «узуфрукта» («права в чужой вещи», лат. – *iura in re aliena*).

Узуфруктом считается, как известно, вещное право пользования чужим имуществом с присвоением доходов (или их части, оговоренной договором) от этого имущества с условием сохранения его целостности и хозяйственного назначения. Узуфрукт мог выступать в качестве обоснования феодальным юридическим нормам и главной среди них – фе-

¹ См.: *Corpus Juris Civilis* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1890–1907. Т. 82; *Покровский И. А.* История римского права. СПб., 1998; Институты Юстиниана / Пер. Д. Расснера. М., 1998; *Касатов А. А.* «Собственность» в трактатах английских юристов XII–XIII вв. (к вопросу о рецепции римского права) // *Jus antiquus*. 2012 (2010). № 25.

² См.: *Муромцев С. А.* Рецепция римского права на Западе. М., 1986; *Полдников Д. Ю.* Договорные теории глоссаторов. М., 2008.

³ *Касатов А. А.* Понятие *proprietas* в трактате Генри де Брактона «О законах и обычаях Англии» (к вопросу о рецепции римского права) // *История государства и права*. 2010. № 4.

оду; благодаря наличию этого понятия в феодальном праве в Средние века возник тезис о расщеплении феодальной собственности, когда по поводу одного вещного объекта (земли, например) возникало два типа собственности: *dominium directum* и *dominium utile*.

Рассматривая интересующие нас вопросы, не следует забывать и особенности английского общего права периода Средних веков. В нем постепенно нашла свое отражение и ко времени У. Блэкстона (конец XVIII в.) сложилась так называемая система *property rights*, основанная на «двойственном», иерархичном понятии *dominium directum – dominium utile*, и, стало быть, допускающая одновременное существование права на вещный объект (и прежде всего – на землю, на недвижимость), принадлежащий разным лицам.

Система *property rights* основана на признании титулов владения (так называемое «*estates in law*» или «*real property*», «*real estates*»); она зиждется на понятии *ownership* как исключительном, полном праве, юридически обоснованном и подтвержденном в том числе «титульно», т. е. документально. В Англии традиционно, со времен нормандского завоевания, верховным собственником земли, имеющим *dominium directum* (или «фригольд-интерес»; англ. – *freehold-interest*), признавалось только одно лицо – верховный правитель: король. Поэтому все королевство (а не только домен) являлось его фригольдом, его безусловной собственностью; тем, к чему может быть применено понятие «*ownership*», т. е. верховное право собственности. Отмечу, что *possession* не обязательно означает *ownership*, так как оно не всегда имеет титул собственности (т. е. не всегда юридически обосновано документами).

Но в том же английском праве сформировалось еще и понятие «полной собственности» – «*full ownership*» (а не только титула собственности) по отношению к движимости (ввиду такой особенности движимого имущества, как возможность его перемещения в пространстве). Недаром в английском как общем, так и обычном праве в Средние века существовало малоизвестное сегодня (даже историкам права) понятие *legitim* – т. е. безусловное право наследников любого сословия иметь долю движимости (и особенно фамильные вещи: *heirlooms*) после смерти отца и/или матери – даже без составления завещания на них¹. В отношении недвижимости понятия *legitim* не существовало; недви-

¹ См.: *Borough Customs*. Vol. 1 / Ed. by M. Bateson // Selden Society. 1904. Vol. 17. P. 136–138.

жимость передавали по завещанию, отражающему волевой акт завещателя в адрес наследника¹.

Ввиду вышесказанного становится понятным сложность вопроса о собственности.

Прежде всего: как в описях именовались те, чьи поместья были описаны в них?

Они именуется: 1) «лордами маноров» (англ. – lords of the manors) и 2) «владельцами поместий» (англ. – possessors of the estates). А их маноры именуется «владениями» – «possessions».

Итак, термин «ownship» (не говоря уже о термине «property» как не соответствующем средневековому сознанию), т. е. термин, отражающий принадлежность к осуществлению верховного права собственности, в описях отсутствует.

Это неудивительно, достаточно иметь в виду то обстоятельство, что эти владения были пожалованы указанным лицам в качестве рыцарских держаний королем за военную и административную службу². Таким образом, все маноры числились во владении или держании первой руки (tenements in chief) от короля. Но ведь право владения – это первая составная часть триады полномочий, характеризующей право собственности. Стало быть, нет оснований исключать владельцев наших маноров из иерархии собственников, если считать их обширные владения, в согласии с источниками, объектом приоритетного присвоения по пожалованию за военную и придворную службу королям Англии. Еще раз подчеркну, что они были так называемыми tenants in chief (vassals in chief) – владельцами первой руки от короля. И если говорить об их месте в общей иерархии феодального класса, то очевидно, что их собственность предстает как условная, отягощенная службой.

Если же рассматривать их владельческий титул (estate in law) по отношению к подвластному населению манора (особенно к копигольдерам), то он наполнится абсолютным содержанием. Перед лицом своих зависимых крестьян лорд манора – обладатель свободной, неделимой, безусловной собственности, а его право – олицетворение мо-

¹ Здесь уместно вспомнить, что Гегель в своей работе «Философия права» писал о собственности как о наличном и бесконечном бытии свободной воли – в вещных объектах. См.: *Гегель Г.* Философия права. М., 1990. Ч. I (Абстрактное право). § 41–45.

² О владельческой истории этих поместий подробно написано в книге «Мир английского манора». См.: *Винокурова М. В.* Мир английского манора. С. 17–32.

нополии на землю как важнейшего средства производства со стороны господствующего класса в целом. Это подтверждается и тем простым, но очень важным обстоятельством, что лорды – получатели, а не плательщики ренты, которая сама по себе являлась материальным воплощением их владельческих прав.

Но из этого следовало, что зависимые крестьяне (копигольдеры, о которых речь пойдет ниже) – по букве феодального общего права – никакого юридического отношения к земле не имели и не могли иметь, поскольку они сами (не лично), но со своим хозяйством принадлежали к «субстанции» собственности (владения) господствующего класса, являясь объектом чужого права.

Недаром А. Н. Савин, анализируя трактаты английских юристов по земельным вопросам (таких как Дж. Норден, Т. Литтлтон, Э. Кок) писал о том, что фригольд копигольда находится не в нем самом, а лежит в домене манора и что, в свою очередь, копигольд, созданный на домене лорда, не является юридически чистым¹. Более простыми словами все это означало, что верховным собственником всей земли в маноре (включая копигольд) был манориальный лорд. Ведь недаром копигольдеры являлись плательщиками ренты, являвшейся реализацией права господина и его (права) зримым выражением. Да и в правовом отношении, о чем упоминал еще Г. Брактон, покушение на виллана некоего лорда в общем и статутном праве средневековой Англии трактовалось как мисдиминор, т. е. как покушение на субъективные права человека (в данном случае – лорда; как притязание на его властную волю, на его «лордство», «potestas»)².

Вместе с тем феодальная собственность (в том числе и в форме possession) предполагала такой порядок, в силу которого непосредственный производитель должен был иметь в своем распоряжении средства производства (инвентарь и участок земли). Это подтверждается и материалами описей. Крестьяне нигде не обозначены как «владельцы». Они – держатели (англ. – tenants, holders) наделов с более или менее широкими правами распоряжения ими.

С точки внутренней держательской иерархии все они поделены составителями описей на категории.

¹ Савин А. Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 176–177.

² Pollock F., Maitland F. The History of English Law before the Time of Edward I. Vol. 2. Cambridge, 1923. P. 513; Хатунов С. Ю. Преступление и наказание в средневековой Англии. М., 2003. С. 191–209.

Первой из них являются фригольдеры – хоть и свободные, но – по букве описей – не собственники, а держатели на земле лордов, которые платят за это номинальные или небольшие, чисто символические, денежные ренты (перчатка, шпоры, гвоздика, зерно перца или 1–2 пенса в год). Правда, в реальной жизни манора они обладают немалой долей свободы, как и другие жители королевства. Они могут по желанию (а не по принуждению) посещать манориальную курию в судные дни и могут свободно обращаться, как и другие граждане королевства, в суды общего права.

Кроме того, фригольдеры могут без разрешения лорда (а часто и не ставя его в известность) продать и купить землю, передать ее по наследству с составлением завещания (т. е. именно во фригольде в Англии, как и во французской цензиве, сохранялась феодальная сущность наследственного держания), подарить, обменять, заложить и произвести некоторые другие операции, свидетельствующие о реальной свободе их статуса. В связи с этим отмечу, что вообще фригольд относится к категории владения, исторически единственно признанной и защищаемой судами общего права Англии на основе так называемых «вещных исков» (англ. – real actions).

Фригольдеров в манорах, как правило, немного: от 15 до 20 процентов на манор. И это не только фригольдеры-крестьяне, но и благородные фригольдеры-джентльмены. Некоторые из этих благородных фригольдеров (обозначены: gentlemen, armigers, knights) владеют огромными, до многих тысяч акров, участками – манорами в манорах – и принадлежат к местной держательской элите; их владения иногда образуются и путем субинфеодации. Эти благородные держатели фригольда на самом деле прямые собственники своей земли, обладающие в реальной жизни маноров правом *ownership* со всей полнотой владения, пользования и распоряжения. Представители фригольдерской элиты в интересующее нас время представляли собой особый вид английского нового дворянства. Так, например, в Ланкашире второй половины XVI – первой трети XVII в. они, пожалуй, были значительно скромнее своих собратьев из других регионов Англии (особенно центрального и восточного). Эти фригольдеры-дворяне не являлись членами заморских компаний, не вкладывали свои капиталы в корпорации национального масштаба, не насаждали мануфактур и даже не проводили заметных огораживаний. Однако они акр за акром (подчас с упорством одержимых) округляли свои земельные владения, часто прибегая при

этом к услугам представителей администрации маноров и изгоняя с их помощью традиционных держателей по обычаю¹.

Второй (и основной) категорией являются держатели по копии – копигольдеры (отмечу, что в данном контексте мы не станем говорить об арендаторах; это особая тема).

Понятно, что копигольдеры не являются собственниками – даже по внутриманориальному обычному праву. И уж тем более – по общему. Мы знаем, что правоведы судов общего права и особенно ученые юристы в лице, например, Генри Брактона еще в XIII в. даже приравнивали предшественников копигольдеров (вилланов) к рабам римского права и отказывали им в элементарных правах, тем более что еще реформами Генриха II (XII в.) вилланы были приписаны к манориальным судам. Их потомки – копигольдеры XVI–XVII вв. также не могли апеллировать в суды общего права и были подсудны лишь курии манора. На манориальном уровне их королем был лорд.

Итак, копигольдеры – большинство населения маноров (до 80 и более процентов общего состава) – представляют собой держателей по копии протокола манориального суда, т. е. письменного договора между лордом и держателем. Наличие документа – показатель обеспеченности крестьянина, прозрачный элемент законности в манориальном мире (виллан ведь не имел такого документа, он получал землю традиционным путем – на основе передачи ему прута или соломинки).

Договор о копигольде означал более всего даже не тот факт, что лорд оставался подлинным или прямым собственником (*senior direct*), а то обстоятельство, что между дающим и принимающим условия договора существовала известная, определенная этими условиями (которые вносились в текст договора и в копию) связь.

Но, не являясь собственником своего хозяйства юридически, копигольдер тем не менее фактически был хозяином своего двора и участка. Так, исследователи отмечают, например, что даже средневековые вилланы, несмотря на фактор неопределенности повинностей («виллан не знает сегодня того, что будет делать завтра»), был зачастую в достаточной степени осведомлен о своих каждодневных повинностях, обеспечивая свое бытие в маноре².

¹ *Винокурова М. В.* К вопросу о составе локальных дворянских элит в Северо-Западной Англии 20-х годов XVII века // *Universitas Historiae*. Сборник статей в честь П. Ю. Уварова. М., 2016. С. 101–109.

² См., например: *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма XI–XIII вв. М., 1962. Английский исследователь М. Постан еще в 1970-е гг. писал

Показателем так называемой «обеспеченности» было и наличие твердых годовых рент, и – до XVI в. – разумных, не превышающих уровень двухгодичного дохода с участка земли вступных *файнов* (одномоментных взносов при вступлении в держание), подтвержденных обычаем, который лорд не мог нарушать. В этом смысле манориальный обычай, являвшийся «материальным правом» держания, являлся защитительным фактором и ограничивал волю лорда в отношении крестьянского держания. В этом и только в этом смысле можно говорить об ограниченных владельческих правах крестьян на их участки и орудия труда, приводивших по крайней мере к простому воспроизводству их хозяйств.

Однако, как показывают описи, именно в период аграрной революции XVI – начала XVII в. обычай все более отступал перед проявлением «пребывания свободной воли лорда» в условиях крестьянского держания и даже ее превалированием. О том, что воля лорда как верховного собственника (в мире манора) превалировала над правами крестьянина, свидетельствуют, согласно материалам описей, следующие факторы. Это печально известные огораживания крестьянских участков – фактор экспроприации крестьян. Это произвольные, зачастую не мотивированные обстоятельства экономического порядка, повышения *файнов* за допуск, в десятки и сотни раз превышающие уровень, фиксированный обычаем, – яркий, хотя и носивший скрытую форму, фактор экспроприации. Это право лорда на *escheat* – имущество лица, умершего без завещания, что относилось – поясню – более к фригольдерам или представителям «обеспеченного» наследственного копигольда.

Традиционные же держатели по копии завещаний, как лица, внутри манора зависимые от господина, не писали. Они передавали землю в курии через руки лорда как верховного собственника земли; этот акт назывался реверсией. Однако уступкой обычаю при этом все же было

о том, что в некоторых регионах Англии уже в XIII в. вилланы вполне свободно вели куплю-продажу земельных участков, минуя посредничество лорда и оформляя свои сделки специальными грамотами, нередко прилагая к ним собственные печати (!). При этом манориальная администрация была подчас бессильна направлять эти сделки в русло вотчинного контроля и закреплять их оформление в курии лорда. См.: *Postan M. The Charters of the Villeins // Essays on Medieval Agriculture and General Problems of Medieval Economy. Cambridge, 1973. P. 107–110.* См. также: *Хатунов С. Ю. Феодалное государство и право Англии. Ставрополь, 1996. С. 33.*

то обстоятельство, что лорд был вынужден передавать землю тому лицу, на которое указывал держатель по копии (обычно это был старший сын или – в Восточной Англии, согласно обычаю «*cradle hold*», – младший сын последней жены крестьянина).

Продолжая тему о превалировании воли лорда как верховного собственника земли в маноре, отмечу, что лорд имел право на имущество человека, умершего без прямого наследника и в некоторых случаях право назначения вдовьей доли.

Можно также иметь в виду такие факторы, фиксируемые источниками, как право запрещать жениться без ведома лорда, покидать манор без его разрешения, право лорда не только получать денежную ренту, но и взимать, как встарь, герiotы (посмертные платежи) и настаивать на натуральных и отработочных повинностях, которые во множестве фиксируются описями даже и в XVII в., произвольно сокращать копигольдерам сроки держаний и др.

Кроме того, и в XVII в. все еще отмечены реликты серважа: так, держатели по копии обязаны были проходить так называемые суды признания (англ. – *courts of recognition*) и приносить лорду клятву верности (англ. – *fealty*), проходя через процедуру, напоминающую средневековую инвеституру на манориальном уровне.

Подводя итог, отметим, что манориальные описи XVI – начала XVII в. свидетельствуют о том, что мы не можем говорить об аллодиальном (т. е. чисто безусловном, полном, независимом) характере собственности на недвижимость в пределах манора, коррелирующем с понятием «*full ownership*» – на любом ее уровне. Думаю, что перед нами – мир владельческих иерархий, бытование которого даже и в XVI в. все еще основано на феодальном принципе подчинения «земли земле». Земли, представленные в описях, можно квалифицировать как *fee tail* (юридически ограниченное, условное владение) по отношению к их верховному собственнику, королю, – ведь они принадлежат владельцам маноров на условии административной и военной службы. В то же время внутри манора и по отношению к зависимому населению эти же земли являются и *fee simple* – т. е. полным, безусловным, абсолютным владением с полной свободой его отчуждения.

Теперь что касается крестьян. В свое время классики марксизма писали о том, что в период господства денежной ренты и самостоятельного парцеллярного крестьянского хозяйства можно говорить о

существовании крестьянской собственности (под какими бы феодальными вывесками – копигольда или цензивы – она ни скрывалась)¹.

Возможно, в какой-то мере это могло быть отнесено к XV в., «золотому веку» – как считается в историографии – английского крестьянства, когда в связи с переходом к денежной ренте основой феодального землевладения в этой стране являлось уже не столько домениальное хозяйство, сколько крестьянский двор. Вообще же динамику развития крестьянского землевладения в феодальной Англии, на мой взгляд, можно рассматривать как сосуществование противоположных тенденций – юридического его отрицания общим правом страны, но в то же время фактического существования (во всяком случае, до периода аграрной революции).

Так, манориальные описи этого времени (XVI – начало XVII в.) свидетельствуют о том, что масса крестьянства, которую составляли держатели по копии, не только не обладала собственностью юридически (во всяком случае, с точки зрения общего права), но и фактически постепенно лишалась возможности хозяйствовать на участках земли ввиду активно проводимого наступления манориальных лордов на крестьянские наделы.

Имея в виду эту постоянную борьбу между лордами и крестьянами за землю и обычную ренту, в заключение уместно вспомнить о том, что М. А. Барг (историк, образно говоря проведший в мире владельческих иерархий английского манора немалую часть своей жизни) писал о том, что собственность представляет собой объект присвоения, возникающий в процессе отношений по поводу приоритета в этом присвоении².

М. В. Винокурова (Москва, ИВИ РАН)

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 728–729.

² Барг М. А. Категории и методы исторической науки М., 1984. С. 238–264.

ФЕОД У БРИТАНСКИХ ЮРИСТОВ НАЧАЛА XVII В.

Аннотация

Для английских и шотландских юристов раннего Нового времени «феод» оставался категорией, отталкиваясь от которой авторы-юристы разворачивали перед читателем все разнообразие форм землевладения как в исторической ретроспективе, так и в современном им обществе. При этом определение «феода» было весьма условным и расплывчатым. Для авторов XVI–XVII вв. «феод» был инструментальной абстракцией, позволявшей анализировать более сложные формы владения землей и возникавших поземельных отношений. В то же время феодальная форма землевладения была единственным декларируемым вариантом; все остальные виды мыслились как ее производные. Фактор наследуемости «феода» как раз и должен был продемонстрировать возможность сохранения лояльности верховной власти на протяжении поколений.

Ключевые слова: феод, наследование, землевладение, Тюдоры, Стюарты, Англия, Шотландия.

British lawyers of the early XVIIth century on the «feud»

Summary

For the Early Modern English and Scottish lawyers the notion «feud» was a fundamental category. This concept allowed the lawyers to demonstrate a wide spectrum of the forms of landowning both in historical retrospective and in contemporary society. Nevertheless the definition of «feud» still was conventional and unstable. For the Early Modern intellectuals «feud» was the instrumental abstraction, which allowed to analyze more sophisticated forms of landowning and landowning relations derived from it. Simultaneously the feudal form of landowning was the only form declared legitimate. All other forms were conceived as its derivatives.

Key words: feud, inheritance, landowning, the Tudors, the Stuarts, England, Scotland.

XVI век и начало XVII столетия в Англии стали временем возросшего интереса к проблематике феодального права и феодальных отношений.¹ Этот интерес был обусловлен логикой развития английской монархии, которая сначала имела форму составной монархии при Тюдорах², затем уния корон 1603 г. положила начало существованию композитарной монархии Стюартов. Обоснование наследственных притязаний Стюартов на английский престол, взаимные права и обязательства государя и его шотландских и английских подданных – все эти социально значимые вопросы разрешались с привлечением в том числе элементов феодального права. Уже в 1607–1608 гг. дело Кальвина³ обозначило не только новую правовую коллизию – возможность наследования английского манора шотландским наследником, но и разнообразие способов ее разрешения с использованием аргументов общего, гражданского и феодального права.

Один из действенных сценариев осмысления Унии и дальнейшего развития композитарной монархии, который представляла авторитетная группа юристов и в значительной мере поддерживала корона, состоял в актуализации патримониальной модели власти. В свою очередь, эта патримониальная модель предполагала реализацию верховной власти как власти сеньориальной; монарх оставался верховным собственником всех земель королевства, а его подданные были обязаны ему узами личной верности. Патримониальная модель предполагала уже в середине XVI в. активизацию консилиарных судов – Тайного совета, Звездной палаты, Совета Севера и Совета Уэльса, Палаты прошений, деятельность которых мыслилась как разворачивание института королевского сеньориального совета⁴.

¹ Текст главы написан при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, проект № 11795564.

² *Ellis S. G. Tudor Frontiers and Noble Power. The Making of the British State.* Oxford: Clarendon Press, 1995.

³ Помимо конкретной правовой коллизии, дело Кальвина имело политическую подоплеку, поскольку в конечном итоге ставило вопрос о правомерности наследования шотландским королем Яковом VI королевства Англия. См.: *Паламарчук А. А.* «Дело Кальвина» и проблемы англо-шотландской унии 1603 г. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История.* 2014. Вып. 4. С. 76–82.

⁴ *Guy J. The King's Council and Political Participation // Reassessing the Henrican Age: Humanism, Politics and Reform, 1550–1550 / Ed. by A. Fox and J. Guy.* Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 121–147; *Guy J. A. Wolsey, the Council and the Council courts // The English Historical Review.* Vol. 91. № 360. P. 481–505; *Guy J. The Court of Star*

По этой же причине дискуссионной для современников областью оказывалась королевская прерогатива. Полемика, наметившаяся еще при Тюдорах, достигла своего пика при первых Стюартах, став прологом к событиям Великого мятежа 1640-х гг. Споры между парламентской оппозицией и условной «партией двора» о пределах королевской прерогативы и механизмах ее использования через прерогативные институты была, по сути, дискуссией об эффективности и обоснованности использования сеньориальных по своему генезису правовых и административных инструментов.

Обращение к феодальным практикам было важным и во вполне материальном измерении, поскольку помогало пополнить доходы казны. В 1536 г. парламент принял инициированный Генрихом VIII Статут о пользовании (27 Hen. 8 c. 10)¹, ограничивавший возможность передачи держания или его части третьему лицу в пользование без уплаты налога в королевскую казну, который полагалось платить при обычном феодальном испомещении. Статут предполагал, что отныне перед передачей земли в пользование необходимо было создавать законный титул и уплачивать соответствующую феодальную пошлину².

Мерой, призванный обеспечить дополнительный доход, стала своего рода «ревокация» традиционных сеньориальных прав Тюдорами путем создания Суда по опеке и ливреям. Прерогативный институт, учрежденный Генрихом VIII двумя актами, 1540 (32 Hen. 8 c. 46)³ и 1541 г. (33 Hen. 8. c. 22)⁴, Суд по опеке и ливреям был призван обеспечивать реализацию сеньориального права короны на опеку над несовершеннолетними наследниками пэрских титулов и их землями; при этом корона получала право на все доходы от опекаемых земель. Право опеки могло передаваться третьим лицам по усмотрению монарха путем издания патента. Начиная с Генриха VII, корона путем проведения геральдических визитаций и иными способами начинает выявлять зем-

Chamber and Its Records to the Reign of Elizabeth I. London.: H. M. Stationery Office, 1985; *Паламарчук А. А.* Цивильное право в раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2015. С. 125–159.

¹ Statutes of the Realm. Vol. 3. London, 1817. Reprinted: London: Dawsons of Pall Mall, 1963. P. 539–542.

² *Ives E. W.* The Genesis of the Statute of Uses // *The English Historical Review*. Vol. 82. № 325. 1967. 3. 673–697.

³ Statutes of the Realm. Vol. 3. P. 805–807.

⁴ *Ibid.* Vol. 3. P. 860–863.

ли, которые имели статус рыцарского держания, о чем их обладатели умалчивали или не знали, и взимать соответствующие рельефы, а также реализовывать право опеки¹.

Наконец, и в Англии, и в Шотландии и власть, и юристы были заинтересованы в систематизации национальных правовых систем, и феодальное право было одной из возможных (но далеко не единственной) основ такого процесса. Феодальные отношения и формируемое ими право были, в отличие от общего права Англии, системны по самой своей сути и достаточно универсальны и, с одной стороны, не были строго привязаны к региональным правовым традициям, а с другой – позволяли обозначить локальную специфику конкретной монархии.

Разумеется, степень заинтересованности юристов «феодальной» проблематикой разнилась в зависимости от корпоративной принадлежности, профессионального опыта и политических воззрений каждого автора. Практически никто из раннестюартовских юристов не воспринимал феодальное право как приоритетную часть своих изысканий, а освещение тех или иных сюжетов было подчинено решению более амбициозных задач. Тем не менее определение таких понятий, как «феод», «держание», их производных и других концептов сеньориального права оставалось необходимой составляющей юридических сочинений. «Феод» и «держание» были теми амбивалентными категориями, которые позволяли описывать как явления отдаленного прошлого, так и могли использоваться при рассмотрении практических вопросов современного права, сохраняя столь важную для английского сознания видимость преемственности традиции.

С. Рейнольдс в статье «Держание и собственность в средневековой Англии»² упрекает английских юристов и антиквариетов XVII столетия (а также якобы доверившихся им современных медиевистов) в том, что разработанный ими профессиональный словарь, заимствованный из разработок французских юристов (прежде всего Кюжа и Отмана), не отражал адекватно сущности характерных для средневековой Англии реалий феодальной собственности. В частности, она настаивает,

¹ *Reid Ch. Jr.* The Seventeenth-Century Revolution in the English Land Law // *Cleveland State Law Review*. № 221. 1995. P. 223–302. P. 273; *Hurstfield J.* The Revival of Feudalism in Early Tudor England // *History. New Series*. Vol. 3. № 130. 1952. P. 131–145.

² *Reynolds S.* Tenure and Property in Medieval England // *Historical Research*. Vol. 88. № 242. 2015. P. 563–576.

что именно благодаря этим заимствованиям (которые у французских теоретиков права сформировались, в свою очередь, после осмысления ломбардских *Libri Feudorum* XII столетия) в сочинениях позднетюдоровских и раннестюартовских интеллектуалов возникло представление о монархе как единственном верховном собственнике всех земель королевства и о держании как условном и по крайней мере теоретически отчуждаемом в пользу короны владении.

Притом что знакомство юристов и антиквариев с работами французских теоретиков (а также полемику с ними по ряду вопросов) сложно отрицать, представляется, что в английской политико-правовой мысли наличествовали собственные мотивы для разработки подобных концепций. Нельзя забывать о том, что уже начиная с Джона Форте-сью английские юристы настаивали на самобытности и превосходстве инсularной правовой традиции и формы правления (так называемой смешанной монархии), а основным объектом противопоставления выступала, разумеется, Франция¹. Наиболее развернуто представления об уникальности английской административно-правовой системы можно почерпнуть в сочинениях юристов, которых принято называть «англо-саксонистами» – Ламбарда², Селдена³ и Кока⁴. Но даже те интеллектуалы, которые отличались более универсалистским видением истории права (Спелман⁵, Дак⁶), подчеркивали, что даже универсальные для человеческой истории явления в Англии обретают свою наиболее завершенную и оригинальную форму. Таким образом, осознание национальной правовой специфики, формировавшееся к XVII столетию уже на протяжении многих поколений, было достаточной гарантией от заимствований у французских авторов. Для тудоровских и раннестю-

¹ *Fortescue J. De Laudibus Legum Angliae* / Ed. and transl. by S. B. Chrimes. Cambridge: Cambridge University Press, 1949.

² *Lambarde W. A perambulation of Kent: conteining the description, hystorie, and customes of that shyre. First published in the year 1576, and now increased and altered after the authors owne last copie.* London: By Edm. Bollifant, 1596; *Lambarde W. Archaionomia, sive de priscis anglorum legibus libri...* Londini: John Day, 1568.

³ *Selden J. Titles of Honor.* L.: W. Stansby, 1614.

⁴ *Coke E. The Fourth Part of the Institutes of the laws of England, concerning the Jurisdiction of Courts.* L.: printed by J. Flesher, 1644.

⁵ *Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures by Knight-Service in England // Reliquae Spelmaniae. The Posthumous Works of Sir Henry Spelman.* London, 1698.

⁶ *Duck A. De Usu et Auctoritate Juris Civilis Romanorum.* L.: R. Hodgkinsonne, 1653.

артовских юристов было характерно отнюдь не единообразие, а достаточно широкий спектр мнений, внутри которого нередко появлялись определенные смысловые совпадения с континентальными авторами, в том числе в определении смысла феодальных отношений. Однако за этими совпадениями стояла совершенно отдельная содержательная история.

Востребованность представления о монархе как верховном собственнике земли и отчуждаемости феода в Англии XVI и начала XVII столетий была связана с последовательным утверждением двух новых династий. И для Тюдоров, и для Стюартов представление о верховной собственности монарха на землю английского королевства, подтверждаемое событиями нормандского завоевания, служило важной составляющей всего процесса династического строительства, позволявшей, в том числе и на практике, перераспределять находящиеся в распоряжении короны титулы. Акцент на идее лояльности и возможности расторжения феодального контракта (по инициативе сверху) также был органичной частью формирования образа короля-сеньора, заключавшего подобного рода контракты не только с представителями знати, но и с территориальными и профессиональными корпорациями¹.

Поэтому декларируемая раннестюартовскими юристами теоретическая расторгжимость феодального контракта в большей мере диктовались национальной традицией и актуальными политическими тенденциями.

Несколько иначе обстояло дело с шотландскими юристами. В отличие от Англии, где правовая рефлексия в различных формах постепенно развивалась на протяжении Средних веков, в Шотландии такая традиция практически отсутствовала. Лишь во второй половине XVI столетия оформление Сессионного суда и учреждение Коллегии правосудия в 1532 г. дало импульс развитию шотландской юридической мысли. Результатом стало появление в XVI–XVII столетиях целой плеяды шотландских правоведов, о которых пойдет речь в данном очерке. Однако отсутствие устоявшегося локального правового дискурса (речь идет именно об интеллектуальном осмыслении самобытных шотландских правовых реалий) привело к тому, что северобританские юристы – особенно Скин и Крейг из Риккартона – действительно

¹ *Паламарчук А. А.* Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Институт всеобщей истории РАН. М., 2016. С. 400–411.

испытали сильное влияние французской гуманистической школы права, и прежде всего комментария Кюжа на *Libri feudorum*¹. Свою роль здесь сыграли и давние союзнические отношения между Францией и Шотландией, а также тот факт, что и Скин, и Крейг получили юридическое образование во Франции. Однако представляется вероятным, что по крайней мере две упомянутые Рейнольдс концепции (собственность короля на землю и расторгимость феодального контракта) оказались столь быстро восприняты шотландскими юристами по двум обстоятельствам. Во-первых, уже упомянутое отсутствие традиционного локального словаря в области рефлексии о феодальном праве делало концептуальные и лексические заимствования практически неизбежными. Во-вторых, подобное видение феодальных отношений самым очевидным образом отвечало стремлениям короны в лице Якова VI контролировать знать, притязания которой на земли и привилегии основывались не только и не столько на феодальных пожалованиях.

Наконец, нельзя не упомянуть о сюжете, который обсуждается в главе «Внедомениальные доходы английской короны при первых Стюартах», а именно – изменение в восприятии контракта, в том числе контракта феодального. Представления о сакральном и, следовательно, нерасторжимом характере контракта-клятвы, характерное для средневекового сознания, постепенно сменяются концепцией взаимовыгодного контракта-соглашения, направленного на получение материальной или иной ситуативной выгоды его участниками. Возможность расторжения контракта между верховной властью и подданными в случае конфликтной ситуации оставляло обеим сторонам шанс для достижения компромисса и повторного заключения контракта уже на иных условиях.

«*Feodum simplex, quia feodum idem est quod hereditas, et simplex est quod legitimum vel purum, et sic feodum simplex idem est quod hereditas legitima, vel hereditas pura*»². Эта максима из трактата Томаса Литлттона (ок. 1407 – ок. 1481) была отправным пунктом для рассуждений раннестюартовских юристов по поводу сущности феодального держания. Трактат был написан на французском языке с пространными

¹ *Cujas J. De feudis libri quinque quorum primus est Gerardi Nigri, secundus et tertius Oberti de Orto... quartus ex variis et incertis auctoribus antiquis, quintus imperatorum constitutiones. Lugduni: apud Senetonium, 1566.*

² *Littleton Th. Littleton, His Treatise of Tenures, in French and English / Ed. by T. E. Tomlins. London: W. M'Dowall, 1841. P. 2–3.*

латинскими включениями. Перевод французского термина *fee simple* как *feodum* принадлежит самому Литтлону и сохраняется у всех его тюдоровских и раннестюартовских комментаторов¹.

Пожалуй, ни одно исследование по социально-правовой истории тюдоровской и раннестюартовской Англии не обходится без цитирования текста трактата цивилиста Томаса Смита «*De Republica Anglo-rum*»². Отражение Смитом стратификации тюдоровского общества и описания судебно-административных органов стали в определенном смысле «нормативами», необходимыми для демонстрации изменений, имевших место уже при первых Стюартах. Как неоднократно отмечали исследователи, трактат Смита не является ни полемическим, ни аналитическим: Смит фиксирует положение вещей таким, каким он их видит³. Одним из немногих исключений является экскурс Смита о феоде, в котором Смит спорит с цитируемым выше определением Литтлтона.

В книге III «Узы и те, кто связан узами» английский цивилист описывает различные виды формализованных отношений зависимости, начиная с римских рабов и заканчивая зависимостью подмастерьев и учеников от мастеров-ремесленников. Отношения сеньора и вассала попадают в данный раздел как отношения верности и служения. «Ни один человек в Англии не владеет землей свободно, но лишь тот, кому принадлежит корона Англии; все прочие обладают держанием, то есть [держат землю] на основании веры и доверия, а также на основании обязательства служения другому господину манора как своему сеньору, и стоящему выше князю, и так пока не дойдет до принца и того, кто носит корону»⁴.

Само явление феода Смит определяет следующим образом: «Вся свободная земля в Англии держится по принципу феода (*in feodo*), т. е.

¹ Об употреблении терминов *feodum* и *fee* в английских источниках до XV столетия см.: *Hyams P. R. Notes of the Transformation of the Fief into the Common Law Tenure // Law, Lawyers and Texts. Studies in Medieval Legal History in Honor of Paul Brand / Ed. by S. Jenks and J. Rose. Leiden: Brill, 2012. P. 21–50.*

² *Smith Th. The Commonwealth of England, and the Manner of Government thereof. London: Printed by H. Middleton, 1583; Smith Th. De Republica Anglorum. A Discourse on the Commonwealth of England / Ed. by L. Aston with a preface by F. W. Maitland. Cambridge: Cambridge University Press, 1906.*

³ *Coquillette D. Legal Ideology and Incorporation I: The English Civilian Writers, 1523–1607 // Boston University Law Review. № 61. 1981. P. 1–89.*

⁴ *Smith Th. De Republica Anglorum. A Discourse on the Commonwealth of England... 1906. P. 134.*

in fide или fiducia; т. е. в силу веры и доверия, что [человек] будет верным своему господину, от которого он держит землю; будет выплачивать такую ренту, нести такую службу и соблюдать такие условия, которые были сопряжены с первоначальным пожалованием. Таким образом все, кроме наследного принца, будут не *virī domini*, а *fiducarii domini* и *possessores*¹. Это более вероятное объяснение, чем то, которое дал Литтлтон, который в своей книге говорит, будто *feodum idem est quod hereditas*².

Смит весьма эмоционально упрекает Литтлтона в том, что тот не потрудился искать смысл понятия в истории терминов, обозначавших держание в различных языках. Смит реконструирует цепочку трансформаций, благодаря которым изначальное латинское слово *fides* превратилось в *feodum*; ближайшими к первоначальному смыслу *fides* современными аналогами ему представляется глагол *to feif* или *feoff* (предлагаемый Смитом латинский аналог – *dare in fiducam*) и существительное *feoffees* (*fiducarii possessores* или *fidei comissarii*).

В 1601 г. увидело свет одно из примечательных и своеобразных сочинений в истории английской правовой литературы. Оно принадлежало перу Уильяма Фулбека и называлось «Параллели, или Взаимосвязи гражданского права, канонического права и общего права в английском королевстве»³. Фулбек, имевший одновременно и докторскую степень, и практику в судах общего права, облек свой трактат в форму диспута между юристами, носящими знаковые имена. Диспут организует патрон юридического знания по имени Номомат, который задает вопросы о сходстве и различии в рассмотрении ряда правовых сюжетов Кодикогносту (олицетворению гражданского права), Канонологу (олицетворению канонического права) и Англономофилаксу (олицетворению общего права). В четвертом по счету диалоге – «О сеньориях и служении» – Номомат просит своих собеседников объяснить понимание сеньории в каждой из правовых систем.

«Кодикогност: Сеньория, которую мы именуем феодом, есть милостивое пожалование земли с условием принесения оммага или другого особого служения.

¹ Отмечу, что термин *possessor* для Смита является синонимом *fiducarius*.

² *Smith Th. De Republica Anglorum. A Discourse on the Commonwealth of England...* 1906. P. 135.

³ *Fulbecke W. A Parallel or Conference of the Civil Law, the Canon Law and the Common Law in this Realme of England. L.: printed by A. Islip, 1601.*

Англомофилакс: для нас сеньория – это всего лишь отношения верности между держателем и господином.

Канонолог: а у нас в каноническом праве определение очень краткое: пожалование земли с принесением оммажа»¹.

Эти краткие ответы не вполне удовлетворяют любопытство Номата, и он продолжает расспрашивать собеседников о происхождении сеньории и церемонии оммажа. Кодикогност и Англомофилакт соглашаются друг с другом в описании ритуала, возводя его к правлению Александра Великого и указывая, что смысл церемонии – демонстрация превосходства сеньора и смирения того, кто приносит клятву. Английский вариант института сеньории видится всем участникам дискуссии региональной вариацией общеевропейского явления. В основном повествование о маноре Фулбек вкладывает в уста Англомофилакса; Кодикогност и Канонолог лишь уточняют его суждения. Юрист общего права уточняет, что в Англии сеньория называется манором².

Все трое соглашаются в том, что главная составляющая в процессе «установления манора» – королевская воля; творить манор – часть королевской прерогативы³. Юрист общего права определяет манор так: «...манор – издревле наследуемое держание (inheritance of ancient continuance), сопряженное с выплатой ренты и служением или с возмещением материальных ценностей (requisites), военных потерь (casualties), затрат на ведение хозяйства (things appendant and regardant), пошлинами, свободами и т. д.»⁴ Одни только рента и служение являются «материальной причиной» манора, образуя «чистый (naked) манор, но и только». Необходимым условием для полноценного манора является учреждение в нем манориального суда; при этом манор не может состоять только из одного фригольда. Следующий обсуждаемый вопрос – возможность отчуждения манора или его части. Из этого фрагмента дискуссии становится ясно, что манор рассматривается Фулбеком как держание, возникновение и существование которого

¹ Ibid. P. 17.

² Ibid. P. 17–18. Любопытно, что, в отличие от большинства современников, Фулбек не использует термин *feodum*, а термин *tenure* появляется лишь в следующем диалоге, посвященном совместному держанию и вообще совместному правообладанию.

³ Ibid. P. 22.

⁴ Ibid. P. 18.

связано преимущественно с возможностью военного служения. Следовательно, право продавать манор или его часть, предусмотренное статутом *Quia emptores*¹, должно быть реализовано так, чтобы сеньор (в данном случае монарх) не лишился военной помощи вассала (поэтому не следует продавать манор увечному или продавать его малую часть, недостаточную для снаряжения конного воина).

И все же участники дискуссии сходятся в том, что главное в процессе «сотворения» манора – отношения верности. Именно они определяют возникновение обязательств, которые принимает на себя держатель манора. Как уже было сказано ранее, это преимущественно военная служба. В соответствии с известной средневековой традицией Кодикогност напоминает, что обязанность военной помощи сеньору снимается лишь тогда, когда тот отлучен от церкви или ведет несправедливую войну². Возможность утраты прав на манор обсуждается исключительно в категориях вассально-сеньориальных отношений. Кодикогност рассуждает о том, что манор должен возвратиться к сеньору в случае невозмещения оговоренной ренты или служения, а также выступления против своего господина. Даже Номомат вмешивается в дискуссию и подчеркивает, что в случае фелонии и мятежа все земли виновного отходят к короне (при этом Кодикогност напоминает о возможном возвращении изъятого владения наследникам виновного). Ссылается он при этом на статут 33 Н. 8 сар. 20³.

К точке зрения Томаса Смита и Фулбека близка позиция Томаса Ридли, изложенная в трактате «Обозрение гражданского и церковного права»⁴. «Феод – варварское слово, которое по мнению Исидора... следует понимать как союз (*thing covenanted*) между людьми. Другие выводят его от слова *fideum*, которое удобнее произносить как *feudum*; те, кто являются феодариями (*feudaries*) друг другу, по-латыни именуются *fideles*, ибо они связаны клятвой верности с теми, чьими феодариями

¹ Статут *Quia emptores* («Поскольку продавцы») 1290 г., или Третий вестминстерский статут, запрещал субинфеодацию, вместо которой часть держания могла отчуждаться по субституции (замещению, т. е. выплаты определенной суммы за отчуждение).

² *Fulbecke W. A Parallel...* P. 19.

³ *Statutes of the Realm. Vol. 3. P. 855–857.*

⁴ *Ridley Th. A View of the Civile and Ecclesiastical Law. L.: Printed by Adam Islip, 1607.*

являются»¹. Ридли, как и шотландец Крейг (о котором речь пойдет ниже), следует за французской школой феодального права, выводя истоки феодальных уз из патронатно-клиентских отношений в поздней Римской империи. Так же как и для Крейга, трудность в выстраивании континуитета между позднеантичной клиентелой и германским (франкским или ломбардским) феодем заключалась в невозможности реконструировать тот момент, когда принесение клятвы и обязательство службы начало сопровождаться дарованием земельного надела.

Данный Ридли развернутый исторический очерк становления феодального права отличается от прочих тем, что он рассматривает феоде исключительно как наследуемое держание титулованной знати; о рыцарском держании, за которое его обладатель выплачивает ренту, упомянута лишь мельком.

Самым знаменитым комментатором Литтлтона был Эдвард Кок – знаковая фигура в политической и правовой истории Англии. С 1582 по 1594 г. Кок – генеральный солиситор, с 1594 по 1606 г. – генеральный атторней. В 1606 г. Яков Стюарт назначил его главным судьей суда Общих тяжб, а в 1613 г. – Королевской скамьи. Но, возможно, главным результатом этой блестящей карьеры и огромного влияния Кока в профессиональной юридической и парламентской среде стало успешное продвижение как корпоративных интересов судебных иннов, так и собственных концепций общего права. Именно благодаря Коку Литтлтон, ранее воспринимавшийся лишь как один из авторитетных текстов, был возведен в статус первенствующего из «отцов-основателей» самобытной традиции английского общего права. В 1628 г. в свет вышла «Первая часть институций законов Англии, или Комментарий на Литтлтона», включавшая подробное жизнеописание судьи XV в.

По словам Дж. Покока, его стиль мышления был «настолько инсультным, насколько это возможно человеку». Напомню, что во многом благодаря Коку завершилось формирование концепции «древней конституции» – представление о том, что основные правовые принципы английского права и ключевые административно-судебные институты сформировались в англосаксонскую эпоху, а между институтами и правовыми понятиями англосаксонской, нормандской и тюдоровской Англии существует прямая генетическая преемственность. Нельзя не отметить, что, в отличие от подавляющего большинства современни-

¹ Ibid. P. 62.

ков, Кок в своем комментарии использует исключительно английский материал и оперирует преимущественно категориями общего права, не прибегая к иллюстрациям или доказательствам, заимствованным из других правовых систем.

В первой главе Кок комментирует практически каждое слово из приведенной выше максимы Литтлтона.

Он указывает, что термин *tenant* (которому в латинской формуле Литтлтона соответствует *feodum*) имеет пять значений.

1) Он может обозначать земельное держание и в этом смысле быть синонимом *fee simple* (Кок подчеркивает, что именно в этом значении его употребляет Литтлтон). Это «держание для себя и своих наследников».

2) Во-вторых, *tenant* может указывать на служение или обязательства, проистекающие из факта держания земель. Все земли в Англии, уточняет Кок, непосредственно или опосредованно держатся от короля, «ибо в английском праве не существует аллода в строгом смысле слова, т. е. такой земли, которая не является держанием, если только не считать таковым *ex solido*, часто упоминаемое в Книге Страшного суда, а обладатели простого держания (*fee simple*) называются там *alodarii* или *alोगarii*. Держателем называется он потому, что держит землю от вышестоящего господина при условии службы. В этом смысле нельзя сказать, что король является держателем, поскольку над ним лишь Бог Всемогущий. *Praedium domini regis est directum dominium, cujus nullus auto rest nisi Deus*». Далее Кок ссылается на Брактона, который так определяет статус монарха: «*omnes quidem sub eo, et ipse sub nullo, nisi tantum sub Deo*». Владение монарха – *sacra patrimonia*, или *dominica coronae regis*. При этом подданный никогда не обладает *directum*, но лишь *utlie dominium*.

3) Слово *tenere* может иметь значение «совершать» – например, как в выражении «*quod teneat conventionem*».

4) Употребляется в значении «держаться слова», «сдержать обещание».

5) И наконец, в выражениях, подобных «держать суд», «держать совет»¹.

Все эти значения, продолжает Кок, применимы к исходной категории текста Литтлтона – простому держанию (*fee simple*), ведь его

¹ *Coke E. The First Part of the Institutes of the Lawes of England, or a Commentarie upon Littleton. London: by A. Islip, 1628. P. 1–4.*

обладатель «имеет землю, держит ее от стоящего над ним господина, исполняет обязательства служения и потому связан долгом и обязательством закона».

Комментарий Кока из всех рассмотренных в данной статье трактатов можно считать в большой мере ориентированным на практические нужды юристов общего права и их клиентов. Сам факт создания комментария на труд Литтлтона показывает, что исходная категория феода и его ближайшие производные формы представлялись Коку исторической основой для современного ему общего права. Исходное определение феода как держания от верховного собственника земли – английского монарха (причем условия каждой формы держания регулируются обычаем) – видится Коку вполне достаточным для дискуссии о любых современных ему проблемах землевладения.

Трактат Генри Спелмана «О рыцарском держании» представляет собой одну из наиболее радикальных позиций в оценке британской системы вассально-сеньориальных отношений. Из всей плеяды позднеюдоровских и раннестюартовских антиквариетов именно для Спелмана нормандское завоевание приобретает статус поворотного и исключительного момента всей английской истории, а его оценки события носят весьма радикальный характер. Несмотря на бесспорный авторитет сэра Генри в антикварной и юридической среде, и Кок, и даже Селден предпочитали гораздо более умеренные высказывания при оценках нормандского влияния на английскую конституцию – точнее, на ее отдельные сегменты. Поэтому, используя преимущественно тексты Спелмана, в своей статье¹ С. Рейнольдс, по-видимому, не вполне отдает себе отчет в том, что его позиция была скорее исключительным, нежели характерным, для антикварного дискурса явлением.

Спелман задается вопросом, были ли основополагающие институты английской монархии, к которым относилось и рыцарское держание, полностью (или, по крайней мере, преимущественно) автохтонным явлением, наблюдавшимся еще при англосаксах, или они представляли собой заимствование, а следовательно – находили параллели в континентальных реалиях? Насколько далеко можно проследить континуитет различных явлений в английском праве и существует ли вообще такой континуитет?

¹ *Reynolds S. Tenure and Property in Medieval England // Historical Research. Vol. 88. № 242. 2015. P. 572–573.*

Нет сомнений в том, что на момент работы над трактатом «О происхождении рыцарского держания» Спелман был хорошо знаком с воззрениями других атиквариев (в частности, с трактатом Джона Селдена «О титулах достоинства») и с идеями Кока, впоследствии нашедшими отражение в первой и четвертой частях «Институций».

В 1639 г. мнение Спелмана относительно древности рыцарского держания, которое ранее воспринималось как авторитетное, было публично оспорено Комиссией по дефектным титулам. Комиссия по дефектным титулам была создана Яковом в 1606 г. для урегулирования земельных вопросов ирландской знати, участвовавшей в восстании графа Тирона. Часть из знатных персонажей не имела, по мнению короны, прав на находившиеся в их распоряжении земли и должна была урегулировать при помощи соответствующих должностных лиц отношения с верховной властью, а часть – напротив, имевшая таковые права, должна была освободить земли в пользу короны, поскольку была причастна к восстанию. В 1639 г. предметом обсуждения комиссии стала титулярная политика Уэнтворта¹, и вопрос о том, в каком объеме английская корона вправе перераспределять и изымать существующие титулы, неминуемо приводил к вопросу о древности феодальной иерархии в Ирландии и в Британии в целом. «В великом разбирательстве о держаниях, проведенном Комиссией о дефектных титулах и рассмотренном всеми судьями Ирландии... по четвертому пункту было установлено, что держания берут свои истоки в Англии до нормандского завоевания и что феоды существовали там в то время. Следовательно, постановили, что сэр Генри Спелман ошибался, а он в своем Глоссарии² (статья Феод) утверждал, будто феоды берут начало в нормандском завоевании. Легковесного предположения сэра Генри Спелмана недостаточно для того, чтобы прекратить действие существующих законов³. Честолюбие Спелмана было задето, и на обвинение в «легковесности» он ответил полноценным трактатом.

¹ Еще в 1635 г. Уэнтворт обратился к прецеденту XIV столетия – пожалованию прав на Коннот герцогу Лионелю Кларенсу. Уэнтворт настоял на возвращении этого титула короне, чем спровоцировал конфликт с местной знатью.

² Речь идет о составленном Спелманом словаре, более известном под названием *Glossarium archaeologicum: Spelman H. Archaeologus: in modum glossarii ad rem antiquam posteriorem, continentis latino-barbara, peregrina, obsoleta, et nouatae significationis vocabula*. Londini: apud Johannem Beale, 1626.

³ *Spelman H. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds... P. 1.*

Нормандское завоевание имело ключевое значение постольку, поскольку служило неопровержимым аргументом в обосновании прав собственности Вильгельма I и всех его законных наследников, включая Тюдоров и Стюартов, на земли королевства Англии по праву меча. Из этого права проистекало право реализации всех существующих королевских прерогатив, а также права короны делегировать своим подданным различные объемы принадлежащей ей власти в виде титулов и должностей. В связи с этим Спелман определяет феодал следующим образом: «Феодал – это переходящее по наследству право, которое вассал имеет на землю или иную недвижимость своего господина, дабы использовать ее и извлекать выгоду; он воздает господину те феодальные обязательства и служение, которое связано с военной службой; простая собственность на землю неизменно принадлежит господину»¹. Там же Спелман определяет феодал как узуфрукт и «*Jus utendi praedio alieno*», право использовать имущество другого человека. «Держатель или вассал ни в коей мере не владеет самой землей, которая принадлежит сеньору, что обозначается, как сейчас принято, словом сеньория. И когда сеньория и феодал соединяются воедино, как кажется, возникает абсолютное и полное состояние наследственности, которое древние знатоки феодального права именовали аллодом»². Однако далее Спелман делает важную оговорку: «Именно этот тип феодала, и никакой иной, упоминается в наших законах, хотя время и изменило первоначальное установление, и право обладания (*propriety*) землей перешло от сеньора к держателю»³.

Для Спелмана феодалы представляются универсальной формой организации отношений служения и покровительства, которая обнаруживается им в тексте Ветхого Завета (Левит и Первая книга Царств); феодальные обязательства существовали у кельтских и германских племен, что показывают тексты Павсания, Тацита и Цезаря; они зафиксированы в праве готов, свевов, данов и саксов.⁴ Благодаря миграциям германских племен феодальные отношения и примитивная система «титулов» быстро распространяется по Европе. Однако коренным отличием этих «варварских» феодалов от современных было то, что право использовать земли или имущество сеньора не было на-

¹ Ibid. P. 2.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 2–3.

следственным, зависело исключительно от воли и прихоти господина и не могло передаваться по наследству. Именно такими, по мнению Спелмана, были «феоды» англосаксонского периода в Англии¹. Право и порядок наследования феодальных держаний и сопутствующих им церемоний принесения клятвы и оммажа он связывает с выбором на французский престол Гуго Капета в 987–988 гг. Поскольку Гуго Капету удалось закрепить французский трон за своей династией, Вильгельм Нормандский прибег к использованию того же самого механизма: «Ясным решением Вильгельма было именно так закрепить за собой новоприобретенное королевство Англии... Он с удовольствием перенес обычаи своей родной страны в Англию – новый французский обычай делать феоды наследуемыми, вопреки англосаксонской традиции»². Возможность наследования привела к формированию устойчивой системы титулов. Таким образом Спелман приходит к выводу не только о наличии в английской истории нескольких «разрывов», но и о внешней обусловленности изменений, происходивших в английском праве. Он подчеркивает, что институты, ключевые для облика современной ему английской монархии, имеют континентальные истоки и были перенесены на английскую почву во вполне сформированном виде³.

Наконец, примечательной особенностью «Трактата о держаниях» было использование Спелманом широкого круга французских авторов – Луазо⁴, Паскье⁵ и уже упоминавшийся комментарий Кюжа. Солидаризируясь с ними, Спелман настаивает, что наследуемость и неотчуждаемость – главные характеристики «идеального» феода.

У Кюжа он заимствует целый ряд определений феода; на Луазо опирается при реконструкции истории становления пэрских титулов.

¹ Ibid. P. 4–5.

² Ibid. P. 5.

³ Риторика Спелмана в трактате о держаниях была явно провокационной для приверженцев англосаксонизма: германских завоевателей острова он неоднократно называет «грубыми, если вообще не неграмотными». Спелман, очевидно, лукавит, поскольку памятники англосаксонского права и литературы были ему превосходно знакомы.

⁴ *Loyseau Ch. Cinq Livres des Offices par Charles Loyseau, Parisien. Imprimé à Chasteaudun, Paris, 1610.*

⁵ *Pasquier E. Les Recherches de la France d'Estienne Pasquier, conseiller et advocat général du Roy en la Chambre des comptes de Paris augmentée en ceste dernière édition de trois livres entiers, outre plusieurs chapitres entrelassez entre chacun des autres livres, tirez de la bibliothèque de l'auteur, chez Laurens Sonnius, Paris, 1621.*

Спелман же склонен солидаризироваться с позицией Луазо и Кьюжа и рассматривать континентальный феодализм как исходный вариант, а английский – как ее региональную вариацию¹.

Еще более примечательно, что Спелман полемизирует с Томасом Смитом, который, как говорилось выше, основной характеристикой феодала назвал узы личной верности, защищая тем самым позицию Литтлтона.

Мнение Спелмана практически дословно цитирует цивилист Джон Коуэлл на страницах составленной им лексикографии «Толкователь»²: что любопытно, он воспроизводит не определение «Археологического глоссария», которое, как упоминалось выше, подверглось критике, а более развернутый – хотя и совпадающий по смыслу – текст «Трактата о держаниях».

Систематизаторские трактаты создавались и на севере Британии. Самым известным знатоком феодального права в Шотландии был Томас Крейг из Риккартона. Его перу принадлежит специализированный фундаментальный трактат «*Jus Feudale*»³ (1603) а также составленный еще перед Унией трактат «О наследовании королевства Англии»⁴. Риккартон не был единственным систематизатором шотландского права. Однако систематизаторские инициативы его современников – речь идет о Бэлфуре и Скине – предполагали в первую очередь сбор и комментирование доступных им памятников средневекового права, нежели развернутую рефлексию.

Сэр Джеймс Бэлфур из Питтендрейха, лорд-президент Сессионного суда и личный секретарь королевы Марии Стюарт около 1579 г. составил первый систематизированный обзор шотландского средневекового права, до середины XVIII столетия бытовавший в рукописи под названием «Практика Бэлфура»⁵. Трактат представляет собой компи-

¹ *Spelman H.* The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds... P. 6.

² *Cowell J.* The Interpreter, or Booke, Containing the Signification of Words: Wherein is Set Forth the True Meaning of All, Or the Most Part of Such Words and Terms as Are Mentioned in the Law-Writers... Cambridge: John Legate, 1607. Feodum.

³ *Craig Th.* Thomae Craigi de Riccarton Jus Feudale. Lipsiae: apud J. W. Gleditsch et filium, 1716.

⁴ *Craig Th.* The Right of Succession to the Kingdom of England. London: printed by M. Bennet, 1705.

⁵ *Balfour J.* Practicks: or, a System of the more ancient Law of Scotland. Compiled by Sir James Balfour of Pittendreich, Lord President of the Court of Session. Edinburgh: printed by Th. and W. Reiddimans. 1754. Подробнее о систематизаторских начинаниях

ляцию из разнообразных правовых памятников шотландского Средневековья, соединенную с авторским комментарием; кроме того, Бэлфур предполагал, что текст послужит практическим руководством для судей, поэтому включил в текст описания процедуры судебных процессов по ряду случаев. «Все земли, находящиеся в держании от короля, если только это не земли бургов, держатся в белом держании (*blanche ferm*), или под условием опеки и рельефа»¹. Монарх волен и должен по наступлении совершеннолетия проводить ревокации «неправедно» розданных владений. Вообще, Бэлфура гораздо больше интересуют нюансы отчуждения земель и наследуемого имущества², чем вступление во владение. Глава «О сеньорах и вассалах»³, где вполне логичным было бы увидеть характеристику земельных держаний вассала, речь идет только о взаимных обязательствах – для вассала это рента и военная помощь, а также право опеки.

Сэр Джон Скин, лорд-адвокат Шотландии в 1589–1594 гг., подготовил издание средневекового памятника шотландского права «*Regiam majestatem*» и сопроводил его своего рода руководством к чтению – словарем «*De verborum significatione*»⁴ с толкованием редких, вышедших из употребления или дискуссионных шотландских правовых терминов, содержавшихся в источнике. Феоду он дает следующее определение:

«Феод не означает, как думают некоторые, пожизненную ренту, по-латыни узфрукт. Тот, кто платит пожизненную ренту, не является держателем феода, так как эти два явления отличны друг от друга. Феод означает наследуемое держание, и владение лишь одной вещью – землей. *Dominus feodi* или *feudi* – господин территории или земли.... *actio feodi* – тяжба о наследовании земель или наследства; *feudum militare* – с выплатой опеки и рельефа. Феод – только наследуемое имущество, его синонимы – *feodum*, *haereditas*, *terra*, *fundus*, *tenementum*. Держание, или владение (*property*) – по-латыни *dominium*, не может принадлежать

судей Сессионного суда во второй половине XVI в. см.: *Simpson A. R. C. Legislation and Authority in Early Modern Scotland // Law and Authority in British Legal Thought, 1200–1900 / Ed. by M. Godfrey. 2016. P. 101–102.*

¹ *Balfour J. Practicks ... P. 477.*

² *Ibid. P. 161–170.*

³ *Ibid. P. 125–127.*

⁴ *Skene J. De verborum Significatione: the Exposition of the termes and difcill wordes... Edinburgh: printed by R. Waldegrave, 1597.*

нескольким, но только одному человеку. Feodum – это держание, выплата или даяние тому, кто служит, за его службу»¹.

В словарной статье, посвященной феоду, Скин ни разу не упоминает о церемонии оммажа, описание которой вынесено в отдельный раздел. Оммаж, в свою очередь, изображен Скином исключительно как ритуал установления уз верности королю как верховному сеньору (используется термин *covenant* – завет)². Наконец, свободное держание (*liberum tenementum*) он характеризует как узуфрукт.

Трактат Томаса Крейга «*Jus Feudale*» невозможно рассматривать вне событий унии корон. Очевидно, работа над ним была начата еще в бытность Якова Стюарта (которому и посвящена книга) королем Шотландии. Разумеется, «*Jus Feudale*» не является описанием или фиксацией реально существующих законов Шотландии (и даже шотландского феодального права), но, скорее, сконструированной Крейгом приоритетной, с его точки зрения, моделью организации права. Как отмечал уже Дж. Покок³, Крейг видит любое общество и государство – в том числе шотландское – упорядоченной монархической системой, притом что реалии шотландского государства в любом столетии его истории были исключительно далеки от подобного идеала. Как и большинству цивилистов, Крейгу свойственен универалистский подход к изучаемому предмету. Хотя феодальное право вынесено им в заголовок трактата, его возникновение и развитие вписано в эволюцию гражданского права как права Империи, а последнее, в свою очередь, представляется автору воплощением универсальных принципов человеческого разума.

Феодальное право – универсальный европейский феномен, предпосылки которого Крейг усматривает в позднеримском институте колоната. Переход от «отрочества» к «зрелости» феодальной системы происходит после распространения принципов, зафиксированных в ломбардских *Libri Feudorum*, на территории империи Карла Великого. При этом Шотландия опережает Англию в заимствованиях феодального права: по мнению Крейга, это происходит уже в правление Кеннета МакАльпина и его преемниках, катализатором становятся войны гэлов

¹ Ibid. P. 59–60.

² Ibid. P. 74–75.

³ *Роскок J. G. A. The Ancient Constitution and Feudal Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 82.

с данами¹. Установление феодальной системы неразрывно связано с усилением королевской власти (отчасти поэтому Крейгу столь важно подчеркнуть связь между альпинидами и каролингами). Феодальное право он называет «правом нашего королевства»².

Достаточно предсказуемым образом очерк о сущности феода Крейг начинает с объяснения этимологии, приводя четыре варианта³: версию Исидора, в которой «феод» выводится от *foerede*; в этом смысле следует говорить о «феоде между господином и вассалом», «феоде без бенефиция», т. е. о феоде как союзе и контракте. Тот же смысл имеет выведение слова «феод» от *fides*. Оставшиеся два варианта – происхождение от германского *faida* – личная вражда, и аббревиатура формулы *fidelis ergo ubique domino vero meo*, что также предполагает акцент на личной верности. Наконец, Крейг приводит следующие определения: «феод – не что иное, как бенефиций, или милость, которая полагается и дается за заслуги воинам»⁴. Крейг поясняет, что феод не возникает благодаря постепенной трансформации пекулия; для возникновения феода необходимо простое и свободное желание господина вознаградить своего человека земле. Условное держание, по его мнению, повреждение изначальной идеи феода.

Такое объяснение предполагает, что препоручаемая в качестве феода земля является собственностью монарха и является в строгом смысле слова неотчуждаемой: «феод, следовательно, это бенефиций, то есть милостивая и свободная уступка (*concessio*), с передачей доходов господина, притом что сохраняются его собственность, или непосредственное владение, при сохранении верности и честного исполнения службы»⁵.

Из всего приведенного спектра мнений британских правоведов можно сделать несколько выводов. Прежде всего можно заключить, что «феод» оставался категорией, отталкиваясь от которой авторы-юристы разворачивали перед читателем все разнообразие форм землевладения как в исторической ретроспективе, так и в современном им обществе. При этом определение «феода» было весьма условным и

¹ *Craig Th. Thomae Craigi de Riccarton Jus Feudale. Lipsiae: apud J. W. Gleditsch et filium, 1716. P. 62–63.*

² *Ibid.* P. 31.

³ *Ibid.* P. 71.

⁴ *Ibid.* P. 72.

⁵ *Ibid.* P. 74.

расплывчатым. Несмотря на то что к формуле Литтлтона, акцентировавшей наследственный характер феодального держания, тюдоровские и стюартовские авторы апеллировали достаточно часто, она не стала общепризнанной максимой, цитировавшейся в неизменном виде. Можно сказать, что для авторов XVI–XVII вв. «feodum simplex» был, скорее, инструментальной абстракцией, позволявшей анализировать более сложные формы владения землей и возникавших поземельных отношений. Возможно, именно поэтому британских юристов в большей степени интересовали причины и обязательства, приводившие к возникновению «феода», а не конкретизация формулировок. В то же время феодальная форма землевладения была единственным декларируемым вариантом; все остальные виды мыслились как ее производные.

Сам способ мышления, характерный для британской юридической культуры, предполагал рассмотрение прецедентов и практик, связанных с тем или иным явлением, в то время как его номинация мыслилась как вторичная. Напротив, для французской юридической мысли раннего Нового времени, формировавшейся под гораздо более сильным влиянием римского наследия, характерным было внимание к номинации изучавшихся явлений. Эта разница в способе рефлексии и в построении аргументации, как представляется, делала невозможными для англичан те заимствования, о которых пишет С. Рейнольдс.

Неизменным мотивом, звучащим в определениях феода, является феодальная верность, лояльности государю-сеньору; последовательно подчеркивавшийся подавляющим большинством авторов фактор наследуемости «феода» как раз и должен был продемонстрировать возможность сохранения лояльности власти на протяжении поколений. О расторгимости контракта между королем-сеньором и его держателем почти все авторы, за исключением Бэлфура, высказываются очень осторожно. Разрыв контракта рассматривается как потенция, которая не должна стать реальностью.

А. А. Паламарчук (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АПРОПРИАЦИИ ДОЛЖНОСТЕЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ XIV–XV ВВ.

Аннотация

Статья посвящена исследованию формулы назначений на должности во французской королевской администрации XIV–XV веков: «вести во владение и сейзину должности». Она фиксируется с 1360-х годов, отразив трансформацию характера королевской власти в направлении публично-правовых основ. Правовой статус должностей изменился под влиянием канонического права и частноправовых практик, введенных для тех, кто долго и безупречно исполнял службу: пожизненное жалованье, уступка и продажа должностей. В статье анализируются оба компонента формулы права на владение должностью, взятые из римского и обычного права. Ритуал вступления во владение и сейзину должности отразил публично-правовой характер королевской администрации. Превращение должностей во владение на статусе сейзины обеспечило королевским чиновникам правовые гарантии автономности от персоны монарха и политического нейтралитета.

Ключевые слова: Франция XIV–XV вв., королевская администрация, права чиновников на владение должностями, сейзина, рецепция римского права, обычное право, частноправовые практики передачи должностей.

Legal Basis, Political Background, and Social Impact of the Offices Appropriation in the French Royal Administration of the 14th–15th Centuries

Summary

The article is devoted to the investigation of the formula for the appointment of officials in the French royal administration of the fourteenth and fifteenth centuries: “to introduce into office possession and seisin”. It’s appearance in the 1360’s. is established, in the context of the transformation of the nature of royal power towards public law foundations. The legal status of the offices changed under the influence of canon law, and private legal practices allowed to officials after a long time of service

and impeccable fulfilment of duties: a lifetime salary, a resignation and a venality of offices. The article gives an analysis of the origin and evolution of both concepts of the right of offices possession, taken from Roman and customary law. The ritual of taking possession and seizin of the post reflected the public-legal nature of the royal administration. The transformation of office into possession on the seizin status gave the royal officers legal guarantees of autonomy from the person of the monarch, and political neutrality.

Key words: France 14th–15th centuries, the royal administration, the right of officials to hold posts, seizin, reception of Roman law, customary law, private practice in offices' transfer.

Специфика средневековой собственности убедительно проявилась в сфере формирующейся во Франции в XIII–XV вв. королевской администрации: постепенно и последовательно чиновники превратились во владельцев должностей с правом самим распоряжаться ими – через уступку, наследование или частную продажу. Традиционно, когда речь идет о частноправовых формах распоряжения должностями во Французском королевстве, упоминается практика легальной продажи должностей. Действительно, это была наиболее яркая и наглядная форма собственности на властные полномочия, сложившаяся внутри королевской администрации. Однако при всей своей яркости и наглядности практика продажи должностей не была исключительной привилегией Франции. Не случайно П. Губер, рецензируя более полувека назад книгу, посвященную этой практике в раннее Новое время, назвал продажу должностей «всемирной проблемой»¹. Действительно, в раннее Новое время большинство европейских государств испытывало финансовые трудности и дефицит казны, особенно в связи с регулярным ведением войн, и такая форма извлечения денежных выгод, как легальная продажа должностей самой властью, представлялась вполне приемлемым источником получения дохода государством.

И все же на общеевропейском фоне превращения государственных должностей в объект купли-продажи Франция явно выделялась. И это было справедливо. Практика легальной продажи должностей во французской королевской администрации, возникшая в XVI в. и узаконенная в 1604 г. так называемой полеттой², была, как и повсюду, вызвана дефицитом казны, вследствие чего корона продавала должности,

¹ *Goubert P.* Un problème mondial: la vénalité des offices // *Annales.* É. S. C. 1953. N 2. P. 210–214.

² *Малов В. Н.* Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009. С. 38–47.

которые прежде передавала чиновникам даром. Но во Франции это нововведение опиралось на длительный процесс оформления прав чиновников на занимаемые должности, которыми они к началу XVI в. уже давно привыкли распоряжаться, извлекая социальные и материальные выгоды. Во Франции процесс складывания чиновничества в устойчивую привилегированную группу был более глубоким и масштабным, имел более сложную структуру и основывался на более прочной правовой базе, чем где бы то ни было в Европе. При этом само оформление у чиновников фактического права на владение и распоряжение своей должностью представляется частным случаем общего для феодального общества характера условной и разделенной собственности, права добросовестного владельца которой защищены обычаем и законом.

В появлении собственности чиновников на властные полномочия нашли отражение, с одной стороны, объективные процессы трансформации природы королевской власти в сторону публично-правовых принципов, а с другой – неустрашимый при монархическом правлении патримонный характер власти в виде субъективного стремления людей гарантировать свой высокий статус с помощью правовых механизмов.

Расширение полномочий королевской власти повлекло за собой усложнение структуры административного аппарата и увеличение штатов должностей в центре и на местах. При этом король был и оставался до конца монархического правления собственником и распорядителем всех должностей в своей администрации. Однако он был прямо заинтересован в лояльности и профессиональной пригодности своих чиновников, которые и осуществляли его властные полномочия. К тому же, один человек не мог знать всех служителей, не разбирался в специфике служб и нуждался в профессиональных помощниках, которые постепенно взяли в свои руки отбор чиновников. Они выработали критерии отбора по профессиональной пригодности к службе и внедрили их в практику.

При этом, не стоит забывать, что Франция была очень большой для того времени страной и для управления ею необходим был громоздкий аппарат, а усложнение его функций и расширение компетенции требовало отбора наиболее образованных и знающих людей. Однако в обществе на них был высокий спрос, и для привлечения их на королевскую службу потребовалось ввести правовые гарантии их высокого общественного статуса и материального благополучия. Для реализации совпадающих интересов короны и ее служителей, по мет-

кому наблюдению Н. А. Хачатурян, в сферу государственного управления внедряется сакральная идея «проистечения власти от Бога», согласно которой власть могла быть только уступлена действительным ее носителем и источником при сохранении исходных прерогатив. Таким образом, король делегировал или уступал часть своих полномочий чиновникам, оставаясь условным собственником всех должностей и функций управления¹.

Исследуя историю складывания во Франции XIII–XV вв. института государственной службы, я уже обращала внимание на процесс формирования прав чиновников на занимаемые должности². Эти права на фактическое владение и распоряжение должностями предстают как итог правового и идейного оформления института службы, с одной стороны, и появления частноправовых практик внутри администрации, но уже на новом этапе государственного строительства – с другой. Для превращения должности в объект владения потребовались стабилизация штатов ведомств и номенклатуры должностей, оформление особого контракта чиновника с королем, выработка профессиональных критериев соответствия каждой службе, появление практики конкурсного отбора по достоинствам и степени пригодности, наконец законодательное закрепление в 1467 г. сложившегося правила фактической несменяемости чинов.

Параллельно развивался процесс укрепления прав чиновников на занимаемые должности, характеризуемый исследователями как клерикализация служб. Широко применявшаяся до реформ короля Людовика IX Святого практика откупа должностей (*ferme*) через уплату короне залога сочеталась с правом этих откупщиков перепродавать свои функции другим лицам. Большой ордонанс Людовика IX Святого от 1254 г., введивший «кодекс добропорядочного функционера», по выражению Ж. Ле Гоффа, предусматривал ограничения такого рода частной продажи, препятствующие наследованию должностей³.

¹ *Хачатурян Н. А.* Король-sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 25.

² *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 305–352.

³ В этом указе оговаривался запрет продавать должности сыновьям, братьям, племянникам или кузенам; в ордонансе от 1256 г., повторившем основные положения

Первым этапом на пути к реальному владению чиновником своей должностью становится появление пожизненного жалования, означавшего фактическую несменяемость служителя короны, поскольку оно выплачивалось ему вне зависимости от того, продолжал он службу или нет. В большом ордонансе о служителях Дома короля от 1318–1319 гг. упоминается получение чиновниками пожизненного жалования (*à vie*) как поощрения за «хорошую службу» (*pour leurs bons services*)¹. Если сначала дарование пожизненного жалования представляло собой милость короля за особые заслуги чиновника, то затем пожизненное жалование стало даваться как пенсия старому, больному или немощному чиновнику в компенсацию долгой и безупречной службы. Впервые такие условия оговорены в указе от 8 апреля 1342 г., который отменял прежние дарования пожизненного жалования, оставляя его только тем, кто «действительно болен, очень стар или немощен» и кто «долго и честно служил»². Так возникла норма получения чиновником пожизненного жалования после длительного срока службы, однако конкретные сроки, достаточные для подобной милости, все время менялись. Удлинение этих сроков определенным образом коррелирует с нормами римского права: так, по указу от 3 февраля 1406 г. пожизненное жалование для служителей Парижского парламента сохранялось только для тех, кто проработал 20 лет, хотя это вызвало протест членов верховного суда. В кабошьенском ордонансе 1413 г. была предпринята попытка еще более удлинить сроки: необходимый для получения пожизненного жалования стаж повышался с 20 до 30 лет³.

Пожизненное жалование давало чиновнику право фактического владения должностью, поскольку он мог передать исполнение своих функций другому лицу, на свой страх и риск⁴. Такая практика име-

указа от 1254 г., этот круг лиц расширен за счет включения в него родни и друзей, а также дворян (*Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique. 22 vols. / Éd. par E. J. Laurière, D.-F. Secousse, L.-G. de Villeval, L. G. de Brequigny, E. Pastoret, J. M. Pardessus. Paris, 1723–1849. 22 vols. T. I. P. 73, 80*). (Далее – ORF.)

¹ ORF. Т. I. P. 661 (N 41); 671 (N 20). Указ отменял эти дары, поскольку они превратили должности в своего рода бенефиции, не прекращающиеся со смертью их владельца.

² ORF. Т. II. P. 172–173.

³ См. подробнее: *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. С. 334–336.

⁴ «...grace de les desservir par autres personnes suffisans à leur perils» (ORF. Т. II. P. 175).

новалась *survivance*: чиновник получал право передать другому лицу исполнение своих функций, и должность имела какое-то время двух титуляриев, переходя после смерти владельца к тому, кто его функции отправлял¹. С середины XIV в. официально появляется практика уступки должности (*resignatio in favorem*), взятая из канонического права, – подобно бенефицию, ее можно было уступить при жизни чиновника, за 40 дней до окончания срока службы и бесплатно; поэтому получатель должен был принести клятву, что не платил за должность денег. Со временем эта клятва превратилась в формальность и никого не вводила в заблуждение. Если уступка делалась ближайшему родственнику (сыну, зятю, племяннику и т. д.), то он, разумеется, ничего не платил, а вот чужой человек явно денежно компенсировал такую уступку. Таким образом, практика уступки должностей подразумевала две разные формы замещения вакансий – наследование и частную продажу. Но и передача по наследству, и разрешенная короной в виде особой милости частная продажа должностей являлись формами поощрения и пенсiona для долго и безупречно прослуживших чиновников².

В ходе этого исследования мое внимание привлекла формула из королевских указов о назначении чиновников на должности: «ввести имярек во владение и сейзину должности»³. Судя по имеющимся у меня данным, эта формула – введение во владение и сейзину должности – появляется в формуляре королевских указов примерно во второй половине XIV в., конкретно – в правление Карла V Мудрого. В ряде указов от 1360-х гг., касающихся утверждения королем в виде особой милости своим чиновникам уступок или продажи должностей, фигурирует их «владение» своими должностями⁴. А в указе от 5 августа 1368 г. король требует от виконта Фалеза восстановить «во владении и сейзине» должности сержанта мэтра Гийома де Ла Розьера⁵. В указе от

¹ Об этой практике как о выражении прав на владение должностью и предтече ее частной продажи см.: *Guenée B. Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis à la fin du Moyen âge (vers 1380 – vers 1550). Strasbourg, 1963. P. 177.*

² О корпоративных, семейных и частноправовых стратегиях комплектования органов королевской власти см. подробнее: *Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. С. 333–352.*

³ «...en possession et saisine dudit office» (Там же. С. 323).

⁴ «...mettre en possession de l'office» (*Tessier G. L'activité de la chancellerie royale française au temps de Charles V // Le Moyen Âge. 1938. T. 48. N 1. P. 38–43*).

⁵ «...la possession et saisine de la dicte sergenterie restituée et restabliz au dit maistre Guillaume» (*Mandements et actes divers de Charles V / Éd. par L. Delisle. Paris, 1874. P. 230, N 461*).

2 июля 1376 г. рыцарь Жан Брак назначается мэтром и хранителем королевских вод и лесов в герцогстве Нормандии, и его надлежало «ввести во владение и сейзину этой должности»¹. В дальнейшем, особенно с начала XV в., эта формула становится общим местом, и служитель при назначении в обязательном порядке вводился во владение и сейзину должности².

В итоге мной были сделаны два принципиальных вывода. Во-первых, эта формула наиболее емко и точно выражала специфические права чиновника как владельца должности на сохранение своего статуса при условии соблюдения им должностных обязанностей (контракта с королем). Во-вторых, эти права органично выросли из административной практики и были продиктованы конкретными обстоятельствами политической истории Франции XIV–XV вв.

Теперь, при ближайшем рассмотрении, эта формула оказалась сложнее и многозначнее, чем мне прежде представлялось, и заслуживает специального анализа. По-видимому, ее включение в королевский формуляр о назначении чиновника на должность знаменовало распространение на сферу властных институтов правовых норм собственности/владения, выработанных в средневековом социуме. Изучение сути данной нормы позволяет лучше понять специфику королевской администрации во Франции XIII–XV вв. на этапе складывания публично-правовых основ государства и особенности права собственности/владения в сфере отправления властных полномочий, которые характерны для аналогичных прав в средневековом обществе в целом. Внешне такие права чиновников владеть и распоряжаться должностью выглядят как возвращение к прежней практике инфеодации должностей, от которой корона всеми силами старалась уйти. Вместе с тем складывание правовых гарантий статуса чиновника в XIV–XV вв. напрямую коррелировало с трансформацией природы королевской власти – от патримониальной к публично-правовой³. А потому сформиро-

¹ «...mettre en possession et saisine du dit office» (Ibid. P. 651).

² Убедительным доказательством рутинности этой формулы назначения чиновников на должности является сборник формуляров королевской канцелярии, составленный Одаром Моршеном в 1426–1427 гг., где она фигурирует во всех типах назначений. См.: *Le Formulaire d'Odart Morchesne dans la version du mss BNF fr. 5024 / Éd. par O. Guyotjeannin et S. Lusignan. Paris, 2005.*

³ О процессе изменения характера королевской власти – от патримониальной к публично-правовой – и, как следствие, о трансформации природы службы, о по-

вавшиеся в ходе этого процесса права владельцев должностей имели принципиально иной, по сути, публично-правовой характер.

Для понимания сущности изменений в природе королевской власти и ее администрации необходимо детально изучить правовые истоки и содержание формулы «владение и сейзина». Что означает эта формула? Когда и почему она возникает? Чем конкретно вызвана? И какие последствия для функционирования королевской администрации она имела? Вот круг вопросов, которые предполагается рассмотреть.

Прежде чем перейти к анализу использования данной правовой формулы – «владение и сейзина» – в административной практике французской монархии, стоит обратить внимание на ее игнорирование практически всеми исследователями, занимавшимися историей королевской администрации во Франции позднего Средневековья и раннего Нового времени. Она не упоминается ни в классических работах XIX в. об институтах королевской администрации, ни в трудах специалистов XX в. по социальной истории французского чиновничества. Даже в исследовании О. Мартена о практике уступки должностей в XIV в. во французской королевской администрации нет следов упоминания «владения и сейзины». И в классическом труде Р. Мунье о практике продажи должностей во Франции в XVI в., где первая глава посвящена ее истокам в XIV–XV вв., тоже удивительным образом не затронута данная формула¹.

Итак, что же означает эта формула – «владение и сейзина»? На первый взгляд, она выглядит как синонимичный ряд и соединение в сходном значении двух правовых норм, взятых из разных систем права, римского и германского. На деле, эти понятия не были синонимами и пережили существенную трансформацию в средневековом праве, приобретая новые грани смысла. Понятие «владения» (*possessio*) почерпнуто из арсенала римского права и означает нечто противоположное

явлении нового статуса и особых притязаний бюрократического аппарата на этапе формирования сословной монархии во Франции см. подробнее: *Хачатурян Н. А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989 (особенно С. 18–28); *Она же.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008 (особенно: Раздел III. Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предистории «гражданского общества», С. 156–177).

¹ *Martin O.* La nomination aux offices royaux au XIVe siècle d'après les pratiques de la Chancellerie // *Mélanges Paul Fournier.* Paris, 1929. P. 487–501; *Mousnier R.* La Vénéralité des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen, 1945.

праву собственности (*dominium/proprietas*). При этом права владельца в римском праве были надежно защищены¹. В свою очередь, сейзина происходит из обычного права, восходящего к варварским обычаям германцев. В основе термина «сейзина» (*seisin, saisine*) лежат глаголы *sacire, saisir, saisir* – «захватывать», «овладевать». И лишь позднее он подразумевал долгое владение объектом имущества, а затем также введение кого-либо во владение этим объектом². Таким образом, сейзина также была противоположна праву собственности и предполагала наличие некоего верховного собственника, который и передает объект имущества (главным образом землю) или определенные права во владение и сейзину.

Однако правовой смысл формулы «владение и сейзина» сложнее, чем выглядит на первый взгляд. «Открытие» римского права в XI–XII вв. предоставило в руки юристов (прежде всего канонистов) богатый арсенал средств описания и осмысления правовых реалий средневекового общества, и они стали искусно приспособливать понятия, взятые из римского права, к конкретным социально-правовым феноменам. Термин «владение» существенно трансформировался при его привнесении в средневековые правовые реалии: теперь он распространялся не только на материальные объекты, но и на нематериальные права. При этом характерное для римского права четкое разделение владения (*possessio*) и собственности (*dominium*), весьма полезное для средневековых юристов при описании реалий феодального мира, в структуре обычного права постепенно трансформировалось, и оба понятия теперь могли подразумевать более или менее широкие формы сейзины.

Понятие «сейзины» кардинально отличается от римского владения и выходит далеко за рамки простого сохранения фактического положения. Оно было разработано и внедрено юристами в XI–XII вв. в период григорианской реформы и так называемой рецепции римского права для оформления гарантий прав фактических владельцев земли и иных объектов собственности. Историки права давно спорят об истоках и природе сейзины, единодушно отмечая сложность

¹ См., в частности: *Срединская Н. Б.* Феррара в XIV веке в отражении актов родового архива Сакрати. М., 2017. С. 51–52.

² *Du Cange C. du Fresne.* Glossarium mediae et infimae latinitatis / Éd. Par L. Favre. Paris, 1938. T. 7. P. 275.

и запутанность вопроса о ее происхождении. Так, правовед А. Бонен утверждал, что никто из историков права не знает до конца происхождения института сейзины, и предлагал искать ее истоки в синтезе римского, германского и феодального права. Ему вторил Э. Шампо, автор труда о сейзине во французском средневековом праве: он обращал внимание на сложность этого понятия, неразделимо соединяющего владение и собственность («сейзина – это владение, защищенное законом»; «сейзина предоставляет собой собственность в форме пользования»)¹. Наконец, самый непререкаемый авторитет в области средневекового западного права Ф. У. Мейтленд вовсе не случайно озаглавил одну из своих знаменитых статей «Загадка сейзины». Он отмечал чрезвычайную запутанность этого понятия, в теории означающего лишь владение, но на практике неотличимого от собственности².

Суммируя точки зрения историков права, можно констатировать три источника происхождения владения на правах сейзины: владение через захват имущественного объекта, владение по праву наследования и владение по передаче объекта имущества от собственника к владельцу. Сам же термин «сейзина» использовался в трех значениях: юридический статус объекта владения, символическая процедура наделения владением и само право владения³. Таким образом, формула «ввести во владение и сейзину» подразумевала передачу полноты прав владения, пользования и распоряжения имуществом или иным объектом. Главное, что такого рода владение гарантировало право на сохранение фактической ситуации при исполнении всех обязательств, закрепленных за данным объектом. Лишить сейзины можно было только судебным путем и при наличии доказанных в суде нарушений обязательств. Таким образом, владение на правах сейзины подразумевало судебную защиту прав владельца, поскольку, как констатировал Мейтленд, сейзина – это не просто владение, а владение, пожалованное или признанное сеньором. Причем права владельца сейзины охранялись именно королевскими судами, которые строго преследовали любые покушения на

¹ *Bonnin A.* Étude critique de la notion de saisine. Thèse pour le doctorat. Paris, 1899; *Champeaux E.* Essai sur le «vestitura» ou saisine et l'introduction des actions possessoires dans l'ancien droit français: Thèse pour le doctorat. Paris, 1898. P. 54, 246.

² *Maitland F. W.* The Mystery of Seisin // *Law Quarterly Review*. 1886. N 2. P. 481–496.

³ См. подробнее: *Винокурова М. В.* Сейзина в обычном праве малых городов средневековой Англии // *Средние века*. М., 2017. Вып. 78 (1–2). С. 116–117.

сейзину (*novel disseisin*) и тем самым расширили свою юрисдикцию в этой важнейшей сфере жизни средневекового общества¹.

Правоведы устойчиво относят сейзину к области обычного права и выводят ее из нормы обычая «мертвый хватает живого» (*le mort saisit le vif*), означавшей непрерывность владения, передаваемого от прежнего владельца к его наследнику. Важно, что при этом происходила не передача сейзины наследнику, а продолжение данной сейзины (*de cujus*), на которую лишь проверялась достоверность прав прежнего владельца². В этом плане одним из ярчайших видов применения формулы «владение и сейзина» в смысле передачи реальных прав на имущество мне представляется ее использование в завещательной практике во Франции XIV–XV вв. Согласно нормам права, трактатам юристов и выработанным формулярам, в завещаниях в обязательном порядке содержалось распоряжение «вести во владение и сейзину» всего наследуемого имущества, но не наследников, а душеприказчиков, которых выбрал составитель завещания для исполнения своей последней воли³.

Важно подчеркнуть, что, хотя сейзина главным образом относилась к статусу земельных владений, она распространялась в средневековом праве на любые иные объекты, материальные и нематериальные, что позволило применить эту форму владения и к должностям в королевской администрации. Так, о сейзине применительно к сфере администрации, как о выражении права на владение должностью, упоминается в капитальном труде М. Блока «Феодальное общество». В главе, посвященной основным чертам общего права, он упоминает сейзину как «владение, узаконенное временем», и не делает в этом плане различия между сейзиной на владение полем или судейской долж-

¹ Именно эта размытость границ между собственностью и владением, а также гарантия защиты прав держателя сейзины во французских судах, прежде всего в Парижском парламенте, стали мощным рычагом расширения компетенции органов королевского правосудия, в том числе и в делах церкви. См. об этом: *Cheyette F. La justice et le pouvoir royal à la fin du Moyen Âge français // Revue historique de droit français et étrangers. 1962. N 40. P. 373–394.*

² *Champpeaux E. Essai sur le «vestitura» ou saisine... P. 193–194, 256.*

³ Об этом см. подробнее: *Цатурова С. К. Правовая компетенция и социальные функции душеприказчиков (по завещаниям королевских должностных лиц во Франции конца XIV – начала XV веков) // Электронный научно-образовательный журнал. История. 2017. Т. 8. Вып. 6 (60). Европейское право эпохи Средних веков и Нового времени: между нормой и практикой. [Электронный ресурс] (доступ для зарегистрированных пользователей) URL: <http://history.jes.su/s207987840001913-3-1>.*

ностью. При этом в его интерпретации сейзина была владением по праву давности и в практическом плане не отличалась от собственности¹.

В таком же ключе трактует сейзину и историк права Г. Дж. Берман: в фундаментальном труде «Западная традиция права» он уделяет большое внимание сейзине не только на землю, но и на иные объекты имущества. Тракуя сейзину как выражение владельческих прав лиц, не обладающих правом собственности, Берман видел в ней воплощение специфики средневековой системы права Запада, которую он усматривал не столько в разделенности собственности и множественности владельцев, сколько в наличии гарантий прав этих многих владельцев. Главное, и в этом, по мнению Бермана, заключалась инновация средневекового западного права, – гарантией защиты прав такого владельца являлось время, длительность владения данным объектом, а также исполнение всех обязательств по нему, т. е. добросовестность владельца. Она была «юридическим правом на сохранение фактической ситуации, а это право проистекало из предшествующего пребывания в этой фактической ситуации». Таким образом, сейзина гарантировала право на сохранение фактической ситуации и означала право на владение (а не просто владение), пользование и распоряжение имуществом при исполнении всех обязательств по нему. Берман усматривал здесь влияние нормы, взятой из канонического права, о надлежащей судебной процедуре, когда владельца сейзины не мог силой лишить ее даже собственник. Он также обращал внимание на то, что во Франции уже с конца XIII в. сейзина распространялась не только на землю и движимое имущество, но и на права².

Особую ценность для нашей темы имеют исследования отечественного историка А. А. Касатова, который вновь привлек внимание к сейзине как к важнейшему социально-правовому институту средневекового общества. Его исследования основаны на материале Англии XII–XIII вв., но выходят далеко за эти хронологические и географические рамки. Наряду с происхождением термина «сейзина», его эволюцией и различными трактовками в историографии, А. А. Касатов впервые обратил внимание на разницу между инвеститурой и введением в сейзину, которое он трактует как значимый символический ритуал

¹ Блок М. Феодальное общество / Пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М., 2003. С. 119–120.

² Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 288–289, 296–297, 446.

передачи во владение различных объектов собственности. Он также акцентировал внимание на двойном источнике гарантии сохранения прав владельца на имущество благодаря институту сейзины – давность мирного владения объектом и ритуал введения в сейзину как публичный акт передачи имущества, сопровождающийся некоторыми обрядами (буквальное введение в пределы земельного надела, использование символических предметов, принесение клятвы и т. д.). С этой точки зрения он различал сейзину-владение и сейзину-акт – процедуру наглядного и зримого обретения имущества, в том числе службы¹.

Наконец, напомним, что сейзина имела конкретную цену. За введение в сейзину объектом имущества или прав полагалось заплатить, пусть и умеренную, но все же плату². А от нее, по сути, «рукой подать» до так называемой полетты.

На основе приведенных выше данных о природе и правовом смысле формулы «владение и сейзина», возникает ряд вопросов, имеющих отношение к использованию данной формулы в сфере «собственности на властные полномочия». Действительно ли время владения должностью влияло на право ею распоряжаться? Когда чиновник становился владельцем должности – в момент введения во владение и сейзину или после определенного времени отправления властных функций? В чем заключался ритуал введения во владение и сейзину должности? Кто и на каких условиях наделял чиновника правами на владение и распоряжения должностью? И как это соотносилось с конкретным этапом в становлении королевской власти и ее аппарата управления? Имеющийся в моем распоряжении материал источников не позволяет исчерпывающе ответить на все эти и другие, связанные с ними, вопросы, однако мне бы хотелось обозначить ход своих размышлений по этому кругу проблем.

Время владения сейзиной как гарантия прав владельца представляется далеко не столь очевидным фактом. Еще в давней рецензии

¹ Касатов А. А. Континентальные истоки акта сейзины в Англии // *Historia animata*. Сборник статей памяти Ольги Игоревны Варьяш. М., 2004. Ч. 1. С. 104–119; *Он же*. Процедуры оформления владельческих прав в Нормандском герцогстве и сопредельных областях (конец X–XII век) // *Средние века*. М., 2009. Вып. 70 (4). С. 149–172; *Он же*. Институт сейзины в системе имущественных отношений Англо-нормандского королевства (XII–XIII вв.) // *Средние века*. М., 2012. Вып. 73 (3–4). С. 104–129.

² *Champreux E.* Essai sur le «vestitura» ou saisine... P. 206.

Ф.-Л. Гансхофа на вышедшую в свет книгу М. Блока «Феодалное общество» этот момент – время как гарантия прав владения на статусе сейзины – был поставлен под сомнение. Автор рецензии обращал внимание на ряд примеров, когда сейзина на объект имущества или прав возникала не с течением времени, а прямо в момент инвеституры¹ Сами сроки владения как гарантия прав также являются спорным вопросом. Традиционно нормой обычного права, основанной на германских обычаях, считается владение сроком в один год и один день как гарантия сохранения прав на объект владения². Следы этой нормы старинного обычая сохранялись во Франции и в XIII в.: так, если спорное имущество находилось во владении одной из сторон судебного разбирательства год и день, а противная сторона не оспорила этого факта, то сейзина превращалась в собственность³ Однако уже давно исследователи обратили внимание на то, что после внедрения норм римского права, прежде всего в сферу канонического права, эти сроки стали удлиняться⁴. В римском праве длительное владение имуществом, находящимся в собственности другого лица, давало владельцу права на него, но сроки этого владения варьировались от 10 до 40 лет. Это было взято на вооружение канонистами, а затем и легистами с целью удлинить сроки владения для получения гарантий прав на имущество. Так, в правовом трактате Филиппа де Бомануара возникают три ступени этих сроков по обычаю: владение год и день дает право на сейзину и последующее право собственности, если никто за это время не оспорил владения; владение в течение 10 лет достаточно для получения сейзины и соб-

¹ *Ganshof F.-L.* Bloch M. La Société féodale (Comptes rendus) // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1941. Т. 20. Fasc. 1–2. P. 186.

² Как пишет Э. Шампо, кто владел объектом имущества год и день, тот не мог быть его лишен, и в суде ему бы возместили понесенные убытки. В исследовании М. В. Винокуровой показано укрепление владельческих прав после владения сроком в год и день (*Champeaux E.* Essai sur le vestitura ou saisine... P. 104–107; *Винокурова М. В.* Сейзина в обычном праве... С. 121).

³ *Chénon É., Olivier-Martin.* Histoire générale du droit français public et privé dès origines à 1815. Т. 2. Période féodale et coutumière. Période monarchique. Paris, 1929. P. 220–222.

⁴ В рецензии того же Ф.-Л. Гансхофа на труд Оливье Мартена о парижской кутюме отмечено, что срок в год и день был анахронизмом уже при Филиппе II Августе, в XII в. (*Ganshof F.-L.* Olivier Martin. Histoire de la Coutume de la Prévôté et Vicomté de Paris (Comptes rendus) // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1928. Т. 7. Fasc. 4. P. 1647).

ственности, но при условии мирного владения за этот срок, публично и с ведома законного собственника, а также при правильном статусе (*juste titre*) владения; наконец, владение в течение 30 лет уже не требует ни участия законного собственника, ни правильного статуса, достаточно лишь мирного владения на этот срок¹.

А теперь посмотрим, как все эти нормы отразились на стабилизации статуса чиновников и на их правах владеть и распоряжаться своими должностями. Прежде всего срок пребывания чиновника на должности имел значение с самого начала упоминания в указах о «владении». Так, в приведенном выше указе Карла Мудрого от 5 августа 1368 г. о восстановлении в должности сержанта мэтра Гийома де Ла Розьера в качестве обоснования этого решения приводится незапамятная традиция принадлежности ему и его семье данной должности. Как сказано в указе, должность «принадлежит ему на основании наследования, по передаче от отца и старшего брата и от других предков...; он и его предки пользовались ею мирно столь долго, что не помнят иного, особенно со времени... короля Филиппа Красивого, и с тех пор постоянно» ее отправляли². Таким образом, в указе фигурируют все три условия владения должностью – давность, постоянство и мирное обладание. Те же признаки – давность, наследственность и мирное владение – фигурируют в качестве прав на должность растопителя воска в королевской канцелярии, вокруг которой разгорелся скандал в 1423 г., длившийся два года. Король «соединенного королевства Франции и Англии» Генрих VI назначил нового растопителя воска, дав ему должность «во владение и сейзину». Однако работавшие в канцелярии четыре растопителя воска выразили протест, апеллируя к незапамятной традиции владения ими и их семьями этой должностью, превратившейся в их наследство, передаваемое от отца к сыну³. Когда

¹ *Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Clermont en Beauvaisis / Publ. par A. Salmon. 2 vols. Paris, 1899–1900. T. I. P. 347–349 (Ch. XXIV, 685–687). Об этой позиции Бомануара – необходимость долгого, видимого и публичного владения для превращения его в сейзину – см. также: Касатов А. А. Континентальные истоки акта сейзины в Англии XIII в. С. 110.*

² «...à lui appartenir, à cause de heritage, par la succession de son père et frère aîné et autres ancesours... lui et ses predecessours en avoient joy paisiblement, de si lonc temps qu'il n'est memoire du contraire, especialement dès le temps de nostre chier seignour le roy Philippe le Bel, et depuis continuellement» (Mandements et actes divers de Charles V. P. 230).

³ «...de tel temps qu'il n'estoit memoire du contraire... qui sont offices notables et le vraye heritage de ceulx qui les ont, aussi ont eulx acoustumé de venir de hoir en hoir, et

в 1468 г. король Людовик XI решил сократить разросшуюся численность служителей в Налоговой палате (Cour des Aides), там разразился форменный скандал между семьями чиновников, оспаривавших друг у друга право на должности¹.

Очевидно, что формула назначения «ввести во владение и сейзину» уже подразумевала право чиновника на должность в момент ее передачи. Таким образом, штатные должности к середине XIV в. получили статус объекта владения. О важности этого статуса (*juste titre*) должностей для получения чиновниками права ими затем распоряжаться свидетельствует, например, королевский указ от 8 июня 1369 г. о сокращении штата конных сержантов с жезлами в парижском Шатле. Согласно указу, подпавшие под сокращение сержанты будут продолжать исполнять свою службу пожизненно, но их места уже не смогут замещаться по их смерти. Таким образом, как гласит указ, их должности потеряли стабильный статус и стали рангом ниже из-за невозможности ими распоряжаться². Как пример такого надежного статуса службы можно привести должность секретаря по гражданским делам в Парижском парламенте, очень важную по объему полномочий и штатную. Когда в ноябре 1400 г. на нее был избран Никола де Бай, выяснилось, что король уже передал вакантные на некоторое время профиты от нее (жалованье, бурсы, мантии и т. д.) другому лицу, так что новоизбранный секретарь остался без оплаты. В регистре парламента за 24 декабря 1400 г. фигурирует указ короля об исправлении этой оплошности и передаче «во владение и сейзину» Никола де Байю первой же вакансии секретаря канцелярии, которая появится³.

Должности, получившие статус держания на правах сейзины, законным образом передавались разными способами замещающими их чиновниками, но статус этих должностей уже не подлежал пересмотру.

si estoit tout notoire, ne n'estoit memoire d'ome au contraire» (*Longnon A. Paris pendant la domination anglaise (1420–1436): Documents extraits des registres de la chancellerie de France. Paris, 1878. P. 76–77, 184–186.*)

¹ В отчете направленных в Налоговую палату комиссаров сказано о целых «линьях» среди ее служителей и о «раздорах, спорах, лигах» и даже драках, парализовавших работу этого важнейшего ведомства. См.: *Rapport au Grand Conseil de Louis XI sur les abus et les scandales de la Cour des Aides de 1468 // Bibliothèque de l'École des chartes. 1848–1849. T. 5. P. 60–66.*

² «...titres assez foibles» (ORF. T. V. P. 195).

³ «...en possession et saisine des premiers gages, bourses et manteaux de notaire» (Archives Nationales de France. Collection Le Nain. U 2018, fol. 18–19v).

Выработанные со временем внутри корпуса чиновников критерии отбора (профессиональные знания, опыт и пригодность) определяли круг лиц, кому должность могла быть передана. Таким образом, частноправовые практики замещения вакансий в органах власти соединялись с публично-правовым характером складывающегося института службы, что делало такие практики принципиально отличными от прежней ифеодации должностей.

В этом контексте ритуал введения во владение и сейзину должности раскрывает новую природу права на властные полномочия и заслуживает внимания. Во Франции, как и повсюду, права владельца сейзины защищала верховная власть¹. В сфере владения должностями в королевской администрации эти полномочия верховной власти приобретают двойной вес, поскольку здесь король являлся не только высшим гарантом, но одновременно и верховным собственником всех должностей. Ритуал введения во владение и сейзину должности, судя по имеющимся данным, напоминал традиционную передачу сейзины на землю или иной объект имущества. Чиновник обязан был принести на священных предметах (чаще всего Евангелиях) клятву верности и соблюдения всех должностных обязательств². Для каждой службы клятвы были различными, но все они содержали обещание охранять права и интересы короля, соблюдать секретность и т. д. Этот символический акт ввода во владение и сейзину имел краеугольный характер для всех объектов имущества и прав, поскольку укреплял владельческие права путем использования священных предметов и самим своим публичным характером. Показательно, что повсеместно и даже в случаях передачи земли, символическая инвеститура постепенно начинает заменять «реальную»: уже не производится конкретное введение нового владельца в пределы земли, появляются символические предметы, замещающие реальные; чаще стали передаваться невещественные блага, которые невозможно было зримо передать; наконец, участие самого сеньора-собственника также становится анахронизмом³.

¹ См. об этом: *Берман Г. Дж.* Указ соч. С. 446.

² Как поясняет опытный служитель Канцелярии Одар Моршен, «для всех королевских служб необходимо принести клятву до [получения] владения» («car en tous offices royaux fault faire serement avant la possession») (*Le Formulaire d'Odart Morchesne*. Р. 206). Акт ввода в сейзину земли также предусматривал принесение клятвы верности. См.: *Винокурова М. В.* Сейзина в обычном праве... С. 125.

³ *Chatreaux E.* Essai sur le «vestitura» ou saisine... Р. 179–199; *Касатов А. А.* Процедура оформления владельческих прав... С. 166.

Эта общая тенденция проявилась и в сфере назначения чиновников на должности. Участие короля как владельца всех служб и неразделенной полноты компетенции в процедуре введения во владение и сейзину должности уходит в прошлое и замещается представителями конкретных ведомств, которым король делегирует эти полномочия. Обратим внимание на то, что, при всех частноправовых формах передачи должностей, она передается новому чиновнику не из рук ее прежнего владельца, а, как и в случае земельных владений, через руки сеньора, в данном случае – короля или его уполномоченных. Это укрепляет владельческие права нового чиновника, поскольку он получает гарантию от претензий третьих лиц. Но, с другой стороны, участие уполномоченных лиц в передаче должности отдаляет персону монарха от процедуры назначения нового служителя. К тому же к середине XIV в. власть монарха трактуется как «публичная служба» и «временное держание», но не как собственность, и король уже ограничен в проявлениях своей прихоти. В такой ситуации именно получившие от короля полномочия вводить во владение и сейзину должностей лица и институты власти становятся гарантами защиты прерогатив короны и ее служителей.

Таким образом, процесс трансформации природы королевской власти, приобретающей публично-правовой характер, нашел отражение в процедуре назначения новых чиновников. Прежде всего акт введения во владение и сейзину должности стал публичным: об этом свидетельствует формуляр назначений, использующий формулу открытого письма – «всем, кто это письмо увидит», «доводим до сведения всех, нынешних и будущих», а также предписания принять клятву публично на заседании конкретного ведомства¹. Во-вторых, в этих указах делегируется право принять клятву и ввести во владение и сейзину должности конкретным ведомствам короны с учетом сложившейся иерархии: например, сержантов и капитанов на местах вводят в сейзину должности бальи и сенешали, лесников – мэтры вод и лесов, советников Казначейства – чиновники этого же ведомства, то же самое и для служб генеральных советников финансов; президента Налоговой палаты – генералы Налогового суда, членов Парламента и Палаты счетов – сами чиновники этих ведомств. Во всех указах король

¹ «... à tous ceulx qui ces lettres verront, salut»; «Savoir faisons à tous presens et à venir» (Mandements et actes divers de Charles V. P. 651; ORF. T. XVI. P. 53; Le Formulaire d'Odart Morchesne. P. 199, 201).

прямо обращается к служителям этих ведомств с приказанием принять клятву и самим ввести новоназначенного чиновника во владение и сейзину должности. Они же должны проверить соответствие человека данной службе, учитывая выработанные в профессиональной среде критерии отбора¹. Таким образом, именно эти институты королевской власти становятся главным звеном в символическом акте вступления в должность, олицетворяя государство, а не конкретного монарха. Обращает на себя внимание тот факт, что владельческие права чиновника на должность были диаметрально противоположны сложившейся иерархии служб: чем выше была служба, тем меньше было гарантий ее наследования или иной частной передачи².

Наконец, важную трансформацию пережила и норма обычая – соблюдение обязательств по сейзине как гарантия прав на владение. Согласно римскому праву, одним из обязательных условий получения любого объекта собственности являлось ясно выраженное намерение человека им владеть (*animus possidendi*). В средневековом обычном праве под влиянием церкви это условие было дополнено моральными соображениями: права владения гарантировались только тому, кто «по совести», добросовестно исполнял все обязательства по данному держанию³.

Этот принцип в полной мере воплотился в административной практике. Прежде всего в тексте клятвы чиновника при вступлении в должность содержалось обязательство «хорошо и законно исполнять службу»⁴. О том, что добросовестное, без нареканий исполнение своих

¹ ORF. T. IV. P. 410–411; T. XVI. P. 53, 331–332; *Le Formulaire d’Odart Morchesne*. P. 199, 201–217. О складывании иерархии ведомств и служб короны Франции см.: *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. С. 158–171.

² В этом аспекте сфера власти также тождественна сфере земельной собственности: согласно А. А. Касатову, чем ниже был статус земельного владения, тем больше у его владельца было гарантий прав и преемственности в части ее наследования. См.: *Касатов А. А.* Институт сейзины в системе имущественных отношений... С. 112.

³ Правоведы усматривают здесь влияние канонического права и видят закрепление этого правила в каноне *Quoniam*, принятом на IV Латеранском соборе в 1215 г. (*Chénon É., Olivier-Martin.* Histoire générale du droit français public et privé... P. 223).

⁴ Вот как это написано в формуляре о назначении на должность генерала финансов: «...prins et receu le serement en tel cas acoutumé de bien et loyaument faire et excercer ledit office» (*Le Formulaire d’Odart Morchesne*. P. 201).

должностных обязанностей является законной гарантией сохранения прав на владение должностью, ясно свидетельствуют законодательство и административная практика. Так, при сокращении численности сержантов в бальяжах и сенешальствах в 1362 г. указ предписывал оставить на должностях тех, кто «хорошо и законно служил и не совершил проступков». При восстановлении на должности президента Налоговой палаты в указе от 1465 г. прямо сказано, что основанием для этого стала его «хорошая и безупречная служба» в прошлом¹. Выдающийся юрист и королевский адвокат Жан Ле Кок включил в составленный им сборник судебных казусов дело об отстранении адвоката церкви Сен-Мартен-де-Шан от 1387 г., озаглавив его так: «Являются ли чиновники несменяемыми». В приведенных аргументах адвоката Никола Блонделя, оспорившего в суде это решение приора церкви, особый упор делался именно на том, что он «честный и с незапятнанной репутацией практик, не испорченный и не осужденный на законном основании»².

В сборнике формуляров, составленном секретарем Канцелярии Одаром Моршеном, присутствуют различные модификации этого сложившегося в практике «золотого правила» службы. Так, в разъяснениях к формуляру назначения чиновника сказано, что «штатные должности постоянны, если только нет нарушений». Отдельно приведен типовой указ о появлении вакансии в связи с должностными нарушениями (*forfaiture*), в комментариях к которому Моршен пишет, что «отстранять чиновника можно только после ординарного судебного процесса и что, согласно королевским указам, ни один чиновник не должен лишаться должности без причины и без права быть выслушанным». Об этом же говорится в двух типовых указах: в ответах на протесты отстраненных чиновников отмечается, что лишенный должности человек «хорошо и подобающе служил, давно... без ошибок и нареканий и поэтому по разуму и справедливости не может быть отстранен», к тому же «по королевским указам ни один чиновник не должен лишаться должности без причины и не будучи выслушан в своих резонах и оправданиях»³.

¹ ORF. T. IV. P. 471, T. XVI. P. 332.

² «...preudomme et praticien non diffamez, ne corrupus et n'est pas dampné de droit» (*Le Coq, Jean. Quaestiones Johannis Galli / Éd. M. Boulet. Paris, 1944. P. 208, Qu. 178*).

³ «...ce sont offices perpetuelz de roy en roy qui ne les forfait»; «sinon jusques a ce que celui qui le tenoit en soit privé par procès ordinaire; aussi par ordonnances royaulx nul officier ne doit estre osté de son office sanz cause et sanz y estre oy»; «s'i est bien et deument gouverné, y a longement servi... sanz faulte ou reprehencion aucune et par

Права чиновников на владение должностями и на стабильный статус с особенной наглядностью проявились в еще одной административной практике: когда король по каким-то соображениям замещал одного чиновника другим, но не за должностные проступки, тогда этот отстраненный чиновник имел право получить первую же вакантную службу. Для этого он обращался в суд, главным образом в Парижский парламент, с требованием зафиксировать в протоколах, что его отстранение было сделано не за какие-то проступки, доказанные судом¹.

Нет нужды подробно объяснять заинтересованность самих чиновников в стабильности своего положения. Взяв из канонического права нормы о статусе бенефиция (несменяемость, лишение только в случае доказанного судом проступка, право уступить другому лицу), а из обычного права правил пользования и распоряжения сейзиной (долгое и мирное пользование, наследуемость при соблюдении условий контракта), чиновники приспособили их к своим интересам и выработали правовые гарантии принципа несменяемости и владения должностями, обосновав их к тому же «общественным интересом». Но такой интерес действительно мог быть: общество было заинтересовано в наилучшей работе органов королевской власти и высказывалось за несменяемость чинов как гарантию их профессионализма, лояльности, нестяжательства и политической нейтральности.

Последнее обстоятельство особенно важно. Дело в том, что принцип фактической несменяемости чиновников был узаконен после политического кризиса 1356–1358 гг., известного как Парижское восстание Этьена Марселя. Отстранение в ходе него 22 высших чинов короны по политическим мотивам и без судебного разбирательства нанесло удар по статусу королевской администрации, ставшей «козлом отпущения» за ошибки короны. После подавления восстания указом от 28 мая 1359 г. они были возвращены на должности; затем при восшествии на престол в 1364 г. король Карл V Мудрый впервые переназначил всех

ce de raison et bonne equité n'en doit estre debouté... par ordonnances royaulx aucun officier de doit estre desapointié de son office sanz cause et sanz estre oy en ses raisons et justifications» (Le Formulaire d'Odart Morchesne. P. 206–209, 217–218).

¹ В массовом порядке такие иски зафиксированы в протоколах парламента при замене корпуса представителей короля на местах (сенешалей и бальи) во время гражданской войны арманьяков и бургиньонов (1413–1417 гг.). См. подробнее: *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. С. 321–322.

чиновников на их должностях, фактически сделав их несменяемыми, хотя в теории до и после этого указа смерть монарха делала все должности вакантными¹. Тем самым были узаконены автономность от персоны монарха и политическая нейтральность королевской администрации. Это стало двигателем процесса расширения полномочий монарха и роста авторитета государственного аппарата во Франции. А служители короны получили стабильное и независимое положение, гарантированное правовыми нормами, в том числе статусом владения и сейзины должностями, что защищало королевский аппарат от политического давления и не раз спасало страну от распада.

С. К. Цатурова (Москва, ИВИ РАН)

¹ См. подробнее об этом: Там же. С. 306–308.

КОРОЛЬ – АРБИТР В СПОРАХ О ПРАВАХ НА ИМУЩЕСТВО МЕЖДУ МУСУЛЬМАНАМИ

Аннотация

Рассматривается казус о правах на пользование имуществом, разбиравшийся в королевской курии Арагонской короны в 1300 г. Жившие здесь мусульмане заключали сделки, вступали в имущественные отношения, в конфликтных или спорных ситуациях обращались в суд. Обычно это был суд кади, но мусульмане могли обращаться за справедливостью и в высшую инстанцию – к христианскому королю. Анализ документов позволяет утверждать, что в центре внимания сторон и судей было время пользования имуществом, срок действительности переданных прав, который стал определяющим условием сделки, объектом мошенничества и главным аргументом в исковой защите.

Ключевые слова: Арагонская Корона, мусульмане, имущественные споры.

The King as an arbitrator in property disputes between the Muslims

Summary

The author discusses the case of the right to use possessions, which were examined in the royal curia of the Aragon Crown in 1300. Muslims who lived here made deals, entered into property relations, and went to court in situations of conflict or dispute. Usually it was a Qadi court, but Muslims could apply for justice to the highest authority, i.e. Christian king. An analysis of the documents allows us to confirm that in the focus of the parties and the judges was the time of using the possessions, the validity period of the transferred rights, which became the determining condition of the transaction, the object of fraud and the main argument in the lawsuit.

Key words: Aragon Crown, muslims, property disputes.

Мусульманское завоевание Пиренейского полуострова, владычество мусульман здесь, а затем постепенное отвоевание христианами

земель у мусульман привело к тому, что в XIV в. под властью христианских государей находилось многочисленное иноверческое население. Мусульмане жили и в городах, подвластных арагонским королям.

По обыкновению того времени, сарацины, как здесь называли мусульман, пользовались своим правом, судились у кади, обладали самоуправлением в рамках своей общины, имели своих должностных лиц. Их права собственности, наследования и распоряжения имуществом защищались королевскими фуэро и привилегиями. Мусульмане заключали сделки, вступали в самые разнообразные имущественные отношения и, разумеется, нуждались в инстанции, которая бы регулировала возникавшие на этой почве конфликты и споры. Такой инстанцией традиционно был суд кади и в землях Арагонской Короны этот порядок сохранялся.

Однако бывали ситуации, в которых мусульмане предпочитали обращаться за судейством в высшую инстанцию, к своему сеньору – христианскому королю. Тогда они отправлялись ко двору и подавали прошение. Как правило, решение пожаловаться государю было сопряжено с какими-то особенными обстоятельствами дела, выведившими его за рамки общины мусульман. Так, сарацинка-вдова могла просить защитить ее право на виноградник, столкнувшись с капитулом собора Уэски и не добившись эффективной защиты своих интересов в ординарном городском суде¹.

Однако нередко мусульмане предпочитали обеспечивать свои интересы, действуя через курию, и в тех случаях, которые формально вполне могли регулироваться местным кади. В каждом конкретном казусе была своя причина такого выбора. Рассмотрим один из подобных казусов, касающийся имущественных отношений, установленных, видимо, в результате устного соглашения между двумя мусульманами Льебды.

6 июля 1300 г. сарацин Айса Амалкасес и его жена Фатима получили в королевской курии письмо отсрочки, *littera elongamenti*. Это был типичный для того времени короткий документ с определенным формуляром, оформление которого оплачивалось по устойчивой и невысокой официальной таксе. Документ такого рода позволял не соблюдать обязательства по возвращению долга в оговоренное сторо-

¹ *Basañez Villaluenga M. B. La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV. Barcelona: CSIC, 1989. Apéndice documental. Doc. 60.*

нами время. Супругам Айсе и Фатиме в ответ на их прошение, поданное в курию, была выдана бумага «о выплате того количества состояния (rescupia), каковое должны Махometу де Конча...» через два года¹. Размер долга здесь не был указан, что не должно смущать, поскольку формуляром такое вполне допускалось. На первый взгляд, перед нами обычное дело отсрочки долговых обязательств. Если что и может привлечь внимание какой-нибудь особенностью или своеобразием в этой ситуации, так это то, что по какой-то причине мусульманин Айса не пожелал договариваться со своим кредитором сам или через кади, а предпочел обзавестись королевской бумагой.

Махomet де Конча, вступая в спор с Айсой, вынужден был в результате такого решения должника тоже обращаться уже не к местному судье, кади Льейды, который традиционно разбирал долговые и имущественные тяжбы, а к государю. Дело, однажды попав в высшую инстанцию, только там и могло быть разрешено, королевское письмо отсрочки могло быть «осилено» только другим королевским документом.

21 августа 1300 г., т. е. спустя полтора месяца после составления *littera elongamenti*, из канцелярии короля Жауме II (1267–1327) вышла грамота, которая была составлена в ответ на жалобу Махometа де Конча, и была направлена байлу Льейды, т. е. королевскому официалу, в обязанности которого среди прочего входило контролировать дела в мусульманской общине. В этом документе подробно сообщались обстоятельства дела, по всей видимости, изложенные Махometом в жалобе, благодаря чему становится понятно, что отношения между двумя сарацинами в связи с правами на некоторое имущество были гораздо сложнее, чем отношения между должником и займодавцем. Кроме того, совершенно точно, что эти отношения не сводились к спору о сроках возвращения некоей денежной суммы, как это следует из приведенного выше текста приобретенного Айсой королевского «письма отсрочки».

Махomet, сообщая об обстоятельствах своего дела, рассказал, что он был кузнецом и, собравшись в дорогу по торговым делам, договорился с Айсой, что оставит на него свою мастерскую в Льейде со всем

¹ *Mutgé i Vives J.* L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. Aproximació a la seva història. Barcelona: CSIC, 1992. Apèndice documental. Doc. 31: «Fuit facta littera elongamenti Auçam Amalçaceç, sarracenum llerde et Fatimam, uxorem suam, a solucione illius quantitates pecunie quam debent Mahumeto de Concha, hinc ad duos annos...»

необходимым для кузнечного дела. Айса принял на себя обязательства сохранить мастерскую и все потребные для ремесла вещи и вернуть их Махometу сразу же, как только тот потребует их назад. Айса получал право законно (*benigne et legaliter*) работать в мастерской, пользоваться всем, что ему потребовалось бы в кузнечном искусстве, и должен был по возвращении хозяина представить ему обо всем «добрый и законный» отчет (*bonum et legalem comptum et rationem de omnibus supradictis*)¹.

Закончив свои дела, Махomet прибыл в Льеиду и пожелал вернуть себе мастерскую и хранившееся в ней имущество, как и было договорено. Но Айса не торопился выполнять соглашение. Более того, он отправился в королевскую курию, представил дело таким образом, будто бы речь шла не об обязательствах в связи с пользованием имуществом, а о долге в виде денежной суммы и, заплатив за составление *littera elongamenti*, легко получил документ, при помощи которого надеялся отложить на два года неприятную процедуру возвращения мастерской.

В своей жалобе королю Махomet сообщал, что Айса дурно и не по праву, недолжным образом, отказывается вернуть ему имущество и представить отчет под тем предлогом, что у него имеется какая-то выданная курией отсрочка по выплате некоего количества денег, которое Айса с женой будто бы получили от Махometа². Речь шла, видимо, о попытке смошенничать: заявить в курии расплывчатые, в общем виде сформулированные сведения, не без оснований рассчитывая на то, что королевские официалы не станут вдаваться в подробности дела. На

¹ *Mutgé i Vives J. L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana...* Doc. 32: «Ex parte Mahometi de Concha, sarraceni Ilerde, propositum extitit coram nobis quod ipse, dudum, cum esset, causa mercandi, extra terram nostram ad partes aliquas accessurus, comendavit et tradidit Ayça de Malçaçoç, sarraceno Ilerde, quoddam suum operatorium, situm in civitate Ilerde et plures alias res aptas et necessarias ad officium ferrerie, qui Ayça promisit sibi conservare et custodire fideliter ac sibi restituere, incontinenti, cum esset inde requisitus, operatorium cum rebus omnibus supradictis, ibique operari de arte ferrerie predicta benigne et legaliter ad comodum et utilitatem ipsorum, ac reddere eidem bonum et legalem comptum et rationem de omnibus supradictis».

² *Ibid.*: «nunc, cum dictus Mahometus peteret predicta sibi restitui, dictus tamen Ayça differet et contradicit, maliciose ac indebite, ea sibi restituere ac sibi comptum et rationem reddere, pretextu cuiusdam elongamenti a nostra curia impetrati, ad certum tempus, de quadam peccunie quantitate, in qua asserebatur ipsum Ayçam et Fatimam, eius uxorem, tenere Mahometo predicto. Cumque, pro parte pretacti Mahometi fuerit nobis humiliter supplicatum super hiis de iuris remedio provideri...»

Махомета королевская грамота должна была произвести впечатление своей значительностью, побудить его отступить перед столь весомым аргументом.

Однако Махомет предпочел ввязаться в тяжбу, в свою очередь отправиться ко двору и нижайше просить короля «позаботиться о правом средстве» в этом деле. Его расчет оказался верен: вскоре от имени короля Жауме I в Льейду, где жили оба кузнеца, было отправлено распоряжение, адресованное официалу, наделенному полномочиями вмешиваться при необходимости в дела сарацин.

В этом распоряжении было со всей определенностью прописано, что в намерения короля никак не входило жаловать отсрочку обязанностей подобного рода и допускать, чтобы Айса мог или должен был бы задержать возвращение мастерской и прочего имущества. Байлу следовало разобраться в том, что в действительности Айса получил от Махомета и, не принимая во внимание письмо отсрочки, принудить первого выполнить обязательства: вернуть Махомету кузницу и все то, что в ней содержалось, а также, как и было уговорено, представить отчет.

В королевском документе, дававшем право выплатить долг через два года, использовался обобщающий термин – *resunia*, которым обозначалась денежная сумма (такого же мнения придерживается и издательница актов Ж. Мутже-и-Вивес). В письме официалу имущество, вокруг которого шел спор, было обозначено словами, отсылавшими к конкретике – мастерская, вещи, необходимые для кузнечного дела. Общее понятие *bona*, имущество, было использовано в заключительной части документа в составе формульного предписания, типичного для актов подобного рода: принудить Айсу с его имуществом отвечать за принятые на себя обязательства.

Любопытно, что под пером королевского писца персона ответчика и его имущество превратились в равнозначных акторов, синтаксически связанных союзом *et*: «говорим и повелеваем вам, чтобы вы принудили упомянутого Айсу и его имущество вернуть и передать упомянутому Махомету или кому он пожелает вместо себя мастерскую и прочие вещи».

Иные слова или термины, передающие юридическую категорию собственности или имущества *en general*, в арагонских королевских актах этого времени не применялись.

Махомет, уезжая, свою мастерскую и вещи *comendavit* и *tradidit*, т. е. передал, – в этих двух глаголах не стоит искать нюансы смысла,

поскольку их два исключительно ради красоты стиля, как его видели в начале XIV столетия делопроизводители королевской канцелярии. Айса обещал мастерскую со всеми вещами *conservare* и *custodire fideliter*, верно блюсти и охранять, *restituere*, вернуть хозяину; кроме того, он мог там работать, *ibi operari*, а потом дать обо всем этом отчет, *comptum et rationem reddere*. Нарушая это соглашение, Айса стремился переданные ему мастерскую и вещи, *comendatas* и *traditas*, удерживать, *detinere*, откладывать во времени их возвращение, *restitutionem retardare*. В то же время деньги, полученные в долг, по утверждению Айсы и его жены Фатимы, они от Махомета имели или держали, *tenere*.

В целом такой набор глаголов применительно к имуществу совершенно типичен для настоящих источников, и мы приводим его здесь так подробно не столько для того, чтобы продемонстрировать обыкновенность лексики, сколько для того, чтобы читатель получил возможность оценить многообразие отношений, которые возникали в связи с имуществом.

Хозяин кузницы обладал правом собственности на недвижимое имущество в виде расположенной в Льеиде мастерской и на движимое имущество, находившееся внутри этого помещения и потребное для занятий ремеслом. Это были инструменты, материалы, сырье. Хозяин имел право пользоваться своим имуществом и передавать его другим лицам. Разумеется, он мог его отчуждать, но об этом в документе не говорится.

Айса получил имущество Махомета во временное пользование, он мог извлечь свою выгоду из этого, должен был блюсти и по первому же требованию сразу вернуть это имущество. Важно заметить, что Айса не был ни арендатором, поскольку ничего не платил за пользование помещением и «вещами», ни простым сторожем, поскольку Махомет не нанимал его и ничего ему не выплачивал. С точки зрения строгого легиста из королевской курии, который бы смотрел на этот казус, исходя из римского права, соглашение, заключенное между сарацинами, не могло быть отнесено к типичным сделкам. Оно состояло будто бы из двух соглашений: из договора о хранении, при котором обязательства сводились бы к охране имущества, и из договора об использовании имущества, предметом которого был нерегулярный депозит, составленный движимым и недвижимым имуществом.

Впрочем, для королевских юристов, по всей вероятности, принципиальное значение имели другие вещи, о чем говорит текст грамоты. В

нем специальное внимание было уделено тому, что при заключении соглашения, во-первых, Айса обещал (*promisit*) исполнить определенные обязательства: а именно хранить и вернуть по требованию, предоставив отчет; во-вторых, Махомет предоставлял ему право использовать кузницу и ее содержимое к выгоде. Таким образом, соглашение было скреплено *promissio* и имело характер взаимного, т. е. обе стороны что-то друг для друга делали, а консенсус, к которому они пришли, в целом был направлен на достижение правового результата.

Само право пользования имуществом выступало основой взаимовыгодных, формировавшихся договором отношений, а имущество служило объектом этих отношений. Право пользования и правомерного извлечения выгоды приобретало значение оплаты за услугу по охране имущества. Притом оплата такого рода вмещала в себя прежде всего право пользования средствами производства и законной реализации продукта производства.

Средства производства в кузнечном деле не относились к категории неистощаемых: существовала амортизация инструментов, расход сырья и материалов. Именно поэтому Махомет желал по возвращении из торговой поездки получить от Айсы отчет обо всех тех вещах, что были в кузнице.

Махомет предоставлял право работать, *operari*, использовать и амортизировать свое имущество, а Айса вкладывал свой труд: то на благо хозяина сохраняя мастерскую, то ради собственной выгоды работая как кузнец, продавая свои изделия. В отношениях между двумя ремесленниками материальные средства производства и связанный с ними труд выступали ключевыми, но в рамках правового мышления эпохи раскрывались через понятие имущества и объема прав на него.

Возвращаясь к тексту грамоты, важно уделить должное внимание тому, что в куриальном документе было особо подчеркнуто, что подобного рода обязательственные отношения, которые были установлены соглашением между сарацинами по поводу мастерской и находившихся в ней вещей, никоим образом не регулировались королевскими письмами об отсрочке долгов: такой тип бумаги, как *littera elongamenti*, применялся в отношении финансовых сделок.

Этот довод имел принципиальное значение как для королевских законодателей, так и для Махомета. Полученная отсрочка не могла быть признана действительной, что делало позицию Айсы безосновательной. В то же время спор в королевской курии между двумя сарацинами

из Лейды велся не о собственности, не о правах на имущество, он касался прав пользования имуществом в течение определенного времени. Срок действительности прав пользования мастерской и инструментами имел самое прямое отношение к материальным интересам Айсы, который за два года смог бы значительно увеличить свою прибыль от соглашения. Соответственно, Махомет, напротив, вынужден был бы гораздо больше «заплатить» за услуги по охране имущества, чем он рассчитывал, когда заключал соглашение.

Время пользования имуществом, срок действительности переданных прав, оказывается определяющим условием сделки, объектом мошенничества и главным аргументом в исковой защите. «Два года», выторгованные в курии Айсой, противопоставлены в грамоте описательному, но активному в своей однозначности выражению «сразу, как только будет потребовано».

Подводя итог этому небольшому путешествию в мир арагонской документации, посвященной имущественным отношениям между сарацинами, следует еще раз обратить внимание на то, что обе стороны, участницы тяжбы, по собственной инициативе, в индивидуальном порядке пришли к решению обратиться в высшую инстанцию – королевскую курию, представлявшую власть, по природе своей сеньориальную, а по конфессиональной принадлежности – иную, христианскую. Сделанный сарацинами выбор свидетельствует о принципиальном значении именно первого компонента.

Впрочем, иноверчество высшей власти было вполне сознательно использовано одним из мусульман – Айсой – при попытке смошенничать, сыграть на очевидном равнодушии куриалов к внутренним, чужим, повседневным делам сарацин. Этот ход имел все шансы на успех, если бы только Махомет не решился действовать в правовом пространстве столь же активно, если бы не был готов видеть в христианском сеньоре защитника и гаранта своих имущественных интересов.

Правовая инициатива мусульман в связи с тяжбой о правах на имущество послужила тому, что в отношении, уже существовавшие в связи с кузницей, были вовлечены король, легисты, писцы, байл, что, безусловно, сделало эти отношения сложными и иерархичными. Принятое властью решение, урегулировало отношения между сарацинами и объединяло ради этого в общем правовом пространстве и мусульман, и христиан.

И. И. Варьяш (Москва, МГУ)

РАЗДЕЛ V

НАЛОГОВАЯ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА В ЭВОЛЮЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ВНЕДОМЕНИАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ АНГЛИЙСКОЙ КОРОНЫ ПРИ ПЕРВЫХ СТЮАРТАХ¹

Аннотация

История «Великого контракта» – дискутировавшейся, но не реализованной программы реформ финансового управления – является показательным эпизодом в становлении британского варианта «нового государства». Если при Тюдорах непосредственные доходы от домениальных земель и доходы от реализации прерогативных прав рассматривались как органически целостный комплекс, то предпринятая Стюартами попытка систематизации механизмов сбора и распределения внедомениальных доходов повлекла за собой определенную автономизацию этой сферы. Предпринята попытка проанализировать два проекта предполагавшейся финансовой реформы, первый из которых предлагался Яковом I, а второй – государственным секретарем Робертом Сесилом, и охарактеризовать причины провала «Великого контракта» в ходе парламентских дебатов.

Ключевые слова: внедомениальные доходы, «Великий контракт», «новое государство», королевские финансы, Казначейство, Роберт Сесил, Яков I Стюарт, Англия.

Non-domanial revenues of the English Crown under the Early Stuarts

Summary

The history of the «Great contract» – a program of financial and administrative reform that had been intensively discussed but never done is an indicative episode

¹ Глава написана при финансовой поддержке СПбГУ (грант № 28481316 «Становление национального историописания в Западной Европе» и грант № 28563044 «Империя и суверенитет в германской и английской правовой мысли XVII века»).

in formation of the unique British form of «Etat moderne». If under the Tudors both immediate revenue from the Royal lands and proceeds from the Crown's prerogative rights were seen as an integral complex, then under the Stuarts, an attempt to systematize mechanisms of collection and distribution of non-domonial revenues caused their separation and consequent autonomation.

Key words: Non-domonial revenues, The Great contract, Etat moderne, royal finance, The Exchequer, Robert Cecil, James I Stuart, England.

Историю «Великого контракта» – дискутировавшей, но так и не реализованной программы реформ финансового управления – вполне логично рассматривать как показательный эпизод в становлении британского варианта «нового государства». Этот специфический региональный вариант был, помимо прочего, связан с процессом отчуждения и последующей централизацией домениальных и прерогативных финансов короны и, как следствие, предусматривал постепенную ликвидацию остатков камеральной администрации, а также преобразование королевской службы в сугубо гражданский институт.

Формально развернувшаяся «за пределами королевского домена» история провала «Великого контракта» является иллюстративной в нескольких отношениях.

Восприятие монарха в качестве верховного «собственника»¹ всех земель королевства Англии (а при Стюартах – и Шотландии) продолжало определять видение и самим монархом, и его подданными всей системы прав и привилегий правящей династии. По сути, обладание землей (всего королевства и королевского домена как его части) одновременно легитимировало не только крайне разветвленную к XVII в. систему домениальных доходов, но и систему прерогативных поступлений, представлявшую собой традиционные сеньориальные права, немислимые вне феодального контекста.

¹ Для английской исторической и правовой мысли представления о монархе как верховном собственнике всех земель английского королевства была очевидна после завоевания Англии Вильгельмом в 1066 г. Речь шла, разумеется, не о праве собственности в классическом римском смысле, но о неограниченной возможности распоряжаться (жаловать земли и в равной степени отменять пожалование) территорией, приобретенной по праву меча. См.: *Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии.* СПб., 2013; *Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии // Цепь времен. Проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 151–197.*

Таким образом, вплоть до конца правления Тюдоров, которые, как известно, актуализировали повторно ряд патерналистски ориентированных институтов, непосредственные доходы от домениальных земель и доходы от реализации прерогативных прав рассматривались как органически целостный комплекс.

Предпринятая Стюартами попытка упорядочения и систематизации механизмов сбора и, что важнее, механизмов распределения вне-домениальных доходов повлекло за собой определенную автономизацию этой сферы (прежде всего в сознании задействованных участников процесса). Дебаты о «Великом контракте» показали, что сфера внедомениальных доходов может быть *автономным* предметом дискуссий и манипуляций, в которых при этом не подвергалась сомнению легитимность самих монарших прав. Речь, однако, шла о постепенном разделении доходов, получаемых непосредственно от домениальных земель (с необходимостью включенных в концепт легитимного династического правления) и «отчуждаемой» части – эксплуатации прерогативных прав.

Заметим, что дальнейшим признаком разделения сфер доходов от королевского домена и доходов от эксплуатации прерогативных прав будет сама полемика о королевской прерогативе – ее сущности, пределах и механизмах институциональной реализации. При Тюдорах обозначенная юристами проблема прерогативы сохраняет более или менее умозрительный характер и дискутируется внутри профессионального сообщества¹. При Якове, а особенно при Карле I обсуждение прерогативы выходит на совершенно иной уровень интенсивности, детализируется и становится едва ли не основным предметом конституционной, а затем и политической полемики².

В контексте изучения проблем владения и собственности история несостоявшегося контракта показательна еще и с точки зрения восприятия обществом перечисленных выше процессов. *Форма и механизм*

¹ *McGlynn M.* The Royal Prerogative and the Learning in the Inns of Court. Cambridge, 1996; *Eppley D.* Defending Royal Supremacy and Discerning God's will in Tudor England. Burlington, 2007. P. 61–143.

² *Smith D. C.* Edward Coke and the Reformation of the Laws. Religion, Politics and Jurisprudence, 1578–1616. Cambridge, 2014. P. 225–258; *Knafla L. A.* Law and Politics in Jacobean England. The Tracts of Lord Chancellor Ellesmere. Cambridge, 1977; *Haivry O.* John Selden and the Western Political Tradition. Cambridge, 2017. P. 160–163.

репрезентации объективных изменений оказываются в контексте становления *Etat moderne* фактором не менее (а возможно, и более) значимым, нежели их содержание.

В долгосрочной перспективе залогом успешного правления Якова Стюарта в Англии стало его исключительное умение избирать оптимальные в конкретных условиях формы диалога с подданными и институтами, которые одновременно являлись и оптимально приемлемыми формами контроля. Здесь Яков I, конечно, не был новатором: многие действия, предпринятые Стюартами после воцарения на английском престоле (а ранее отчасти опробованными в Шотландии), отчетливо напоминали шаги, почти на столетие раньше предпринимавшиеся первыми двумя Тюдорами, а затем повторенные Елизаветой I. Речь идет, во-первых, о намерении короны установить контроль над имеющимися в ее распоряжении средствами (как материальными – земельным фондом и финансовыми доходами, так и инструментальными – упорядочение и фиксация юрисдикций и процедур работы прерогативных институтов). Этот процесс с большой степенью условности можно было уподобить своего рода «ревокации». Во-вторых, каждый раз необходимым было возобновление контракта монарха с обществом, которое, в свою очередь, было представлено корпорациями различного типа – от социопрофессиональных до территориальных объединений, самой крупной из которых была «английская нация»¹.

Идея контракта, как известно, была одной из фундаментальных основ всего средневекового общества². Вассально-сеньориальные от-

¹ *Паламарчук А. А.* Идентичность национальная, идентичность корпоративная: английские юридические корпорации и полемика о композитарной монархии в раннестюартовской Англии // *Этносы и нации в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время* / Под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 179–199; *Хачатурян Н. А.* Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе // *Этносы и нации в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время* / Под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 20–37.

² *Хачатурян Н. А.* Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // *Власть и общество в Западной Европе в Средние века*. М., 2008. С. 31–45; *The Cambridge History of Medieval Political Thought*, с. 350–1450 / Ed. by J. H. Burns. Cambridge, 1988. P. 515–519; *Gierke O. F.* *The Development of Political theory* / Transl. by B. Freyd. New York, 1939; *Hanson D. W.* *From Kingdom to Commonwealth: the Development of Civic Consciousness in English Political Thought*. Cambridge, Mass.

ношения имели контрактный характер, основанный на соблюдении сеньором и вассалом ряда взаимных обязательств; помимо обоюдных выгод (земельного держания, военной службы за землю, справедливого суда, защиты, совета и т. д.), такого рода контракт создавал основу социальных отношений.

Проистекавшие из феодального контракта узы верности, «добродетель постоянства», имели самостоятельную социальную ценность¹, созидавая иерархически упорядоченную территориальную корпорацию, а ритуалы, сопровождавшие контракт, были важной частью коммуникации внутри общины. Контрактные отношения определяли статус и *vice versa* – наследуемый статус определял предсказуемый объем контрактных обязательств, теоретически дискутируемых, но в основе своей регулируемых традицией.

В период раннего Нового времени идея контракта остается в высшей степени востребованной, приобретая новые смыслы при сохранении традиционных основ. С одной стороны, идея контракта приобретает политико-религиозную окраску и становится важным компонентом дискуссий о верховной власти. Ярким примером служит характерная для европейских вариаций кальвинизма идея тираноборства, которое оправдывалось нарушением со стороны монарха обязательств перед своими подданными. Разрыв контракта с монархом-тираном виделся, однако, не как разрушение множества индивидуальных вассальных обязательств, а как прекращение договора между тираном и корпорацией его подданных². Логическим финалом данного направления стала сформулированная уже в XVII столетии концепция общественного до-

1970; Riley P. How Coherent is the Social Contract Tradition? // Journal of the History of Ideas. 1973. № 4. P. 543–562; Höpfl H., Thompson M. P. The History of Contract as a Motif in Political Thought // American Historical Review, 1979. Vol. 84. P. 919–944; Cervone T. Sworn Bonds in Tudor England: Oath, Vows and Covenants in Civil Life and Literature. Jefferson, London, 2011.

¹ Так, в самом начале яковитского правления цивилист Томас Ридли, занимавшийся в том числе и вопросами торгового права, дает вполне традиционную формулу, где феод определялся как «соглашение между двумя» и выводился им от «*fides*» – «верность». См.: *Ridley Th. A View of the Civile and Ecclesiastical Law*. London, 1607. P. 62.

² Для Британских островов такое восприятие религиозно-политического контракта было свойственно шотландским кальвинистам – Джону Ноксу и Джорджу Бьюкенену, наставнику юного короля Якова VI Шотландского.

говора Руссо. Как протестантские, так и католические теологи в XV и XVII вв. активно осмысливают моральные аспекты контракта с использованием такой категории, как справедливое соотношение взаимных обязательств и получаемых выгод¹.

С другой стороны, развитие торговли и торгового права влекло за собой постепенное усложнение и детализацию контрактного права как области, не связанной с феодальными обязательствами. В основе частного контракта лежала такая договоренность о вещах (*re*), которая должна была приносить взаимную выгоду; он являлся единовременным и не создавал устойчивых социальных связей. Принесение клятвы, ранее сопровождавшее заключение контрактов и считавшееся достаточным основанием для признания сделки действительной, все чаще заменяется письменной фиксацией обязательств. Происходит частичное переосмысление сущности контрактных отношений. Так, непосредственно перед воцарением Якова громкий резонанс в центральных лондонских судах приобрело дело Слейда, рассмотрение которого длилось с 1596 по 1602 г.² Решение, вынесенное в пользу истца судьей лордом Попэмом, утверждало, что любой контракт предполагает обещание, а его нарушение является умышленным обманом (в то время как согласно ранее применявшейся процедуре контракт рассматривался как состоявшееся, но частично завершенное действие).

Резюмируя метаморфозы представлений о контракте и контрактных практиках в раннее Новое время, можно выдвинуть следующее

¹ *Decock W.* Theologians and the Contract Law: The Moral Transformation of the Jus Commune (ca. 1500–1650). Leiden, 2013. P. 541–544.

² Суть тяжбы состояла в следующем: Джон Слейд, торговец зерном, продал некоему Морли за 16 фунтов пшеницу, которую предстояло собрать во время жатвы. После жатвы Морли не уплатил требуемую сумму, и Слейд обратился в ассизный суд, где судья Королевской скамьи квалифицировал дело не как взыскание долга (единственный способ решения подобных дел в Средние века), а с использованием юридической фикции *assumpsit*, как если бы речь шла о нарушении данного обещания. Затем слушание перенесли в суд Казначейства – апелляционной инстанции по контрактным спорам, где Эдвард Кок представлял интересы Слейда, а Фрэнсис Бэкон и антикварий Джон Доддридж – сторону Морли. См.: *Coke E.* The Fourth Part of the Reports of Sir Edward Coke. London, 1727. P. 92–96; *Sacks D.H.* The Promise and the Contract in Early Modern England: Slade's case in Perspective // *Rhetoric and Law in Early Modern Europe* / Ed. by V.A. Kahn, L. Hutson. New Heaven, 2001. P. 28–54; *Ibbetson D.* Sixteenth Century Contract law: Slade's Case in Context // *Oxford Journal of Legal Studies* 1984. Vol. 4. № 3. P. 295–317.

предположение: постепенно элиминируется сакральный, клятвенный характер контракта, уступая место представлениям о контракте-сделке, ориентированной на достижение ситуативной выгоды. Перенесение такой концепции контракта на сферу отношений между верховной властью и обществом неизбежно влекло за собой десакрализацию всей сферы этих отношений, а в более длительной перспективе – десакрализацию самой монаршей власти. Об окончательной десакрализации контракта между монархом и обществом можно говорить лишь относительно периода после 1660 г. В раннестюартовскую эпоху данная тенденция, справедливо усмотренная частью элиты в проекте Сесила, все еще внушала опасения, что и послужило одной из причин отторжения «Великого контракта».

Как уже было сказано выше, процесс формирования «нового государства» – в том числе и рассматриваемая история «Великого контракта» предполагал размежевание и последующую автономизацию двух составляющих королевских доходов – домениальной и внедомениальной. Институциональным фоном служили сложные процессы, затронувшие институт Казначейства: речь шла о все более заметном размежевании собственно финансовых структур ведомства и его судебной ипостаси (как и Канцелярия, Казначейство являлось судом равенства)¹. Процессы внутреннего институционального размежевания, определения и перераспределения юрисдикций и сфер ответственности в целом, очевидно, были характерной чертой раннестюартовской эпохи.

Домениальные доходы английской короны складывались благодаря эксплуатации той части земельных комплексов английской монархии, которая находилась в непосредственной собственности венценосной семьи и составляла так называемую титульную «крепость» английского королевского дома. Сюда же входили, как правило, десятичные и пятнадцатые от королевских земель в Англии, Уэльсе и Ирландии, а при Стюартах доходы от старого королевского домена в Шот-

¹ Стоит отметить, что Казначейство и Канцелярия, во многом схожие в своей внутренней структуре и генезисе юрисдикций, в раннестюартовский период претерпевают сходные изменения – разделение административной (генетически связанной с управлением королевским хаузхолдом) и судебной сферы своей деятельности и расширение собственно судебной юрисдикции. Подробно см.: *Bryson W. H. The Equity side of the Exchequer. Its Jurisdiction, Administration, Procedures and Records. Cambridge, 1975; Паламарчук А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб., 2015. С. 200–222.*

ландии, а также земельных комплексов на Гебридских и Шетлендских островах.

Формально финансовое управление этим значительным по объему земельным комплексом принадлежало Казначейству, куда поступали ограниченные таким образом денежные потоки. На самом же деле администрирование было разделено между различными финансовыми департаментами, составлявшими либо основные, либо промежуточные звенья единой финансовой системы английской монархии. При этом значительная часть денежных поступлений оседала в органах камеральной администрации, которые хотя и составляли часть центрального финансового механизма монархии, продолжали сохранять известную автономию, постоянно оспаривая право на расширение своей финансовой компетенции. Речь идет в первую очередь о камеральных казначеях, управлявших финансовыми поступлениями с земель, располагавшимися в 60-мильной зоне от королевских замков, охотничьих домов и прочей недвижимости королевской семьи в пределах самой Англии и Уэльса; затем о казначеях так называемых королевских депозитариев, управлявших и хранивших денежные поступления от шотландских владений теперь уже британской монархии, а также денежные средства, извлекаемые из островных комплексов, принадлежавших королевскому дому Стюартов.

Система прерогативных финансов английской короны складывалась благодаря наличию исключительных прав короны на поступления от традиционного права опеки над малолетними наследниками благородных семей и кланов, попечительства над вдовами и девицами, также принадлежавшими знатным семействам. Сюда же входили щитовые деньги, торговые и таможенные пошлины, доходы, извлекаемые из деятельности прерогативных судов, королевские импозиции, беневоленсы, а также различные скрытые (непрямые) поступления, главными из которых считались доходы, связанные с исключительным правом короны на закупку королевского провианта, а также его извоза.

Формально всеми прерогативными поступлениями короны управляло Казначейство. На деле же, как и в случае с домениальными доходами монархии, компетенции делились между органами камерального и – условно – государственного финансового управления. В этом смысле единственными принадлежавшими исключительно ведению Казначейства финансовыми поступлениями оставались парламентские

субсидии, а также десятые и пятнадцатые с земель, располагавшихся за пределами домениальных владений английской короны¹.

Понятно, что в условиях такого усложненного финансового управления доходами английской короны значительная часть денежных поступлений монархии находилась в непосредственном ведении государя. При этом сама финансовая система сохраняла в своей значительной части так называемые камеральные основы². Последствия такого положения дел сказывались на самом характере того, что с известными оговорками можно назвать институтом гражданской службы.

Сложности, которые вызывала сама система финансового регулирования, объяснялись не столько тем, что в Англии отсутствовала самостоятельно развивавшаяся система государственной бюрократии, сколько тем, что основанная на принципах непосредственной службы королю значительная часть судебно-административной системы королевства продолжала сохранять сеньориальный характер: большая часть условно «гражданских» служащих оставалась финансово зависимой от самого монарха и, следовательно, оставалась королевскими слугами.

В начале правления Якова I Стюарта была предпринята одна из попыток преобразовать автономную систему королевских финансов не только в централизованную, но и в известной степени подотчетную парламенту. Важным будет также оставаться момент, связанный с попыткой превращения института королевской службы в сугубо гражданский. В качестве примера будет использован тот материал, который будет касаться исключительно королевского двора и института придворной службы. Подобные ограничения продиктованы прежде всего тем, что при поздних Тюдорах и первых Стюартах двор превращается в центр принятия политических решений: именно от придворных тянулись все нити придворного патроната и клиентел, которые в последующем составят основы того, что принято считать государственными межведомственными связями, т. е. самой системой государственного управления.

В начале XVII в. Хаусхолд как один из трех основных подразделений королевского двора сохранял черты структурных преобразо-

¹ Более подробно о финансовой системе раннестюартовской монархии см.: *Cramsie J. Kingship and Crown Finance under James VI and I. Royal Historical Society Publications. 2002. P. 13–40.*

² *Федоров С. Е. «Domus regis» и «familia regis» в раннее Новое время // Королевский двор в Англии XV–XVII веков / Под ред. С. Е. Федорова. СПб., 2011. С. 27–47.*

ваний, осуществленных в 1471 и 1526 гг. соответственно, продолжая обеспечивать за счет личных средств монарха ежедневные коллективные трапезы для венценосной семьи и 70–80 придворных. Гофмаршальская контора, возглавляемая лорд-гофмаршалом¹, осуществляла руководство этим подразделением и включала придворного казначея, гофмаршала, придворного распорядителя финансов и гофмейстера, в обязанности которых входила организация подобных трапез, а также повседневный контроль над деятельностью более двадцати субдепартаментов, обеспечивавших подобные коллективные застолья. Кроме того, Контора ведала снабжением двора продовольствием и таким образом реализовывала преимущественное право короля на закупку продуктов питания по фиксированным и достаточно низким ценам.

С момента своего возникновения Хаусхолд во многом функционально напоминал дворы английской знати, но был значительно больше, продолжая оставаться наиболее значительным, «важнейшим из всех домов Англии», как называли его ордонансы Эдуарда IV, или же «зеркальным отражением» всех вместе взятых дворов королевства, как утверждали регламенты Генриха VIII². Подобно провинциальным дворам знати, тюдоровский Хаусхолд воплощал широко распространенные в Средние века принципы гостеприимства³ и тем самым обеспечивал пространственно и территориально необходимую связь между монархом и его подданными. Он уступал по размерам королевскому двору Франции, но, в отличие от последнего, лишённого уже в XV в. практики даровых коллективных трапез, последовательно поддерживал многовековую традицию⁴.

Воцарение Стюартов на английском троне, как известно, сопровождалось настойчивым желанием новой династии модифицировать придворные устои, покоившиеся, как полагал Яков I, на «консерватизме» Тюдоров. Помимо прочих преобразований, новый монарх наме-

¹ О структуре придворных департаментов: Федоров С. Е. Стюартовские придворные (некоторые особенности самосознания и поведения общности) // Англия XVII века: социопрофессиональные группы и общество / Под ред. С. Е. Федорова. СПб., 1997. С. 11–20.

² Starkey D. The Age of Household, c. 1350–1550 // The Later Middle Ages / Ed. by S. Medcalf. London, 1981. P. 225; Eltham Ordinances, 1526 // A Collection of Ordinances and Regulations for the Royal Household. London, 1790. P. 146.

³ Федоров С. Е. Ius hospitii при провинциальных дворах раннестюартовской аристократии // Средние века. Вып. 60. М., 1997. С. 399–408.

⁴ Solnon J.-F. La Cour de France. Paris, 1987. P. 21.

ревался пересмотреть унаследованную от предшественников практику даровых коллективных трапез. При этом подобные трапезы сохраняли в его представлениях прежнюю консолидирующую монарха и его придворных функцию. Изменению должны были подвергнуться лишь механизмы, обеспечивающие их реализацию.

Очевидно, отдававший предпочтение континентальной традиции, Яков I намеревался уже осенью 1603 г. заменить практику соответствующих отчислений из личных средств монарха регулярными ежегодными дотациями из королевской казны в форме столовых денег для придворных, занимавших ординарные должности. Подобные отчисления должны были осуществляться звонкой монетой. Должностное лицо получало право свободно распоряжаться выплачиваемой ему суммой, покрывая необходимые расходы на ежедневное пребывание при дворе сообразно собственным желаниям и предпочтениям. Организованные таким образом дотации должны были со временем превратиться в своеобразную форму добавки к явно недотягивавшему до размеров континентального жалованья придворных.

При этом практика, связанная с преимущественным правом короля на закупку продуктов питания по фиксированным низким ценам, оставалась неизменной: придворные, в конечном счете оплачивавшие свои трапезы с королем за счет дотаций и далеко не по той цене, по которой закупались предназначенные для этого продукты, обеспечивали монарху удачно скрытый дополнительный доход.

Намеченные Яковом I изменения уже в 1604 г. активно дебатировались в нижней палате парламента. Соглашаясь вотировать ежегодные отчисления для содержания должностных лиц при дворе, общины предлагали монарху отказаться от предпочтительного права на закупки продовольствия, предназначавшегося для королевской семьи и придворных, в пользу ежегодной парламентской субсидии, покрывавшей в том числе и подобные расходы. Общины уже давно обсуждали традиционные феодальные прерогативы английской короны и не раз высказывались за их отмену. В отношении «льгот» на закупку продовольствия их воодушевлял опыт ряда графств, которые добились еще от Эдуарда VI освобождения от этой, «столь обременительной повинности», заменив ее ежегодной денежной композицией¹. Более того,

¹ При Эдуарде VI право на композиции получили лишь несколько центральных графств. Елизавета, значительно расширив эту практику, распространила ее и на северные графства. Об этом подробнее: *Woodworth A. Purveyance for the Royal*

практика продовольственных закупок по фиксировано низким ценам, распространявшаяся на территорию других графств, по мнению нижней палаты, продолжала нарушать предписания средневековых статутов, запрещавших торговлю по ценам, которые были ниже средних рыночных¹. Очевидно, что сама перспектива сделать подобные композиции общеобязательными и объединить образующиеся в результате этого средства в одну из форм вотируемой субсидии виделась общинам наиболее желательной².

Было бы ошибочным утверждать, что позиция нижней палаты полностью противоречила замыслу нового короля. В условиях финансового дефицита³ Яков I, заинтересованный в упорядочивании его личных денежных поступлений, стремился превратить их по меньшей мере в достаточные и регулярные. В этом смысле практика ежегодных фиксированных дотаций решала важнейшую часть стоявшей перед короной задачи: субсидии гарантировали регулярность поступлений. Сомнения у Якова I могли возникать по поводу размера самих сумм, которые был в состоянии вотировать парламент. Члены нижней палаты, защищавшие интересы локальных сообществ, были недовольны даже расходами на содержание весьма скромного по размерам елизаветин-

Household in the Reign of Queen Elizabeth // Transactions of the American Philosophical Society. New ser. Vol. XXXV. Part I. 1945. P. 39–52.

¹ Идея о незаконном характере этой привилегии была главным образом связана с действиями самих закупщиков. Известно, что многие из них закупали продукты в большем количестве, чем того требовали реальные потребности двора, а затем реализовывали излишки, оставляя себе вырученные от продаж деньги. Страдали не только местные рынки, но и внутренняя торговля в целом: мелкие производители несли невосполнимые убытки. Нижняя палата утверждала о существовании 36 подобных статутов, значительная часть из которых к концу XVI в. либо уже вышла из употребления, либо «стерлась» в правовом сознании англичан. Les Reportes del Cases in Camera Stellata / Ed. by W. P. Baildon. London, 1894. P. 249. *Lindquist E.* The Bills against Purveyors // Parliamentary History. Vol. 6. 1985. P. 35–43.

² Подобные предложения поступали от общин достаточно регулярно в 1606 и 1610 гг. соответственно. Более подробно об этом: *Seddon P.* Household Reforms in Reign of James I // Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol. 53. 1980. P. 45–46; *Croft P.* Parliament, Purveyance, and the City of London, 1589–1608 // Parliamentary History. Vol. 4. 1985. P. 12–13, 15; *Lindquist E.* The King, the People and the House of Commons: the Problem of Early Jacobean Purveyance // Historical Journal. Vol. 31. 1988. P. 557–559.

³ *Ashton R.* Deficit finance in the Reign of James I // Economic History Review. Vol. X. N 1. 1957. P. 15–29.

ского двора, считая их чрезмерными. При этом годовая сумма в 45 тысяч фунтов, как известно, максимальная для обеспечения ближайшего окружения монарха в конце XVI в., не покрывала затрат на закупку провианта по рыночным ценам для значительно превышавшего по размерам яковитского двора¹.

Вероятность успешной сделки с парламентом осложнялась позицией Роберта Сесила – одного из ближайших сподвижников короля в финансовых преобразованиях. Сесил, так же как и сам король, был убежден в необходимости преобразования финансовых механизмов двора, но, в отличие от Якова I, придерживался иного рода стратегии, полагая, что успех подобных преобразований будет во многом зависеть от увеличения «резервного» фонда английской короны и сокращения на этом фоне всех статей личных расходов монарха. Помимо этого, его планы простирались значительно глубже, чем исходная позиция короля: преобразование придворных финансов должно было стать частью более обширных изменений во всей системе королевских финансов². Яков I в случае удачного компромисса с парламентом рассчитывал на быстрый эффект. Сесил же осознавал реальность поэтапных уступок и затяжной характер переговоров с общинами.

Осенью 1604 г. по инициативе Сесила корона заявляет о продаже всех своих прав на сбор таможенных пошлин сроком на три года. В этом новом для английской монархии начинании³ нижняя палата выступала главным посредником в определении списка возможных контрактантов и весьма удачно использовала открывшиеся перспективы для материализации своих собственных финансовых интересов. Как покажет время, контракция таможенных пошлин обеспечит короне

¹ Общие расходы яковитского Хаусхолда в 1604 г. составили сумму в 100 тысяч фунтов, превысив более чем в два раза ежегодные расходы елизаветинского двора. Royal Historical Manuscript Commission. Calendar of the Manuscripts of the Most Hon. the Marquises of Salisbury, preserved at Hatfield House, Hertfordshire. 18vols. London, 1883–1940. Vol. XVI. P. 79. *Lindquist E.* The King, the People and the House of Commons. ... P. 560.

² *Cramsie J.* Kingship and Crown Finance under James VI and I. Royal Historical Society Publications. 2002. P. 89–117.

³ Продажа прав на сбор таможенных пошлин в отдельных графствах и портовых городах практиковалась и при Тюдорах, но такого масштаба, как при Стюартах, она никогда не достигала. Яков I, а затем и его наследники будут активно использовать эту практику для пополнения королевской казны.

стабильно возрастающие композиции, а многие члены нижней палаты получают ощутимую прибыль.

Расчет Сесила был достаточно прост: традиционная дилемма, стоявшая перед нижней палатой, в который раз должна была решиться определенным образом, а чаша весов склониться в пользу короля и в ущерб локальным сообществам, интересы которых общины, как известно, представляли. Ведомые таким образом парламентарии станут покладистыми, а исход дебатов будет предрешен. Возобновляемые каждые три года контракции на сбор таможенных пошлин не только стали одним из наиболее успешных финансовых проектов Сесила, но и наряду с расширяющейся практикой композиций должны были обеспечить переход к следующему этапу финансовых преобразований, вошедших в историю под названием «Великого контракта».

Внешний контроль над королевскими финансами, согласно контракту, передавался парламенту. Управление и внутренний контроль оставался за Казначейством. Вотируемые парламентом субсидии и дотации¹ составляли оперативный механизм такого контроля. Они должны были, с одной стороны, поэтапно погасить все долговые обязательства английской короны. С другой – надлежащим образом обеспечить жизнедеятельность королевской семьи и ее ближайшего окружения².

Помимо субсидий и дотаций, одним из основных источников денежных поступлений должна была стать уже опробованная к этому времени система контракций, позволявшая частным лицам на основе срочной аренды управлять финансовыми потоками, связанными с реализацией прерогативных прав английской короны. При этом нижняя палата получала не столько исключительное право определять персо-

¹ Между парламентскими субсидиями и дотациями существовало определенное отличие. Собственно субсидии представляли собой форму нефиксированного налога, который взимался в размере каждый раз отдельно оговариваемого процента от общей стоимости движимого и недвижимого имущества. Десятые и пятнадцатые, определявшие структуру парламентских дотаций (грантов), являлись фиксированной формой налога, не превышавшего, как правило, 30 тысяч и 20 тысяч фунтов соответственно. Начиная с XVI в. парламент обычно вотирует две пятнадцатые наряду с субсидией.

² «Потребности нашего короля сейчас таковы, что он рассчитывает на 200 тысяч фунтов годового дохода... и дополнительные 600 тысяч фунтов с тем, чтобы покрыть его долги...» (Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. Foster. 2vols. New Haven, 1966. Vol. 2. P. 359).

нальный состав арендаторов, сколько сама превращалась в основного контрактанта.

В качестве компенсации за вотирование субсидий на содержание придворных должностей проект предполагал поэтапную передачу контрактантам права на получение платежей от права королевской опеки¹, предусматривающую ежегодные денежные компенсации за отказ короля от его реализации. Вопрос о замене других прерогатив фиксированными дотациями или композициями оставался открытым, но Сесил обещал расширить практику контракций, распространив ее действие на так называемые «новые» импозиции, а также прерогативы, связанные с существованием королевского домена. Предпочтительное право короля на продовольственные закупки с самого начала не попадало под действие контракций².

Трудно судить о том, какие обстоятельства стали решающими в провале «Великого контракта»³. Внешне предлагаемые Сесилом уступки были продуманы и, казалось бы, хорошо увязаны с потребностями того времени. Практика контракций таможенных пошлин удачно дополнялась перспективами передачи на откуп «новых» импозиций: открывающиеся в этой связи возможности распространяли действие финансового контроля парламента на всю систему внутренней и внешней торговли. Контроль над контракцией королевского права опеки был при всех скрытых условностях достаточно выгодным мероприятием, а концентрация финансовых потоков, связанных с управлением доходами от земель королевского домена вряд ли внушала подозрения общинам.

Сомнительной видится и связь разногласий Сесила с общинами, обусловленная позицией короля, который, несмотря на видимые преимущества контракта, предпочел припираться с общинами по поводу размеров ежегодных субсидий, рассчитывая каждый раз на их увеличение.

Возможной причиной возникшего конфликта могли стать принципы, определявшие саму природу такого соглашения. По своей фор-

¹ Общая «стоимость» этого права составляла около 47 тысяч фунтов; при этом бремя платежей до его планируемой отмены распределялось крайне неравномерно между территориями, входившими в границы королевского домена и располагавшимися за его пределами

² Предложения Сесила изложены: *A Collection of Treatises of Robert Cecil* / Ed. by P. Croft. Camden Society. 4th ser. Vol. 34. P. 278–280.

³ *Proceedings*... Vol. 1. P. 140–143.

ме предложенный Сесилом контракт предполагал не только взаимную заинтересованность, но и возмездность в отношениях обеих сторон. В этом смысле предлагаемая Сесилом схема была безупречной: в обмен за парламентскую субсидию корона соглашалась на отказ от определенных прерогативных прав. Проблема заключалась в том, что положенный в основу такого соглашения контрактный принцип не только вступал в известное противоречие с традиционным механизмом парламентских субсидий, но и превращал саму идею субсидирования в себе противоположную.

С момента своего возникновения парламентские субсидии имели безвозмездный характер и представляли собой своеобразную форму дарения, которое «нация» через своих представителей осуществляла в пользу монархии. Изначально субсидии выделялись для покрытия «экстраординарных» расходов короны, связанных с ведением военных действий, затем практика использования была расширена до удовлетворения любых потребностей монарха, существо которых не противоречило «общему благу королевства». Размер субсидии мог колебаться в той ее части, которая определялась особенностями рыночной конъюнктуры, но ее «земельная» составляющая оставалась неизменной.

Контракт, предложенный Сесилом, вносил в механизм парламентских субсидий ранее несвойственные этой практике элементы, превращая само соглашение в подобие сделки.

Направленный на увеличение фиксированных поступлений в королевскую казну, размеры которых значительно превышали доходы от реализации прерогативных прав короны, подобный контракт последовательно ориентировал нижнюю палату на отказ от хорошо известных, ушедших в предыдущее столетие исключительно контрибутивных решений английского парламента¹.

Выстраиваемая Сесилом схема была рассчитана на погашение 300 тысяч фунтов, составлявших долг английской короны на 1610 г., ликвидацию дефицита ее платежных средств (около 50 тысяч фунтов)², а также на восстановление из оставшейся суммы (250 тысяч) исчез-

¹ *Aslop J.* The Theory and Practice of Tudor Taxation // *English Historical Review*. 1982. Vol. 97. N 382. P. 1–30.

² Общий доход Якова I к концу 1609 г. составил 300 тысяч фунтов; при этом было израсходовано 350 тысяч фунтов. Калькуляции Сесила представлены: *British Library. Lansdowne MSS. 164. fol. 389–390.*

нувшего в конце правления Елизаветы Тюдор резервного фонда¹, способного покрыть дополнительные текущие расходы монарха с учетом их непредвиденного роста. Поскольку из этой суммы лишь только треть приходилась на стоимость отчуждаемых короной прерогативных прав², желание общин превратить само соглашение в исключительно ретрибутивное могло быть вполне очевидным³.

Так или иначе, но финансовая реформа двора не состоялась. Яков I, стремившийся взять реванш, отказался от критики «консерватизма» Тюдоров и стал настаивать на необходимости сохранения традиций. Практика даровых коллективных трапез осталась неизменной.

С. Е. Федоров, А. А. Паламарчук (Санкт-Петербург, СПбГУ)

¹ Практика существования резервных фондов, так называемых депозитариев, известна еще с конца XIV в.

² Report on the Manuscripts of the Marquess of Downshire Preserved at Easthampsted Park Berks. 4 vols. London, 1924–1940. Vol. 2. P. 229. Proceedings in Parliament, 1610. Vol. 2. P. 168.

³ В пользу такого предположения говорит общая направленность парламентской дискуссии, где понятие «ретрибуции», впервые озвученное в речи У. Сэндиса, стало неотъемлемой частью реакции нижней палаты на предложения Сесила: Parliamentary Debates in 1610 / Ed. by S. Gardiner. Camden Society. London, 1862. Passim. (особенно: P. 22).

ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДВИЖИМОЙ И НЕДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ В АНГЛИИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII В.

Аннотация

Рассматривается практика налогообложения подданных английского королевства в период конца XVI – первой трети XVII в. в соответствии с объемом и размером их движимой и недвижимой собственности, называемой в источниках терминами «земля» (*англ.* – *land*) и «добро, имущество» (*англ.* – *goods*). С использованием данных материалов по графству Норфолк, автор исследует взаимосвязь размеров собственности, (как в категории «land», так и в категории «goods») с выплатами по субсидиям и займам, на вооружение ополченцев графств и на содержание пауперов. Приводятся конкретные данные о размерах наложенной субсидии на различные категории населения целого ряда сотен и церковных приходов. Отмечаются факты пересмотра должностными лицами первоначальных сумм обложения субсидиями по движимой собственности и недвижимости. Значительные суммы займов оказывались неподъемными для многих собственников, что заставляло власти искать новые способы их размещения среди подданных. Отмечается тенденция со стороны подданных различными способами занижить размер своей собственности и в том и в другом варианте или вообще утаить ее от королевских должностных лиц с целью снизить размер своей выплаты по указанным финансовым обязательствам. Денежные сборы на содержание пауперов были не столь значительными и не были строго привязаны к размерам движимой и недвижимой собственности. Формально они уплачивались всеми собственниками. Прослеживается стремление подданных уклониться от этой обязанности. Существовавшая система денежных выплат подданных по их финансовым обязательствам могла негативно отражаться на их предпринимательской активности.

Ключевые слова: собственность, земля, имущество, субсидии, займы, сборы на вооружение, пауперы, Бэкон, Тайный совет.

State taxation of the real and movable estates in England in the end of XVI – beginning of XVII centuries

Summary

The author examines the practice of taxing subjects of the English kingdom during the late XVI – first third of the XVII century in accordance with the vol-

ume and size of their movable and immovable property, referred to in the sources as “land” and “goods”. Using data from materials of Norfolk County, the author discusses the relationship between the size of property, both in the land category and goods, with payments for subsidies, loans, levies for militia counties, and maintenance of paupers. Specific data on the amount of the imposed subsidy on various categories of the population of a number of hundreds and church parishes are given. There are facts of review by officials of the initial amounts of taxation on subsidies for movable property and lands. Significant amounts of loans were unaffordable for many owners, which forced the authorities to seek new ways of placing them among subjects. It is noted the desire of citizens in various ways to understate the size of their property in either version, or even to hide it from royal officials, in order to reduce the size of their payment for these financial obligations. The monetary charges for keeping the paupers were not so significant and were not strictly tied to the size of movable and immovable property. Formally, they were paid by all the owners. The tendency of subjects to evade this duty is traced. The existing system of cash payments of subjects on their financial obligations could negatively affect their private enterprise activity.

Key words: property, land, goods, subsidies, loans, charges for armament, paupers, Bacon, Privy Council.

В переходную эпоху от феодализма к капитализму происходит трансформация форм собственности. Особенно это заметно в отношении земельной собственности и соответствующих изменений в земельных отношениях. Практически все историки в своих исследованиях по истории Англии XVI–XVII вв. так или иначе затрагивали данный аспект¹. Это прослеживается, в частности, в трудах по аграрной истории Англии позднего Средневековья². В меньшей мере исследовалась эволюция движимой собственности.

¹ Например, мнения о собственности фермеров англоязычных авторов см.: *Mumford V. P.* Англоязычные историки о фермерских хозяйствах в позднесредневековой Англии (XVI – середина XVII в.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Вып. 2 / Гл. ред. В. В. Кондрашин. Пенза, 2014. С. 5–13.

² *Винокурова М. В.* Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII века). М., 2004; *Лавровский В. М.* Исследования по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966; *Tawney R. H.* Agrarian Problem in the 16-th Century. London, 1913; *Thirsk J.* Enclosures and Engrossing // Agrarian History of England and Wales. Vol. IV Cambridge, 1967. P. 200–255; *Kerridge E.* Agrarian Problems in the Sixteenth Century and After. London, 1969; *Hoyle R. W.* Tenure and The Land Market in Early Modern England: or a Late Contribution to the Brenner Debate // Economic History Review, 2-nd series. Vol. XLIII. № 1. London, 1990. P. 1–20.

В данной работе предпринимается попытка анализа взаимосвязи финансовых обязательств англичан с их движимой и недвижимой собственностью – преимущественно на материалах графства Норфолк конца XVI – начала XVII в. Для этого использовались «бумаги» мирового судьи Норфолка Натаниэля Бэкона за период 1580–1620 гг.¹ Этот источник уже был объектом исследования, но в указанном контексте пока не затрагивался историками².

Следует отметить, что термин, адекватный понятию «собственность» (англ. – property) в нашем источнике не упоминается. Это понятие фигурирует под терминами «land» (земля) и «goods» (добро, имущество). Подобная терминология в отношении собственности прослеживается, например, и в завещаниях жителей города-манора Нерсборо (Йоркшир)³.

Известно, что сбор налогов в Англии в эпоху Тюдоров базировался на размере движимой и недвижимой собственности подданных⁴. Королевская власть возлагала на своих подданных уплату

¹ The official Papers of Sir Nathaniel Bacon of Stiffkey, Norfolk as Justice of peace 1580–1620 / Ed. by H. W. Sanders // Camden Society. Publications. Third series. Vol. XXVI. London, 1915; Supplementary Stiffkey Papers / Ed. by F. R. Brooks // Camden Society. Publications. Third series. Vol. LII / Ed. by F. R. Brooks. London, 1936. P. 1–55.

² Митрофанов В. П. Из истории военных ополчений графств Англии начала XVII в. (по материалам мирового судьи Н. Бэкона) // Известия ПГПУ имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. № 23 / Гл. ред. В. И. Коротов. Пенза, 2011. С. 523–527; *Он же*. Человек «второго плана» в государственной структуре английской монархии конца XVI – первой трети XVII в. (по материалам мирового судьи Норфолка Н. Бэкона) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 3. Пенза, С. 5–14.

³ Митрофанов В. П. Имущественное положение некоторых категорий малых английских городов второй половины XVI – первой половины XVII века (по завещаниям жителей Йоркшира) // Политическая жизнь Западной Европы: Античность, Средние века, Новое время: К 75-летию доктора исторических наук, профессора И. Н. Осинковского: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 / Научн. ред. Е. В. Кузнецов. Арзамас, 2004. С. 129–134.

⁴ См.: Царева Ю. И. Трансформация системы налогообложения при Генрихе VII // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Комсомольск-на-Амуре, 2013. № 11. 2 (14). С. 12–17; *Она же*. Финансовая политика Марии Тюдор (1553–1558 гг.) // Преподаватель XXI век. М., 2013. № 2. С. 264–269; *Она же*. Залоги и займы как источник дохода королевской казны при Генрихе VII Тюдоре (1485–1509) // Британия: история, культура, образование. Тезисы доклада III Международной научной конференции

субсидий, которые вотировались парламентом. Эта практика имела место в период правления Елизаветы Тюдор и первых Стюартов. На парламентских сессиях регулярно принимались Акты о субсидиях. За время правления Елизаветы их собирали более 30 раз. Такая система выплат субсидий продолжалась до конца правления Якова I (т. е. до 1625 г. – В. М.). При этом неизменно сохранялся принцип зависимости выплаты подданными по субсидиям от размеров их движимой и недвижимой собственности.

В «бумагах» мирового судьи Н. Бэкона имеется материал по сборам субсидий по пяти сотням графства. Правда, полная раскладка сбора субсидии дана только по одной из них South Erpingham (за 1606 г.).

Так, в 37 церковных приходах, в которых содержатся сведения по обложению субсидиями более 300 человек, из которых 1 дворянин (рыцарь), 28 джентльменов, а остальные крестьяне и горожане, на 287 человек из них были наложены платежи по земельной собственности, а на 58 человек – по оценке движимого имущества. Причем при оценке движимости платежи наложили на крупных собственников, но не наложили на остальных жителей приходов. Это можно расценивать как массовое утаивание движимой собственности от ее обложения сбором в счет субсидии. Ведь маловероятно, что, кроме состоятельных собственников движимости, в этих приходах не было лиц, имевших мелкую движимую собственность. Тот факт, что в 14 приходах ни на одного человека не было наложено платежей в счет субсидии по движимому имуществу, означает, что их земельная собственность оценивалась выше их движимости. Однако они могли утаить подлинный размер своей движимой собственности (например, каких-либо товаров) от их полной оценки и соответствующего начисления суммы выплаты по субсидии.

Соответственно, сумма начисления выплаты субсидии по оценке земли тоже значительно больше, что отражено в *табл. 1*. Как следует из нее, такая же закономерность, т. е. преобладание суммы сбора субсидий от земельной собственности, прослеживается и по другим четырем сотням графства.

По земельной собственности количество человек, обложенных субсидиями, варьировало в каждом приходе от 1–2 до 39. Это значит,

1–2 октября 2015 г. Ярославль, 2015. Вып. 3. С. 57–60; *Она же*. Формирование юридических основ для взимания подушного налога в Англии XVI века // Ученые записки Череповецкого государственного университета. Череповец, 2016. № 2(6). С. 63–70.

что в ряде приходов очень мало было собственников земли, доход от которой превышал бы оценку их движимого имущества. Например, в 28 приходях таковых было менее десятка. Собственники хотя бы какого-то движимого имущества были в 23 приходях в количестве от 1 до 8 человек. Интересно, что в одном приходе имущество одного человека (причем не из джентри) было обложено в счет субсидии по земельной собственности на сумму в 8 ф. ст., а в счет субсидии по движимости – в 13 ф. ст. в этом же приходе, что, вообще-то, не допускалось законом. А на другого жителя графства (также не из джентри) была начислена сумма субсидии по земле в 30 ш.; затем ее увеличили до 40 ш. При этом в счет субсидии по движимости он должен был уплатить 3 ф. ст.¹

Кроме того, один-единственный собственник, проживавший в одном из этих приходов (рыцарь) был обложен субсидией по земельной собственности в размере 15 ф. ст. А некая вдова, не принадлежащая к разряду джентри, также в счет указанной субсидии должна была уплатить 15 ф. ст.² Это была максимальная сумма платежей в данной категории.

Всего пересмотр наложенных сумм выплат по субсидии произвели в 35 случаях. В девяти случаях первоначальные обложения по земельной собственности изменялись в сторону увеличения. Причем в основном проверка правильности начисления суммы по выплате субсидии применялась к джентри. В подавляющем большинстве случаев сумма платежа в счет субсидии по земельной собственности увеличивалась как минимум на 10 ш., а иногда и гораздо больше. Однако в трех случаях наложенные суммы пересмотрели в сторону увеличения, но при вторичном утверждении их снизили. Видимо, отдельные лица смогли добиться пересмотра сумм платежей по субсидии и сумели доказать, что их имущество было оценено неправильно. В четырех случаях переоценку земель джентри персонально подтверждали и делали соответствующую запись. В трех случаях то же самое делали в отношении других категорий населения. Очевидно, одной из причин пересмотра оценки земельной собственности могла быть сдача земли в аренду по так называемым «улучшенным рентам», уровень которых мог варьировать в зависимости от конъюнктуры земельного рынка.

¹ The official Papers // Camden Society. Publications. Third series. Vol. XXVI. P. 84–95.

² Ibid. P. 89, 91

Кроме того, у нас имеются общие данные по суммам субсидий еще четырех сотен графства. С учетом этих данных за разные годы: можно составить сводную таблицу по пяти сотням графства (см. табл. 1).

Таблица 1

Суммы сборов по субсидиям с движимой и недвижимой собственности в пяти сотнях графства Норфолк

№	Сотня	Год	Размеры субсидий с земли в ф. ст.	Размеры субсидий с движимого имущества в ф. ст.
1.	Gallow	1607	188	81
2.	North Erpingham	1602	497	286
3.	Laundich	1621	284	78
4.	Northgrehhoe	1607	317	169
5.	South Erpingham	1606	248	174

Источник: The Official Papers of Sir Nathaniel Bacon of Stiffkey, Norfolk as Justice of peace 1580–1620 / Ed. by H. W. Sanders // Camden Society. Publications. Third series. Vol. XXVI. London, 1915. P. 84–95.

Таким образом, наибольшая сумма субсидий была собрана в сотне North Erpingham в 1602 г. (783 ф. ст.), а наименьшая (почти в 3 раза ниже) – в сотне Gallow в 1607 г. (269 ф. ст.).

Как видим, основные суммы субсидий корона получала от обложения земельной собственности. Это может свидетельствовать о том, что земельную собственность, конечно же, труднее утаить от оценки и последующего определения суммы платежа в счет субсидии – в отличие от движимого имущества.

Однако уровень сборов от обложений движимого имущества в счет субсидии в целом на одного человека был выше, чем уровень обложения земельной собственности; он составлял от 3 до 13 ф. ст.

Интересно, что если субсидии по земельной собственности были наложены на 23 лиц из числа джентри (суммы от 20 ш. до 10 ф. ст.), то субсидии по движимости – только на 6 представителей этой категории. Основная масса джентри была обложена субсидиями по земель-

ной собственности от 3 до 6 ф. ст. Примерно 40 человек (не из числа джентри) были обложены субсидиями по земельной собственности на суммы от 1 ф. ст. до 15 ф. ст. Суммы субсидий по движимости также составили от 3 ф. ст. до 6 ф. ст. Это могло означать, по всей видимости, что официально в данных сотнях графства среди джентри не было крупных собственников земли и движимости.

Вместе с тем, с учетом данных сборов субсидий по пяти сотням графства за 1602–1621 гг., эти цифры сбора субсидий от земельной собственности и движимому имуществу могут косвенно свидетельствовать о значительном количественном колебании земельных собственников и собственников движимости. Низкий уровень суммы сбора субсидии в 1621 г. от обложения движимого имущества по сравнению с другими четырьмя сотнями в 1602–1607 гг. может свидетельствовать о значительном сокращении собственников движимости в этой сотне. В то же время количество земельных собственников в 1621 г. было примерно сопоставимо с количеством земельных собственников в этих четырех сотнях за период 1602–1607 гг.

В одном из документов «бумаг» Бэкона отмечено, что если в начале правления Елизаветы Тюдор графство Норфолк дало 7465 ф. ст. 4 ш. 1,5 п. субсидий, то в 1621 г. – только 2198 ф. ст. 19 ш. 10 п. (т. е. в 3,4 раза меньше)¹.

Конечно, Тайный совет был обеспокоен таким снижением сборов субсидий. Поэтому в своих посланиях предписывал мировым судьям и комиссионерам по сбору субсидий более тщательно проводить оценку недвижимой и движимой собственности с целью определения суммы субсидий. Очевидно, одна из сложностей оценки земли и движимости состояла в том, что накануне проведения обследования собственники уезжали из своих мест, где их хорошо знали, в места, где их знали меньше, и там занижали или утаивали какую-то часть своей собственности от обложения платежом по субсидии. Поэтому определять сумму субсидии с собственников Тайный совет рекомендовал комиссионерам в местах их постоянного проживания.

В случае, когда при определении суммы сборов с собственности в счет субсидии человека на месте не было, комиссионерам следовало налагать на него такую сумму, какая была при последнем обследовании его собственности. Одним из факторов успешной работы комис-

¹ Ibid. P. 89, 91.

сионеров Тайный совет считал формирование его состава «честными персонами сотни» для определения собственности каждого человека этой сотни¹. При этом при оценке как движимой, так и недвижимой собственности требовалось вести записи. Согласно закону, при наложении денежной субсидии с движимой и недвижимой собственностью комиссионеры должны выбирать и записывать лишь одну из них, большую по стоимости собственность (т. е. не оба вида одновременно). Предписывалось учитывать и земли различных корпораций в данной сотне, которые также облагались субсидиями. Молодых людей до 21 лет предписывалось облагать субсидиями только по их движимой собственности, но не по земле². Видимо, это исходило из феодальной традиции в Англии, где лица до 21 года считались несовершеннолетними и находились под опекой, а следовательно, не являлись полноправными земельными собственниками.

Духовенство также предписывалось облагать субсидиями по той же норме, что и мирян, т. е. порог облагаемой собственности (видимо, дохода) для них также составлял 20 ш. Предусматривалось и право подданных оспорить их сумму обложения субсидиями в судах. Поэтому комиссионерам рекомендовалось очень тщательно подходить к определению суммы субсидий для каждого человека, «отбросив свои симпатии и антипатии». За халатность комиссионеры могли быть оштрафованы на 10 ф. ст. Они должны были вести книгу учета движимой и недвижимой собственности подданных в каждой сотне, где бы все было тщательно записано³.

Другие, сохранившиеся в «бумагах» сведения также дают некоторую информацию о субсидиях и собственности подданных в Норфолке. Так, например, в 1588 г. Бэкон подготовил пространную речь для выступления в палате общин в отношении способов обложения субсидиями согласно принятому Акту о субсидиях. Этот Акт устанавливал сбор 2/15 субсидий в размере 4 ш. с фунта дохода от земли и 2 ш. 9 п. с фунта при оценке движимости. В своей речи Бэкон подробно излагал порядок формирования и работы комиссий по сбору субсидий.

Он отметил такие важные моменты, касающиеся собственности, как необходимость минимальной оценки земли на сумму 20 ш., а движимого имущества – на сумму в 3 ф. ст.

¹ Ibid. P. 75–78.

² Ibid.

³ Ibid. P. 83.

Собственников именно такого ранга (с описанием их имущества), следовало записывать в списки (в качестве критерия выбирая наиболее «дорогостоящий» вид собственности) и предоставлять ему эти сведения, на основе чего Бэкон лично намеривался определять размер субсидии с каждого собственника¹.

Причем с иммигрантов, даже натурализованных, как и ранее, полагалось брать в два раза большую субсидию, чем с англичан: с земельной собственности – 8 ш. с фунта стерлингов ее доходности, с движимости – 5 ш. 4 п. с фунта ее оценки. Все иммигранты должны быть переписаны с учетом вида и размера их собственности. Причем иммигранты старше 7 лет, не имевшие собственности, все равно должны были платить субсидию в 8 пенсов (в два срока по 4 пенса).

Комиссионеры должны были также фиксировать для наложение субсидий (в тех сотнях, куда они были направлены) уровень земельной собственности различных корпораций и размер их движимого имущества².

Давая оценку соотношению размеров субсидии и собственности, можно отметить следующее. Оценка движимого имущества была на самом деле лишь приблизительной, никакой методики ее объективного оценивания не было, так как стоимость каждого предмета движимой собственности определялась во многом субъективно, и непонятно было, насколько при этом учитывались такие показатели, как, например, сохранность вещи, ее полезные качества, ее износ и тому подобное. Более точно можно было оценить различные товары – например, запасы зерна у торговцев³.

Создается впечатление, что государство явно не интересуется качеством движимой собственности, но лишь ее размером и оценкой в денежном выражении.

Оценка доходности земельной собственности также не могла быть точной, ибо сельскохозяйственную продукцию крестьяне и фермеры могли сбывать на разных рынках, на которых цены могли колебать-

¹ Ibid. P. 76.

² Ibid.

³ Однако даже это могло вызывать споры. См.: *Митрофанов В. П.* Суд Звездной палаты в Англии: дела о торговцах зерном (на примере процесса 1631 г.) // Известия ПГПУ. Серия: Гуманитарные науки. № 11 (15) / Гл. ред. А. Ю. Казаков. Пенза, 2009. С. 121–125.

ся в зависимости от места и времени продажи¹. Поэтому должностные лица, имевшие дело с оценкой земельной собственности, могли лишь приблизительно определить ее доходность или же – в качестве варианта – производить расчет от уровня доходности за последний сельскохозяйственный сезон. Более точно доход с земельной собственности на предмет расчета субсидии можно было определить лишь по уровню рент или арендных платежей, сведения о которых можно было получить в манориальной курии.

Утаивание земельной собственности, очевидно, было повсеместным явлением на фоне того, что в королевстве существовало немало крупных землевладельцев-лендлордов, а также крупных фермеров, имевших сотни акров земли и тому подобное. Это же можно сказать и о существовании множества крупных собственников движимости в данном графстве. Например, за период с 1584 по 1589 г. 46 человек в графстве предоставили денежные залоги по разным обстоятельствам в сумме от 2,5 ф. ст. до 20 ф. ст. (лишь двое из них «показали» данные о минимальной сумме залога 2,5 ф. ст.), Для 15 человек был характерен залог на сумму 20 ф. ст., 22 предъявили сумму по 10 ф. ст. и 6 человек – по 5 ф. ст.

А за период с октября 1590 г. по февраль 1591 г Бэкон выдал 32 лицензии крупным хлебным торговцам, чьи запасы различного зерна составляли сотни и даже тысячи кварталов². В его «бумагах» фигурируют и крупные собственники других видов продовольственных товаров³.

В различных петициях, направленных Бэкону от жителей деревень и городов, имелось немало сведений о крупных собственниках движимости и недвижимости⁴. Обладая значительной собственностью, они получали от нее и соответствующие доходы. Однако истинный их размер на основе применявшихся в то время способов определить было невозможно.

Займы короне, как известно, также были фактически одной из финансовых обязанностей подданных, имевших хороший материальный

¹ *Everitt A. The Marketing of Agricultural Produce // The Agrarian History of England and Wales. Vol. IV. P. 466–592.*

² *Supplementary Stiffkey Papers / Ed. by F. R. Brooks // Camden Society. Publications. Third series. Vol. LII. London, 1936. P. 15–18.*

³ *Ibid. P. 17.*

⁴ *Ibid. P. 18–20.*

достаток, а значит, и собственность. В «бумагах» Бэкона имеются некоторые сведения о займах в Норфолке¹. С помощью мировых судей на местах составлялись списки зажиточных лиц, которые могут предоставить денежные займы короне. Эти списки отсылались в Лондон, и Тайный совет уже мог иметь представление о том, какую сумму займа можно получить по тому или иному графству. Затем следовало распоряжение о сборе займов с указаниями о том, как их лучше всего проводить. Так, например, в 1588 г. Тайный совет прислал Бэкону инструкцию по сборам займов. В ней отмечается, что мировые судьи должны путем «дружеского увещания» побуждать указанных в списке лиц давать займы королеве. В ходе проведения займов, конечно, какая-то часть таких людей отказывалась их давать, ссылаясь на трудности своего материального положения.

В таких случаях мировые судьи должны были предупреждать их о том, что членам Комиссии по займам предписано проверять и определять истинную стоимостную оценку их земельной собственности и движимого имущества и направлять полученные таким образом сведения в Тайный совет и Казначейство².

То есть лицам, утаивавшим истину, давали понять, что если уровень стоимости их земельной собственности или движимого имущества окажется вполне достаточным – с точки зрения властей – для участия в займе, то они могут впасть в немилость короны.

На примере графства Норфолк можно увидеть подобные случаи. Так, в письме Тайного совета лорд-лейтенанту графства от 20 сентября 1589 г. тайные советники выразили свое удивление тому, что там не собраны займы с состоятельных лиц, включенных в списки заимодавцев. «Если же они, в самом деле, так бедны, – говорилось в письме, – что не в состоянии давать займы, как предписывалось, в суммах 100, 50 и 25 ф. ст., то следовало бы распределить эти суммы на двух-четырех человек. Причем позаботиться об этом должны не только комиссионеры по займам, но и сами лица, внесенные в списки, но отказавшиеся предоставить займы в таких размерах³.

Суммы займов, ввиду указанного выше, могли быть нестабильными. Так, например, в отчете о сборе займов от августа 1597 г. Бэкон сообщал Лорду Хранителю о том, что он собрал в своем графстве и

¹ Official Papers. P. 95–101.

² Ibid. P. 95–96.

³ Ibid. P. 97.

отправил в Лондон в качестве займов сумму в 3500 ф. ст. Однако при этом он отметил, что очень многие лица, включенные в списки, не дали займов королеве. По его мнению, это произошло как по причине их «неспособности» к выплатам, так и в соответствии с желанием переложить эту финансовую обязанность на других людей. В то же время в отчете сообщалось, что есть немало лиц, которые просили перенести сроки предоставления займов до Дня святого Михаила, т. е. до 29 сентября, и он разрешил им это. Кроме того, Бэкон отметил и тот факт, что есть и состоятельные лица, отказавшиеся давать заем, но он попытается еще раз их убедить предоставить займы, а если они окончательно откажутся, то сообщить в Тайный совет их имена¹.

Так, например, сохранились достаточно подробные сведения о лицах, отказавшихся дать королеве займы в 1591 г. Таковых по графству набралось 40 человек (из них только один представитель джентри), которые предоставили письменные свидетельства от различных должностных лиц своих сотен. Причины их неплатежеспособности были разные. Наряду с типичными указаниями о лицах, чья «неспособность» дать заем подтверждалась мировыми судьями и констеблями, есть и нестандартные подтверждения от «трех священников, очень честных и доверительных», «со многими другими свидетельствами» (т. е. других лиц, а не только мировых судей и констеблей), а также свидетельство «мэра Норича».

Также наряду со стандартной записью о «неспособности» дать заем встречаются и нестандартные: «очень бедный человек», «очень неспособный дать заем», «неспособен дать заем из-за многих долгов по содержанию дома и больших обременений детьми», «находящийся в тюрьме за долги», «впавшая в долги из-за содержания большого странноприимного дома», «впавший в долги, из-за чего редко выходит из дома», «моряк-погорелец, утративший корабль, честный житель города, но неспособный давать заем без заимствования денег».

Помимо сведений о 40 лицах подобного рода, отмечается 14 человек умерших, 6 включенных в списки ошибочно, 17 лиц, уехавших из графства, 3 дававших заем прошлый год и 34 человека, все же признанных способными дать заем².

Итого в списки потенциальных заимодавцев было включено 114 человек, которые, по его мнению, были состоятельными собственниками.

¹ Ibid. P. 100.

² Ibid. P. 100 (footnot. 1).

Бэкон, как уже отмечалось, в своем отчете за 1589 г. сообщал и о лицах умерших и уехавших. Интересно то, что в его данных, адресованных в Тайный совет, имелись сведения даже о тех лицах, которые умерли, но, по его мнению, были способны дать заем – наряду с живыми платежеспособными людьми. В «бумагах» есть запись от 1596 г. о 139 таких лицах.

В списке по займу от 1598 г. зафиксированы 246 имен, расписанных по сотням графства.

Таким образом, в последнее десятилетие XVI в. в Норфолке в разные годы – по представлению местных властей – проживало порядка от 100 до 246 крупных собственников движимости или недвижимости, способных предоставить короне займы в суммах 25, 50, 100 ф. ст. Однако в реальности по разным причинам таковых оказалось значительно меньше.

Очевидно, и в последующие годы там сохранялась подобная ситуация. Поэтому каждый крупный собственник как потенциальный заемщик был на счету у властей. Так, например, в 1614 г. Яков I адресовал свою признательность Н. Бэкону и еще одному из мировых судей графства за то, что они сумели убедить в одной из сотен графства 34 лиц дать заем, что составило всего-то 20 ф. ст. 10 ш. 4 п. по одному списку и 10 ф. ст. 16 ш. 8 п. (сумма, полученная от 20 человек) – по другому¹. Как видим, судя по небольшим суммам, это были уже совсем некрупные собственники движимости или недвижимости.

На основе приведенных выше цифровых данных о займах можно судить, что они взимались очень непросто. Многие собственники отказывались их предоставлять под разными предлогами или же просили отсрочки. Но все эти отказы требовалось подтверждать мировыми судьями и констеблями сотен, а порой и другими должностными лицами графства. Как и в случаях с субсидиями, здесь также наблюдается стремление подданных занижить или утаить свою земельную и движимую собственность, хотя размер земельной собственности или движимого имущества ни сами они, ни представители местных властей не указывали.

Одной из финансовых обязанностей подданных был сбор средств на вооружение и амуницию для ополчений графств. Общие принципы

¹ Ibid. P. 101 (footnot 4).

этого были определены еще статутом 1557 г.¹ В то время менялось вооружение, все более внедрялось огнестрельное оружие, более дорогое, чем холодное. Местные власти все чаще сталкивались с нежеланием сельских и городских жителей предоставлять свои деньги на эти цели. На примере графства Норфолк можно проследить связь земельной собственности с денежными сборами на вооружение ополченцев.

Вот пример. Помощник лорд-лейтенанта графства 23 сентября 1608 г. заключил соглашение с местными властями селения Кинг-Хетт, по которому каждый владелец земли, оцененной в 200 ф. ст., или же имеющий движимую собственность, оцененную в 2 тысячи ф. ст., должен был приобрести на свои средства для ополченцев латы, мушкет и копье. Все это следовало демонстрировать во время военных смотров ополчений². Каждый человек, чья земля оценивалась в 100 марок или же чье движимое имущество оценивалось в 1000 марок, должен был представить для ополченцев лошадь и вооружение для легкого пехотинца (латы, мушкет и копье).

Каждый человек, чья земля оценивалась в 40 ф. ст. и который имел движимое имущество на 500 ф. ст., был обязан поставить для ополченцев карабин и вооружение легкого пехотинца. Лица, чьи земли оценивались в 13 ф. ст. в год, а движимость – в 200 ф. ст., должны были поставлять для ополчения мушкет или латы по усмотрению капитана воинской команды. Каждый собственник, чья земля оценивалась в 10 ф. ст., а движимость – в 200 марок, должен был поставить для ополчения легкое ружье³.

Однако этот документ предусматривал и возможность снижения денежного обложения на вооружение, если материальное положение человека ухудшилось. Особо оговаривалось, что норма денежного обложения на вооружение ополчения для горожан была такая же, как и для сельских жителей⁴. Интересно отметить, что не предусматривалось каких-либо льгот в отношении дворян и духовенства, т. е. сохранялся тот же порядок обложения, какой существовал и при Елизавете Тюдор.

¹ Statutes of The Realm of England / Ed. A. Luders, T. E. Tomplins. Vol. IV. 4 and 5 Phil and Mary Cap. 3. An act fore the taking Mursters (Акт о проведении военных смотров).

² Supplementary Stiffkey Papers // Camden Society. Publications. Third series. Vol. LII. P. 25.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

Однако нормы обложения денежных средств на вооружения при Елизавете все же менялись, но даже сам Н. Бэкон не всегда знал о происходивших изменениях. Поэтому при необходимости, когда его спрашивали об этом жители графства, он направлял запрос лорд-лейтенанту графства. Например, однажды у него возникла проблема с нормами обложения в случае выставления трех всадников. Так, было неясно, следовало ли выставлять такое количество всадников собственниками с доходом в 2 тысячи ф. ст. или же в 3 тысячи ф. ст. Также для Бэкона оставалось непонятным, можно ли было собирать эти средства в рамках «политики» субсидий или их следовало отнести к какой-то иной статье доходов короны? Не знал он и того, какой «методики» должны были придерживаться помощники лорд-лейтенанта при определении доходности земельных владений с целью определения для их владельцев нормы поставки вооружений для ополчения.

В общем, отсутствие проработки деталей в деле решения подобных вопросов на местах вызывала много споров. Очевидно, это влияло и на общий процесс сбора денежных средств с собственников недвижимости и движимости.

Так, например, за период с 1596 по 1602 г. в одной из сотен (Бразер Кросс) на службу восьми солдат за пределами сотни было собрано 24 ф. ст. 8 ш., а в 1598 г. на закупку легких лошадей для войск в Ирландии собрали 3 ф. ст. Для отправки 9 солдат в Ирландию за период с 1598 по 1600 г. в сотне потребовалось собрать 37 ф. ст. 7 ш. 6 п. А в 1599 г. для приобретения пороха и запальных фитилей собрали 14 ф. ст. 14 ш. Вдобавок 5 ф. ст. 2 ш. были собраны для оплаты куратору военного смотра ополчения¹.

Таким образом, на военные нужды за период с 1597 по 1600 г. в данной сотне было собрано 84 ф. ст. 11 ш. 6 п. Если учесть, что, помимо этого, собственники недвижимости и движимости платили субсидии и давали займы, то можно себе представить, насколько обременительны для них были эти платежи на военные нужды. Не случайно Н. Бэкон часто ломал голову над тем, как взимать денежные средства на военные нужды: каким именно образом собирать деньги с небольших поместий, как облагать духовенство, горожан, которые имели земельную собственность в сельской местности... Ведь как землевладельцы эти лица, например, были обязаны поставлять лошадей для воинских ополчений, но как горожане они отказывались это делать.

¹ Ibid. P. 31.

Возникали и другие сложности при сборе денег на военные нужды, которые Н. Бэкону приходилось решать. При поддержке лорд-лейтенантов графства ему все же удавалось убеждать англиканский клир выделять немалые денежные средства на эти цели, ибо они все-таки были порой крупными собственниками недвижимости и движимости. Очевидно, благодаря настойчивости мирового судьи и относительной состоятельности населения Норфолка, к 1616 г. там имелся значительный арсенал вооружения для ополчения графства. Так, по данным 14 сотен графства в тот год на балансе числилось 740 стволов мушкетов, 230 стволов легких карабинов, 2224 фунта пороха, 1082 фунта запальных фитилей и 1404 фунта пуль, не считая холодного оружия¹. По сути дела, это была своеобразная коллективная движимая собственность в виде оружия, боеприпасов и амуниции.

Как известно, согласно елизаветинским законам о пауперах, все жители церковных приходов должны были уплачивать определенные суммы денег на содержание нищих (relief). Твердой привязки нормы платежей к размерам движимой или недвижимой собственности жителей в этом случае не было. Очевидно, размеры взносов определяли сами местные власти, и специальные должностные лица (смотрители за бедными) периодически их собирали с имущего населения своих приходов.

О том, как это проходило на практике, опять-таки можно судить на примере графства Норфолка на основе «бумаг» мирового судьи Н. Бэкона, а также по некоторым другим источникам из Йоркшира².

О нехватке денег на пауперов и других проблемах в этой связи представители властей сотен сообщали Бэкону не раз³. Так, например, в 1603 г. некий Джилес Готфри, смотритель за пауперами, сообщал ему о том, что хотя все состоятельные жители церковного прихода уплатили взносы в пользу пауперов, но денег все равно не хватает. Общая сумма, которая была необходима, должна была составлять 5 ф. ст. 16 ш., а реально было собрано 4 ф. ст. 9 ш. Таким образом «недобор» составил 1 ф. ст. 6 ш. 8 п.

В своем письме его автор дал раскладку уплаты сборов в пользу бедных. Оказывается, что выплаты на пауперов в этом селении варьировали от 2 п. до 16 ш. 6 п. Всего уплатили 19 человек: один человек

¹ Ibid. P. 33.

² The official Papers // Camden Society. Publications. Third series. Vol. XXVI. P. 58–65.

³ Ibid.

уплатил 2 п., пять человек выплатили по 12 ш., менее 1 ш. выплатили 8 человек, 4 человека выплатили от 1 до 5 ш. 6 п. и 1 человек 1 ф. ст. 6 ш. 8 п.¹ В письме отмечено, что собранных средств не хватило на содержание местных пауперов в течение всего года. За несколько недель до Нового года деньги закончились. Из письма видно, что этот смотритель за пауперами обложил денежными сборами прихожан в соответствии с «показаниями» одного из местных жителей, который сам уплатил налог в пользу бедных в размере 12 ш. Остальные жители этого селения не платили в тот год сбора в пользу бедных по причине своего собственного тяжелого положения. Сколько таких лиц оказалось в целом, в письме не указывается. Можно лишь предположить, что их было больше, чем тех, кто уплатил сбор в пользу бедных. Ясно, что эти люди были явно малоимущими и сами жили на грани нищеты. Очевидно, собранных денежных средств хватило лишь на содержание двух-трех пауперов, да и то в течение неполного года².

Хотя в «бумагах» Бэкона нет сведений о привлечении крупных собственников к решению проблемы пауперизма в Норфолке, но по другим графствам такие сведения встречаются. Местные власти использовали крупных собственников не только для сбора с них денежных средств в пользу пауперов, но и для организации исправительных (рабочих) домов. Так это было, например, в 1590-е гг. в Йоркшире, где они заключили соглашение с одним джентльменом об организации производства фланели и торговли ею в течение 10 лет. За это он обязывался давать работу не менее чем пяти пауперам с выплатой жалованья по 17 п. в неделю за каждый фунт пряжи и делать выплаты в казну города 4 ф. ст. в год. Ему выделялось для производства помещение, и он освобождался от пошлин³. Такой способ привлечения крупных собственников к решению проблемы пауперизма был более целесообразным, так как создавал рабочие места для здоровых пауперов, а следовательно, способствовал развитию мануфактурного производства в стране, несмотря на крайне тяжелые условия труда.

Изучение материалов («бумаг») мирового судьи Н. Бэкона по графству Норфолк свидетельствует, что существовавшая в Англии указанного выше периода практика сбора налогов, займов и средств

¹ Ibid. P. 60–62.

² Ibid.

³ The Victoria History of The Counties of England. A History of the Yorkshire. Vol. III. P. 466–468.

на нужды местных ополчений приводила к стремлению подданных постоянно утаивать или занижать размеры своей движимой и недвижимой собственности. Такая практика могла негативно влиять на их предпринимательскую активность и препятствовать их производственной или торговой деятельности в плане расширенного производства. Однако насколько эффективны были попытки подданных утаивания или занижения оценки движимой и недвижимой собственности? Наш источник дает лишь косвенно ответ на этот вопрос. Видимо, далеко не всегда указанным лицам удавалось это сделать. Совершенно очевидно, что местные власти располагали подробными сведениями о недвижимой и движимой собственности подданных в этом графстве и информировали (или, по крайней мере, должны были информировать) об этом центральную власть в лице Тайного совета и Казначейства. Следовательно, центральная власть при необходимости – через мировых судей и констеблей – могла оказывать на своих подданных административное давление в случае невыполнения ими финансовых обязательств перед короной.

В. П. Митрофанов (Пенза, ПГУ)

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ПРАВА НА КОРОЛЕВСКИЕ ДОЛЖНОСТИ ВО ФРАНЦИИ XVI В.

Аннотация

Рассматривается начальный этап развития практики продажи должностей (*vénalité des offices*) во Франции в XVI в. – от 1523–1524 гг. (создание кассы «нерегулярных доходов» – *caisse de parties casuelles*) до 1604 г. (введение ежегодного сбора (полетты – *paulette*)). Французские юристы XVI – начала XVII в. уподобляли должность феодальному держанию, с его условным и иерархическим характером. Эта концепция соответствовала традиционной политике монарха «давать»/«даровать» должности (хотя в финансово неблагоприятных условиях конца XV – начала XVI в. короли стали активно извлекать доход от новых должностей), тогда как с началом легальной продажи должностей произошли важные изменения, способствовавшие формированию владельческих прав французских чиновников на их должности. Определяющим в этом процессе видится тот факт, что для должностей, которые реализовывались через кассу «нерегулярных доходов», Королевский совет устанавливал фиксированный денежный взнос (*finance*). Если чиновник официально приобрел должность через кассу «нерегулярных доходов» и мог предоставить квитанцию казначея об уплаченной в казну сумме, король не мог лишить чиновника этой должности, не вернув деньги, которые были за нее выплачены. Именно признание качественно новой роли денежных выплат за должности в отношениях между королем и его чиновниками придавали владельческим правам на должность новый характер.

Ключевые слова: Франция, XVI в., должности, чиновники, касса нерегулярных доходов, полетта, продажа должностей, Робер Десимон.

The Possession of the Royal Offices in the sixteenth-century France

Summary

The author deals with the early phase of the practice of selling offices (*vénalité des offices*) in 16th-century France, from 1523–1524 (the establishment of the *caisse des parties casuelles*, the department of casual revenues) to 1604 (the introduction of an annual tax, the *paulette*). French jurists of the 16th and early 17th centuries treated

royal offices like fiefs, describing them as conditional and hierarchical. This concept corresponds to the traditional crown policy of 'granting', or 'donating', offices (even if, in the unfavourable financial situation of the late 15th and early 16th centuries, the kings of France in fact sought to draw income from the sale of newly created offices). However, the emergence of the venality of offices as legal practice helped the office holders to establish the right of possession of their offices. It was due mainly to the institution by the Royal Council of a fixed payment (finance) for those offices sold through the department of casual revenues. Thus, the king could not deprive an officer of his office without reimbursement, provided that the contract had been 'confirmed' by the treasurer with a receipt issued upon the payment to the department of casual revenues. It was precisely the acknowledgement of an entirely novel role of monetary payment for offices in the frame of relations between the king and his officers that made irreversible the holders' rights for their offices.

Key words: France, sixteenth century, offices, officers, caisse des parties casuelles, paulette, vénalité des offices, Robert Descimon.

С начала XVI в. во Франции получила распространение практика легальной продажи должностей (*vénalité des offices*)¹. Король посредством специально организованной кассы нерегулярных доходов (*caisse des parties casuelles*) продавал должности (*offices*), а частные лица могли их покупать. В течение достаточно короткого времени владельцы таких приобретенных за деньги должностей стали рассматривать их как часть семейного имущества. Об этом известно из нотариальных актов: о должности особо упоминали в описях имущества (например, в описях, составленных после смерти их владельцев, наряду с мебелью, драгоценностями, книгами), должности завещали родственникам, переуступали третьим лицам и т. д. Однако верховным собственником всех должностей всегда оставался король: Королевский совет определял денежный взнос (*finance*)² за должность; чиновник, выплатив день-

¹ Основным исследованием по этому вопросу по-прежнему остается фундаментальный труд Ролана Мунье: *Mousnier R. La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII*. Rouen, 1945 (2-е изд. – Paris, 1971).

² Среди связанных с денежным выражением характеристик должности следует различать денежный взнос (*finance*) за должность, ее оценочную стоимость (*évaluation*) и реальную цену (*prix courant*). Размер взноса определялся Королевским советом; взнос представлял собой денежную сумму, за которую король «давал» должность – новую (*nouvelle création*) или вакантную после смерти предыдущего владельца (*office vacant par mort*).

С 1604 г. Королевским советом определялась оценочная стоимость должности. Она служила для высчитывания ежегодного сбора (*droit annuel*), т. е. полетты, и размера сбора при переуступке должности (*droits de mutation*).

ги в кассу нерегулярных доходов, должен был получить королевское письмо с разрешением занять эту должность (*lettre de provision*); при переуступке должности (*résignation*) также требовалось королевское разрешение. Да и все операции купли-продажи и переуступки должностей велись через кассу нерегулярных доходов: казначей этого учреждения выписывал покупателям квитанции за уплаченные в кассу суммы, вел погодные регистры таких квитанций.

Ключевыми этапами в развитии практики продажи должностей французский правовед Поль Луи-Люка называет следующие: «при Людовике XI [возникает] несменяемость [должностей], при Людовике XII и Франциске I – продажа, при Генрихе IV – наследование»¹. Указом Людовика XI (1461–1483) от 21 октября 1467 г. был утвержден принцип несменяемости королевских чинов: король мог назначать чиновников лишь на вакантные должности, а таковыми они становились только по причине смерти чиновника, добровольной переуступки им при жизни другому лицу или доказанного в ходе судебного расследования преступления, несовместимого с исполнением королевской службы². Людовик XII (1498–1515) в самом начале своего правления ордонансом о реформировании судопроизводства, в основу которого легли решения собиравшейся в Блуа ассамблеи нотаблей, запретил покупать должности, связанные с судопроизводством; канцлеру запрещалось ставить печать на королевские письма, подтверждавшие предоставление таких должностей, а если «случайно или каким-либо другим способом» на эти документы печать все-таки поставили, то «членам наших парламентских курий, бальи, сенешалям и прочим

Цена на должность устанавливалась в результате договоренности при заключении сделки и не была связана ни с денежным взносом, ни с оценочной стоимостью.

¹ «...avec Louis XI, la perpétuité, avec Louis XII et François Ier, la vénalité, avec Henri IV, l'hérédité...» (*Louis-Lucas P. Etude sur la vénalité des charges et fonctions publiques et sur celles des offices ministériels depuis l'Antiquité romaine jusqu'à nos jours*. Paris, 1882. Т. 2. P. 69).

² *Lettres sur l'inaliénabilité des offices de magistrature et autres* (Paris, 21 octobre 1467) // *Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution* / Ed. Fr.-A. Isambert et al. Paris, 1825. Vol. 10. P. 541–543. Подробнее об этом и других королевских распоряжениях XIV–XV вв. в контексте утверждения принципа несменяемости чиновников см.: *Kubler J. Recherches sur la fonction publique sous l'Ancien Régime. L'origine de la perpétuité des offices royaux*. Nancy, 1958. P. 159–170; *Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков*. М., 2012. С. 305–322.

судьям и чиновникам или их наместникам» запрещалось выполнять то, что было изложено в этих письмах, «сколько бы предписаний или повторных писем они [претендующие на должность] от нас ни получили»¹. Однако в условиях финансовой нужды – необходимости выплатить долги Карла VIII (1483–1498), своего предшественника на французском престоле, и продолжить разорительные для королевской казны Итальянские войны – именно Людовик XII в 1499 г. официально продает должность советника Налоговой курии в Париже, а потом еще несколько должностей финансовых ведомств².

При Франциске I (1515–1547) продажа должностей – финансовых и вспомогательных судейских – становится особым источником дохода. Для его учета в 1523–1524 гг. рядом королевских эдиктов создается касса нерегулярных доходов³. В 1604 г. Генрих IV (1589–1610) вводит для держателей королевских должностей ежегодную выплату (*droit annuel*), равную $\frac{1}{60}$ от оценочной стоимости (*évaluation*) должности (по имени откупщика Шарля Поле, собиравшего эту выплату, она стала называться полеттой (*paulette*))⁴. Те чиновники, которые платили полетту (сначала она вводилась на 9 лет, потом несколько раз продлевалась), могли без соблюдения «правила 40 дней» (*clause de quarante jours*)⁵ передать свои должности наследникам. В принципе, можно согласиться с выводом В. Н. Малова, что «полетта дала гарантию наследственности должностей и, следовательно, закрепила права собственности на них»⁶.

¹ *Ordonnances rendues en conséquence d'une assemblée de notables à Blois, sur la réformation de la justice et l'utilité générale du royaume* (Blois, mars 1498). Art. 40 // *Recueil général des anciennes lois françaises...* Paris, 1827. Vol. 11. P. 345. Подобные запреты издавали и все последующие французские монархи: Франциск I в 1536 г., Франциск II в 1560 г., Карл IX в 1566 г., Генрих III в 1579 и 1582 гг.

² *Doucet R. Les institutions de la France au XVIe siècle.* Paris, 1948. Vol. 1. P. 410. Шарль Луазо, французский юрист XVII в., подчеркивал, что при Людовике XII продавались только финансовые должности (*Loyseau Ch. Cinq livres du droit des offices.* Liv. III. Chap. 1, n° 86–88. Paris, 1614 (1-е изд. – 1604). P. 290).

³ *Jacqueton G. Le trésor de l'Épargne sous François Ier* // *Revue historique.* 1894. Vol. 55. P. 1–43. Vol. 56. P. 1–38; *Hamon Ph. L'argent du roi: Les finances sous François Ier.* Paris, 1994. P. 257–263.

⁴ *Mousnier R. La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII.* Paris, 1971. P. 232–248.

⁵ Согласно этому правилу, уступку должности нужно было оформлять строго при жизни ее владельца, и он должен был оставаться живым не менее 40 дней после утверждения королем в должности нового владельца.

⁶ *Малов В. Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653.* М., 2009. С. 47.

Однако формально – с учетом условий полетты – это все еще была «почти» наследственность и «почти» собственность.

Хотя главные этапы развития практики продажи должностей в XVI в. и основное содержание происходивших изменений нам известны, детальное их рассмотрение вместе с анализом идей французских юристов начала XVII–XVIII в. о характере должностей и их приобретении могут дать более подробную картину тех социальных механизмов, которые лежали в основе продажи должностей и определили ее развитие.

Юрист Шарль Луазо, один из крупнейших авторитетов политической мысли XVII в., в 1610 г. дал чеканное определение должности: это «ординарное достоинство с общественной функцией»¹. В противоположность средневековым представлениям о том, что должности являются частью неотчуждаемого королевского домена², Луазо считал, что истинная собственность на должность (*vraye propriété de l'office*) является общественной и относится к публичному праву, поэтому не может никому принадлежать³. Но он также писал, что если чиновник может считаться сеньором своей должности, то это происходит потому, что король, передавший ему должность, является «прямым сеньором»⁴. Схожую пару тезисов предлагал несколькими десятилетиями раньше другой известный французский юрист Жан Боден: «...все чины, суды и должности принадлежат Государству как его собственность...», но должности могут «быть заняты частными людьми [...] по пожалованию суверена»⁵. Получалось, что и монарх, и чиновники являлись лишь держателями своих должностей (а монарх, следовательно, – своего королевства) и выступали в роли администраторов, уполномоченных совместно управлять общественным благом и ради общественного блага.

¹ «Office est dignité ordinaire avec fonction publique» (*Loyseau Ch. Cinq livres du droit des offices*. Liv. I. Chap. 1, n° 98. Paris, 1614. P. 13)

² *Autrard Fr. Offices et officiers royaux en France sous Charles VI // Revue historique*. 1969. Т. 242, N 2. P. 285–338 (здесь – P. 324–325). Представление о домениальном характере должности было живо и в XVIII в. Французский экономист и финансист Франсуа Верон де Форбонне (1722–1800) отмечал, что «любая должность обязательно есть отчуждение домена» (*toute charge est censée une aliénation du domaine*) (*Véron de Forbonnais F. Recherches et considérations sur les finances de France*. Bâle, 1758. Т. 1. P. 142).

³ *Loyseau Ch. Cinq livres du droit des offices*. Liv. II. Chap. 1, n° 40. Paris, 1614. P. 182.

⁴ *Ibid.* Liv. I. Chap. 2, n° 71. P. 25.

⁵ *Bodin J. Les Six livres de la République*. Liv. III. Chap. 5. Paris, 1576. P. 351–366.

И хотя юристы не называли должность собственностью в том смысле, в котором, как они считали, это было выражено в римском праве, должность тем не менее воспринималась как принадлежавшая тому, кто ее исполнял, что имело следствием – теоретическим и практическим – ее присвоение.

Короли Франции считали право назначать чиновников своей личной наследственной прерогативой; это право входило в структуру неотчуждаемых прав короны¹. Правители использовали должности, чтобы даровать их своим верным служителям². Получатели королевской милости могли передать эти должности своим домочадцам или продать их платежеспособным клиентам и получить прибыль. Судя по всему, ни король, ни бенефициары не особо заботились об исполнении того круга обязанностей, с которым были связаны эти должности³. Контроль за компетентностью чиновников и выполнением ими своих функций возлагался на сами корпорации или даже на высшие чины короны – например, на канцлера.

Владение должностью мыслилось подобно феодальной модели разделенной собственности, отличавшей *dominium directum* (т. е. владение сеньора) от *dominium utile* (т. е. владение цензитария, держателя). Юрист Жак Лешассье, современник Шарля Луазо, еще больше подчеркивал это сходство, говоря, что важные должности держатся как фьеф от короны, а мелкие должности как ротюрное (незнатное)

¹ О праве короля назначать чиновников на должности и сменять их по своей воле, т. е. реализации принципа абсолютной власти *quod principi placuit*, подробнее см.: Цатурова С. К. Король Франции и его чиновники (Своеобразие реализации принципа абсолютной власти *Quod principi placuit*) // Французский ежегодник. 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б. Ф. Поршнева. 2005. С. 129–149; Она же. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. Глава 4: Патримониальный принцип и его трансформация. С. 198–242.

² С. К. Цатурова приводит пример гневной отповеди, данной Людовиком XI Парижскому парламенту. Король писал: «...когда у вас появятся должности, вы будете наделять ими своих людей, а мои я намерен раздавать по своему вкусу, но не по вашему, и не морочьте мне больше голову, ибо я так хочу» (цит. по: Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 199).

³ Один из тысячи, но весьма наглядный пример: в «Каталоге актов Франциска I» документ от 24 января 1539 г. – дарение мадемуазель де Руа (Mlle de Roüe) должности генерала монет, вакантной после смерти Жана де Бё (Jean de Beux), «каковой должностью мадемуазель де Руа могла располагать к своей выгоде» (*en disposer à son profit*) (Catalogue des actes de François Ier. Paris, 1889. Т. 3. P. 702, n° 10725).

держание¹. На тесную связь с сеньором, королем, указывала присяга, приносимая при вступлении в должность², – публичная, производившаяся перед всей корпорацией, членом которой становился новый чиновник, и по точному формуляру³. Согласно Шарлю Луазо, именно посредством присяги чиновнику передавалась общественная власть (*puissance publique*), запечатлевались его статус и характер его должности (*son grade et... le caractère de son office*)⁴.

Деньги, которые выплачивались в кассу нерегулярных доходов при переуступке должности, трактовались как феодальные платежи, взимавшиеся сеньором при переходе имущества от одного ленника к другому (*relief, rachats, quint, requint, lods & ventes*). Шарль Луазо настаивал на этой аналогии, отмечая, что до введения полетты в 1604 г. при переуступке должности выплачивалась только сумма, равная годовому жалованью чиновника, и сравнивал ее с выплатой сеньору при продаже фьефа (как правило, она соответствовала доходу с земли за один год)⁵. В более позднем «Словаре права и юридической практики» Клода-Жозефа Феррьера в статье «*Quart-denier*» подчеркивалась эта схожесть: «четвертый день от денежного взноса за должности выплачивался в кассу нерегулярных доходов как пошлина на оформление права собственности, в котором король – сеньор, а тот, кто наследует должность, – вассал»⁶.

¹ *Leschassier J.* Discours de rendre les offices hereditaire et patrimoniaux tenus en fief du Roy // *Idem.* Œuvres. Paris, 1652. (1-е изд. – 1602). P. 235–239.

² Подробнее о связи присяги с оммажем, а также с клятвой, которую в Средние века приносили французскому монарху епископы, см.: *Nagle J.* Le droit de marc d'or des offices. Tarifs de 1583, 1704, 1748. Reconnaissance, fidélité, noblesse. Genève, 1992. P. 6–11.

³ См., например: BNF. Ms. Cinq cents de Colbert. 492. Formulaire de serments d'officiers de finance et autres pièces, lettres-patentes, remontrances, relatives aux finances (1553–1582).

⁴ *Loyseau Ch.* Cinq livres du droit des offices. Liv. I. Chap. 4, n° 71. Paris, 1614. P. 48.

⁵ *Ibid.* Liv. III. Chap. 3, n° 23. P. 308. Это не совсем так, и сам Луазо отмечает, что с 1568 г. (и потом с 1586 г.) за переуступку должности платили $\frac{1}{3}$ (*le tiers denier*, букв. – третий день), а с 1573 г. – $\frac{1}{4}$ (*le quart denier*; букв. – четвертый день) от денежного взноса (*finance*) за должности (*Ibid.*, n° 21–22. P. 308).

⁶ «*Quart-Denier est le quart du denier de l'Office qui se paye aux parties casuelles, comme un droit de mutation, dans lequel le Roi est le Seigneur, & celui qui succede de l'Office est de vassal*» (*Ferrière Cl.-J.* Dictionnaire de droit et de pratique. Paris, 1749 (1-е изд. – 1740). T. 2. P. 419).

Аналогия с сеньориальными обычаями проводилась и в случае с так называемым «правилом 40 дней» (*clause de quarante jours*), введенным для королевских чиновников при Франциске I: переуступка должности могла совершаться только при жизни ее владельца, и он должен был оставаться живым, по крайней мере, в течение 40 дней после утверждения королем нового владельца в должности. Так, согласно Парижской кутюме (Титул I «О фьефах», статья 9), сеньор мог забрать фьеф своего вассала, если тот в течение 40 дней после принесения присяги и оммажа не отдал ему причитавшихся выплат². Впрочем, правильнее было бы искать аналогии в церковном праве. Как показывает Вольфганг Райнхард, похожая практика применялась папой Иннокентием III (1198–1216) по отношению к писарям (скрипторам) папской канцелярии: можно было передать должность другому лицу, но эта переуступка считалась недействительной, если бывший владелец должности прожил менее 20 дней после оформления сделки³.

Полетта, ежегодный налог (*droit annuel*), обеспечивала платившим ее чиновникам освобождение от «правила 40 дней»; юристы проводили параллель между полеттой и платой за фьеф (*fief abonné*), когда сеньориальные цензы за него (*relifs & rachats, quintes & requints*) были преобразованы в ренту или ежегодный арендный сбор⁴.

¹ Считается, что «правило 40 дней» было введено в 1526 г. королевой-матерью Луизой Савойской, которая исполняла функции регентши и стремилась аккумулировать все источники доходов королевства, чтобы как можно быстрее собрать деньги на выкуп короля, попавшего в плен в битве при Павии (24 февраля 1525 г.). В отношении чиновников Парижского парламента применялась не ранее 1534 г. См.: *Mousnier R. La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. Paris, 1971. P. 44–45, 226–232.*

² См.: *Descimon R. La vénalité des offices comme dette publique sous l’Ancien Régime français. Le bien commun au pays des intérêts privés // La dette publique dans l’histoire / Sous la dir. de J. Andreau, G. Béaur, J.-Y. Grenier. Paris, 2006. P. 182, note 28.*

³ *Reinhard W. Puissance étatique: un problème de crédit? Structure et fonction du commerce des offices à l’époque moderne // Idem. Papauté, confessions, modernité / Ed., préface de R. Descimon. Paris, 1998. P. 141–142.* Райнхард пишет о необходимости чаще обращаться к каноническому и церковному праву при изучении продажи должностей в Новое время.

⁴ *Loysel A. Institutes coutumières. Liv. IV. Chap. 3, § 23. Paris, 1783 (1-е изд. – 1607). T. 1. P. 150–151.*

Однако уподоблять должность феодальному владению нельзя, как и нельзя говорить о «феодализации» (*féodalisation*) чиновничества с развитием продажи должностей. Американский историк Ральф Гизи, ученик Эрнста Канторовича, говоря о роли чиновничества в системе абсолютизма, подробно останавливается на отличиях власти чиновников от власти феодальной аристократии. Эти отличия касаются сразу нескольких аспектов: полномочий (власть сеньора требует личного подчинения и реализуется сразу по нескольким направлениям: судебному, фискальному, военному, тогда как полномочия чиновников касаются какой-либо определенной сферы), профессиональной подготовки (сеньорам она не нужна), невозможности чиновников, в отличие от феодальных правителей, делегировать свои функции, мобильности (власть сеньора ограничена определенной территорией – конкретным фьефом или же государством, тогда как чиновник может исполнять свои обязанности в разное время в разных местах), разнонаправленности векторов власти (для сеньориальной власти характерна вертикаль, для власти чиновников – горизонталь), масштаба власти (провинциального и национального; если феодальные сеньоры подчеркивали деление публичной власти на монолитные блоки, то чиновники Нового времени составляли национально единую административную систему)¹.

Наблюдения Ральфа Гизи подводят нас к следующему предположению: в традиционной королевской политике предоставления должностей, основой которой было дарение², с началом *легальной* продажи должностей произошли революционные изменения, повлиявшие как на характер правления короля – от «домашнего», патримониального (*household*), к административному, бюрократическому (*bureaucratic*), так и на отношение подданных к службе на благо государства.

Анализируя развитие системы продажи должностей, знаток социальной истории Франции Старого порядка Робер Десимон настаивает на обязательном различии *легальной* (*vénalité légale*) и *кутюрной* (*vénalité coutumière*) продажи должностей: первая имела дело с

¹ *Giesey R. E. State-Building in Early Modern France: The Role of Royal Officialdom // Journal of Modern History. 1983. Vol. 55. P. 191–207 (здесь – P. 197).*

² Должность считалась даром короля, королевские письма о предоставлении должности имели форму писем дарения (*lettres de don*). Подробнее см.: *Mattéoni O. «Plaise au roi». Les Requêtes des officiers en France à la fin du Moyen Âge // Suppliques et requêtes: Le Gouvernement par la grâce en Occident (XIIe–XVe siècle). Paris, 2003. P. 281–296 (здесь – P. 282–284).*

должностями «продаваемыми» (vénaux), вторая – с «непродаваемыми» (non vénaux)¹. Французский исследователь опирается на труды юристов XVI – начала XVII в., в том числе Шарля Луазо, противника практики продажи должностей. Юристы, говоря о терминах vénaux и non vénaux, не придавали значения различию в типе должностей, отмечая скорее моральную сторону операций, связанных с их приобретением за деньги: «быть продаваемым (vénal) или продажным (vendible) значит иметь склонность и предрасположенность к тому, чтобы быть проданным», «в соответствии с нормами морали (bonnes moeurs) и со здравым смыслом (droite raison) не должно быть продаваемых должностей», ведь если назвать «продаваемыми должностями все те, которые действительно продаются, нужно будет сказать, что все должности – продаваемые»². Однако в XVIII в., когда продажа должностей уже стала обыденной практикой и, как отмечает Р. Десимон, «многие вещи воспринимались уже без морализаторства и какой-либо тайны», рассуждения юристов стали более определенными. Так, юрист, прокурор Большого Шатле в Париже Жан-Батист Денизар (1713–1765) дал простое определение: «продаваемые» должности – «это те, которые были проданы и отчуждены королем после выплаты за них денежного взноса (finance)»³. Юрист Робер-Жозеф Потье (1699–1772), в 21-летнем возрасте унаследовавший от деда и отца должность советника прези-

¹ *Descimon R.* Modernité et archaïsme de l'État monarchique: le Parlement de Paris saisi par la vénalité (XVIe siècle) // *L'État moderne, genèse, bilans et perspectives* / Sous la dir. de J.-P. Genet. Paris, 1990. P. 148–161; *Idem.* Les élites du pouvoir et du prince: L'État comme entreprise // *Les élites du pouvoir et la construction de l'État en Europe* / Sous la dir. de W. Reinhard. Paris, 1996. P. 149–158 (Chapitre VI); *Idem.* La vénalité des offices et la construction de l'État dans la France moderne. Des problèmes de la représentation symbolique aux problèmes du coût social du pouvoir // *Les figures de l'administrateur. Institutions, réseaux, pouvoirs en Espagne, en France et au Portugal, 16e–19e siècle* / Sous la dir. de R. Descimon, J.-F. Schaub, B. Vincent. Paris, 1997. P. 77–93; *Idem.* La vénalité des offices comme dette publique sous l'Ancien Régime français. Le bien commun au pays des intérêts privés // *La dette publique dans l'histoire*. Paris, 2006. P. 177–242; *Idem.* La vénalité des offices politiques et perpétuels de la municipalité de Paris (procureur du roi, greffier et receveur de la Ville) (XVIe siècle – années 1750) // *Le pouvoir municipal de la fin du Moyen Âge à 1789* / Sous la dir. Ph. Hamon, C. Laurent. Rennes, 2012. P. 59–82.

² *Loyseau Ch.* Cinq livres du droit des offices. Liv. III. Chap. 2, n° 3. Paris, 1614. P. 294.

³ «...les offices vénaux sont ceux qui ont été venduz et aliénés par le roi moyennant finance» (*Denisar J.-B.* Collection de décisions nouvelles et de notions relatives à la jurisprudence actuelle. Paris, 1771 (1-е изд. – 1754). Т. 3. P. 484 (art. Offices et officiers)).

диального суда Орлеана, различал две основные характеристики «продаваемых» должностей: право исполнять общественную функцию (le droit d'exercer une certaine fonction publique) и денежный взнос, связанный с этой должностью (la finance attachée à l'office). И именно определение денежного взноса за должность делало возможной ее продажу или покупку. «Взнос (finance) за должность представляет собой определенную денежную сумму, которая в ходе создания этой должности (lors de la création de l'office) была выплачена королю для государственных нужд (pour les besoins de l'État), о чем хранителем королевской казны была составлена квитанция, которую называют квитанцией о взносе за должность (quittance de finance d'office)»¹.

Что же тогда «непродаваемые» должности? Клод-Жозеф де Феррьер, составитель «Словаря права и юридической практики», уточнял, что «непродаваемыми должностями являются те, денежный взнос (finance) за которые официально не определен и которые не попадают в кассу нерегулярных доходов»². Ж.-Б. Денизар дал похожее определение: «это должности, денежные взносы (finances) за которые не определены, и держатели [таких должностей] получают их только по милости короля»³. Жак Лешассье, по-видимому, более прозорливый современник Луазо, еще в 1602 г. писал: «...из всех общественных должностей одни продаются королем и являются частью его нерегулярных доходов, другие же таковыми не являются, продавать их не позволено ни по согласию, ни по милостивому разрешению короля»⁴.

Различие, таким образом, состояло в том, что для «продаваемых» должностей Королевским советом устанавливался денежный взнос (finance), такие должности реализовывались через кассу нерегулярных доходов. «Непродаваемые» должности не имели денежной характеристики. Однако и те, и другие должности продавались. Только опе-

¹ *Pothier R.-J. Traité de la communauté. Paris, 1770. Vol. 1. P. 96–97. § 91.*

² «...les offices non vénaux sont ceux qui n'ont point de finance et qui ne tombent point dans les parties casuelles» (*Ferrière Cl.-J. Dictionnaire de droit et de pratique. Paris, 1749. T. 2. P. 255*).

³ «...ceux qui n'ont point de finance et dont les titulaires ne peuvent disposer qu'avec l'agrément du roi» (*Denisar J.-B. Collection de décisions nouvelles et de notions relatives à la jurisprudence actuelle. Paris, 1771. T. 3. P. 484 (art. Offices et officiers)*).

⁴ «...de toutes les charges publiques, les unes se vendent par le roi et sont en ses parties casuelles, les autres, qui n'y sont pas, ne laissent pas d'estre vendues des uns aux autres avec le consentement ou la connivence du roi» (*Leschassier J. La maladie de la France // Idem. Œuvres. Paris, 1652 (1-е изд. – 1602). P. 195*).

рации с первым типом должностей («продаваемыми»), повторимся, составляли легальную практику, организованную посредством кассы нерегулярных доходов и ее казначея, который выписывал квитанции с указанием выплаченной денежной суммы и составлял регистры этих квитанций, а «непродаваемые» должности являлись сферой действия кутюмной практики, имевшей средневековые корни и распространенной повсеместно в Европе: доходы от таких операций не попадали в казну, их получали посредники – высшие чины королевства (канцлер, руководство придворных служб и т. д.), фавориты – или сам монарх; иногда король как вознаграждение или как особую милость предоставлял таким посредникам возможность организовать продажу определенных должностей для получения прибыли.

В предложенной Р. Десимоном концепции особую важность представляет вывод о том, что главной характеристикой для «продаваемой» должности была четкая связь между титулом (*titre*) должности и денежным взносом (*finance*) за нее¹. Признавая права чиновника на деньги, заплаченные за должность, королевская власть заключала с ним своего рода контракт, чтобы обеспечить это вложение и оправдать оказанное доверие, причиной невыполнения этого контракта могло быть только банкротство. Король не мог лишить чиновника должности, не вернув деньги, которые были за нее выплачены (согласно квитанции казначея кассы нерегулярных доходов). В случае «непродаваемых» должностей денежный взнос за них не определялся, поскольку основной кутюмной продажей должностей была исключительно милость короля. Легальная продажа мешала воспринимать должность лишь как дар суверенного государя. К персонализированным отношениям между королем и его чиновником, которые устанавливались королевским назначением (*provision*) каждого конкретного служащего на каждую конкретную должность и подтверждением (*confirmation*) его в этой должности и заканчивались в случае смерти либо чиновника, либо монарха, добавлялась лишенная персональных коннотаций связь посред-

¹ *Descimon R.* La vénalité des offices et la construction de l'État dans la France moderne. Des problèmes de la représentation symbolique aux problèmes du coût social du pouvoir // *Les figures de l'administrateur. Institutions, réseaux, pouvoirs en Espagne, en France et au Portugal, 16e–19e siècle.* Paris, 1997. P. 83; *Idem.* La vénalité des offices comme dette publique sous l'Ancien Régime français. Le bien commun au pays des intérêts privés // *La dette publique dans l'histoire.* Paris, 2006. P. 184.

ством выплаченных денег. Оба типа продажи должностей – легальная и кутюмная – сосуществовали вплоть до Французской революции, и это служило основой социального контракта французской монархии с властными элитами¹.

В свете концепции, предложенной Р. Десимоном, основные даты развития практики продажи должностей, обозначенные в начале статьи, получают новое наполнение. Создание в 1523–1524 гг. кассы нерегулярных доходов и начало легальной продажи должностей имели следствиями выделение группы должностей, которые легально продавались (финансовые и вспомогательные в судебных учреждениях), и официальное определение денежного взноса (*finance*) за них. Такие должности подчинялись «правилу 40 дней», являлись пожизненным владением (*viager*), могли уступаться другим лицам (при условии выплаты определенной суммы в казну), но не передавались по наследству. В отличие от них должности, связанные с отправлением правосудия, согласно требованиям ордонанса 1493 г., оставались «непродаваемыми», т. е. их приобретение никак не было связано с кассой нерегулярных доходов. Еще до 1523–1524 гг. получению судебских должностей высокого ранга сопутствовало предоставление королю займа (*prêt d'acquisition*), который тогда почти всегда возмещался. При Франциске I и Генрихе II подобные займы фактически стали обязательными при приобретении новых должностей (*nouvelles créations*) в судебных ведомствах, и постепенно и сами чиновники, и монархи стали воспринимать эти займы как денежный взнос (*finance*), который регулируется через кассу нерегулярных доходов². Наиболее показательным примером является продажа многочисленных должностей президиальных судов: их отличительной особенностью было то, что они изначально – с 1552 г. – были «продаваемыми» и реализовывались через кассу нерегулярных доходов, тогда как все остальные должности гражданского и уголовного суда по-прежнему теоретически были ис-

¹ *Pagès G.* Essai sur l'évolution des institutions administratives en France du commencement du XVIe siècle à la fin de XVIIe // *Revue d'histoire moderne.* 1932. Vol. 7. P. 8–57; *Descimon R.* Les élites du pouvoir et du prince: L'État comme entreprise // *Les élites du pouvoir et la construction de l'État en Europe.* Paris, 1996. P. 149–158.

² Этот процесс подробно описан: *Descimon R.* Modernité et archaïsme de l'État monarchique: le Parlement de Paris saisi par la vénalité (XVIe siècle) // *L'État moderne, genèse, bilans et perspectives.* Paris, 1990. P. 148–161.

ключены из легальной продажи должностей¹. Кроме того, в отличие от фиксированного денежного взноса (*finance*) за «продаваемые» должности, который определялся Королевским советом, размер займа был обсуждаем².

Очень важным представляется объяснение того, как непродаваемые судебские должности включались в цикл легальной продажи. Это происходило через процедуру переуступки, если предоставленные в долг деньги не были возмещены королем. Передавая свою должность, магистрат требовал от следующего владельца ту данную якобы в долг сумму, которая была выплачена для получения должности. Сошлемся на известный пример, описанный в парламентской ремонстрации от 10 декабря 1558 г. (ремонстрация была представлена королю президентом Пьером Сегье)³. В 1552 г. советник Парижского парламента Клод Тюдер уступил советнику Жану Пико должность президента Следственной палаты и расписку об одолженных некогда королю 5000 турецких ливров. Пико передал указанную сумму казначею кассы нерегулярных доходов Ражо, а тот возместил ее Тюдеру. Эдуар Можи считал процедуру передачи денег казначею нерегулярных доходов просто имитацией. Однако эта последовательность действий имела, по-видимому, другой смысл: таким образом сделка санкционировалась королевской администрацией⁴.

С ноября 1567 г. те чиновники, которые сразу, одновременно, выплачивали в кассу нерегулярных доходов $\frac{1}{3}$ от денежного взноса (*finance*) за должность, получали возможность оформить ее переуступку на условиях «доживания» (*à survivance*; т. е. должность переходила к наследнику не сразу после оформления соответствующих документов, а после смерти чиновника)⁵. Примерно в это же время стало возможно

¹ *Blanquie Ch.* Les Présidiaux de Richelieu. Justice et vénalité (1630–1642). Paris, 2000. P. 247–250.

² Примеры см.: *Descimon R.* Modernité et archaïsme de l'État monarchique: le Parlement de Paris saisi par la vénalité (XVIe siècle) // L'État moderne, genèse, bilans et perspectives. Paris, 1990. P. 153; *Idem.* La vénalité des offices comme dette publique sous l'Ancien Régime français. Le bien commun au pays des intérêts privés // La dette publique dans l'histoire. Paris, 2006. P. 189.

³ См.: *Maugis E.* Histoire du parlement de Paris. Paris, 1913. Vol. 1. P. 225–226.

⁴ *Descimon R.* Modernité et archaïsme de l'État monarchique: le Parlement de Paris saisi par la vénalité (XVIe siècle) // L'État moderne, genèse, bilans et perspectives. Paris, 1990. P. 155.

⁵ Ordonnance sur la transmission des offices (Paris, 12 novembre 1567) // Recueil général

оформление переуступки должности без указания имени следующего владельца (*survivance en blanc*)¹. И в этой связи очень важным представляется тот факт, что должности, прежде всего те, которые были связаны с отправлением правосудия, при условии оформления *résignation à survivance* освобождались от соблюдения «правила 40 дней».

Продолжением этой линии развития владельческих прав чиновников на должности станет введение полетты в 1604 г.² Ежегодная выплата королю в виде займа $\frac{1}{60}$ части от оценочной стоимости (*évaluation*) должности (в декабре 1604 г. была составлена опись всех королевских должностей с указанием их приблизительной стоимости – *Estat de la valeur et estimation des offices*³) давала чиновникам и их наследникам право передавать должность по наследству. Важно, что это касалось как финансовых, так и судебных должностей, которые были «непродаваемыми» и касались «общего блага». Однако право наследования было не таким уж безусловным: во-первых, передачу должности можно было совершить только через 9 лет (этот срок устанавливался для сбора полетты), во-вторых, король стремился удержать операции по передаче должности наследнику в поле монаршей милости (т. е. фор-

des anciennes lois françaises. Paris, 1829. Vol. 14. P. 225 (текст ордонанса в издании отсутствует). Декларацией от 22 января 1568 г. эти операции были дозволены членам Парижского парламента (*Déclaration qui permet aux officiers du parlement de Paris, s'ils n'ont pas de pension sur le trésor royal, de céder leurs offices aux personnes capables, en payant le tiers deniers* (Paris, 22 janvier 1568) // *Ibid.* P. 226 (текст декларации в издании отсутствует)), а спустя полгода и всем владельцам должностей, которые считались «продаваемыми» (*vénaux*) (*Édit qui permet à tous possesseurs d'offices vénaux de les résigner à leur gré à personnes capables, ou de les conserver à leurs veuves et enfants, à charge de payer au roi le droit de tiers denier* (Paris, juin 1568) // *Ibid.* P. 227 (текст эдикта в издании отсутствует)).

¹ Эта практика нашла отражение в Инвентаре квитанций на должности за январь–сентябрь 1578 г. (Archives Nationales, P 3027). Из 930 квитанций на должности, реализованные посредством кассы нерегулярных доходов, 92 квитанции выписаны с пропуском на месте имени будущего чиновника: 90 из них – квитанции на новые должности (*nouvelle création*), 1 квитанция – «за должность» (*pour office*) и еще 1 квитанция – за уступку (*резигнацию*).

² Вопрос о введении ежегодной выплаты за должность стал причиной серьезных споров в Королевском совете. Подробнее см.: *Mousnier R. Sully et le conseil d'État et des finances. La lutte entre Bellièvre et Sully* // *Revue historique*. 1941. Т. 192. N 66. P. 68–86; *Barbiche B., Dainville-Barbiche S. Sully*. Paris, 1997. P. 160–165; *Poncet O. Pomponne de Bellièvre (1529–1607)*. Paris, 1998. P. 218–226.

³ BNF. Cinq cents Colbert 256.

мально он мог и не утвердить наследника в должности). Таким образом, с введением полетты мы можем говорить лишь о неполной, ограниченной рядом условий, наследственности должностей, которые еще сохранили свой патримониальный характер.

Более важным для развития практики продажи должностей представляется определение денежного взноса (*finance*) для должностей, связанных с отправлением правосудия. Это способствовало складыванию рынка должностей, ситуация на котором будет зависеть от спроса и предложения¹.

Итак, хотя, согласно юридическим определениям, должность не становилась собственностью ее владельца, владельческие права были достаточно сильны, чтобы вся система *vénalité des offices* казалась людям прошлого и позапрошлого века вопиющим нарушением принципов функционирования публичной власти. Право на должности действительно в чем-то походило на феодальные права, еще больше на права в отношении церковных бенефициев. Если же говорить о неких реальных отличиях и инновациях, свойственных системе продажи должностей, то дело не столько в законодательном регулировании (историки, по-видимому, несколько преувеличивают значение главных «реперных» актов, наподобие учреждения полетты), сколько в признании качественно новой роли денег, выплаты которых придавали правам на должность необратимый характер.

Н. И. Алтухова (Москва, ИВИ РАН)

¹ Анализ цен на должности и факторов, которые на них влияли, см.: *Descimon R. La vénalité des offices comme dette publique sous l'Ancien Régime français. Le bien commun au pays des intérêts privés // La dette publique dans l'histoire. Paris, 2006. P. 201–230.*

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА ФРАНЦИИ В 50-Х ГГ. XVI В. (по данным венецианских послов)

Аннотация

В работе анализируются итоговые отчеты (Relazione) венецианских послов Джованни Капелло, Джакомо Соранцо, Джованни Микьеля, аккредитованных при дворе французских королей Генриха II, Франциска II и Карла IX в 1551–1561 гг. В центре внимания автора находится сюжет итоговых отчетов, посвященный доходам и расходам французской короны. Обязательной частью венецианского Relazione являлись цифровые показатели поступлений и расходов государства. Не стали исключением и отчеты Джованни Капелло, Джакомо Соранцо, Джованни Микьеля. Правда, самым информативным был отчет Джакомо Соранцо. Посол отметил, что главными статьями доходов во Франции в 50-х гг. XVI в. являлись прямые и косвенные налоги, поступления от продажи должностей, займы от городов, лионских купцов. Налоги ординарные и экстраординарные являлись частью доходов. Деньги, получаемые французской короной, уходили на содержание двора, армии, выплаты по процентам государственного долга. Сведения, приведенные венецианскими послами, позволили выяснить тенденцию, присущую финансовой политике французской короны, состоявшую в том, что во время ведения военных действий в стране наблюдалось повышение налогов. Правда, венецианские дипломаты пишут, что законопослушные и почтительно относившиеся к персоне короля его подданные без особого ропота относятся к этому, предоставляя королю нужную ему сумму для ведения войн. По мысли Джакомо Соранцо, главными способами пополнения французской казны являлись два – это повышение налогов и получение займов у городов и лионских купцов. Кроме того, значительную часть средств король получал от продажи должностей.

В любом случае, даже несмотря на невозможность проверить истинность финансовых показателей венецианских итоговых отчетов, можно полагать, что данные о доходах, включая налоги, и расходах способствовали тому, что венецианское правительство могло (с некоторой долей условности) определить финансовый потенциал французского государства, выделяя слабые и сильные его стороны. Свидетельства венецианских послов показали структуру налоговой системы Франции 50-х гг. XVI в. как сложившегося в целом института государства.

Ключевые слова: Франция, XVI в., ординарные и экстраординарные налоги, налогоплательщики, налоговая система, венецианские послы.

Tax system of France in 50-ies of the XVI century (according to the Venetian ambassadors)

Summary

The paper analyzes the final reports (Relazione) of the Venetian ambassadors Giovanni Capello, Giacomo Soranzo, Giovanni Michiel, accredited to the court of the French kings Henry II, Francis II in 1551–1561, Charles IX (1560–1574). The focus of the author is the plot of the final reports on revenues and expenditures of the French crown. Mandatory part of the Venetian Relazione was the figures of income and expenditure of the state. Was no exception and the reports of Giovanni Capello, Giacomo Soranzo, Giovanni Michiel. However, the most informative was the report of Giacomo Soranzo. The Ambassador noted that the main items of income in France in the 50-ies of the XVI century was the direct and indirect taxes, revenues from the sale of positions, loans from the cities of Lyon merchants. The taxes ordinary and extraordinary is a part of the income. The money generated by the French crown went to the maintenance yard, the army, the interest payments of public debt.

The data provided by the Venetian ambassadors, showed a tendency inherent in the financial policy of the French crown, consisting in the fact that during the conduct of hostilities the country experienced a tax increase. However, the Venetian diplomats write that law-abiding and respectful to the person of the king his subjects without much of a murmur relate to it, giving the king desired amount for warfare. According to the ideas of Giacomo Soranzo, the main ways to replenish the French Treasury are the two are raising taxes and getting loans from the cities and merchants of Lyon. In addition, a significant part of the money king makes from selling posts. In any case, even despite the inability to test the truth of the financial performance of Venice summary reports, you can put that data on income, including taxes, and expenses contributed to the fact that the Venetian government could (with a certain degree of conditionality) to determine the financial capacity of the French state, highlighting the weak / strong sides. The evidence of the Venetian ambassadors showed the structure of the tax system of France in the 50s of the XVI century as an institution of the state.

Key words: France, XVI century, ordinary and extraordinary taxes, taxpayers, methods of replenishment of the Treasury, the tax system, Venetian ambassadors.

К середине XVI в. во Франции сложились система финансового ведомства¹ и система налогообложения.

Во многом их анализ исследователями основывается на данных венецианских послов, аккредитованных при дворе французской короны в период с 1551 по 1561 г. В этот период Венецию при дворах Генриха II (1547–1559), Франциска II (1559–1560) и Карла IX (1560–1574) представляли в 1551–1554 гг. Джованни Капелло (1497–1559)², в 1554–1558 гг. Джакомо Соранцо (1518–1599)³ и в 1559–1561 гг. Джованни Микьель (1516–1596)⁴.

В своих отчетах сенату венецианские послы приводили информацию, которая касалась особенностей географического положения французского государства, его административного деления, социальной структуры, основных направлений экономического развития, а также давали характеристику главным персонам французского двора, включая и королевскую семью.

¹ Эльфонд И. Я. Потестарные институты во Франции в позднее Средневековье и раннее Новое время // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 84–85, 115–119.

² Relazione di Francia di messer Giovanni Capello, tornato ambasciatore da quella corte, l'anno 1554 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Firenze, 1840. Serie I. Vol. II. Далее – Relazione di Francia di messer Giovanni Capello. Вначале этот отчет был издан Н. Томмазео: Rapport de Jean Cappello ambassadeur en France en 1554 // Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle / Recueillies et trad. par M. N. Tommaseo. Paris, 1838. Далее – Rapport de Jean Cappello ambassadeur en France en 1554. В издании Н. Томмазео отчеты венецианских послов приведены на итальянском и французском языках. Эти же донесения были включены Е. Альбери и в свою коллекцию.

³ Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo tornato ambasciatore da quella corte nel 1558 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Firenze, 1840. Serie I. Vol. II. Далее – Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo. Надо отметить, что, как пишет Е. Альбери, отчет, помещенный в серию отчетов венецианских послов сенату под именем Джованни Соранцо, на самом деле является отчетом Джакомо Соранцо. См.: Albèri E. Cenni biografici intorno a Girolamo Soranzo // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Edite Eugenio Albèri. Volume X. Serie II. Tomo IV. Firenze, 1857. P. 125.

⁴ Relazione di Francia detta in senato da Giovanni Michiel nel 1561 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Firenze, 1853. Serie I. Vol. III. Вначале этот отчет был также издан Н. Томмазео: Relation de Jean Michiel, après son ambassade de 1561 // Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle / Recueillies et trad. par M. N. Tommaseo. Paris, 1838. Далее – Relation de Jean Michiel, après son ambassade de 1561.

Самая интересная часть отчетов венецианских дипломатов – это их информация о доходах и расходах французского королевства. Нет сведений (во всяком случае, такую информацию мы не нашли ни в одной исследовательской работе о венецианской дипломатии), как венецианские послы добывали эти данные. Скорее всего, за счет своих личных связей с теми людьми, которые владели знанием того, сколько собиралось и сколько тратилось в том или ином королевстве. По мнению А. Гери, полной информацией о финансах французской короны располагали министры¹. Не случайно все венецианские послы среди тех персон, с которыми они поддерживали тесные контакты, называли чиновников финансового ведомства. С 1552 по 1557 г. должность интенданта финансов занимал André Guillart (1495–1568). В период миссии Джакомо Соранцо сюринтендантом финансов с 1556/1557 по 1559 г. был Jean d'Avançon, de Saint-Marcel (1511–1564), которого непосредственно курировал Карл де Гиз (1524–1574), кардинал Лотарингский, ставший после смерти Генриха II суперинтендантом финансов. В 1561 г. при Карле IX была создана должность суперинтенданта финансов, которую с 1561 по 1567 г. занимали Артюс де Коссе-Бриссак (1512–1582) и Louis d'Ongnies.

Остановимся на той части отчетов венецианских послов, которая посвящена рассмотрению доходно-расходных статей французского государства. Сначала отметим, что все они считали Францию одной из богатейших стран Западной Европы. Кроме того, они указывали и статьи экспорта и импорта Франции. Так, например, Джакомо Соранцо пишет, что во Францию ввозят из Португалии зерно и полотна, а также специи и сахар, из Испании зерно, полотна и «шерсть хорошего качества», из Англии высококачественную шерсть и железо, из Италии золототканые ткани и шелк, а из Брешии и Милана доспехи и оружие, из Леванта специи и сахар, из Фландрии и Германии железо, боевых коней².

В Англию, Шотландию, Фландрию Франция вывозит «вина, соль, ткани и многое другое». Доход от этих статей экспорта составляет ежегодно «более чем 3 миллиона золотом»³. Здесь стоит заметить, что в

¹ Guery A. Les finances de la monarchie française sous l'Ancien Régime. In: *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 33e année, 1978. N 2. P. 216–239; doi: 10.3406/ahess.1978.293922. P. 220. URL: http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1978_num_33_2_293922 (дата обращения: 25.06.2017).

² Ibid. P. 405.

³ Ibid.

свое время С. Д. Сказкин писал, что «донесения венецианских послов, дающие обильный и интересный материал о хозяйственном положении Франции XVI века, склонны несколько преувеличивать благосостояние страны и размеры ее торговли и промышленности»¹, ссылаясь при этом на данные итогового отчета Марино Кавалли (1546 г.)².

Кроме того, по данным Джакомо Соранцо, ежегодно во Францию ввозится порядка 1,5 миллиона золотом. При этом он отметил, что «определенная, если не сказать бóльшая часть денег, имевших хождение во Франции и потраченных в ней же, были отчеканены в Испании. Бóльшая часть этих денег была потрачена на войну...»³.

Примером того, что основной экономической доктриной Франции XVI в. являлся меркантилизм, может служить следующий пассаж отчета Джакомо Соранцо: «под большим наказанием было запрещено вывозить из страны золото и серебро»⁴. Но, по словам Джакомо Соранцо, этот запрет нарушался. Чтобы подтвердить это свое утверждение, венецианский посол приводит рассуждения на эту тему французского короля Генриха II, который в беседе с ним говорил, что «золото вывозится из Индии (Нового Света. – М. Т.) в Испанию, из Испании во Францию, из Франции в Италию, из Италии на Левант»⁵.

Налоги Франции состояли из прямых (таля) и косвенных (габель, эд, мальтот и пр.) налогов. Венецианские послы (все без исключения – что Джованни Капелло⁶, что Джакомо Соранцо, что Джованни Микьель⁷, что другие) налоги включали в состав доходов французской короны и именовали ординарными и экстраординарными.

¹ Сказкин С. Д. Франция первой половины XVI века // История Франции. Т. 1. М., 1972. С. 161–162.

² Relation de Marino Cavalli (1546) // Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle / Recueillies et trad. par M. N. Tommaseo. Paris, 1838. P. 250, etc. Позже этот отчет был включен Е. Альбери в свою коллекцию отчетов венецианских послов: Relazione di Francia dell'ambasciatore Marino Cavalli, 1546 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite Eugenio Alberi. Firenze, 1839. Serie I. Vol. I. P. 219, etc.

³ Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo... P. 405.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 405–406.

⁶ Relazione di Francia di messer Giovanni Capello... P. 276; Rapport de Jean Cappello ambassadeur en France en 1554... P. 368.

⁷ Relazione di Francia detta in senato da Giovanni Michiel nel 1561... P. 419; Relation de Jean Michiel, après son ambassade de 1561... P. 400.

Так, по подсчетам Джакомо Соранцо, доходы Франции – «ординарные доходы королевства» – составляли «14,5 миллионов флоринов, из расчета 3 лиры нашей монеты за флорин, что около 6 миллионов золотом»¹.

По данным Джакомо Соранцо, доходы Франции слагались из: «доходов от домена короля, это – доходы от земель, лесов, мельниц, все вместе приносят не более чем 500 тысяч флоринов;

пошлин с вина – 2 миллиона франков;

доходов от продажи товаров – 1 200 000 флоринов;

габели – 1 700 000 флоринов;

ординарных платежей и доходов от продажи должностей, других экстраординарных поступлений – 1 500 000 флоринов;

талы с лесов – 200 000 флоринов;

контрибуции с 50 000 пехотинцев, которые находятся в городах, в мирное время – 600 000 флоринов;

платы с военных – около миллиона;

ординарной талы с крестьян – 4 000 000 флоринов;

эда – 600 000 флоринов;

десятины – 1 200 000 флоринов»².

В свое время Е. Альбери отметил, что эти «подсчеты Джакомо Соранцо не ясны и нуждаются в проверке в других документах»³. Хотя этот пассаж дает возможность выяснить статьи максимального пополнения казны. Наибольшее количество денег поступало от талы, выплаченной крестьянами, да и больше всего казна получала от сбора налогов как прямых, так и косвенных.

Соизмерить показания Джакомо Соранцо с данными его предшественника (Джованни Капелло) и преемника (Джованни Микьяля) на посту венецианского посла во Франции, с одной стороны, сложно в силу того, что в их отчетах приводятся разные статьи доходов, но, с другой стороны, можно сравнить конечные суммы поступлений и расходов. Кроме того, эти венецианские дипломаты весьма пространно рассуждали о том, как обстоят дела в финансовой сфере французского государства. Так, например, Джованни Капелло пишет, что ординарные и экстраординарные доходы приносят стране 5 миллионов, в

¹ *Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo...* P. 420.

² *Ibid.* P. 420–421.

³ *Albèri E.* Nota 1 // *Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo...* P. 421.

перечень доходов входят налоги, десятина, габель¹. Но эта сумма собирается в мирное время, во время войны сумма резко возрастает и достигает цифр, нужных королю, как пишет Джованни Капелло: «... будучи народом послушным и имеющим большое благоговение к своему королю, и для процветания королевства, с радостью дают столько, сколько денег хочет Его Христианнейшее Величество»².

О том же, что во время военных действий король Франции мог собирать суммы, намного превышавшие поступления в мирное время, писал и Джованни Микьель. В своем отчете он отметил, что французский король получал в общей сложности около 16 миллионов франков, или 6,5 скуди золотом, из расчета 2,5 франка за скудо³. Расходы ординарные – выплата по государственному долгу, содержание короля и его дома, на это уходило 2/3 всех доходов⁴. По его словам, государственный долг Франции был равен в год смерти Генриха II (1559 г.) «36 или 38 миллионов франков, что в пересчете на скуди составляло 14 и более миллионов»⁵. Специфику финансовой политики французского короля венецианский посол определил словами самих подданных французского короля, сложивших пословицу, переведя ее на итальянский язык: «Il re paga tutto, il re prende tutto»⁶.

Как видим, на протяжении 1551–1561 гг. наблюдался рост доходов французской короны от пяти миллионов до шести с половиной миллионов скуди. Другое дело, что истинное положение вещей проверить сложно...

После того как обычно были приведены данные о доходах страны аккредитации, венецианский посол приступал к тому, что показывал, что оставалось в «сухом остатке» от этих поступлений в распоряжении короны.

По сведениям Джакомо Соранцо, расходы («ординарные расходы») французской короны «достигали 12 400 000 флоринов», что составляло в пересчете на итальянские деньги «около 5 миллионов с половиной золотом»⁷.

¹ Relazione di Francia di messer Giovanni Capello... P. 276.

² Ibid. P. 277.

³ Relazione di Francia detta in senato da Giovanni Michiel... P. 419.

⁴ Ibid. P. 420.

⁵ Ibid. P. 421–422.

⁶ Ibid. P. 420.

⁷ Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo ... P. 421.

Эти расходы состояли из: «жалованья пехоте и стрелкам – 2 300 000 флоринов;

жалованья 20 000 солдатам (*guardia degli stati di sua maestà*), расквартированным в крепостях по всей стране, включая жалованье около 4000 умершим, жалованье 1000 солдат в Шотландии, 5000 солдат в Пьемонте, 3000 солдат в Тоскане и 1000 солдат в Корсике, – 2 миллиона флоринов;

на укрепления крепостей, помимо контрибуции с городов и территорий, где они находятся, – 400 000 флоринов;

расходов на океанскую флотилию – 50 000 флоринов;

содержание 40 галер – 400 000 флоринов;

расходов на порох и артиллерию – 200 000 флоринов;

жалованья швейцарцев – 200 000 флоринов;

расходов на нужды дома короля – 100 000 флоринов;

расходов на охоту и дичь, жалованье егерей/лесников – 200 000 флоринов;

расходов на содержание *gentiluomini della camera* и других слуг дома короля – 500 000 флоринов;

жалованья *gentiluomini dell'Azza* (по определению венецианского посла – гвардии короля) – 88 000 флоринов;

жалованья 400 конным стрелкам – 120 000 флоринов;

жалованья 200 швейцарцам – 24 000 флоринов;

расходов королевы – 200 000 флоринов;

расходов дофина и его братьев – 200 000 флоринов;

расходов “мамамы” Маргариты¹ – сестры короля – 50 000 флоринов;

расходов шотландской королевы – 30 000 флоринов;

жалованья министров короля – 1 200 000 флоринов;

расходов на содержание французов и иностранцев – 1 200 000 флоринов;

расходов на *doni*, вознаграждения и другие экстраординарные расходы – 500 000 флоринов;

выплаты по процентам: за кредит в 8 000 000 флоринов, предоставленных королю городами, и за другие ссуды, сделанные ранее, – 650 000 флоринов;

¹ Речь идет о Маргарите Французской (1523–1574), дочери Франциска I и Клод. В 1559 г. она стала женой герцога Эммануила Филиберта Савойского.

выплаты по процентам по другим займам: купцам Лиона за 10 000 000 флоринов, что были взяты у них в кредит, на проценты с этой ссуды уходит 600 000 флоринов, и 400 000 флоринов уходит за реституцию капитала, т. е. всего 1 000 000 флоринов»¹.

Если структурировать этот перечень, то получится, что в основном деньги уходили на содержание армии, двора и выплаты по процентам государственного долга.

По подсчетам Джакомо Соранцо, у французской короны ежегодно «после выплаты всех расходов остается около 1 миллиона золотом»². На самом же деле, рассуждает он, французская корона не имеет этих доходов из-за того, что «не собирают каждый год полностью всех доходов» по причине «обычного воровства казначеев, постоянных войн»³.

Проверить данные венецианских послов можно⁴, как полагает Н. Томмазо, по сведениям о финансах 1552 г. Так, «доходы ординарные: 1. талья – 3 889 000 ливров; 2. домен, эд, габель – 2 259 000 ливров; все вместе доходы ординарные – 6 148 000 ливров. Доходы экстраординарные: 1. *crue des tailles* – 1 200 000 ливров; 2. *coupes de bois* – 200 000 ливров; 3. десятина от клира – 600 000 ливров; 4. *parties casuelles* – 100 000 ливров; 5. *traites foraines* – 300 000 ливров. Все экстраординарные доходы – 2 400 000 ливров. Расходы ординарные: *gendarmerie*, 2400 человек – 1 000 000 ливров; *mortespayes, commis à la garde des places* – 100 000 ливров; артиллерия – 39 000 ливров; *salpêtre* –

¹ *Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo...* P. 422.

² *Ibid.* P. 423.

³ *Ibid.*

⁴ Хотя все равно, наверное, сделать это сложно. Например, в своих статьях М. R. Doucet (*Doucet R. L'Etat des finances de 1523. Paris, 1923. URL: <https://archive.org/details/ltatdesfinance00doucouft>* (дата обращения: 25.06.2017); *Doucet R. L'Etat des finances de 1563 // Bulletin philologique et historique (jusqu'à 1715). 1926/1927. P. 1–32. URL: <http://visualiseur.bnf.fr/CadresFenetre?O=30000057243978&I=9&M=pagination>* (дата обращения: 25.06.2017)) и А. Гери (*Guery A. Les finances de la monarchie française sous l'Ancien Régime. In: Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1978. N. 2, P. 216–239; doi: 10.3406/ahess.1978.293922. URL: http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1978_num_33_2_293922* (дата обращения: 25.06.2017)), помимо данных французских финансовых документов, приводят данные венецианских послов. В этом отношении показательна таблица, составленная А. Гери (Р. 234), состояния французских финансов в течение XVI в., где рядом с поступлениями и расходами на определенный год дана ссылка на то, откуда взяты исследователем цифры. Чаще всего это сноски на итоговые отчеты венецианских дипломатов.

30 000 ливров; fourniture des places de guerre – 35 000 ливров; 2. 10 галер и 1 фрегат на Океане – 124 000 ливров; 20 галер и 2 фрегата на Средиземном море – 230 000 ливров; 3. послы – 300 000 ливров; пенсии швейцарским кантонам – 175 000 ливров; жалование членам военного дома короля (200 gentilshommes, 450 аршеров, 100 швейцарцев) – 253 000 ливров; жалование тем, кто входит в гражданский дом короля – 300 000 ливров; chambre aux deniers du roi (Денежная палата короля) – 72 000 ливров; конюшни – 131 000 ливров; vénerie и соколиная охота – 58 000 ливров; argenterie – 24 000 ливров; музыка – 14 000 ливров; menues affaires de la chambre – 6000 ливров; подношения и милостыня – 7000 ливров; dons et menus plaisirs – 100 000 ливров; дом дофина – 100 000 ливров; дом королевы – 80 000 ливров; 5. жалование grands officiers, губернаторов провинций и других мест, капитанов иностранных, des conseillers d'état et officiers des cours souveraines, des professeurs royaux et artists – 800 000 ливров; почта и курьеры – 71 000 ливров; 6. жалование grand conseil – 21 000 ливров; Парижский парламент – 88 000 ливров; Счетная палата – 29 000 ливров; Палата косвенных сборов – 11 000 ливров; des généraux des monnaies – 3000 ливров; парламент Руана – 41 000 ливров; Счетная палата – 4000 ливров; парламент и счетная палата Бургундии – 30 000 ливров; парламент Тулузы – 40 000 ливров; парламент Бордо – 35 000 ливров; 7. œuvres, payes, services, etc. – 5000 ливров. Все в целом расходы ординарные – 4 356 000 ливров. Расходы экстраординарные: 1. войска supplémentaires, шеволежеры, швейцарцы, ландскнехты, aventuriers французские – 2 500 000 ливров; 2. артиллерия, fontes – 600 000 ливров; 3. проценты государственного долга – 388 000 ливров; 4. bâtiments – 35 000 ливров; 5. столовое серебро и мебель – 250 000 ливров; 6. fêtes – 200 000 ливров; 7. frais de perception – 300 000 ливров. В целом все расходы экстраординарные – 4 273 000 ливров. Итого – доходы ординарные и экстраординарные – 8 548 000 ливров, расходы ординарные и экстраординарные – 8 629 000 ливров. Дефицит – 81 000 ливров»¹. Н. Томмазо отмечает, что на самом деле дефицит был больше².

Слабое место любой (за редким исключением, правителей, которые смогли после своей смерти оставить своим потомкам/преемникам положительное сальдо, немного, среди них можно назвать Генриха VII,

¹ Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle... Р. 401–403.

² Ibid.

Козимо Медичи. Правда, их преемники благополучно потратили то, что было до/для них накоплено, найдя достойное применение этим капиталам...) короны – деньги. С одной стороны, они есть, но, с другой стороны, чаще всего их нет. Отсюда проистекало, по наблюдению Джакомо Соранцо, то, что нехватка средств вынуждала французскую корону постоянно искать деньги путем экстраординарных способов, чаще всего прибегая к повышению налогов и беря деньги под проценты¹.

Джакомо Соранцо пишет, что «обложение налогами проводилось королем под разными названиями, это и обычное повышение талли, и обложение двумя десятинами клира, и другие налоги с городов. Но наибольший доход король получал от продажи должностей. Каждый год создавались новые должности, которые нужно было покупать, все это приносило короне 300 000 скуди»².

Более пространно Джакомо Соранцо рассуждает о втором способе получения денег французским королем. По его словам, «второй способ раздобыть деньги, это взять их под проценты. Это можно было сделать двумя путями. Первый – попросить заем у главных городов королевства, из расчета под 8 $\frac{1}{3}$ %. Второй – взять заем у лионских купцов из расчета под 6% и под 4% за закрытие ярмарки»³.

Здесь сложно понять, осуждает ли финансовую политику французских королей венецианский посол. Скорее всего, нужно отметить то, что он дал четкое представление венецианскому правительству о структуре доходов и расходов французской короны, обратив внимание на наиболее доходные ее статьи и способы пополнения казны, предпочитаемые королями Франции.

Следует заметить, что значение денег для государства осознавалось государственными деятелями всегда. Так, можно процитировать Армана Жана Дю Плесси (1585–1642), кардинала Ришелье, который в «Политическом завещании» писал: «Всегда считалось, что финансы – это нервы государства, и воистину они являются той архимедовой точкой опоры, которая служит надежным фундаментом для того, кто вознамерился бы перевернуть весь мир»⁴. Аналогично рассуждали в своих

¹ Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo... P. 423.

² Ibid.

³ Ibid. P. 423–424.

⁴ Ришелье А.-Ж. дю Плесси. Политическое завещание. Принципы управления государством. М., 2008. URL: <http://coollib.com/b/282252/read> (дата обращения: 07.04.2017).

отчетах и венецианские дипломаты, когда давали характеристику экономической и политической жизни стран, где они были аккредитованы. Например, в своем отчете венецианскому правительству о том, как прошла его дипломатическая миссия в Париже в конце 50-х – начале 60-х гг. XVI в., Джованни Микбель отметил: «...деньги всегда имели репутацию нерва для сохранения государства»¹. Этой же фразой чуть позже также охарактеризовал финансы Папского государства и Джакомо Соранцо – «Деньги – нерв Папского государства»². Говоря же о французских финансах, Джакомо Соранцо нашел несколько другое применение этой коннотации: «деньги – нерв войны»³. Хотя, возможно, он не был оригинален, а просто повторил французскую поговорку: «L'argent est le nerf de la guerre».

Налогоплательщиками во Франции, по наблюдениям венецианского посла Джакомо Соранцо, являлись представители неблагородных сословий. Он пишет, что знать (нобили) не несут никаких повинностей за исключением тех, что вытекают из их феодального права, в частности, например, той, что «они обязаны идти на войну с определенным количеством конников соответственно их положению»⁴. Но, по мнению Джакомо Соранцо, видно, что дворянство Франции почти всё доведено до нищеты. Одна из мер поддержки французского дворянства была предложена королем, она заключалась в увеличении количества военных, получавших жалованье от короны⁵.

К благородным относятся и составляют вторую часть социальной структуры Франции «люди длинной мантии» (*di goba lunga*) (робены). По словам Джакомо Соранцо, «они делятся на две категории». Первые служат судьями, занимают должности при дворе, управляют деньгами и счетами короля, берут откупы у короля, могут покупать свои должности и имеют такие же привилегии, как и знать, и могут передавать их по наследству. Вторые – это купцы (*mercanti*), которые, с одной сторо-

¹ Relation de Jean Michiel, après son ambassade de 1561... P. 392; Relazione di Francia detta in senato da Giovanni Michiel nel 1561... P. 419.

² Relazione di Roma di Giacomo Soranzo, 1565 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Edite Eugenio Albéri. Volume X. Serie II. Tomo IV. Firenze, 1857. P. 133.

³ Relazione di Francia del clarissimo Giovanni Soranzo tornato ambasciatore da quella corte nel 1558... P. 454.

⁴ Ibid. P. 406.

⁵ Ibid. P. 406–407.

ны, не имеют таких привилегий, как первые, но, с другой стороны, они могут их получить, если их потомство станет заниматься тем же, чем занимаются представители первой категории этой социальной страты. Тем не менее они являются самыми богатыми людьми Франции. Они обязаны платить налог в виде содержания 50 тысяч пехоты в течение четырех месяцев для защиты королевства во время войны. Подобная контрибуция в такое же время налагается и на жителей городов и местечек. Но большая часть представителей этих двух категорий населения Франции, поскольку «они получили должности от короля и имеют королевские привилегии, освобождены от уплаты подати, прочие же платят»¹.

Третья часть социальной структуры Франции – это «контadini», т. е. селяне (крестьяне), которые «бедны из-за того, что они обязаны платить налоги королю. Они обязаны платить ординарную талью в сумме 4 миллионов франков, эд в размере 600 тысяч франков, военный налог в размере 1 миллиона франков в мирное время и 2 миллиона франков в военное время. Эти подати приходятся на крестьян, работавших на земле, налоги распределяются по деревням. Есть крестьяне, которые платят поголовной налог»².

К последней части, четвертой, социальной структуры французского королевства венецианский дипломат Джакомо Соранцо отнес духовенство. По его словам, во Франции имеется «15 архиепископств, 117 епископств, 1230 аббатств и множество приоратов и бенефициев. Духовенство получает 6 миллионов франков дохода, отдает королю каждую четвертую десятины, во время войны каждую шестую десятины. Распределение всех бенефициев находится в руках короля, за исключением тех, что освободились после смерти прелатов, этим занимаются в Риме»³. По мнению венецианца, эти бенефиции, которые раздает король, скорее нужно рассматривать как некоторое материальное поощрение со стороны короля, а не как духовную должность. Он пишет, «не премину сказать, что эти бенефиции были распределены с небольшим уважением к святым делам, а скорее просто по желанию короля как награда тем, кто более служил ему на войне или на другой службе, поскольку не имел другого способа наградить их. Можно видеть, как сегодня они были торговцами или солдатами, а завтра стали епископа-

¹ Ibid. P. 407–408.

² Ibid. P. 408.

³ Ibid.

ми или аббатами. Многие женаты. Многие, не желая принимать сан, старались получить бенефиции под именем другого, оставляя доходы себе»¹.

Такая приведенная Джакомо Соранцо градация общества нарушает традиционное деление сословий Франции, по которому духовенство – это первое сословие, дворянство (шпаги и мантии) – второе сословие, а народ – третье сословие. Возможно, венецианец следовал практике социального деления венецианского государства: нобили, читтадини, пополаны, хотя и с некоторыми нюансами. Так, он выделил дворянство мантии, поставив духовенство на последнее место.

Подведем итоги. Как видим, венецианские послы в своих отчетах особое внимание уделяли доходам и расходам французской короны, полагая, что состояние финансов является одним из показателей могущества государства и что знание того, насколько блестяще/плачевно положение дел в этом секторе французской экономики, дает возможность венецианскому правительству определить потенциал Франции как государства. Их свидетельства показали, что Франция испытывала трудности в финансовой сфере, вызванные войнами, внутренними проблемами. С одной стороны, французская корона располагала значительными средствами, а с другой стороны, денег постоянно не хватало, что приводило к тому, что французским королям приходилось прибегать к разным способам пополнения казны, главным из которых были налоги.

Можно сказать, что налоговая система Франции 50-х гг. XVI в. представляла собой в целом сложившийся институт, состоя из совокупности различных видов налогов.

Кроме того, исходя из сведений венецианских послов, в частности Джакомо Соранцо, можно сказать, что финансовые службы королей Франции 50–60-х гг. XVI в. стоят у истоков правила министра финансов короля Людовика XIV Жан-Батиста Кольбера (1619–1683): «Налогообложение – это искусство ощипывать гуся так, чтобы получить максимум перьев с минимумом писка»...

М. В. Третьякова (Арзамас, Арзамасский филиал ННГУ)

¹ Ibid. P. 409.

РАЗДЕЛ VI

ЯВЛЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И НАСЛЕДОВАНИЕ ЗЕМЛИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИРЛАНДИИ И УЭЛЬСЕ¹

Аннотация

Церемонии, связанные с валлийским *dadannudd* и ирландским *tellach*, восходившие в общему прототипу, анализируются в контексте ритуальных практик наследования земли и земельного права в этих кельтских регионах. Используя дополнительные свидетельства, не связанные с трактатами о *dadannudd* и *tellach*, автор сосредотачивается на различных аспектах первой фазы *tellach* и делает вывод о произошедших сдвигах в представлениях о границах владений. Располагавшиеся на межевой линии захоронения, служившие прежде пограничным маркером отдельных владений, пришли к VII в. в упадок, а их функция была перенесена на покрытые огамом могильные камни и плиты. Рассматривая различные варианты охранительной функции огама в ранне-средневековой Ирландии, автор стремится указать на возможные валлийские параллели.

Ключевые слова: средневековые Ирландия и Уэльс, наследование земли, *dadannudd*, *tellach*.

Ritual practices and land succession in Medieval Ireland and Wales

Summary

Analyzing both *dadannudd* and *tellach* as counterparts of the normal ritual action used to claim land by hereditary right, the author takes an evidence from outside the both tracts on *tellach* and *dadannudd*. Concentrating on the first phase of *tellach*, he underlines a shift from the boundary of land, marked by the graves to the

¹ Глава написана при финансовой поддержке СПбГУ (грант № 28482688 «Британские идентичности и раннестюартовская композиитарная монархия»).

grave stones served as a boundaries. An argument turns on details at specific local practices in Ireland while the function of the ogham stones was intensively changed during the VII century and at later temporal developments in Wales.

Key words: Medieval Ireland and Wales, land succession, tellach, dadannudd.

Наследственные практики в средневековых Ирландии и Уэльсе отличаются известным своеобразием и остаются сложными для понимания явлениями. Ирландский tellach и валлийский dadannudd восходили к общему прототипу, но существовавшая между ними генетическая связь не повлияла на их в целом самостоятельное развитие. Оставшийся в своем каноническом виде максимально ритуализированной процедурой, tellach во многом сохранял присущие ему языческие формы и в этом смысле противостоял своему аналогу – деритуализированному dadannudd.

Не отягощенная дополнительными процедурами схема tellach¹ состоит из двух связанных между собой фаз и подразумевает при этом,

¹ Corpus Iuris Hiberniae / Ed. D. A. Binchy. 6 Vols. Dublin, 1978 (далее – CIH). В ссылках указывается страница и соответствующая строка. Материал, касающийся tellach, представлен тремя группами текстов. Группа I (205.22-206.26; 907.36-908.14; 1859.6-15; 2019.16-18) содержит канонический текст Din Techugud (О законном переходе), датированный VII в. с глоссами и написанный на среднеирландском языке комментарий. Фрагмент (CIH.907.36-908.14; 1859.6-15) представляет собой два варианта глосс к Senchas Már (OGSM – так называемые «ранние глоссы»), содержащих цитаты на канонический текст. Фрагмент (CIH. 2019.16-18) является частью дигесты (D38), озаглавленной «Do techtugh banda 7 ferrdha síana» (о мужском и женском законном переходе здесь и ниже). Фрагмент содержит обильные ссылки на канонический текст, а также OGSM. В каноническом тексте, написанном нерифмованным стихом, рассмотрен ряд неправомерных действий, связанных с «законным переходом» без уточнения лиц и времени действия событий. При этом прозаический фрагмент, содержащийся в OGSM, представляет собой рассказ мудреца Нина мак Магаха о его приключениях в земле уладов, поведенный его ученику (сыну?) Дойдину. Поэтический фрагмент был переведен Д. Бинчи в: *Watkins C. Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse // Celtica. 1963. Vol. 6. P. 221.* Две другие группы текстов (CIH. 207.22-209.28; 908.26-909.13; 1241.16-17; 1859.25-1861.5; 2018.16-2019.15, 2019.28-36 и CIH. 209.29-210.11; 909.14-28; 1861.6-11 соответственно) различаются в деталях, но в целом опираются на канонический текст и упомянутые выше глоссы и комментарии. Отдельные фрагменты, относящиеся к этим группам текстов, были переведены: *Watkins C. Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse... P. 227–228; 232–233.* Различные варианты tellach и его субсидарные формы исследованы: *Charles-Edwards T. Early Irish and Welsh Kinship. Oxford, 1993. P. 259–272.*

что в церемонии задействованы две группы участников. Речь идет о заявителе, предъявляющем в присутствии свидетелей свои права на соответствующий земельный участок, и о лице, на момент выдвижения требования противоположной стороной не только владеющем данным участком, но и пассивно наблюдающем за происходящим. Последовательность действий со стороны заявителя, описываемая в трактате, предполагает три сменяющих друг друга перехода, каждый из которых осуществляется через межевую линию надела, опознавательным знаком которой является расположенный на ее границе могильный холм или же группа захоронений (*fert* и *fertae* соответственно). Все три перехода образуют в совокупности первую фазу церемонии, основным смыслом которой является демонстрация ритуально оформленной претензии на право владения данным участком земли.

Претендент совершает первый переход через десять дней после публично высказанного намерения исполнить саму процедуру, а затем каждый раз с таким же интервалом и два последующих перехода. При первом переходе он ведет за собой, держа за уздечку, двух лошадей, и его сопровождают один свидетель. Во время последующих переходов присутствие свидетелей возрастает на одного человека, а количество лошадей каждый раз удваивается. При этом во втором случае четыре лошади идут за ним сначала запряженными, затем их распрягают, и ритуал позволяет им пастись на занятой таким образом территории. Наконец, во время третьего перехода он приводит с собой восемь лошадей, которым позволяет свободно ходить «вокруг дома», а к исходу дня занять соответствующее место в стойле.

Первое (*cètlloch*) и второе (*tellach medónach*) пересечения обозначенной таким образом границы не приводят к легитимации владельческих прав заявителя, но тем не менее демонстрируют определенный рост законности его владельческих претензий. Лишь при отсутствии ответных действий со стороны прежнего владельца второй и третий переходы совокупно превращают саму церемонию *tellach* в необратимую и таким образом создают в конечном виде законное владение (*tuinide*), сам факт обретения которого символизирует ритуал разведения огня в домашнем очаге (собственно вторая фаза церемонии).

При наличии ответных действий со стороны прежнего владельца процедура *tellach* осложняется и теряет свой исключительно ритуальный смысл: основные участники процесса превращаются в истца и ответчика. При этом ответчику предоставляется право на трехкратное

судебное разбирательство. Выносимый вердикт (*fuigell*) оглашается на пятый день после первого пересечения границы, но не является окончательным. В том случае если истец использует свое право совершить *tellach* во второй раз, вердикт оглашается на третий день, но и в этом случае решение судьи не исключает последующего третьего пересечения границы. И только на этот раз вердикт становится окончательным и, как указывает сам текст трактата, «немедленным» вердиктом (*tul-fuigell*), а сторона, в пользу которой выносится решение, «немедленно» приобретает или же закрепляет за собой искомое или же оспоренное право (*dliged*)¹. Независимо от конечного итога самой тяжбы, основой судебного решения является *Fénechas*, наличие которого у истца и ответчика считается обязательным.

Dadannudd – валлийский аналог ирландского *tellach* представляет собой более сложное с точки зрения понимания и интерпретации явление. Связь между этими двумя правовыми реалиями устанавливается этимологически² и основывается на предположении о существовании общего прототипа³. Сохранившиеся в различных версиях валлийских судебных трактатов о *dadannudd* датируются XII–XIII вв. Перечисляемые в них три формы *dadannudd* (*dadannudd eredig*, *dadannudd can* и *dadannudd batch*) отражают не столько восходящую к раннему Средневековью правовую доктрину, сколько зафиксированную практикующими судьями неоднозначную по своему составу и содержащую очевидные

¹ При закреплении права за прежним владельцем земли действия претендента квалифицируются как вторжение и влекут за собой соответствующую компенсацию в пользу владельца.

² Т. Чарлз-Эдвардс предполагает, что форма «*dadannudd*» обязана своим происхождением смешению значений двух древнеирландских глаголов *soid* (поворачивается) и *doid* (разводит огонь), содержательно определявших последовательно сменявшие друг друга финальные фазы ритуала. В первом случае речь идет об обладателе *dadannudd*, который после жатвы поворачивался спиной к стогу (*emchuelo e keuen ar y das*); во втором – о разжигании огня в домашнем очаге, символизирующем законное владение. *Charles-Edwards T. Early Irish and Welsh Kinship... P. 303. Note 1. Основания для этимологии содержатся: Thurneysen R. Zur Irischen Grammatik und Litteratur // Zeitschrift für celtische Philologie. 1912. Bd. 8. S. 64–65; Loth J. Notes étymologiques et lexicographiques // Revue Celtique. 1925. Vol. 42. P. 58–61; Thurneysen R. Nachträge und Berichtigungen zu KZ. LIX Iff. // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen 1934. Bd. 61. S. 253.*

³ *Charles-Edwards T. Early Irish and Welsh Kinship... P. 293.*

архаизмы правовую реальность¹. Из трех фигурирующих в трактатах форм *dadannudd* только *dadannudd eredig*, т. е. *dadannudd* с распашкой занятой земли, был к моменту составления судебныхников действующей нормой². При этом *dadannudd can* (*dadannudd* с использованием повозки/телеги) и *dadannudd batch* (*dadannudd* с ношей за плечами/в руках) представляли собой оставшиеся в прошлом правовые реалии³.

Функция включенных в трактаты архаизмов, судя по всему, была двойственной⁴. С одной стороны, они служили средством распознавания изменявшейся со временем традиции, которая с неизменным постоянством воспроизводила триадическую структуру⁵. С другой – при помо-

¹ *Edwards G.* Presidential Address: The Historical Study of the Welsh Lawbooks // Transactions of the Royal Historical Society. 1962. Vol. 12. P. 141–155; *Jenkins D.* The Medieval Welsh Idea of Law // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 1981. Bd. 49. P. 323–348. *Stacey R.* Law and Lawbooks in Medieval Wales // History Compass. 2010. Vol. 8. P. 1180–1190.

² Предположение основывается на сопоставлении трех версий описания известных форм *dadannudd*, различающихся по количеству дней, предназначавшихся для двух конечных фаз процедуры, отводимых для ответа на претензии и конечного судебного вердикта. Все три версии содержат оптимизированные с учетом аграрного цикла сроки только для *dadannudd eredig*, что свидетельствует об ее оперативном использовании. Данные версии представлены: 1) **Latin A** (The Latin Texts of the Welsh Laws / Ed. H. D. Emanuel. Cardiff, 1967. 130.18-131.5); 2) **Latin B** (The Latin Texts of the Welsh Laws... 229.17-28) и **Llyfr Iorwerth** (Llyfr Iorwerth. A Critical Text of the Venedotian Code of Medieval Welsh Law / Ed. A. R. Wiliam. Cardiff, 1960. § 84); 3) **Latin B** (The Latin Texts of the Welsh Laws... 230.38-231.3) и **Llyfr Cyfnerth** (Welsh Medieval Law / Ed. A. W. Wade-Evans. Oxford, 1909. 48.18-49.6). Контекст позиционирования *dadannudd eredig* в качестве действующей нормы блестяще исследован: *Charles-Edwards T.* Early Irish and Welsh Kinship... P. 274–303. Так называемая «экспансия» юридической теории *dadannudd* в XIII–XIV вв. показана Д. Дженкинсом в его работе: *Jenkins D.* A Lawyer Looks at Welsh Land Law // Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion. 1968. (Session 1967.) Pt. 2. P. 220–247. Ссылки на соответствующий фрагмент судебногоника за исключением Книги Иоруерта (Llyfr Iorwerth) даются с указанием номера страницы и соответствующей строки.

³ *Charles-Edwards T.* Early Irish and Welsh Kinship... P. 290.

⁴ *Pryce H.* Native Law and Church in Medieval Wales. Oxford, 1993. P. 18–35.

⁵ О триадической структуре в валлийской правовой традиции см.: *Roberts S.* The Legal Triads of Medieval Wales. Cardiff, 2011. P. 1–40. Не исключено, что в его наиболее ранней форме *dadannudd* мог иметь, как и *tellach*, трехчастную структуру, где каждая из отмеченных в трактатах разновидностей *dadannudd* могла выполнять функцию отдельного пересечения межевой границы.

щи такого приема особо выделялся ее наиболее значимый элемент, а именно действующая норма. Тем самым достигался вполне определенный эффект, исключавший в отличие от ирландского права актуализацию традиции¹. Даже в том случае, когда такая норма формировалась с участием нескольких архаизмов или же дублировала один из них как образующий (как в примере с *dadannudd eredig*), граница между прошлым и настоящим оставалась весьма определенной.

Уже при поверхностном сопоставлении *tellach* и *dadannudd* обнаруживаются существенные различия, свидетельствующие об известной консервативности ирландских юридических реалий² и определенном динамизме валлийского права. Смещение процедурных элементов в действующем валлийском аналоге в сторону правовых стимулировало «падение» и кризис ритуальности, способствуя ее минимизации и возможному изъятию из текстов трактатов.

Деритуализация, в свою очередь, способствовала концентрации на предпосылках и последствиях самого оформленного правом процесса. Правоприменение, основываясь на лаконичных формулировках, во многом упрощалось: значение самого *dadannudd*, точнее *dadannudd eredig*, заметно сужалось сначала до статуса «правильного» (*ach ac edryf*), а затем и «отцовского владения» (*possessio paterna*)³.

Следы существовавшего общего прототипа видны лишь в самом названии и, как представляется, в особым образом оформленных фазах (паузах) ожидания ответных действий контрагента и финального судебного вердикта. Оптимизация, казалось бы, безвозвратно исключила сам ритуальный переход, наполненное явным смыслом перешагивание могильных плит, покоившихся на границе оспариваемого надела, трехкратно ретировавшегося претендента, участвующих в процедуре лошадей, манипуляции с уздечкой и многое другое.

К сожалению, нам неизвестны начальные формы *dadannudd*, и остается только предполагать, насколько деритуализированной могла

¹ Об актуализации традиции в средневековом ирландском праве см.: *Breatnach L. Canon Law and Secular Law in Early Ireland: The Significance of Bretha Nemed // Peritia. 1984. Vol. 3. P. 39–59. Шкунаев В. С. Община и общество западных кельтов. М., 1989.*

² *Binchy D. Linguistic and Legal Archaisms in the Celtic Law Books // Transactions of the Philological Society. 1959 (1960). P. 14–24.*

³ *Latin A (The Latin Texts of the Welsh Laws / Ed. H. D. Emanuel. Cardiff, 1967. 130.4); Charles-Edwards T. Early Irish and Welsh Kinship... P. 284–285.*

оказаться сама процедура с момента появления этого обычая и до его кодификации при Хивеле Добром (первая половина X в.). Единственное, что остается несомненным, так это факт влияния христианизации на общий ход самого кодификационного процесса и на правоприменительную традицию последующих столетий.

Как представляется, именно христианизация могла способствовать исчезновению или же забвению тех практик в Уэльсе, которые были связаны с прототипом. Вызывавшие прямые ассоциации с язычеством, такие практики могли сохраниться в ирландском праве, где в правовом дискурсе прошлое и настоящее, как отмечалось, не противостояли друг другу и не вызывали противоречий.

Валлийский опыт был противоположен ирландскому, и в этом смысле следовал иной логике развития. Возможно, в чем-то близкие ирландскому *tellach* ритуалы могли использоваться в течение весьма ограниченного времени, но с повсеместным распространением христианства должны были исчезнуть¹. Во всяком случае, составленные уже в XII–XIII вв. валлийские судебники должны были вобрать в себя модифицированную под влиянием христианства традицию, исключаящую любые ассоциации с язычеством.

Наиболее противоречивым с точки зрения христианских ценностей был характерный для ирландского *tellach* и отсутствовавший в валлийском *dadannudd* ритуал перешагивания могильного холма (*fert*) или же в другом возможном варианте – группы захоронений (*fertae*), располагавшихся на межевой полосе². Поясняя значение *fertae*, Т. Чарльз-Эдвардс полагал, что такого рода групповые захоронения могут быть отделены от прочего пространства неглубоким рвом (*clad feirt*) или же насыпью (*maigen feirt*)³, и, опираясь далее на известные ему примеры,

¹ Следы подобного ограниченного использования Т. Чарльз-Эдвардс находит в параллельно сохранившихся по обе стороны Ирландского моря архаизмах, свидетельствовавших, с одной стороны, об использовании запряженной лошадьми повозки во время первого ритуального перехода при исполнении процедуры *tellach* и о возможных, по меньшей мере двукратных, переходах межевой линии при исполнении *dadannudd can* – с другой. *Charles-Edwards T. Early Irish and Welsh Kinship...* P. 293–294.

² СИН. 205.27. *tellach tar fertai céttellach* / переход через расположенное на меже захоронение (могильный холм) считается первым переходом.

³ *Charles-Edwards T. Early Irish and Welsh Kinship...* P. 273. Используемые им пояснения взяты из трактата *Coibnes Uisci Thairidne* (§ 11 и 13 соответственно): *Binchy D. Irish Law Tracts Re-Edited // Ériu. 1955. Vol. 17. P. 70. O'Brien E.,*

выделял возможные конфигурации внешних атрибутов таких захоронений, независимо от характерных им особенностей выполнявших мемориальные и охранительные функции. Выделенная им внешняя атрибутика таких захоронений могла включать, помимо рва и насыпи, могильный камень с начертанной на нем огамом надписью. Такого рода надпись могла содержать имена предшествующих владельцев земли и в этом смысле была весомым аргументом при идентификации наследника¹.

Доказательная функция огама подтверждается в памятниках раннего ирландского права. Как и в самих текстах, так и в более поздних глоссах и комментариях отмечается роль огамических надписей на камне как особого рода свидетельств, подтверждающих право на владение землей. Сохранившиеся тексты фиксируют два слегка различающихся по смыслу оттенка функционального назначения огама, но, вопреки ожиданиям, ни один из них не определяет эти камни в качестве могильных.

С одной стороны, речь идет об отношении к огамическому письму как одному из возможных, но при этом не единственных средств в решении земельных вопросов. С другой – вполне очевидной представляется попытка юристов и глоссаторов классифицировать роль огама как превосходящую все иные формы доказательств.

В трактате *Berrad Airechta* один из фрагментов посвящен поиску оснований для владельческих прав на наследуемую землю. Среди прочих убедительных доказательств, отмеченных в тексте трактата, фигурирует «огам на камне» (*ogom i n-ailchib*)². Подобное отношение к

Bhreathnach E. Irish boundary ferta, their physical manifestation and historical context // Tome: Studies in Medieval Celtic History and Law in Honour of Thomas Charles-Edwards / Ed. F. Edmonds & P. Russell. Boydell Press, 2011. P. 53–64.

¹ Charles-Edwards T. Early Irish and Welsh Kinship... P. 262. использованные им примеры включали: «наследник могильного камня, что лежит подле земли» (*Stokes W.* O'Davoresis Glossary // Archiv für Celtische Lexikographie. 1904. Bd. 2. S. 402. N 1168) и небольшой пассаж из СИИ. 1512.31, где среди прочих весомых доказательств наследственного права указывается действенная сила «начертанного на камнях огама».

² СИИ. 596.6. Перевод текста: *Stacey R.* Berrad Airechta: An Old Irish Tract on Suretyship // Lawyers and Laymen: Studies in the History of Law Presented to Professor Dafydd Jenkins on His Seventy-Fifth Birthday / Ed. T. Charles-Edwards et al. Cardiff, 1986. P. 210–233. Название этого трактата оставляют обычно без перевода, поскольку смысл вынесенной в заглавие фразы остается весьма туманным: дословно речь идет о бригье судей или членов суда.

огому присутствует и в глоссе на фразу «огом на каменной стеле [столбе?]), которая буквально означает «и это все равно что свидетель»¹. Сделанные огомом надписи воспринимаются в качестве важного символа законного наследования: оно буквально «вырезано огомом» (go rinnad oghmaib); огом – второй по важности ключ (очевидно, после права), способный не только «отпереть владение» (eochraí aroslaicet selba), но и подтвердить его принадлежность (forgell do thir); огом является важнейшим наряду с laid (поэтическим текстом/поэмой), буквой (неогамического?) алфавита (liter) и межой (crich) опознавательным знаком владения².

Несколько иначе определяется обстоятельство, связанное с убеждающим и принуждающим действием неодушевленных предметов (maírb) с начертанными на них знаками и особенно огомом в рассказе «Решение по поводу меча Кормака» (Ceart Claidib Cormaic)³, где сделанная на рукояти меча надпись, вопреки мнению свидетелей, т. е. одушевленных предметов, послужила решающим основанием для идентификации владельца⁴. В одной из глосс к трактату Gubretha Caratniad (Превратный приговор Каратни), в которой при перечислении неодушевленных предметов по определению обладающих большей доказательной силой, чем предметы одушевленные, фигурирует межевой камень (coirthe)⁵. О том, что речь идет о камне с нанесенным на

¹ Фраза «int oghom isin gollán» – глосса «amal fídain he». СИН. 1566.6-7. Немецкий перевод: *Thurneysen R. Die Bürgerschaft im irischen Recht // Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Jahrgang 1928. N 2. S. 6–32.*

² СИН. 746.37ff; 754.39; 2143.21-22. Любопытно, что последнее определение огома (2143.21-22) используется в несколько измененном виде в комментарии к фразе «concuimne da crich» (обоюдная память двух прилегающих друг к другу земель). СИН. 748.18-19.

³ *The Irish Ordeals, Cormac's Adventure in the Land of Promise, and the Decision as to Cormac's Sword (Scél na Fírlatha, Echtra Cormaic, i Tír Tairngiri agus Ceart Claidib Cormaic) // Irische Texte mit Wörterbuch. 4 Vols / Ed. E. Windisch, W. Stokes. Vol. 3. Pt. 1. Leipzig, 1891. P. 185–202 (оригинальный текст); P. 203–221 (перевод).*

⁴ Is andsin rodgella marbh for bíu, i n-agar log don scriband (Ibid. P. 201). В более ранней версии этого рассказа данная фраза звучит более конкретно (ann con-sich marbh for bheo, i bhfoirgehall oghaim ógh airibh), поскольку «именно тогда, когда неодушевленные письмены (marbh) уже обязали человека, непоколебимая доказательность огома предстоит им [вместе взятым]» *Gwynn E. An Old-Irish tract on the privileges and responsibilities of poets // Eriu. 1940. Vol. 13. P. 34, 226.*

⁵ СИН. 2199.8-10.

него огамом говорит упоминавшийся уже фрагмент СИН. 2143.21-22, где при цитировании предыдущего текста *coirthe* заменен на *int ogam isinn gollam*. Наконец, стоит привести две широко известные строки (*gail comlainn / caihigthi astado*) из поэмы «Ma be ri go-fesser», которые Д. Бинчи переводит как «каменные стелы противоборства/ратоборцы, что устанавливают [право]», считая их фигурами речи, которые придают написанным огамом надписям на каменных плитах особую образность и выразительность. В его интерпретации такие надписи уподобляются основным ратоборцам в противостоянии за земельную собственность¹.

Известно, что уже в VII в. практика использования каменных плит/стел с нанесенными на них огамическими надписями для погребальных обрядов (в том числе на меже) была вытеснена другой, связанной с кладбищенскими церковными захоронениями. Зафиксированная в ирландском праве функция огама могла отражать в этой связи модифицированную этими обстоятельствами практику. Покрытые огамом камни / каменные стелы постепенно утрачивали свои исходные связанные с погребальными обрядами функции, но сохраняли связанную с ними коммеморативную нагрузку. Именно с учетом этого обстоятельства потенциальные владельцы (и в роли истца, и в роли ответчика) могли использовать эти каменные плиты, демонстрируя по содержащимся на них надписям свои права на наследуемую или же оспариваемую землю. При этом важным аргументом был не столько сам камень, сколько начертанные на нем надписи.

На фоне произошедших изменений описанный в трактате о *tellach* переход через могильный холм мог обретать иной, теперь уже далекий от былого смысл и не вызывать протеста со стороны церкви. Не возобновлявшиеся теперь захоронения видоизменяли со временем исходный смысл располагавшихся на меже сооружений, определяя неизбежность в превращении таких камней в межевые. Указание на пересечение могильных холмов, содержащееся в каноническом тексте об ирландском *tellach*, могло видоизменяться с учетом таких обстоятельств и обрело исключительно фигуральный характер. При этом прежний акцент на ритуальной стороне пересечения преобразованной таким образом межевой линии существенно смягчался: претендент «перешагивал» не столько могильный холм, сколько лежавший на меже, покрытый надписями камень.

¹ *Binchy D. An archaic legal poem. Celtica. 1971. Vol. 9, P. 157 (строки 17–18).*

Валлийский материал отличается крайней лапидарностью для иллюстрации подобного рода процессов. В Книге Иоруерта (§ 95/13) упоминается «*maen terfun*» (межевой камень), за перемещение которого полагался штраф. В Книге Лландава, относящейся к середине XII в., насчитывается 21 упоминание¹ межевых камней, 13 из которых приходится на межевые клаузы, датируемые временем не позднее середины VIII в.² В подавляющем большинстве случаев речь идет о безымянных камнях (*maen terfun*, *maen* или даже *terfun*). При этом 8 камней имеют названия: *Rhyd Lecog* (BLD. 122 / LDC. 121), *maen Cīnāhi* (BDL. 123 / LDC. 122), *maen Lybiau* (BLD. 142 / LDC. 140), *Maen Diastur* (BLD. 145 / LDC. 145), *maen Oudocui* (BLD. 156 / LDC. 156), *maen Cīnāhi* (DLD. 188 / LDC. 187), *maen Tyllog/ Petram Onnbrit* (BLD. 189 / LDC. 188b), *maen Birth* (BLD. 191 / LDC. 190b), что может косвенно указывать на связь с имевшими место ранними захоронениями.

Хартии LDC. 190b и LDC. 176a, дублируют друг друга, описывая дарение «*villa in qua sepulcrum est Gurai*», представляют в совокупности уникальный для средневекового Уэльса случай³. Межевые клаузы этих хартий сходятся практически по всем позициям за исключением одной. Описание разделяющей линии в LDC. 190b начинается с *maen Birth*, а в LDC. 176a – с могилы *Gurai*, что говорит о совпадении месторасположения этих двух артефактов. Судя по всему, *maen Birth* был камнем, лежащим поверх могилы *Gurai*.

В так называемых Личфилдских евангелиях (Книга Св. Чада), датируемых началом IX в., содержатся 12 фрагментов-маргиналий, ряд из которых представляют из себя хартии⁴. Фрагменты, известные как *Chad 4* и *Chad 6*, содержат упоминания о межевых камнях. Первый из них назван «*hirmain guidauc*», т. е. «большим камнем *Girdauc*», а в *Chad*

¹ The Text of the Book of Llan Dav / Ed. G. Evans and J. Rhys. Oxford, 1893 (Aberystwyth, 1978). P. 74, 122, 123, 128, 142, 145, 156, 173, 188, 189, 191, 196, 197, 207, 208, 213, 224, 240, 242, 260, 272 (далее – BLD). По классификации У. Девис это номера: 73a, 121, 122, 127b, 140, 145, 156, 171b, 187, 188b, 190b, 195, 206, 208, 212, 223, 224, 239, 240, 259, 271. *Davies W. Llandaff Charters*. Aberystwyth, 1979 (далее – LDC).

² *Coe J. Dating Boundary Clauses in the Book of Llandaf // Cambrian Medieval Celtic Studies*. 2004. Vol. 48. P. 1–43.

³ *Davies W. Llandaff Charters...* P. 108, 113.

⁴ *Jenkins D., Owen M. The Welsh Marginalia in the Lichfied Gospels. Part I // Cambridge Medieval Celtic Studies*. 1983. Vol. 5. P. 37–66.

б речь идет о «небольшом камне» (bir main)¹. Chad 3 и Chad 4 имеют отношение к одному и тому же участку земли, поскольку надел, подлежавший отчуждению, назван в Chad 3 Treb Guidauc, т. е. двором с участком земли Guidauc. В этом смысле «hirmain guidauc», так же как и в комплексе хартий LDC. 190b и LDC. 176a, мог означать «могильный камень Guidauc», но лежал ли этот камень на границе земельного надела, остается неизвестным.

Рассмотренные выше примеры не дают достаточных оснований для решительного отождествления межевых практик, характерных для ирландского tellach, с валлийскими, но определенные параллели, связанные с назначением камней, расположенных на границах земельных наделов, представляются вполне вероятными. И в том и в другом варианте, несмотря на все имеющиеся отличия, речь идет о правовой, а не ритуально-правовой функциональности подобного явления.

С. Е. Федоров (Санкт-Петербург, СПбГУ)

¹ Факсимильное изображение и текст опубликованы: BLD. P. XLVI, XLVII соответственно.

ДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В ПРАВОСОЗНАНИИ ФРАНКСКОГО ОБЩЕСТВА VIII–X ВВ.

Аннотация

Статья посвящена восприятию каролингским обществом движимого имущества. Используются 2 группы источников: (1) формулы, грамоты и картулярии, фиксирующие правовую практику; (2) капитулярии, отражающие реакцию законодателя на проблемы текущего администрирования. Понятие «движимость» (*res mobilis*) имеет римское происхождение. Капитулярии, основанные на варварской логике, в попытках освоить чужеродное понятие противопоставляют движимое имущество недвижимости (земле и рабам-держателям, или сервам), закрепляют различие правил распоряжения движимостью и недвижимостью. В правовом менталитете VIII–X вв. движимость воспринимается как производное сельского поместья, входящее в орбиту *dominium* или *potestas* сеньора.

Ключевые слова: собственность, движимость, движимое имущество, формулы, капитулярии, правовая практика, правосознание, вульгарное римское право, обычное право.

Movable property in the legal mentality of the 8th–10th – century Frankish society

Summary

The paper focuses on the mental perception of movable property. It is based on formulae, charters and cartularies reflecting the legal practice, and on capitularies showing the law-maker's attitude. The concept «movables», of Roman origin, is alien to the Frankish tradition. Capitularies wherein the Germanic influence prevails oppose movable assets to real estate (land and settled slaves, or serfs), stress the difference between the ways in which movables and immovables are disposed of. The legal mentality of Carolingian society perceives movable property as the product of a manor, subject to the lord's *dominium* or *potestas*.

Key words: property, ownership, movables, chattels, legal practice, legal mentality, formulae, capitularies, Roman vulgar law.

Статья посвящена восприятию движимости как объекта собственности во Франкском государстве каролингской эпохи (VIII–X вв.). Изучение собственности в контексте правового менталитета позволяет выявить ее качественные характеристики, незаметные на уровне позитивного права.

В том, что касалось вещных прав, каролингская эпоха не была периодом расцвета юридической мысли. Корпус римского права, представленный Кодексом Феодосия и составленным на его основе Бrevиариум Алариха, к VIII в. стал слишком сложен, чтобы служить базой практического регулирования имущественных отношений¹. К этим памятникам периодически апеллировали, они лежали в основе того «римского права», которым регулировалось имущество церкви и фиска², однако в практике доминировало вульгарное римское право: юридические обычаи римских провинций, не восходящие к позитивным установлениям³. Варварская юридическая традиция была представлена обычным правом германских народов, живших на территории Франкского государства, которое в своей основе носило устный характер. Можно сказать, что в той мере, в какой имущественные сделки оформлялись при помощи грамот, составленных по-латыни, все они осуществлялись по римскому праву.

Вместе с тем именно в эпоху Каролингов уходят корнями некоторые понятия и способы классификации, ключевые для средневекового вещного права. Деление имущества на движимое и недвижимое, привычное для римского права, но чуждое праву варварских народов, в VIII–X вв. должно было переживать переосмысление, ибо в старофранцузском обычном праве (*l'ancien droit français*) оно уже относилось к основополагающим⁴.

Движимые вещи легко выделяются человеческим сознанием, независимо от того, в какой правовой традиции оно сформировалось. Важно понять, какие качества отличали движимость как объект приложения

¹ *Vinogradoff P.* Roman law in mediaeval Europe. L.; N. Y., 1909. P. 12–13; *Flach J.* Études critiques sur l'histoire du droit romain au moyen âge. Paris, 1890. P. 86–87.

² *Wood I. N.* The Code in the Merovingian Gaul // The Theodosian Code. Studies in the imperial law of late antiquity. 2nd ed. L., 2010. P. 161–177; *Flach J.* Op. cit. P. 88–96.

³ *Levy E.* West Roman vulgar law. Philadelphia, 1951. P. 6.

⁴ Бомануар в 1283 г. подразделяет имущество на «mueble» и «eritage». Beaumanoir Ph. de. Les coutumes de Beauvaisis. Paris, 1899–1900. С. XXIII.

вещных прав, т. е. как движимое имущество¹; проследить содержание и эволюцию понятия «движимость»; выяснить место движимости в комплексе вещных и личных прав, каковым является собственность. Важную роль в решении этой задачи играет терминологический анализ источников.

Из памятников вульгарного римского права нам доступны сборники формул (VI–IX вв.), содержащие преимущественно частнопроводные установления; грамоты и картулярии из разных областей Франкского государства. Законодательство Каролингов – капитулярии (VIII–IX вв.) – вписываются в варварскую традицию, несмотря на присутствие в них ряда цитат и норм римского права². В отличие от формул и грамот с их клишированным формуляром, капитулярии отражают живую реакцию законодателя на текущие проблемы управления, и тем особенно ценны.

При анализе формул и грамот из-за скудости информации приходится основывать выводы на вариациях актового формуляра в той части *dispositio*, которую иногда называют «формулой принадлежности» и которая включает перечень всего имущества и прав, относящихся к предмету сделки, – земельному владению. Формула эта римского происхождения, первоначально имевшая следующий вид: «[передаем владение или дом] со всем, что к нему относится, с рабами, скотом, плодами и всеми правами». В 313 г. император Константин в рескрипте казначею Эмилию приравнивал ее к краткому выражению «[передаем...] в полном объеме (*integro statu*)». Формулировка Константина вошла в кодекс Феодосия (X, 8, 1) и в кодекс Юстиниана (X, 10, 2)³, но выпала

¹ Jacques C. Histoire de la distinction des biens en meubles et immeubles. Paris, 1884. P. 3–4.

² Иначе считает Ф. Депрё: по его мнению, каролингское право в большинстве случаев нельзя назвать ни германским, ни римским, а роль капитуляриев заключается в перемешивании римских и варварских норм в масштабах Франкского государства: *Depreux P. La loi et le droit. La part des échanges culturels dans la référence à la norme et les pratiques juridiques durant le haut Moyen Âge // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public, 32e congrès, Dunkerque, 2001. Les échanges culturels au Moyen Âge. P. 70.*

³ *Codex Theodosianus* X, 8,1; *Codex Justinianus* X, 10, 2: «*Imp. Constantinus A. ad Aemilium rationalem. Si quando adnotationes nostrae contineant possessionem sive domum, quam donaverimus 'integro statu' donatam, hoc verbo ea vis continebitur, quam ante scribebamus 'cum adiacentibus et mancipiis et pecoribus et fructibus et omni iure suo': ut ea, quae ad instructum possessionis vel domus pertinent, tradenda sint.*

из Бrevиария Алариха. Очевидно, в варварских королевствах лаконичный вариант не прижился.

В формулах и грамотах раннего Средневековья «формула принадлежности» носит чрезвычайно подробный характер. Можно предположить, что вкусом как римских провинциалов, так и завоевателей-германцев импонировал ее квазиритуальный характер. Из ее географических и хронологических вариаций можно сделать некоторые выводы об особенностях породившего их правового менталитета.

Понятие «движимость» присутствовало в римском праве, хотя не было основополагающим. Формулы и грамоты, фиксирующие правовую практику раннего Средневековья, содержат многочисленные образцы имущественных сделок, в которых «формулы принадлежности» содержат клише «mobile et immobile», «cum mobilibus et immobilibus [rebus]». Они же содержат описания движимого имущества, которое служит предметом сделок.

Наиболее подробные перечни можно обнаружить в документах, описывающих внутрисемейные трансакции: свадебный дар жениха невесте, взаимные дарения между супругами или другими членами семьи. «Жалую тебе браслет ценой столько-то солидов, столько-то туник, покрывало для убранства кровати ценой столько-то солидов, золотые серьги... кольцо. Жалую тебе лошадь с колесницей и со всей упряжью, столько-то быков, столько-то коров с телятами, столько-то овец, столько-то свиней»¹ (Анжерские формулы, VI или VII в.). Аналогичные перечни встречаем в формулах Маркульфа (конец VII в.), Буржских, Санских и Турских (все – VIII в.) формулах². Длинные списки передаваемого имущества встречаем также в грамотах и картулярия IX–X вв. Ключийская грамота 905 г. упоминает свадебный дар, вклю-

D. VI id. Mart. Mediolani Constantino A. III et Licinio cons. [a. 313]». Цит. по: *Corpus iuris civilis*. Ed. ster. 5-ta. Vol. 2, *Codex Iustinianus / Recogn.* P. Krueger. Berolini, 1892; *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen et P. M. Meyer*. Berolini, 1905. Vol. 3.

¹ *Formulae Merovingici et Karolini aevi / Ed. K. Zeumer*. Hannoverae, 1886 (далее – Form.): *Formulae Andecavenses*. I(c): «Cido tibi bracele valente soledis tantus, tonecas tantas, lectario ad lecto vestito valento soledis tantus, inares aureas... annolus... Cido tibi caballum cum sambuca et omnia strarura sua, boves tantus, vaccas cum sequentes tantas, ovis tantus, sodis tantis». Аналогичные формулы: Form. Andec. 40, 54.

² Form. Marculfi. II (15), II (16); Form. Bituricensis. 15(a); Form. Senonenses. 25; Form. Turonenses. 14, 15 и др. Датировка дана по: *Rio A. Legal practice and the written word in the early middle ages. Frankish formulae*, с. 500–1000. Cambridge, 2009.

чающий недвижимость, десятины, скот мелкий и крупный, ткани, золото и серебро – и всё это автор передает, вопреки ожиданию, не по римскому праву, а «secundum mea lege Salica»!¹

Анжерские формулы донесли до нас список украденного, представленный епископу и графу Анжера неким человеком «в связи с тем, что злые люди темной ночью явились к нему в дом... выломали двери и его имущество: золото, серебро, ценности, одежду, украшения, медные сосуды и многие другие вещи... – унесли с воровскими целями»².

Из приведенных примеров видно, что и в формулах, и в грамотах при упоминании движимости как составной части хозяйства перечни имущества носят стандартизированный характер. В сборниках формул подробность описаний уменьшается от более ранних документов к более поздним; заметно, что некоторые выражения VI–VII вв. нотариам VIII–IX вв. уже непонятны. Можно заключить, что отраженные в формулах реалии, восходящие к меровингской эпохе, стали слишком сложны для каролингского общества.

¹ Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny / formé par A. Bernard; complété, rév. et publ. par A. Bruel. Paris, 1876–1903 (далее – Cluny). Т. I. N 88 (905). Ссылка на «салический закон» не должна вводить нас в заблуждение относительно франкских корней дарителя: в империи Каролингов Салическая правда считалась «правом знати», вне зависимости от этнической принадлежности последней. См.: *Guterman S. L.* The principle of the personality of law in the Germanic kingdoms of Western Europe from the fifth to the eleventh centuries. N. Y. [et al.], 1990. P. 138. И наоборот, оформление сделок посредством грамот не означало, что контрагенты жили по римскому праву. В грамоте о продаже монастырю Сен-Бертен земельных владений со всем движимым и недвижимым имуществом (Cartulaire de l'abbaye de Saint-Bertin / publ. par V. Guérard. Paris, 1840. [Далее – Saint-Bertin.] Lib. I, N XXIX (723)) продавец сообщает: «[villam nuncupatam] legaliter per festucam tradidi atque vverpivi», т. е. параллельно с грамотой сделка оформлялась германским ритуалом. Судя по тому, что стороны сделки применяли юридические процедуры безотносительно своей этнической принадлежности, к VIII–X вв. сформировались кутюмы, имевшие территориальный характер. В историографии существуют разные мнения о том, на какой основе (римской или варварской) складывались локальные обычаи Франкского государства. Д. Нельсон считает, что основа такого правового обычая – римско-христианская. См.: *Nelson J. L.* Dispute settlement in the Carolingian West Francia // The settlement of disputes in early medieval Europe / Ed. by W. Davies and P. Fouracre. Cambridge, 1986. P. 61.

² Form. Andec. 32: «eo quod male homines per cecata nocte ad casa sua... advenissent et ostia sua frigissent vel res suas aurum, argentum, species, vestimentum, fabricaturas suas, vasa herea vel reliquis res quam pluris... ad furtis causas deportassent».

Более конкретный материал о составе движимого имущества дают завещания, представляющие собой основной инструмент передачи движимости по наследству. Из завещания Аудомара, епископа Терауана, в пользу аббатства Сен-Бертен (662) мы узнаём, что благочестивые люди могли делать монахам подношения «землями, рабами, золотом, серебром или священными книгами или же любыми вещами, которые, как всем известно, предназначены для украшения богослужения или для нужд этих монахов»¹. Каролинги (Карл Великий, Карл Лысый и др.) использовали завещания, чтобы направить значительную часть своих сокровищ в церкви и монастыри на помин души² и чтобы обеспечить юридически незащищенных членов семьи: жену, дочерей, внебрачных детей. Завещание Эбергарда Фриульского и его жены Гизелы (867)³, напротив, демонстрирует частновладельческое отношение магнатов к основанной ими церкви. Документ фиксирует раздел имущества между их сыновьями и дочерьми. При разделе движимости наследники получают дорогое оружие, одежды, посуду и прочую домашнюю утварь, а также свою долю имущества домово́й капеллы: раки для мощей, кресты, кивории, книги и пр.

В праве варварских народов понятия «движимость» не существовало, хотя в хозяйственной, социальной и даже политической жизни движимое имущество играло большую роль. Могущество короля зависело от обилия «сокровищ» (*thesauri, opes, facultates*), составлявших королевскую казну; важнейшим источником ее пополнения была военная добыча (*spolia, praeda*); покоренные народы выплачивали победителям дань (*tributa*) рабами, скотом, провизией и деньгами; подданные

¹ Saint-Bertin. Pars 1, Foulquin. Lib. I. N 7 (662): «in agris, mancipiis, auro argentove sacrisque voluminibus, vel in quibuscumque speciebus, quae ad ornamentum divini cultus, vel ad opus eorum monachorum pertinere noscuntur».

² Завещание Карла Великого включено в *Vita Karoli Magni* Эйнгарда (гл. 33); завещание Карла Лысого содержится в Кьерсийском капитулярии (*Capitularia regum Francorum* / Ed. A. Boretius et V. Krause. Hannoverae, 1883–1897. [Далее – *Cap.*] N 281). Об особенностях монарших завещаний см.: *Kasten B. À propos de la dichotomie entre privé et public dans les testaments des rois francs // Sauver son âme et se perpétuer. Transmission du patrimoine et mémoire au haut Moyen Âge / Éd. F. Bougard, [et al.]. Rome, 2005. P. 159–201; Innes M. Charlemagne's will. Piety, politics and the imperial succession // The English Historical Review. Vol. 112, N 448 (Sep., 1997). P. 833–855.*

³ *Cartulaire de l'abbaye de Cysioing et de ses dépendances / Par I. de Cousse-maker. Lille, 1883. N 1 (867).*

государя подносили ему ежегодные «дары» (*dona*). И наоборот: ценности, аккумулированные королем или магнатом, перераспределялись среди его вассалов и клиентов, консолидируя вертикальные связи¹. Варварские правды позволяют сделать вывод, что у германских народов движимость была первым видом частной собственности, характеризовавшимся относительной свободой распоряжения и предполагавшим равноправие женщин².

В Салических формулах (VIII–IX вв.) – памятниках вульгарного римского права, составленных в германизированной среде, – «формула принадлежности» обычно не включает движимости, а если включает – то с использованием квазиритуальной фразы, рассчитанной на произнесение вслух («*cum... pecuniis, peculiis, praesidiis*» или «*praesidiis, peculiis, pecoribus*»)³. В капитуляриях редкий случай употребления выражения «движимое имущество» (*possessio mobilis*) встречается в контексте церковных дел⁴. По-видимому, неуклюжесть ссылок на реалии римского права объясняется варварской логикой франкского законодателя. Говоря о движимом имуществе, капитулярии прибегают к перечислению конкретных предметов, а также к противопоставлению – как правило, земле и посаженным на землю рабам. К движимому имуществу (или же к такому имуществу, которое противоположно недвижимости) относят: золото, серебро, драгоценные камни, оружие,

¹ *Reuter T.* Plunder and tribute in the Carolingian empire // *Transactions of the Royal Historical Society*, 35 (1985). P. 75–94; *Hardt M.* Gold und Silber. Über die veränderten Möglichkeiten der Herrschaftsbildung und – sicherung durch Edelmetallschätze im frühen und hohen Mittelalter // *Les élites au haut moyen âge: crises et renouvellements*. Turnhout, 2006. P. 457–460; *Depeyrot G.* Richesse et société chez les Mérovingiens et Carolingiens. Paris, 1994. P. 11–12, 14–15; *Fouracre P.* The age of Charles Martel. Harlow; N. Y., 2000. P. 145.

² *Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe–Xe siècle). Paris, 1995. P. 233–237; *Goury G.* Origine et développement historique de la distinction des biens en meubles et immeubles. Nancy, 1897. P. 30–34.

³ Например, *Form. Salicae Lindenbrogianaе*. 1: «*Donamus... mansos tantos cum hominibus ibidem cummanentibus, cum domibus, edificiiis, [etc.], mobile et immobilibus, praesidiis, peculiis, pecoribus, omnia et ex omnibus...*». Аналогично – *Form. Sal. Lind.* 7, 12; *Form. Salicae Merkelianaе*. 1. Указанные образцы *Form. Sal. Lind.*, как следует из их рукописной традиции, происходят из Баварии – см.: *Rio A.* *Op.cit.* P. 101–102, 106–108. *Form. Sal. Merk.*, 1 происходит из точно не известного региона применения Салической правды – см. предисловие К. Цоймера к этой формуле: *Form. P.* 240, ср.: *Rio A.* *Op. cit.* P. 128

⁴ *Cap. N 167*, с. 5.

одежду, ткани, утварь, скот, домашний скарб. Иногда, но не всегда, упоминают не посаженных на землю рабов (*servi non casati, mancipia non casata*)¹. В целом, однако, каролингское правосознание воспринимает рабов (сервов) как лица, а не как вещи.

Капитулярии отграничивают движимость, которая обращается относительно свободно, от земельной собственности, скованной политическими или религиозными ограничениями. Так, *Divisio regnorum* (806) не разрешает принцам принимать в дар или покупать в королевствах у братьев недвижимость, «а только золото, серебро и драгоценные камни, оружие и одежды, а также не посаженных на землю рабов и такие вещи, которые известны как подходящие купцам»². Подобно имуществу фиска, собственность церкви не может отчуждаться, «кроме движимого имущества, то есть золота, серебра, одежд, или скота, или же дома (домашней утвари. – *Е. К.*)»³.

Движимость интересует законодателя еще и в фискальном контексте. Ею взимаются налоги, штрафы и подати – например, *heribannum*: «И этот “*heribannus*” пусть не взимается ни землями, ни рабами, но золотом и серебром, платьем и оружием, а также животными и скотом или такими вещами, которые служат для пользы» (Булонский капитуляр, 811)⁴. В свою очередь, размер *heribann*'а определяется сто-

¹ Так, *Divisiones regnorum* 806 и 831 годов упоминают безземельных рабов, в противоположность посаженным на землю, в составе движимого имущества, а *Capitula francica* времен Людовика Благочестивого – нет. См. соответственно *Cap. N 45, c. 11*; *N 194, c. 7* и *N 167, c. 5*.

² *Cap. N 45, c. 11* [*Divisio regnorum* 806]: «*De traditionibus autem atque venditionibus que inter partes fieri solent precipimus, ut nullus ex his tribus fratribus suscipiat de regno alterius a quolibet homine traditionem vel venditionem rerum immobilium, hoc est terrarum, vinearum atque silvarum servorumque qui iam casati sunt sive ceterarum rerum quae hereditatis nomine censentur, excepto auro, argento et gemmis, armis ac vestibus pecnon et mancipiis non casatis et his speciebus quae proprie ad negotiatores pertinere noscuntur*». Идентичный фрагмент – в *Cap. N 194, c. 7* [*Divisio Feb. 831*].

³ *Cap. N 167, c. 5* [*Capitula francica Hludovico Pio adscripta, singillatim tradita*]: «... quia nullo tempore ecclesia debet suum ius amittere praeter mobilem possessionem, ut est aurum, argentum, vestes aut pecora aut domus. Praedia vero, terras, villas, ecclesias census, quia inde magni redditus possunt exire in commune bonum, nullo commutatione, nullo pacto liceat ad proprietatem alicuius transferre».

⁴ *Cap. N 74, c. 2* [*Capitulum Bononiense, 811 Oct.*]: «*Ipse vero heribannus non exactetur neque in terris neque in mancipiis, sed in auro et argento, palleis adque armis et animalibus atque pecoribus sive talibus speciebus quae ad utilitatem pertinent*».

имостью движимого имущества плательщика. 2-й Тионвильский капитулярый (805) предписывает: «...пусть с человека, имеющего шесть фунтов золотом, серебром, доспехами, медной утварью, кусками материи, лошадьми, быками, коровами или другим скотом... получают [посланцы наши] законный *heribannum*, то есть 3 фунта»¹. *Capitula legi addita* (816) обращает уплату судебного штрафа на движимое имущество преступника, а в случае нехватки средств велит взыскивать остаток с недвижимости; для чего, если нужно, делить имение между сонаследниками². Это правило присутствовало и в римском праве, но нет подтверждений, что капитулярый его заимствовали³.

Интересны парафразы, которыми законодатель заменяет термин «движимость»: в одном случае это «такие вещи, которые известны как подходящие купцам»⁴, во втором – «такие вещи, которые служат для пользы»⁵. В первом случае отличительной чертой движимости является ее ассоциация с определенной социальной группой. При этом к купцам законодатель относится с подозрением, так как они склонны к жадности и спекуляциям. Неймегенский капитулярый (806) призывает епископов и аббатов следить за сторожами церковных ценностей, «ибо нам говорят, что иудейские и прочие купцы хвалятся, что могут купить у них [сторожей] что угодно». Многочисленные запреты на продажу за границу доспехов и оружия иногда выражаются в форме «не давать их купцам»⁶. Вообще, торговля (*negotium*), с точки зрения законодателя, должна иметь моральное оправдание – например, пользу (*utilitas*). Тот же капитулярый разъясняет: «Когда кто-нибудь во время жатвы или сбора винограда не по необходимости, а от жадности покупает зерно или вино, например, по два денария за модий, и хранит его до тех пор,

¹ Cap. N 44, c. 19 [*Capitulare missorum in Theodonis villa datum secundum* (805)]: «... ut de homine habente libras sex in auro, argento, bruneis, aeramento, pannis integris, caballis, boves, vaccis vel alio peculio... accipiant [missi nostri] legitimum heribannum, id est libras 3».

² Cap. N 134, c. 5: «Debitum vero, quod is cuius ea fuit solvere debuit... iuxta estimationem damni de rebus mobilibus que in eadem proprietate invente fuerint his quibus idem debitor fuit exsolvatur. Quod si rerum mobilium ibidem inventarum quantitas ad compositionem non sufficeret, de immobilibus suppleatur...», etc.

³ Goury G. Op. cit. P. 74.

⁴ Cap. N 45, c. 11; N 194, c. 7.

⁵ Cap. N 74, c. 2.

⁶ Cap. N 40, c. 7 [*Capitulare missorum* 803]: «Ut bauga et brunias non dentur negotiatoribus».

пока не сможет перепродать по четыре денария, по шесть или больше, – мы называем это низким корыстолюбием; когда же [он] покупает по необходимости, чтобы иметь для себя и раздать другим – мы называем это торговлей»¹.

Требование нравственного характера сделок с движимостью – характерная черта каролингского законодательства. Одни исследователи (Ж.-П. Дефруй, М. Кандиду²) усматривают в нем проявление религиозно мотивированной «моральной экономики»; другие же (А. Ферхюлст³) – практическую меру по борьбе со спекуляцией

Чаще всего в капитуляриях упоминаются такие способы распоряжения движимостью, как купля (*emere, comparare*)⁴ и продажа (*venditio*)⁵. Ее можно также ссужать (*commodare*)⁶, отдавать в залог (*in pignus dare*)⁷, жертвовать на богоугодные нужды (*in elemosina dare*)⁸. Однако три последние операции – это «изыски» из ареала действия римского права: все они относятся к церкви, а в одном случае – к итальянским владениям Каролингов. Все они, кроме благочестивых пожертвова-

¹ Cap. N 46, c. 17 [Неймегенский капитулярный 806]: «Quicumque enim tempore messis vel tempore vindemiae non necessitate sed propter cupiditatem comparat annonam aut vinam, verbi gratia de duobus denariis comparat modium unum et servat usque dum iterum vendundare possit contra dinarios quatuor aut sex seu amplius, hoc turpe lucrum dicimus; si autem propter necessitatem comparat, ut sibi habeat et aliis tribuat, negotium dicimus».

² Devroey, J.-P. Le marché carolingien est-il moral? // El mercat: un món de contactes i intercanvis / s. la dir. de F. Sabaté i M. Pedrol. Lleida, 2014. P. 39–40; Cândido da Silva, M. L. 'économie morale' carolingienne (fin VIIIe–début IXe siècle) // Médiévales, No. 66 (Printemps 2014). P. 159–178.

³ Verhulst A. The Carolingian economy. Cambridge, 2002. P. 126, 128–131.

⁴ Cap. N 46, c. 4, 17 [806]; N 67, c. 3 [803–813]; N 143, c. 1 [820]; N 148, c. 9 [821].

⁵ Cap. N 20, c. 20 [779]; N 40, c. 7 [803]; N 44, c. 4, 7 [805]; N 45, c. 11 [806]; N 74, c. 10 [811]; N 143, c. 1 [820]; N 194, c. 7 [831].

⁶ Cap. N 22, c. 39 [Admonitio generalis, 789]: «...ut, qui commodaverit pecuniam, pecuniam accipiat».

⁷ Cap. N 138, c. 13 [Capitularia ecclesiastica, 818–819]: «De sacris vasis ecclesiae, quae in pignus a nonnullis in quibusdam locis dari comperimus, inhibitum est ne deinceps a quoquam fieri praesumantur, nisi solummodo necessitate redimendorum captivorum compellente». См. также: Cap. N 159, c. 2 [Concessio generalis 823?], изданный Лотарем для Италии: «concedere volumus cunctis liberis personis, ut nullus iudex publicus seu ministri publici eos contra legem audeant pignerare in bovis».

⁸ Cap. N 42, c. 8 [Capitula ecclesiastica ad Salz data, 803–804]: «Ut nullus... brunias aut arma infra monasterium puellarum commendare praesumat, nec quisquam recipere audeat, excepto si in elemosina datum fuerit».

ний, встречаются в ограничительном или запретительном контексте. Например, отдавать в залог церковную утварь можно только для выкупа христианских пленников. В итоге наиболее приемлемым способом распоряжения движимым имуществом становится *traditio*, как для недвижимости.

Заметно стремление обставить сделку с движимым имуществом всевозможными гарантиями: «Пусть каждый покупает коня, быка или кобылу или же иное, только если знает того человека, который ему [их] продал, и из какого он пага и где живет и кто его сеньор»¹. Другой традиционный способ гарантировать надежность сделки – публичность процедуры: «... пусть никто не смеет ночью торговать золотыми и серебряными сосудами, рабами, драгоценными камнями, лошадьми, животными – за исключением провизии и фуража, необходимых путникам, – но [только] днем при всех и в присутствии свидетелей пусть каждый ведет свою торговлю»².

Движимость осознавалась как составная часть имущественного комплекса виллы. Анжерские формулы обозначают все имущество человека, монастыря или церкви выражением «*corpus facultatis*», включавшим как движимость, так и недвижимость³. Желая обозначить совокупность имущества лица, капитулярии используют оборот «*res et mancipia vel mobile*»⁴. Описание наследственной собственности (*alodis*, *hereditas*, *res et mancipia*, *proprietas*, *possessio*), бенефиция или иного владения или держания включало перечисление движимого имущества. В «Капитулярии о разных делах» (807?) Карл Великий предпи-

¹ Cap. N 67, c. 3 [*Capitula per missos cognita facienda*, 803–813]: «*Ut nullus conparet caballum, bovem aut iumentum vel alia, nisi illum hominum cognoscat qui ei vendidit, aut de quo pago est vel ubi manet aut quis est eius senior*».

² Cap. N 55, c. 2 [*Capitula post a. 805 addita*, 806–813]: «*De negotio super omnia praecipendum est, ut nullus audeat in nocte negotiare in vasa aurea et argentea, mancipia, gemmas, caballos, animalia, excepto vivanda et fodro quod iter agentibus necessaria sunt, sed in die coram omnibus et coram testibus unusquisque suum negotium exercent*».

³ Form. Andec. 41.

⁴ Говоря о привлечении к суду фальшивомонетчика посредством ареста его имущества, Пистенский эдикт 864 (Cap. N 273 B, c. 23) требует: «*Si vero res et mancipia vel mobile, per quae distringi legaliter possit, in ipso comitatu habuerit, secundum legem ad nostram praesentiam venire iubeamur*». Аналогично в Кьерсийском капитулярии 873 (Cap. N 278, c. 3) Карл II Лысый предписывает, чтобы людей, подозреваемых в различных преступлениях и пренебрегших вызовом в графский суд, оштрафовали «*et per res et mancipia vel mobile distringantur, ut veniant*».

сывает посланцам проверять состояние бенефициев – не перевозят ли их обладатели добро в свои аллоды: «...сперва церковные... а также и прочие бенефиции, дома со всеми их служебными постройками и плодами трудов (*laboratu*) и приобретений (*adquisitu*); а также что каждый [бенефициарий] после того, как мы это запретили, перевез из этого бенефиция в свой аллод, и что он там с этим сделал»¹. *Capitula legi addita* (816) упоминает движимость (*res mobiles*), находящуюся в имении (*in proprietate*) преступника². В целом движимость наряду с недвижимостью входит в сферу *ius, potestas* или *dominatio* собственника³.

Движимость в глазах современников ассоциировалась также с разнообразными поступлениями с имения или участка (*conlaboratus, fructus, meritum, villatica commoda*). Владеть землей – значит прежде всего присваивать ее плоды, в более широком смысле – всякий доход, как в Капитулярии о поместьях⁴.

Продукция сельского поместья – самое распространенное средство уплаты податей наряду с деньгами. В «Наставлении всем сословиям королевства» (823–825) Людовик I Благочестивый предписывает: «Желаем и приказываем, чтобы со всего произведенного продукта (*conlaboratu*), с вина и сена исправно и полностью всеми выплачивались девятина и десятина; пусть все дают десятину провизией, как было и прежде заведено. Если же найдется кто-то из епископов, кто захочет получать ее серебром, то пусть у него будет это право, если и ему, и плательщику это подойдет»⁵. Грамоты из ареала римского права

¹ Cap. N 49, c. 4: «Primum de ecclesiis... similiter et de alia beneficia, casas cum omnibus appenditiis earum et laboratu sive adquisitu; vel etiam quid unusquisque, postquam hoc facere prohibuimus, in suum alodem ex ipso beneficio duxit vel quid ibidem exinde operatus est».

² Cap. N 134, c. 5.

³ Cap. N 139, c. 11 [*Capitula legibus addenda*, 818. 819] о наследственном имуществе, арестованном за преступление или за долги; см. также: Cap. N 167, c. 5.

⁴ Cap. N 32, c. 62 [*Capitulare de villis*, ca. 800]: «Ut unusquisque iudex per singulos annos ex omni conlaboratione nostra... quid de mansis qui arare debent... quid de census, quid de fide facta vel freda... quid de liberis hominibus et centenis qui partibus fisci nostri deservunt..., quid de illis qui vinum solvunt... quid de piscatoribus, de fabris, de scutariis vel sutoribus... quid de tributariis – ...ad nativitatem Dei nobis notum faciant».

⁵ Cap. N 150, c. 23: «...volumus atque iubemus ut de omni conlaboratu et de vino et foeno fideliter et pleniter ab omnibus nona et decima persolvatur; de nutrimine vero pro decima, sicut hactenus consuetudo fuit, ab omnibus observetur. Si quis tamen episcoporum fuerit qui argentum pro hoc accipere velit, in sua maneat potestate, iuxta quod ei et illi qui hoc persolvere debet convenerit».

(Клюни) также дают примеры использования в качестве средства платежа скота, обозначенного характерным термином *feus*, который наряду с серебром принимается в качестве оплаты при продаже земельного участка¹. В 970–993 гг. некий рыцарь из Вьенны делает капитулу Сент-Андре-ле-Ба завещательный отказ «как вином, так и зерном, золотом, а также серебром, одеждами и сосудами, равно как быками и свиньями, вместе со своим лучшим конем и мечом и копьем, а также щитом, с лучшей кольчугой и галерой»².

К собственности, не включающей землю, применяются обобщающие термины *substantia* и *facultas*. В Компьенском эдикте (877), имеющем целью распределить среди населения контрибуцию норманнам, деньги взимаются и с земли, и с имущества ее владельца (держателя); во втором случае, а также когда речь заходит о купцах и горожанах, капитулярий называет облагаемое имущество *facultates*³. В завещании рыцаря капитулу Сент-Андре-ле-Ба термин *substantia* также обозначает урожай, скот и прочее движимое имущество⁴.

* * *

Подводя итоги, отметим, что в Каролингскую эпоху понятие «движимость» встречалось в основном в памятниках римской традиции (формулах, грамотах). Капитулярии, основанные на варварской логике, демонстрировали попытки теоретически осмыслить движимое имущество, которое интересовало их в контексте управления государством: взимания налогов и штрафов, борьбы со спекуляцией. Аналогично кодексам римского права, имевшим хождение на бывших землях Западной Римской империи, они ограничивали свободу распоряжения движимым имуществом, требуя для сделок всё больше гарантий.

¹ Cluny, T. I. N 25 [881?]; T. I. N 36 [889]; T. I. N 50 [893]; T. I. N 68 [900].

² Cartulaire de l'abbaye de Saint-André-le-Bas-de-Vienne...; suivi d'un Appendice de chartes inédites sur le diocèse de Vienne (IXe–XIIe siècles) / Publ. par l'abbé C.-U.-J. Chevalier. Lyon, 1869 (далее – Saint-André-le-Bas). N 30 [970–993]: «...et omnis substantia mea tam in vino quam in annono et in auro atque argento et in drapis et vasculis, simul cum bobus et porcis, una cum meliore equo meo et spata et lancea atque clipeo, cum lorica meliora et galea».

³ Cap. N 280 A, B.

⁴ Saint-André-le-Bas. N 30 [970–993].

В правосознании каролингской эпохи угадывается второстепенный статус движимого имущества по сравнению с недвижимым¹. Юридические источники демонстрируют стремление оправдать его общественно полезным назначением: оно должно *pertinere ad utilitatem, ad ornamentum divini cultus, ad opus monachorum, ad negotiatoribus* и т. п.

На уровне менталитета движимое имущество все более воспринималось в контексте сельского поместья (виллы), как его производное. Оно входило в сферу *ius, potestas, dominatio* землевладельца².

Е. Ю. Капранова
(Москва, МГУ, ассоциированный исследователь)

¹ Эта тенденция примет законченную форму в правиле старофранцузского обычного права «*res mobilis, res vilis*».

² Применением терминов *dominium, potestas* к отношениям собственности подчеркивается их субъективный, властный аспект. См.: *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000. С. 570–572.

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ В ХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация

В статье рассматривается противоречивое восприятие собственности христианами мыслителями раннего Средневековья. С одной стороны, в ней видели некое следствие грехопадения, отступление от изначально установленного божественного порядка. С другой – доказывали ее право на существование в сложившихся обстоятельствах человеческого существования. Однако даже если частное владение и допускалось мыслителями раннего Средневековья, то только на вполне определенных условиях и аргументировалось рационально обоснованными соображениями приотекавшей от этого пользы для человеческого общежития.

Ключевые слова: раннее Средневековье, собственность, владение, Грациан, Руфин, Александр Гэльский, Аристотель, Августин, Лактанций.

The Problem of Property in the Christian Literature of the Early Middle Ages

Summary

The paper analyses the contradictory perception of property in the works of the ecclesiastical writers of early Middle Ages. As a rule they considered property as a consequence of the Fall, a kind of deviation from the primordial Divine Order. At the same time they proved its legality in the present circumstances of human being. Nevertheless if the thinkers of Early Middle Ages admitted the private ownership they did it on certain conditions and used to justify it with rational arguments of advantages from it for the human commonwealth.

Key words: early Middle Ages, property, ownership, Gratianus, Rufinus, Alexander Hallensis, Aristotle, Augustinus, Lactantius.

Отношение христианской религии к собственности продолжительное время оставалось противоречивым. Объясняя раздельное владение имуществом «порчей» человеческой природы, отцы ранней церкви

и богословы нескольких последующих веков рассматривали его как зло, вынужденное обстоятельствами человеческого существования. Воспринятая ими от предшественников концепция, связывавшая появление собственности с грехопадением, препятствовала ее безоговорочному оправданию. Если частное владение и допускалось, то только на вполне определенных условиях, и аргументировалось рационально обоснованными соображениями проистекающей от этого пользы для человеческого общежития¹.

Кроме того, социальный идеал первоначального христианства, зафиксированный в книгах Нового Завета², плохо согласовывался с общественным укладом, в котором господствовали отношения собственности. Поэтому надолго владение частным имуществом превратилось для христианства, ставшего мировой религией и государственной церковью, в одну из наиболее трудноразрешимых, щекотливых проблем.

Положение еще более осложнялось тем, что апологеты и отцы ранней церкви приняли и включили в религиозную доктрину широко распространенное в поздней античности представление об изначальном человеческом равенстве и общности³. Они обращались к текстам Ветхого и Нового Завета, прежде всего к мифу о сотворении мира и повествованию об апостольской общине, интерпретируя их в духе языческой концепции «золотого века», по классическим образцам древнего предания о первоначальной общности. Расхожим стало утверждение, которое мы находим уже у Киприана, писателя III в., о том, что Бог одарил всех людей равно, сотворив общим для всех людей свет дня, сияние солнца, влагу дождя, дыхание ветра, а также сон для спящих, блеск звезд и луны⁴. Этому вторил Зенон из Вероны (IV в.), убеждавший, что «для испытывающих страх Божий все должно быть общим»,

¹ См. подробнее: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 218 и далее; *Кудрявцев О. Ф.* Собственность как нравственно-правовая проблема в идеологии христианского Средневековья (до Фомы Аквинского) // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 76–86.

² См.: Деяния. II. 44–45; IV. 32–35.

³ См. подробнее: *Cohn N.* The Pursuit of the Millenium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages. New York, 1970 (1 Ed. – 1957). P. 187–195.

⁴ *Cyprianus.* De opera et elemosynis. Cap. XXV // *Patrologiae cursus completus. Series Latina* (далее – PL). 1844. T. 4 (Col. 601–622). Col. 620, 621.

как день, солнце, ночь, дождь, рождение и смерть, ибо правда его не знает исключений и одинакова для всего рода человеческого¹. Однако практический вывод, который делался из подобного рода констатаций, как правило, сводился к призыву творить дела милосердия, проявляя щедрыми даяниями братскую любовь, обретая в подражании Богу праведность².

Весь обличительный пафос критики богатства и алчности, все ссылки на изначальную, установленную Богом общность, на противоестественность частной собственности, которыми изобиловали проповеди и сочинения Амвросия Медиоланского (вторая половина IV в.), подразумевали в сущности, как верно замечает Артур Лавджой, посвятивший этому специальный очерк, «благотворительность, но благотворительность в крупных размерах и в качестве обязательного акта справедливости, а не в качестве сострадательной жалости или самодовольной снисходительности»³. Апеллируя к природе, Амвросий, подобно языческим мыслителям⁴, подчеркивал необоснованность частной собственности ее законами⁵. Природа произвела все общим, и Бог повелел всем все иметь сообща⁶, лишь в результате захвата (*usurpatio*) появились частные права. При этом Амвросий полемизировал с теми, кто измыслил (речь, по-видимому, шла о Цицероне и римских юристах) такой вид справедливости, который их приемлет.

¹ «...sicut dies, sol, nox, pluvia, nascendi atque moriendi conditio: quae humano generi, sine personarum alicue exceptione, aequabiliter justitia est divina largita» (*Zeno. Tractatus*. III. 38 // PL. 1845. T. 11 (Col. 253–527). Lib. I. Col. 287).

² *Cyprianus*. Op. cit. Col. 621.

³ *Lovejoy A. O. The Communism of St. Ambrose // Essays in the History of Ideas*. Baltimore, 1948 (P. 296–307). P. 304.

⁴ Прямую связь позиции Амвросия с предшествующей философской традицией прослеживает Р. Шлаттер. См.: *Schlatter R. Private Property: The History of an Idea*. New Brunswick, 1951. P. 37.

⁵ *Ambrosius Mediolanensis. Hexameron libri sex. V. 1, 2 // PL. 1866. T. 14 (Col. 131–288). Col. 220.*

⁶ «Dominus Deus noster terram hanc possessionem omnium hominum voluerit esse communem, et fructus omnibus ministrare» (*Ambrosius Mediolanensis. Expositio in Psalmum CXVIII. VIII. 22 // PL. 1866. T. 15 (Col. 1261–1604). Col. 1372*). Небольшие выдержки из сочинения Амвросия переведены, к сожалению с досадными пропусками, в сборнике «Предшественники современного социализма» (сост. В. И. Волгин. М.; Л., 1928. Ч. I. С. 52).

Таким образом, частная собственность незаконна – она порождена насилием¹. Ближайшую аналогию этому положению Амвросия мы находим в сочинениях Василия Великого (середина IV в.), из которых медиоланский епископ дословно заимствовал: частная собственность богатых, сказано в них, возникла путем захвата того, что было общим². Впрочем, Амвросий не требовал ее немедленного уничтожения. Он проповедовал обуздание алчности, или скаредности³, – этой истинной причины растления нравов людских, погубивших общность, установленную природой и Богом, – и взывал к человечности (*humanitas*), «особенной и присущей человеку добродетели, которая поспособляет ближнему»⁴. «Подумай, о человеке (*homo*), от чего произошло имя твое, от земли (*ab humo*), – пояснял Амвросий, приводя сомнительную этимологию, – которая никого ни в чем не ущемляет, но, напротив, всех всем оделяет в изобилии и дает всем живым существам пользоваться различными плодами»⁵. Смысл этих и подобных им рассуждений, подчеркивавших братство людей по природе, нераздельность всех богатств мира (не только земельных владений, но и неба, воздуха, моря и т. д.)⁶, заключается в том, чтобы внушить богатым, имущим, сытым представление о благотворительности как нравственном, человеческом долге⁷.

¹ Обратим внимание в этой связи на то, что Амвросий берет слово «*usurpatio*» не в смысле «использование», «употребление», какое оно имеет в классической латыни и в римском праве, но, основываясь на бытовании его в живом, разговорном, народном языке, обозначает им насильственный захват, не имеющий законного основания. См. в другом месте: «*Quodenim commune est in omnium usum datum, tu solus usurpas*» (*Ambrosius Mediolanensis. De Nabuthe Jezraelita liber unus. XII. 53 // PL. T. 14 (Col. 765–792). Col. 783.* См. также: *Lovejoy A. O. Op. cit. P. 297. N 6; Calafato S. La proprietà privata in S. Ambrogio. Torino, 1958. P. 89, 90*). Для сравнения приведем место из Киприана, где этот термин употребляется в классическом значении: «*Quodcumque enim Dei est in nostra usurpatione commune est...*» (*Cyprianus. Op. cit. Col. 620*).

² *Basiliius Magnus. Homilia in illud Licae: Destruam etc. (Luc. 12, 18). 7 // Patrologiae cursus completus. Series graeca (далее – PG). 1857. T. 31. Col. 276.*

³ *Ambrosius Mediolanensis. De officiis. I.XXVIII.137. Col. 68.*

⁴ «*Inde appellate humanitas specialis et domestica virtus hominis, quae consortem adjuvet*» (*Ibid. III.III.16. Col. 158*).

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ambrosius Mediolanensis. De Nabuthe... I. 2. Col. 767; III. 11. Col. 769.*

⁷ «*Non de tuo largiris pauperi, sed de suo reddis... Omnium est terra, non divitum... Debitum igitur reddis, non largiris indebitum*» (*Ibid. XII. 53. Col. 783*).

На сходных позициях стояли наиболее авторитетные христианские писатели: не только Василий Великий, но и другие восточные отцы церкви Климент Александрийский, Григорий Назианзин, как вслед за ними и архиепископ Медиолана, использовали представление о первоначальной общности, установленной Богом и царящей повсюду в природе, в качестве обоснования нравственного императива – творить дела милосердия¹. Не составлял исключения и Лактанций, хотя он позволял себе усомниться в том, что «золотой век» не знал собственности. Слова Вергилия, повествующие об этом, заявлял Лактанций, следует воспринимать как поэтическую фигуру, обозначающую щедрость, которую необходимо проявлять в отношении бедных; в этой связи следует указать, что «золотым веком» церковный писатель называл не первобытное состояние, соответствующее в христианской мифологии периоду до грехопадения (как было принято другими), а время всеобщего господства монотеизма².

Впрочем, действующие в обществе имущественные отношения, как правило, не отвергались³. Августин даже выступал против мне-

¹ См.: *Clemens Alexandrinus*. Paedagogus. 2, 12 // PG. 1857. Т. 8. Col. 541; *Basiliius Magnus*. Homilia in illud Lucae. 7. Col. 276; *Idem*. Homilia dicta tempore famis et siccitatis. 8 // PG. 1857. Т. 31. Col. 325; *Gregorius Nazianzinus*. Oratio. 32. 22 // PG. 1858. Т. 36. Col. 200.

² *Lactantius*. Divinae institutiones. 5.5 // PL. 1844. Т. 6. Col. 565. Вместе с тем «золотой век» для него не поэтическая фикция, но реальное историческое время (*Ibid.*). Переводы этого и некоторых других мест из Лактанция см.: Предшественники современного социализма. Ч. I. С. 47–49.

³ О признании богатства и собственности в раннехристианской литературе см. материал, который приводится в работе: *Зейнель И.* Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. М., 1913. С. 46–50, 57–59. Автор этого труда, однако, неполно и тенденциозно подбирает и приводит источники, стремясь представить – явно вопреки Каутскому и предшествующей ему утопическо-социалистической литературе (Дезами, Прудон, Вильгардель и др.), которая в Новом Завете и святоотеческих писаниях усматривала черты так называемого «древнехристианского коммунизма» (*Каутский К.* Предшественники новейшего социализма. М.; Пг., 1919. Ч. I. С. 21–24), – церковных писателей первых веков чуть ли не апологетами частной собственности, тем самым доказывая, что их учение совместимо с требованиями буржуазного хозяйственного развития Нового времени. См.: *Зейнель И.* Указ. соч. С. 81, 202–225, 266–270, но особенно раздел «Мнимый коммунизм отцов церкви» (С. 83–123). В этом же духе выдержана работа современного ему американского историка: *Ryan J. A.* The Alleged Socialism of Church Fathers. St. Louis, 1913. P. 35, 36, 44.

ния, будто христианам недозволительно владеть собственностью, доказывал неуместность критики богатства как такового¹. Тем не менее высшая цель, которую проповедовал Августин и другие церковные писатели, предполагала отречение от земных благ, отказ от «имения своего», раздачу его нуждающимся, дабы «стяжать сокровище на небесах»². Всякая собственность, даже церковная, обоснована, указывал Августин, только принятым людьми правом, которое он иначе именовал императорским правом; отсюда ее условный, произвольный характер, теряющий свой смысл перед лицом абсолютного божественного права³. Более того, частная собственность мыслилась прочно связанной с состоянием греховности, присущей мирской жизни; укорененная во зле, она сохраняла на себе печать порочности. «Всякое богатство, – замечал Иероним, – происходит от нечестия... Посему, мне кажется, весьма правильно говорят в народе “богач – либо бесчестный человек, либо наследник бесчестного”»⁴.

Более взвешенные оценки мы найдем в работах старых русских историков, показавших, что, хотя христианские писатели первых веков признавали частную собственность неприкосновенной, основной пафос их проповеди сводился к отказу от всякого рода материальных благ, подразумевающему общность имущества в качестве материальной основы устройства жизни согласно христианскому идеалу. См.: *Экземплярский В.* Учение древней церкви о собственности и милостыни. Киев, 1900. С. 19 и далее (особенно С. 51, 52); *Понов И. В.* Святый Иоанн Златоуст и его враги. Сергиев Посад, 1908. См. также обстоятельное исследование О. Шиллинга: *Schilling O.* Reichtum und Eigentum in der altkirchlichen Literatur. Freiburg im Breisgau, 1908.

¹ *Augustinus.* Sermo 50. 4, 6 // PL. 1863. T. 38. Col. 328–330.

² См.: *Augustinus.* Epistolae. 157. IV. 32–39 // PL. T. 33. Col. 689–692. Ср. также у Иеронима обличение стяжательства наряду с призывами к благотворительности: *Hieronymus.* Epistolae. 130.14 // PL. 1864. T. 22. Col. 1118.

³ «Nam jure divino, Domini est terra et plenitudo ejus (Psalm. XXIII. 1): pauperes et divites Deus de uno limo fecit, et pauperes et divites una terra supportat. Jure tamen humano dicit, Haec villa mea est, haec domus mea, hic servus meus est. Jure ergo humano, jure imperatorum... Aut tolle jura imperatorum, et quis audiet dicere: Mea est illa villa, aut meus est ille servus, aut domus haec mea est?» (*Augustinus.* In Ioannis Evangelium. VI. 25 // PL. T. 35. Col. 1437). О церковной собственности в публицистике раннего христианства см.: *Зейнель И.* Указ. соч. С. 66–82 (в том числе о ссылках отцов церкви на государственное законодательство как ее юридическое основание: Там же. С. 79–81).

⁴ «Omnes namque divitiae de iniquitate descendunt... Unde vulgate sententia mihi videtur esse verissima: “Dives aut iniquus, aut iniqui haeres”» (*Hieronymus.* Regula monachorum. IV (De paupertate) // PL. 1846. T. 30. Col. 332). Эта мысль дословно

Те же суждения в своих проповедях высказывал его современник Иоанн Златоуст, наиболее решительный и бескомпромиссный обличитель роскоши и богатства. «Причина собственности кроется и коренится в какой-либо несправедливости; и это по необходимости всегда бывает так, сколь ни ссылались бы на владение по наследству: ведь изначально Бог не сотворил ни богатых, ни бедных, – пояснял константинопольский патриарх, – никого не облагодетельствовал, наделив большим состоянием в ущерб другим, но отдал землю всем»¹. Порядок общности объявляется «божественным укладом», соответствующим природе и данным прежде другого; мирную и безмятежную жизнь при нем не сотрясали распри и раздоры, возникшие, когда люди, прибегая к захвату, стали обзаводиться собственностью, возжелали расторгнуть и порвать узы, коими Бог их соединил, присвоить блага, сотворенные общими, введя в обиход эти холодные слова «мое» и «твое», подчеркивал Иоанн Златоуст, метя в тех, кто, напротив, именно в частной собственности видел гарантию социального мира.

Не случайно здесь же подчеркивается, что сама природа (служащая нормой справедливости, мерилom истинности, образом должного, совершенного порядка) как бы негодует по поводу произвольного присвоения владений и разрушения божественного устройства². Причем это расхождение между порядками, основанными на частной собственности, и установлениями природы и Бога у Иоанна Златоуста поднимается до уровня полного несоответствия одного другому, вопиющего о себе противоречия. Провозглашая общность необходимой, он предлагает ее всячески оберегать. Практически речь идет о помощи ближним, раздаче богатств – только при этом условии человек благочестив; богатство само по себе не является благом, поэтому лучше его не иметь вовсе³. Человеку надлежит помышлять о горнем и не зариться на земное, именуя благами то, цена чему ничтожна⁴.

Таким образом, характер общности, именем которой проповедовал Иоанн Златоуст, определялся прежде всего идеалами христианско-

повторяется Иеронимом в письме к Гедибие. См.: *Hieronymus. Epistolae. CXX. 1* // PL. T. 22. Col. 984.

¹ *Ioannes Chrysostomus. In Epist. 1 ad Timotheum. XII. 3, 4* // PG. 1860. T. 62. Col. 562, 563.

² *Ibid. XII. 4. Col. 564.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid. XII. 3. Col. 562.*

го совершенства и имел в виду не столько обобществление имуществ и собственности, сколько отказ от них; практически это могло выглядеть как уход в замкнутое, отгороженное от мира, аскетическое по своей сути сообщество, живущее в единстве и согласии, образцы которого он сам усматривал в монастырях, подкрепляя их пример указанием на нравы первоначальной церкви евангельских преданий¹.

При всей резкости противопоставления исходного состояния, чистого природного закона сложившимся в обществе порядкам, при всем их критическом обличении сами они в сочинениях наиболее авторитетных христианских богословов не отвергались и полагались ничтожными только при сопоставлении «града земного» с «градом Божьим». Однако толкование собственности как установления, противного изначальному естественному закону, на долгие времена наложило на нее клеймо несправедности², прочно соединив в сознании последующих веков причину ее возникновения с первородным грехом и сопутствующим ему проклятием.

В «Этимологиях» Исидора Севильского (VII в.), которые пользовались большой популярностью как своего рода энциклопедическая сводка сведений по всем отраслям знания³, «общее владение всеми вещами» по уже сложившейся в социальном учении церкви традиции полагается соответствующим тому, к чему предрасполагает естественный закон, «единый для всех народов», установленный «побуждением природы, а не каким-либо соглашением»⁴. Это положение в такой формулировке стало общеупотребительным в трудах знатоков канонического права и теологов раннего Средневековья.

¹ *Ioannes Chrysostomus*. In *Acta apostolorum Homiliae*. XI. 1, 3 // PG. 1859. T. 60. Col. 94, 97. Перевод отрывков из этих произведений см.: Предшественники современного социализма. Ч. I. С. 49–52. См. в этой связи: *Попов И. В.* Указ. соч. С. 56, 57. Более подробно о взглядах Златоуста на собственность, богатство, милостыню см.: Там же. С. 55–76.

² Так, папа Григорий I Великий (540–601) отказывается собственниками, попирающим установленную Богом общность благ, в безгреховности: «*Incassum ergo se innocentes putant qui commune Dei munus sibi privatum vindicant...*» (*Gregorius Magnus*. *Regula pastoralis*. III. 21 // PL. 1849. T. 77. Col. 87).

³ См.: *Уколова В. И.* Первый средневековый энциклопедист // Вопросы истории. 1983. № 6. С. 185–188.

⁴ «*Ius naturale est commune omnium nationum, et quod ubique instinctu naturae, non constitutione aliqua habetur...*» (*Isidorus Hispaniensis*. *Epytomologiarum*. V. 4 // PL. 1862. T. 82. Col. 199).

Оно приведено в сборнике церковного законодательства, известном как «Декрет Грациана»¹ (подготовлен в 1139–1142 гг.), в котором поясняется, что естественное право, имеющее приоритет в происхождении и достоинстве, неизменно, неподвластно времени, поэтому все противоречащее ему в человеческих нравах и установлениях должно почитаться ничтожным и лишенным основания (*vana et irritus habenda sunt*)². Примером такого рода отступления обычного права и человеческого уложения является санкционированное ими разделение на «мое» и «чужое», поправшее предписанный естественным законом принцип общности, образ которого Грациан усматривает не только в евангельских повествованиях (установления, изложенные в них, рассматривались как санкционированные правом природы), но и у философов минувших веков, прежде всего в Платоновом государстве, где, по его словам, никто не был одержим частным интересом (*quisque proprius nescit affectus*)³.

В своем труде Грациан целиком поместил апокрифическое пятое послание, приписываемое папе Клименту I (I в.), которое на самом деле было составлено во второй половине III в., а в VIII в. отнесено псевдо-Исидором к сочинениям указанного первосвященника Рима⁴. В нем проповедуется идеал жизни сообща (*communis vita*) в подражание той, которую вели апостолы и их ученики. Наряду с этим провозглашается общее для всех людей право пользоваться всем, что есть в мире, и как акт нечестия, приведший смертных к разобщению (*divisio*), описывается появление собственности («один нарек своим это, другой – то»). В подтверждение автор послания ссылается на «некоего величайшего среди греков мудреца» (по-видимому, Пифагора), поучавшего, что «у друзей все должно быть общим и, подобно тому как нельзя поделить воздух, свет солнца, так не должно быть делимо все остальное в этом мире, что дано всем вместе, но владеть этим нужно сообща»⁵. Аргументация в пользу общей жизни обосновывается перемежающимися указаниями, с одной стороны, на принципы, которыми по давней традиции характеризовались отношения совершенной дружбы, с другой – на изначальный порядок вещей.

¹ *Decretum Gratiani. Dist. I. 6–7 // PL. 1861. T. 187. Col. 31.*

² *Ibid. Dist. V; VI. 3; VIII; IX (Col. 37–52).*

³ *Ibid. Dist. VIII. 1 Col. 43.*

⁴ *Cohn N. Op. cit. P. 193–195.*

⁵ *Decretum Gratiani. Pars II. Causa XII. Q. 1. Cap. 2 (Col. 882–883).* См. также в сочинениях Климента: *S. Clementis opera dubia // PG. T. 1. Col. 505–508.*

Будучи включенным в «Декрет Грациана», на несколько столетий (до середины XVI в.) ставший главным источником изучения канонического права, апокрифическое послание Климента, прославляющее и защищающее строй общности, явилось наиболее авторитетным текстом, с которым должны были считаться праведы и схоласты, соглашаясь с тем, что в первоначальном состоянии не было собственности, но все принадлежало всем.

Вместе с тем политическая и правовая теория Средневековья не могла оставаться неизменной и совершенно игнорировать процессы, происходившие в экономическом строе феодального общества. Зарождение и постепенное развитие товарного производства, рыночных связей, возникновение городов как центров ремесла и торговли и соответствующего городского хозяйства породили новые виды собственности, выступающие на первых порах вольноотпущенниками земельной собственности¹; сами поземельные отношения начинают восприниматься и оформляться как отношения собственности. Именно поэтому поиски какого-либо способа, предлагавшего юридическое обоснование и религиозно-нравственное оправдание для владения собственностью, отвечали настроениям господствующего класса феодального общества; не в меньшей, а, может быть, в большей степени заинтересованы в этом были городские верхи, и прежде всего в тех случаях, когда достоянием, которым жидилось их благосостояние, были не столько традиционные для феодальной системы ренты, бенефиции, монополии, привилегии и т. п., сколько городское движимое и недвижимое имущество, особенно в виде денег, этого наиболее абстрактного вида собственности, способного в принципе к бесконечной концентрации и накоплению, а кроме того – сама церковь, обладательница крупнейших богатств.

Указанная тенденция получила разработку в сочинениях ряда крупнейших знатоков канонического права и богословов второй половины XII – первой половины XIII вв. Уже Руфин, первый и очень влиятельный комментатор Грациана, в своей «Сумме Декретов» (около 1158 г.), подчеркивая превосходство естественного права над любым другим, указывал, что его авторитет непререкаем не всегда, как, например, в случае с собственностью, которая допустима, ибо узаконена

¹ См.: *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 42 (С. 41–174). С. 103, 111; *Бессмертный Ю. Л.* Феодальная деревня и рынок в Западной Европе, XII–XIII вв. М., 1969. С. 352.

обычаем или уложением (*iure consuetudinis vel constitutionis*). Руфин разделил естественное право на три части, две из которых, повеления и запреты, не терпят никакого умаления – поэтому все им противное объявляется пустым и ничтожным; тогда как третья его часть, доводы, которыми природа не запрещает или предписывает, но лишь показывает, что есть благо, не имеют строго обязательного характера. Поэтому, хотя частная собственность противоречит естественному праву, которое в своей неограниченности (*amplitudine*) побуждает «все иметь сообща», тем не менее раздел владений не незаконен, поскольку имеет основание в обычном праве (в силу длительного употребления) и принятых установлениях¹. Родоначальник высокой схоластики Александр Гэльский, опираясь, по-видимому, на Августина, проводил в своей «Сумме богословия» (вторая четверть XIII в.) различие между состоянием до грехопадения и после: в первом естественное право повелевает всем обладать сообща, во втором разрешает частную собственность. Закон природы неизменен; варьируют лишь соответственно обстоятельствам его предписания. Александр Гэльский допускал, что в случае необходимости можно бы иметь все общим, однако в условиях, когда человеческая природа запятнана греховностью, частная собственность становится естественной².

Разумеется, у этих и близких им по духу идеологов речь не идет об абсолютном и полном оправдании института частной собственности как такового. Однако, поскольку его рассматривают как необходимый, к нему уже не относятся с безгливой терпимостью как к чему-то переходящему, условному и бесконечно дурному; его уже не третируют с тем христианским смирением, с каким выражают покорную готовность перенести что бы ни было послано для испытания праведности; более того, в тех пределах, в каких позволяет расширительная интерпретация церковного мифа, основы которой заложил Августин, доказывают

¹ *Rufinus von Bologna. Summa Decretorum / Hrsg. von H. Singer. Paderborn, 1963 (1 Aufl. – 1902). Pars I. Dist. I, VIII (S. 6, 7, 21).* По поводу подобного рода разграничения уже ранними схоластами «*ius naturale*» на запреты и повеления, имеющие обязательный характер, с одной стороны, и на советы или доводы – с другой, см.: *Grabmann M. Mittelalterliches Geistesleben. Abhandlungen zur Geschichte der Scholastik und Mystik. München, 1926. Bd. 1. S. 70–73; Стецюра Т. Д. Хозяйственная этика Фомы Аквинского. М., 2010. С. 123, 124.*

² *Alexander Halensis. Summa universae theologiae (Ps. 1–4, Nürnberg, 1481–1482). Ps. 3 (1482). Q. 27, m. 3, art. 2; m. 4, art. 3, § 5.*

его право на существование. Недостижимый, но согласный с природой и благой идеал жизни сообща не противопоставляется действительности, а скорее надставляется над ней. Одно не исключает, напротив, даже предполагает другое и уживается с ним в согласии.

Сказанное в полной мере относится к таким представителям высокой схоластики, как Альберт Великий и особенно его ученик Фома Аквинский, которые при разработке общественно-правовых концепций были многим обязаны своим предшественникам. Духовные вожди XIII в. широко использовали и наследие Аристотеля черпая в нем аргументы против учений, предполагавших полное обобществление средств и условий жизни, а также доказательства преимущества частной собственности¹. Убедительность Аристотелевых возражений на идеал общежития, развернутый Сократом в диалогах Платона², была столь притягательна, что вплоть до нового времени ее обаяния не мог избежать ни один мыслитель, всерьез бравшийся реабилитировать частное владение и частный интерес.

О. Ф. Кудрявцев (Москва, МГИМО(У) МИД России)

¹ См. подробнее: *Вязигин А.* [Рецензия.] Maurenbrecher M. Thomas von Aquino's Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit. Leipzig, Weber. 1898 // Жизнь. Литературный, научный и политический журнал. 1899. Сентябрь. Т. IX (С. 1–7). С. 5–7; *Кудрявцев О. Ф.* Схоласты о собственности // Средние века. М., 1990. Вып. 53 (С. 157–166). С. 158, 159; *Стецюра Т. Д.* Указ. соч. С. 126–131, 135–147.

² См.: *Платон.* Государство. 416d и далее; *Аристотель.* Политика. 1261b и далее.

КАТЕГОРИЯ СОБСТВЕННОСТИ В СХОЛАСТИКЕ XIII – НАЧАЛА XIV В.

Аннотация

Анализируются представления схоластов XIII – начала XIV в. о собственности. Важнейший вклад в разработку данной проблемы внес представитель ордена доминиканцев Фома Аквинский, утверждавший, что основания частного владения укоренены в едином для всех людей праве народов. Однако францисканец Петр Иоанн Оливи радикально отстаивал идеал евангельской бедности. Взгляды Оливи подверг критике Эгидий Римский, ученик Фомы Аквинского. По мнению Эгидия, частная собственность естественна для людей. Позже учение Оливи было официально осуждено папой Иоанном XXII, а в католическом богословии утвердилось мнение о моральной допустимости частного владения имуществом и даже о его существовании в изначальном безгрешном состоянии человечества.

Ключевые слова: схоластика, собственность, естественное право, Фома Аквинский, Эгидий Римский.

Category of property in the Scholasticism of the XIII – beginning XIV centuries

Summary

The author analyzes the doctrines of private property in scholasticism of XIII – beginning XIV centuries. The most important of these is legacy of Thomas Aquinas. Many prominent theologians of that time also agreed on the need for private ownership. The opposite of Aquinas's meaning was teaching of Petrus Ioannis Olivi. He radically defended the ideal of Evangelical poverty. A significant contribution to the development of the scholastic doctrine of property made Aegidius Romanus. He argued that private property is natural for people. As a result, the Catholic Church condemned the doctrine that private property is sinful.

Key words: scholasticism, property, natural right, Thomas Aquinas, Giles of Rome.

Период со второй половины XII до середины XIV в., образно охарактеризованный Ж. Ле Гоффом как «прекрасный век денег»¹, был временем значительных изменений в экономической и духовной жизни западноевропейского общества. Рост городов, развитие ремесла, торговли и банковского дела, эволюция мировосприятия, расцвет схоластики способствовали активной разработке религиозными мыслителями вопросов, касающихся имущественных отношений и хозяйствования, а также пересмотру традиционных воззрений на частное владение и богатство.

Каким бы сильным ни было стремление многих служителей Церкви и мирян к христианскому идеалу совершенного общежития, в котором нет места раздорам из-за обладания имуществом², – потребности времени диктовали иное. Со второй половины XII в. в богословских и юридических сочинениях стала набирать силу тенденция к оправданию земного бытия человечества, несущего на себе тяжесть первородного греха. Была сформулирована мысль о том, что слова Христа о необходимости отречения от собственности для Его последователей допустимо толковать не только как заповеди, но и как «советы», обращенные к немногим верующим, стремящимся достичь совершенства. Даже представители нищенствующих монашеских орденов – францисканцев и доминиканцев – приводили в своих проповедях, а также созданных ими пособиях для исповедников и обобщающих теологических трудах – «суммах» убедительные доводы в пользу моральной допустимости частного владения. Важным источником таких доводов для многих выдающихся схоластов XIII в. – Александра Гэльского, Альберта Великого, Фомы Аквинского стало наследие Аристотеля.

Францисканец Александр Гэльский (1185/1186–1245) указывал, что частное владение полезнее для людей, ибо предотвращает распри между ними³.

Одна из наиболее значительных в «высокой схоластике» XIII–XIV вв. социально-политических концепций, в которой проблеме вла-

¹ *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб., 2015. С. 31.

² Подробнее об этом см.: *Кудрявцев О. Ф.* Собственность как нравственно-правовая проблема в идеологии христианского Средневековья (до Фомы Аквинского) // *Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения.* М., 1988. С. 76–86.

³ *Alexander Halensis.* Summa universae theologiae. Nürnberg, 1481–1482. P. III (1482). Q. 26. Membr. I, V, VII; Q. 27. Membr. III. Art. II; Membr. IV. Art. III § 5.

дения имуществом уделялось немало места, была разработана доминиканцем Альбертом Великим (ок. 1200–1280). По его убеждению, ни наличие, ни отсутствие частного владения не противоречат естественному праву¹. В изменившихся после грехопадения условиях природа заповедует каждому лично обладать вещами. В случае крайней необходимости общее пользование должно восстанавливаться, однако в том, что человек «держит (*teneat*) и охраняет (*tueatur*) свое имущество», нет греха². Будучи прекрасным знатоком сочинений отцов Церкви (в том числе восточных), Альберт тем не менее чаще всего ссылаясь не на их изречения, а на высказывания Аристотеля в одобрение частного владения.

Комментируя «Политику» Аристотеля, Альберт Великий вслед за античным философом возражал против полного обобществления имуществ (в диалогах Платона, подвергавшихся критике Стагирита, оно восхвалялось устами Сократа). По мысли богослова, «Сократов закон» разрушает государство и отнимает счастье у его граждан³. Частное владение имуществом больше соответствует человеческой природе, ибо каждый охотнее заботится о своем, нежели о том, что принадлежит всем⁴. Наличие имущества позволяет человеку проявлять добродетель щедрости, помогать друзьям, странникам и беднякам, получая от этого высшее удовольствие. В условиях общности люди будут пребывать в унынии из-за отсутствия возможности испытать столь приятное чувство⁵. На данном основании Альберт упрекнул Сократа в непродуманности суждений и сделал вывод о том, что полезность превозносившегося им государственного устройства не была проверена опытным путем⁶.

¹ *Albertus Magnus*. De bono. Tract. V. Q. I. Art. III // *Alberti Magni OFP episcopi... Opera omnia* / Hrsg. von B. Geier. Münster, 1951. Т. XXVIII. P. 271–272 (далее указаны страницы этого издания); Tract. V. Q. I. Art. III ad 6. P. 275.

² *Albertus Magnus*. De bono. Tract. V. Q. I. Art. III. 6 P. 275.

³ *Albertus Magnus*. Commentarii in octo libros Politicorum Aristotelis. Lib. II. Cap. II i // *Albertus Magnus*. Opera omnia / Cura et labore A. Borgnet. Paris, 1891. Vol. 8. P. 112–113 (далее – Commentarii...). Ср.: *Аристотель*. Политика. 1261a15–20 // *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 404 (далее указаны страницы этого издания).

⁴ *Albertus Magnus*. Commentarii... Lib. II. Cap. II c. P. 109; *Ibid*. Lib. II. Cap. I n. P. 96. Ср.: *Аристотель*. Политика. 1261b33–1263b24. С. 406–411.

⁵ *Albertus Magnus*. Commentarii... Lib. II. Cap. II e. P. 110–111.

⁶ *Ibid*. Lib. II. Cap. II i. P. 112.

Другим существенным недостатком учения Сократа является, по мнению Альберта, отсутствие подробных разъяснений о характере обобществления имуществ¹. Восполняя этот пробел, Альберт внимательно сопоставил различные виды общностей и выделил три основных: частное владение землей при коллективном потреблении урожая, совместная обработка земли при индивидуальном распределении плодов, а также полная общность (недостижимая в действительности)². Наилучшим способом распределения имущества он назвал тот, при котором частное обладание землей и вещами сочетается с их общим использованием³. Как именно будут введены такие порядки, зависит от дальновидности правителя⁴.

Обосновывая необходимость частного владения соображениями общественной пользы, Альберт Великий допускал его лишь в той мере, в какой это требовалось для процветания страны и поддержания должного уровня благосостояния граждан в соответствии с сословной градацией и достоинством (*dignitas*) той или иной персоны. Имущество он рассматривал как своего рода «орудие для существования» домохозяина, служащее ради сохранения достойного жизненного уровня семейства и для достижения целей не столько экономического, сколько нравственного характера – раздачи милостыни, пожертвований церкви, оплаты обучения детей⁵. Данную точку зрения разделяли и другие представители «высокой схоластики» XIII в., не считавшие правильным превращение «чего-либо тварного» (*creatum aliquid*), в том числе материальных благ, в конечную цель человеческого существования⁶. Так, Александр Гэльский осуждал накопление богатств, вызванное лишь стремлением к наживе и не обусловленное никакой частной или общественной необходимостью.

Тем не менее, в отличие от авторов XI–XII вв., мыслители последующего периода, учитывая перемены в экономике и духовной жизни

¹ *Ibid.* Lib. II. Cap. II c. P. 114.

² *Ibid.* Lib. II. Cap. II a. P. 107–108.

³ *Albertus Magnus. Commentarii...* Lib. II. Cap. II c. P. 110. Ср.: *Аристотель. Политика.* 1263a25–30, 35–40; 1263b30–35. С. 410, 412.

⁴ *Albertus Magnus. Commentarii...* Lib. II. Cap. II c. P. 110.

⁵ *Albertus Magnus. Commentarii...* Lib. I. Cap. VI. P. 21.

⁶ *Thomas Aquinas. Summa theologiae.* I-a – II-ae. Q. 3. Art. I. Подробнее см.: *Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды.* М.; СПб., 1999. С. 191–192 (далее указаны страницы этого издания).

современного им общества, более решительно оправдывали сложившиеся имущественные отношения, признавая необходимость частного владения. Наиболее отчетливо эту тенденцию выразил ученик Альберта Фома Аквинский (1225/1226–1274), суммировавший и дополнивший достигнутое его предшественниками.

Представления Фомы Аквинского о владении имуществом и богатстве основывались на утверждении о том, что любой предмет материального мира принадлежит Богу – верховному владыке Вселенной¹. Вместе с тем Фома подчеркивал, что прародители еще в раю беспрепятственно пользовались растениями и неодушевленными предметами².

Однако, помимо пользования (*usus*), известного еще первым людям, среди различных видов имущественных отношений Фома выделял владение (*possessio*) и господство (*dominium*), осуществляемое посредством управления и распоряжения вещами (*potestas procurandi et dispensandi*)³. Если право пользования может быть реализовано в условиях общности, при которой никто не препятствует ближнему удовлетворять потребности за счет принадлежащих всем благ, то право распоряжения подразумевает заботу и попечение каждого человека о собственном достоянии, т. е. частное владение⁴. Стремясь преодолеть несоответствие сложившегося порядка вещей принятому в христианской традиции тезису об изначальной общности, Фома Аквинский одним из первых в «высокой схоластике» высказал утверждение о том, что основания частного владения укоренены в праве народов (*jus gentium*), едином для всех людей⁵.

Первенствующее положение среди видов права Аквинат отводил вечному праву. Это право, заключающееся в Боге и поэтому само по себе существующее извечно, Фома связывал с высшим разумом, установившим главные принципы мироустройства, неизменным и постоянным. Оно является источником всех прочих форм права в тварном

¹ *Thomas Aquinas*. *Summa theologiae*. II-a – II-ae. Q. 66. Art. I ad 1; *Ibid.* I-a. Q. 13. Art. VII ad 6; *Idem*. *Summa contra gentiles*. Lib. III. Cap. 1. Подробнее см.: Eigentum. V. Mittelalter. 3. Gemeingebrauch und Privateigentum bei Thomas von Aquino (H.-J. Görtz) // *Theologische Realenzyklopädie*. 1982. Bd. 9. S. 420–422.

² *Thomas Aquinas*. *Summa theologiae*. II-a – II-ae. Q. 66. Art. I ad 3.

³ Подробнее о категориях «*possessio*» и «*dominium*» см.: *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 8, 114.

⁴ *Thomas Aquinas*. *Summa theologiae*. II-a – II-ae. Q. 66. Art. II. Resp.

⁵ Подробнее см.: *Кудрявцев О. Ф.* Схоласты о собственности // *Средние века*. Вып. 53. М., 1990. С. 157–166.

мире¹. Самым ярким «отображением вечного закона в нас» Фома называл естественное право². Фома понимал его как возникшие по воле Бога, недоказуемые, наиболее общие первоначала, неизменные и наделенные повсюду одинаковой силой. Они с рождения известны людям и в определенной степени животным, с которыми человек связан благодаря своей двоякой природе³. Но, в отличие от неразумных тварей, люди могут извлечь из положений естественного права умозаключения, подобные выводам из посылок в силлогизме, а также частные определения (*particulares determinaciones, particulares dispositiones*)⁴. По словам Фомы, частные определения образуют гражданское право, приспособленное к тому, «что каждое государство считает пригодным для себя»⁵. В свою очередь, «выводы», производные от естественного права, он отнес к праву народов.

По убеждению Фомы, право народов «некоторым образом естественно для человека», ибо оно выступает как некое промежуточное звено между природным законом и гражданским правом. Следовательно, частное владение не только не противоречит природе, но и согласуется с ее велениями через установления права народов⁶. Фома полагал, что общие принципы естественного права не могут быть приложены ко всем людям⁷. Они являются слишком отвлеченными, чтобы регулировать повседневную жизнь в мире, запятнанном грехом. Более того, естественный закон неспособен подтвердить право владения каким-либо имуществом. Если руководствоваться его нормами, носящими абсолютный характер, не важно, кто станет хозяином того или иного поля. Если же принять во внимание условия, взятые из права народов (например, кто именно возделывает эту землю), то из них

¹ *Thomas Aquinas. Summa theologiae. I-a – II-ae. Q. 91. Art. II ad 3; Q. 93. Art. VI. Concl.*

² *Ibid. Q. 91. Art. II. Resp.; Ibid. I-a – II-ae. Q. 96. Art. II ad 3.*

³ *Thomas Aquinas. In Libros Ethicorum Aristotelis ad Nicomachum expositio. Lib. V. Lect. XII // D. Thomae Aquinatis In libros Ethicorum Aristotelis ad Nicomachum expositio. Venetiis, 1562/63. P. 91v. См. также: Summa theologiae. I-a – II-ae. Q. 91. Art. II ad 3; Q. 95. Art. IV ad 1.*

⁴ *Ibid. Q. 95. Art. II. Resp.*

⁵ *Idem. Summa theologiae. I-a – II-ae. Q. 95. Art. IV. Resp. См. также: Ibid. Q. 105. Art. I.*

⁶ *Thomas Aquinas. Summa theologiae. II-a – II-ae. Q. 66. Art. II ad 1. Cp.: Ibid. I-a – II-ae. Q. 95. Art. IV ad 1.*

⁷ *Thomas Aquinas. Summa theologiae. I-a – II-ae. Q. 95. Art. II ad 3.*

неизбежно возникнут владельческие права на данный участок, пояснял Аквинат¹. Значит, слова отцов Церкви, напоминающие об изначальной общности², нужно понимать не как запрет частного владения, а лишь как доказательство того, что естественное право не предусматривает разграничения имущества³.

Хотя частное владение виделось Фоме как нечто условное, ибо оно «измышлено человеческим разумом» в дополнение к природному закону и ради общей пользы учреждено по соглашению людей (*secundum humanum conductum*), в равной мере оно причастно и естественному праву⁴.

Частное владение имуществом прочно закреплено в нормах светского законодательства. По мнению Фомы, учрежденные в государстве законы призваны «вести к добродетели... не сразу, а постепенно». Они должны быть посильными для выполнения всеми гражданами, даже теми, кто далек от морального совершенства⁵. Следует искоренять лишь наиболее опасные для общества пороки, с прочими же недостатками так или иначе приходится мириться. Присущее человеку со времен изгнания прародителей из рая «стремление накапливать то, что необходимо для жизни» Фома считал простительным грехом в том случае, если человек не превращает стяжательство в главную цель своей жизни, не покушается на чужое имущество, творит дела милосердия, а самое главное – «не отступает от Христа»⁶. «Апостол не говорит о том, что всякий скупец не будет причастен к... Божьему царству», – утверждал Аквинат, расходясь с раннехристианскими авторами⁷.

Однако не стоит забывать, что правовое обоснование частного владения Фома Аквинский, как и другие схоласты XIII–XIV вв., соотносил с проблемами справедливости и конечной цели человеческого бытия. Склоняясь к точке зрения Августина⁸, Фома полагал, что богатство само по себе нравственно нейтрально, «иначе оно не было бы

¹ *Idem*. *Summa theologiae*. II-a – II-ae. Q. 57. Art. III. Resp.

² *Ibid.* I-a – II-ae. Q. 94. Art. V ad 3; *Ibid.* II-a – II-ae. Q. 66. Art. II. Videtur.

³ *Ibid.* II-a – II-ae. Q. 66. Art. II ad 1.

⁴ *Ibid.* II-a – II-ae. Q. 66. Art. II ad 1; I-a – II-ae. Q. 94. Art. V ad 3.

⁵ *Ibid.* I-a – II-ae. Q. 96. Art. II. Resp.; ad 2.

⁶ *Idem*. *Summa contra gentiles*. Lib. III. Cap. 135.

⁷ *Idem*. *De malo*. Q. 13. Art. II. Art. II ad 1, Resp. // *Thomae Aquinatis Quaestiones disputatae*. Antverpiae, 1569. P. 127v

⁸ *Augustinus*. *Sermo* L. Cap. V. 7 // *Patrologiae cursus completus. Series latina* / Ed. J. P. Migne. T. 38. 1841. Col. 329.

сотворено Богом»¹. Моральную оценку оно приобретает в зависимости от того, насколько способствует достижению главной цели верующего – спасти душу и узреть Господа². Следовательно, счастье и блаженство человека не может заключаться лишь в земном богатстве³.

Фома был убежден в том, что высшее совершенство предполагает полное отрицание собственности, как частной, так и общественной. Подобные суждения он высказывал, размышляя о правилах монашеского общежития в трактатах, направленных в поддержку нищенствующих орденов. Фома отстаивал идеал добровольной бедности. Он утверждал, что всякое «объединение (*congregatio*), в котором все стремятся к большему совершенству», не должно владеть имуществом даже сообща⁴.

Данные высказывания нередко принимают за свидетельство двойственности и противоречивости воззрений Фомы. Однако мысль схоласта значительно глубже. Из контекста приведенных отрывков следует, что Фома связывал необходимость частного владения имуществом либо его отсутствия прежде всего с социальным статусом человека, с его занятиями и образом жизни. Требование отказа от имущества, соблюдавшееся в общине первых христиан, он не распространял ни на епископов и рядовых монахов⁵, ни на мирян.

Будучи убежден в том, что частное владение возникло лишь после грехопадения и носит условный характер, Фома тем не менее не считал его злом. Он указывал, что все, чем владеет каждый человек, дано ему свыше в качестве «вспомогательного орудия», служащего добродетели и способствующего обретению еще в условиях земного существования низшей степени блаженства⁶. В этом смысле желание обладать «мирскими благами» вовсе не предосудительно, ведь они необходимы для содержания семьи, воспитания детей и помощи бедным (которым сле-

¹ *Thomas Aquinas*. *Catena aurea in Lucae Evangelium*. Cap. XVIII. 4 // *Thomae Aquinatis Catena aurea in quatuor evangelia*. Ed. 7. Taurini, 1915. Т. II. P. 94.

² *Idem*. *Summa theologiae*. I-a – II-ae. Q. 2. Art. I. Resp.; *Ibid.* Q. 5. Art. V; *Sententia libri Politicorum*. Lib. II. Lect. 8. 6. Подробнее см.: *Гуревич А. Я.* Указ. соч. С. 216.

³ *Thomas Aquinas*. *Summa contra gentiles*. Lib. III. Cap. 30.

⁴ *Idem*. *Contra pestiferam doctrinam retrahentium homines a religionis ingressu* // *Thomas Aquinas*. *Opera omnia*. Romae, 1570. Т. XVI. *Opuscula omnia* (P. 105r – 114v). P. 113v.

⁵ *Thomas Aquinas*. *Summa contra gentiles*. Lib. III. Cap. 135; *Idem*. *Summa theologiae*. II-a – II-ae. Q. 188. Art. VII. Resp.

⁶ *Ibid.* I-a – II-ae. Q. 4. Art. VII. Resp.; *Ibid.* II-a – II-ae. Q. 32. Art. V ad 2.

дует отдавать излишки)¹. Фома Аквинский не принимал точку зрения, согласно которой богатые не заслуживают почтения из-за того, что все они без исключения являются грешниками. Он пояснял свои рассуждения на следующем примере: несправедливо выносить решение на суде в пользу того, кто грамотнее (*litteratior*), но если учитывать уровень образованности при выдаче разрешения на преподавание – это не будет лицеприятием. Так и с богатством – когда человека чтят именно за те дела, для которых требуется немалое состояние, прежде всего за благотворительность, ничего предосудительного здесь нет. Примечательно, что Фома добавлял: «В земных государствах богатые занимают более высокое положение», а поэтому их нужно чтить, ибо «в том, чего требует жизнь в мире, нужно придерживаться мирских обычаев»².

Свои выводы Аквинаг постоянно подкреплял рассуждениями о несовершенстве человека, «носящего смертную плоть». После изгнания прародителей из Эдема в душах их потомков укоренилось желание владеть имуществом. Фома утверждал, что большинству людей приятно сознавать себя обладателем какой-либо вещи. Это, по его словам, вполне естественно для человека³. Схоласт вынужден признать, что добровольная бедность под силу только тем, кто презирает преходящие ценности. Все остальные видят в общности имуществ лишь повод к спорам и обману при распределении благ⁴.

Фома выделял три основания, по которым необходимо частное владение имуществом. Во-первых, любой человек гораздо больше заботится о том, что принадлежит ему одному, а не многим. Во-вторых, коллективное владение имуществом порождает небрежение о нем со стороны тех, кто избегает труда. Наконец, общность приводит к спорам и несогласию, прекращающимся только с установлением частного обладания имуществом⁵. Не обладая ничем, человек не может проявить милосердие и щедрость, подать нуждающемуся, оказать должное по-

¹ *Thomas Aquinas*. *Summa theologiae*. II-a – II-ae. Q. 83. Art. VI. Resp.

² *Idem*. *Quaestiones quodlibetales*. X. Q. 6. Art. I. Resp. Скорее всего, высказанная Фомой мысль сложилась под влиянием сочинений Аристотеля. Не стоит думать, что Фома придавал первостепенное значение имущественному положению человека, не учитывая его сословный статус.

³ *Idem*. *Summa theologiae*. II-a – II-ae. Q. 118. Art. I ad 1.

⁴ *Idem*. *Quaestiones quodlibetales*. IV. Q. 12. Art. II ad 1 et ad 5; *Idem*. *Summa contra gentiles*. Lib. III. Cap. 135.

⁵ *Idem*. *Sententia libri Politicorum*. Lib. II. Lect. 4. 3.

чтение и гостеприимство ближнему, писал Фома¹. Комментируя «Политику» Аристотеля, он отмечал, что Сократовы установления хороши только с виду (*in superficie*). Многие видели в них средство для достижения в будущем совершенной дружбы между людьми и для борьбы с «творящимся ныне» злом: обманом при заключении сделок, тяжбами из-за фальшивых завещаний, пресмыкательством бедных перед богатыми. И все же, «если рассуждать правильно», – продолжал он, – все эти несправедливости происходят не оттого, что владения не являются общими, а из-за поврежденной грехом человеческой природы².

Несомненно, в данном случае Аквинат выражает взгляды на частное владение, сложившиеся под сильным влиянием общественно-политической и хозяйственной теории Аристотеля. Однако было бы несправедливо считать точку зрения Фомы, сочетававшую античное наследие с христианской традицией, лишь совокупностью заимствованных у Аристотеля положений. Наиболее приемлемый, по словам Аквината, способ распределения имущества, при котором владение должно быть частным, а пользование вещами – совместным (в случае крайней необходимости все станет общим)³, восхвалялся не только автором «Политики», но и церковными писателями. Фома постоянно напоминал о том, что каждый верующий обязан владеть вещами «не как своими собственными, но как общественными, то есть легко наделять ими тех, кто нуждается»⁴.

В качестве морально оправданных оснований возникновения владельческих прав Фома Аквинский выделял присвоение природных богатств и труд, а также передачу имущества по наследству или в результате справедливых сделок.

Точка зрения Аквината отражает ситуацию, характерную для его эпохи, когда частное владение движимым имуществом, допускавшее определенную свободу распоряжения им, сочеталось с условным землевладением (в том числе в городах)⁵. Вместе с тем одобрение

¹ *Idem*. Summa theologiae. II-a – II-ae. Q. 117. Art. I; Q. 119. Art. VI.

² *Idem*. Sententia libri Politicorum. Lib. II. Lect. 4. 10.

³ *Idem*. Sententia libri Politicorum. Lib. II. Lect. 4. 1; *Idem*. Summa theologiae. I-a – II-ae. Q. 105. Art. II ad 3; *Ibid.* II-a – II-ae. Q. 66. Art. VII ad 3. Ср.: *Аристотель*. Политика. 1263a25–40. С. 410.

⁴ *Thomas Aquinas*. Summa theologiae. II-a – II-ae. Q. 66. Art. II ad 2.

⁵ Подробнее см.: *Хачатурян Н. А.* Город в системе феодальной формации // Вопросы истории. 1983. № 1. С. 69–84.

Фомой совместного пользования вещами отнюдь не означало непрерывной передачи имущества состоятельных граждан в пользу обездоленных.

Тенденции, намеченные Альбертом Великим и Фомой Аквинским, развивались не только представителями томистской школы, но и некоторыми богословами-францисканцами. Влиятельный оппонент Фомы Иоанн Дунс Скот не только следовал сложившемуся в схоластике XIII в. мнению, согласно которому частное владение является уступкой нынешнему, греховному состоянию человечества, ибо «общность всех вещей воспрепятствовала бы мирному общежитию, так как злой и жадный человек захватывал бы больше того, что необходимо...», но и шел дальше Аквината, заявляя, что содержащееся в естественном праве требование общности имущества было отменено (*revocatum*) с изгнанием прародителей из рая¹.

Но все же францисканцы с настороженностью воспринимали процесс пересмотра принятых Католической церковью воззрений на частное владение. По мнению одного из виднейших францисканских богословов – Бонавентуры (ок. 1218–1274), обладание имуществом – не более чем уступка человеческой немощи и житейским нуждам. Удел обычных людей (*secundum statum communem*) – держаться середины в исполнении божественных заповедей, достижение же евангельского совершенства требует оставить все и избрать путь добровольной бедности. Бонавентура назвал ложной точку зрения тех, кто считал полный отказ от владения имуществом искушением Бога². Необходимость наличия у францисканского ордена имущества для достижения благих целей (проповеди, обучения и т. п.) признавалась, но с серьезными оговорками: орден должен владеть им не на основании собственности, а по праву пользования, которое именовалось «бедным», т. е. умеренным, нацеленным лишь на удовлетворение насущных потребностей (*usus pauper*)³.

¹ *Ioannes Duns Scotus. Quaestiones in IV Lib. Sent. Lib. IV. Dist. 15. Q. 2. 5* // Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное / Пер. с лат. И. В. Лупандина, А. В. Апполонова, Г. Г. Майорова. М., 2001. Ч. 5. XIV. 2. С. 540, 542.

² *Bonaventura. De perfectione evangelica. Q. II. Art. I. 5; Corollarium // Doctoris seraphici S. Bonaventurae opera omnia. T. V. Quaracchi, 1891. P. 132, 133.*

³ *Дунаев А. Л. Францисканский орден и движение спиритуалов: история конфликта: (1220–1319). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2009. С. 52–54, 71–72.*

Стремление части францисканцев, принадлежащих к течению конвентуалов, адаптировать к потребностям времени нормы, регулирующие жизнь ордена в отношении владения имуществом, натолкнулось на неприятие со стороны приверженцев течения спиритуалов, радикально отстаивавших идеал евангельской бедности. Интеллектуальный лидер спиритуалов Петр Иоанн Оливи (1248/1249–1298) выступил против основанной на аристотелевском наследии моральной реабилитации частного владения. В «Вопросах о евангельской бедности» Оливи писал: «Я убежден, что мнение Аристотеля о богатстве и человеческом счастье является источником заблуждений Антихриста»¹.

Несмотря на то что точка зрения спиритуалов завоевала немало сторонников как в самом францисканском ордене, так и за его пределами, в конечном счете она была отвергнута папством. Этому в значительной степени способствовала деятельность учившегося у Фомы Аквинского представителя ордена августинцев Эгидия Римского (1246/1247–1316). В созданном между 1277 и 1285 гг. трактате «О правлении государей» Эгидий обосновывал право владения законом природы, неподвластным времени и не зависящим от людского мнения. В его интерпретации право народов рассматривалось как естественное право, сведенное (*contractum*) к тем нормам, которыми регулируется деятельность людей². Признавая полезность общности владений, Эгидий соглашался с наличием частного владения потому, что оно является более приемлемой для «обычных людей» (*communium hominum*) формой имущественных отношений и, как следствие, позволительной после грехопадения. Отказываться от собственности могут только немногие, составляющие исключение и стремящиеся жить «небесной жизнью»³. В трактате «О церковной власти» он одобрял обладание земными благами как в отношении мирян, так и применительно к клирикам⁴.

¹ Цит. по: Гаврюшин Н. К. Споры о спиритуалах в Западной Церкви: Эгидий Римский – критик Петра Оливи // Труды Минской Духовной Академии. № 2. Жировичи, 2003. С. 55–99.

² *Aegidius Romanus. De regimine principum libri III. Lib. II. Cap. III. 25. Romae, 1556 (Unveränderter Nachdruck – Frankfurt, 1968). P. 308r.*

³ Гаврюшин Н. К. Непогрешимый богослов. Эгидий Римский и теологические споры в Западной Церкви (конец XIII – начало XIV вв.). М., 2006. С. 66.

⁴ *Aegidius Romanus. De ecclesiastica potestate. Lib. II. Cap. I // Aegidius Romanus. De ecclesiastica potestate. Hrsg. Von R. Scholz. Weimar, 1929. P. 37.*

В период подготовки к Вьеннскому собору 1311–1312 гг. Эгидий создал сочинение «*Impugnatio doctrinae Petri Ioannis Olivi*» («Опровержение учения Петра Иоанна Оливи»), посвященное критическому разбору учения Петра Иоанна Оливи, в том числе вопроса о владении имуществом¹. Подвергая анализу положение Оливи о том, что «добровольная бедность включается в обеты евангельской бедности прямо и настоятельно», Эгидий писал: «...так как без собственного пользования вещами никто не может жить, поскольку всякий пользуется пищей для поддержания собственного тела и одеждами для предохранения собственного тела от холода или для укрытия собственного тела, то, таким образом, не иметь собственности, насколько [необходимо] для пользования при [исполнении] обетов, не удастся, как обычно и оказывается»².

После того как на Вьеннском соборе взгляды Оливи были осуждены, в декабре 1322 г. папа Иоанн XXII буллой «*Ad conditorem canonum*» закрепил за францисканским орденом права собственности на используемое имущество, а в ноябре 1323 г. в булле «*Cum inter nonnullos*» объявил еретическим утверждение, что Христос и апостолы ничем не владели. Через шесть лет в булле «*Quia vir reprobus*» индивидуальные права собственности были официально признаны как естественные, вытекающие из веления Божьего, наделившего человека властью над землей³.

Таким образом, концепции схоластов XIII–XIV вв., хотя и не выходили за рамки сложившегося в христианском богословии предшествовавших столетий взгляда на обладание имуществом как на «вспомогательное средство» к достижению высшей цели человеческой жизни, т. е. спасения души, и на частное владение как на неизбежную уступку греховной природе людей, подготовили почву для последующего признания католическими теологами моральной допустимости и «естественности» частного владения имуществом, вплоть до тезиса о его существовании в изначальном безгрешном состоянии человечества.

Т. Д. Стецюра (Москва, МФТИ (НИУ))

¹ Гаврюшин Н. К. Указ. соч. С. 300–303, 309–311.

² Там же. С. 303.

³ Потехина И. П., Дунаев А. Л., Кузьмин А. В. Иоанн XXII // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М., 2010. С. 561–567.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Проблема собственности в комплексном пространстве западноевропейского средневекового социума (<i>Хачатурян Н. А.</i>)	5
Р а з д е л I. Явление собственности в параметрах теоретической рефлексии и историописания	14
Собственность: время, пространство, ценности (Некоторые аспекты исторической проблематики) (<i>Юсим М. А.</i>)	14
Проблема «материального соблазна» в историческом знании конца XIX – начала XXI столетий (лимиты и достижения) (<i>Хачатурян Н. А.</i>)	30
Р а з д е л II. «Разделенная» земельная собственность в аграрной сфере средневекового социума и формы ее реализации (условная собственность – феодал, крестьянские держания; сейзина (владение))	60
О соотношении понятий «одадь» и «собственность» в норвежском законодательстве XI–XIII вв. (<i>Агишев С. Ю.</i>)	60
Magnus labor est, quia non sum liber: формы натуральных, отработочных и денежных повинностей в Западной Европе VI–IX вв. (по материалам законодательных источников) (<i>Земляков М. В.</i>)	86
От старого к новому. Трансформация системы ленных владений в Ливонии во второй половине XVI – начале XVII в. (<i>Вебер Д. И.</i>)	105
Р а з д е л III. Собственность и земельные держания в средневековом городе. Корпоративная собственность в ремесле	123
Условная собственность на ремесло в Париже XIII в. (<i>Кириллова Е. Н.</i>)	123
Право собственности, владение и держание в актах Феррары XIV в. (<i>Срединская Н. Б.</i>)	146
Землевладение и городская недвижимость английского купечества XIV в. (на материале Лондона) (<i>Чернова Л. Н.</i>)	164

Тяга горожан к земельной собственности (на примере контадо Флоренции XIV–XV вв.) (<i>Краснова И. А.</i>)	192
Р а з д е л IV. Проблема собственности в правовом и государственном пространстве средневекового социума	210
Английский манор XVI – начала XVII в. как мир владельческих иерархий (<i>Винокурова М. В.</i>)	210
Феод у британских юристов начала XVII в. (<i>Паламарчук А. А.</i>)	225
Правовые основания, политические предпосылки и социальные последствия апроприации должностей во французской королевской администрации XIV–XV вв. (<i>Цатурова С. К.</i>) . .	247
Король – арбитр в спорах о правах на имущество между мусульманами (<i>Варьяш И. И.</i>)	269
Р а з д е л V. Налоговая и финансовая политика в эволюции средневековой государственности	277
Внедомениальные доходы английской короны при первых Стюартах (<i>Федоров С. Е., Паламарчук А. А.</i>)	277
Практика государственного налогообложения движимой и недвижимой собственности в Англии конца XVI – начала XVII в. (<i>Митрофанов В. П.</i>)	294
Владельческие права на королевские должности во Франции XVI в. (<i>Алтухова Н. И.</i>)	312
Налоговая система Франции в 50-х гг. XVI в. (по данным венецианских послов) (<i>Третьякова М. В.</i>)	328
Р а з д е л VI. Явление собственности в средневековом интеллектуальном и народном сознании	342
Ритуальные практики и наследование земли в средневековой Ирландии и Уэльсе (<i>Федоров С. Е.</i>)	342
Движимое имущество в правосознании франкского общества VIII–X вв. (<i>Капранова Е. Ю.</i>)	354
Проблема собственности в христианской литературе раннего Средневековья (<i>Кудрявцев О. Ф.</i>)	368
Категория собственности в схоластике XIII – начала XIV в. (<i>Стецюра Т. Д.</i>)	380